1987

Молодая гвардия

12

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

Основан в 1922 году

Москва, ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

● ТРИБУНА ПУБЛИЦИСТА

Интернационализм в действии

Александр ПЕВСКИЙ. **Как брат брату...** 3

● ПОЭЗИЯ

Юрий ГУСИНСКИЙ. **День начнется с утра.** Поэма 19

●

С. ЖДАНОВА, Д. ФИРСОВА. **Часы и минуты Октября.** Хроника. Окончание 33

● ПОЭЗИЯ

Анатолий ПАРПАРА. **Дальневосточные стихи** 92

● НАШИ ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Александр ТВЕРДОХЛЕБ. **Свежая листва.** Стихи 97

● ПРОЗА

Юлиан СЕМЕНОВ. **Экспансия-III.** Роман. Окончание 100

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «ТОВАРИЩ» 129

● СТИХИ МОЛОДЫХ

Игорь ТЮЛЕНЕВ. **Я помню отчие пределы** 208

● ИСКУССТВО

На фронтах идеологической борьбы

Ан. ДОРОНИН. **О роке — без прикрас** 213

● ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Перестройка и литература молодых

Александр БАЙГУШЕВ. **Преодоление.** Статья третья 229

Ирина ШЕВЕЛЕВА. **Заповеданное счастье.** О современной молодой советской поэзии 252

● НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

А. ПОДБЕРЕЗКИН. **Новое мышление в ядерный век.** Вад. ДЕМЕНТЬЕВ. **Чувство сопричастности.** Р. СКРЫННИКОВ. **Страницы истории.** Андрей ИВАНОВ. **Титан просвещения** 272

Содержание журнала «Молодая гвардия» за 1987 год 284

Первая страница обложки журнала: «Поиск». Фотоэтюд К. Кириллова
Вторая страница обложки журнала: Троицкая башня Московского Кремля. Фото К. Кириллова
Четвертая страница обложки журнала: «Зимние радости». Фото К. Кириллова

«Молодая гвардия», 1987, № 12, 1—288

Наш адрес:

125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны редакции: приемная — 285-56-90; отдел прозы — 285-80-55; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; секретариат — 285-80-16.

Подписка на журнал ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» принимается без ограничений с любого месяца года

© «Молодая гвардия», 1987 г.

ТРИБУНА
ПУБЛИЦИСТА

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ В ДЕЙСТВИИ

Александр НЕВСКИЙ

КАК БРАТ БРАТУ...

Передо мной стопка сочинений, написанных грузинскими школьниками. Все они посвящены теме интернационального воспитания. Читаешь их и думаешь: как же в последнее время граждански повзрослели эти парни и девушки! Как усложнились их взгляды на сегодняшнюю жизнь! «Это неправда, когда сейчас кто-то упрекает молодежь в том, что среди нас стало меньше патриотизма, что мы потеряли интерес к отечественной истории и культуре. Просто взрослым нужно поменьше нам лгать и не бояться говорить правду в глаза. Правду мы всегда поймем, какой бы горькой она ни была, а вот ложь не простим никогда. В прошлые годы даже газеты приукрашивали жизнь — произошло стихийное бедствие, а нас успокаивают: «Жертв и разрушений нет», — размышляет чиатурский десятиклассник Теймо Баладзе. — В некоторых республиках происходили националистические выступления молодежи, а мы опять ничего об этом не знали. Кому была нужна эта ложь? Меня и моих товарищей волнует все, что происходит в родной стране. Нас не нужно успокаивать и утешать. Нам нужна правда. Когда случились события в Алма-Ате, мы с ребятами

очень переживали и возмущались поведением отдельных отщепенцев. Кто их подговорил? Как они посмели поднять руку на самое великое завоевание нашего общества — интернациональное единство?»

Да, это уже не школярские рассуждения, а мысли человека, идейно убежденного, настоящего комсомольца, который хочет понять жизнь во всей ее сложности. Я думаю, что еще несколько лет назад этот парень вряд ли осмелился бы откровенно рассказать о том, что его волнует, тревожит. А разве наша пресса в прежние годы, предшествующие апрельскому (1985 г.) Пленуму ЦК КПСС, могла бы так остро поставить вопросы о недостатках в интернациональном воспитании молодежи? В этом видится особенность сегодняшнего времени — времени перестройки и гласности, демократизации нашего общества. Времени, когда молодым стали больше верить и доверять, надеясь на их сознательность, политическую зрелость, преданность идеям перестройки.

Советские люди многого ждут от перестройки, происходящей в экономической, духовной, политической жизни страны, от процессов демократизации советского общества. Многого ждут комсомольцы и молодежь. И не только ждут в роли сторонних наблюдателей, но и активно участвуют в этой работе.

Комсомол Грузии шефствует над основными отраслями народного хозяйства республики, 8 всесоюзными, 14 республиканскими, более чем 300 местными ударными комсомольскими стройками. Парни и девушки трудятся на строительстве Транскавказской железнодорожной магистрали, Худорской и Ингурской гидроэлектростанций, новых промышленных предприятий в Марнеули, Тбилисского метрополитена. Грузинские комсомольцы работают также на дальнейшем обустройстве Байкало-Амурской магистрали, строительстве сельскохозяйственных объектов Вологодской области, теплоэнергетических комплексов Тюмени и Татарской АССР. Плечом к плечу с русскими, армянами и азербайджанцами, украинцами и узбеками, посланцами других народов нашей страны грузинские, абхазские и осетинские юноши и девушки участвуют в осуществлении грандиозной программы социально-экономического развития нашей Родины.

1987 год — год особенный: год 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции, год поворотных в нашей жизни решений январского и июньского Пленумов ЦК КПСС, XX съезда комсомола. А в нынешнем месяце мы отмечаем 65-летие образования СССР. Праздник единства и интернациональной дружбы всех народов нашей необъятной Родины.

Здесь говорят, что интернационализм в крови у грузинского народа. Зарождение дружественных отношений между народами Грузии и России имеет многовековую историю, чему есть немало свидетельств в исторических исследованиях, в произведениях русских и грузинских писателей. Но только после заключения Георгиевского трактата, скрепившего союз двух народов, сбылась мечта многих людей, патриотов, передовых государственных деятелей Грузии, на протяжении долгих веков боровшихся за соединение с Россией. Они считали этот путь единственно верным и надежным средством сохранения грузинской нации и всей самобытной культуры. Этот день 24 июля 1783 года, когда «со свитой, состоящею в двадцати четырех человеках по учрежденному церемониалу, всеми встречены и препровождаемы, прибыли в Ге-

оргиевскую крепость посланцы царя Картли и Кахетии Ираклия II», стал величайшим в истории Грузии. Подписание трактата состоялось в штаб-квартире командующего Кавказской линией, находившейся в центре крепости. В 70 шагах от церкви, сохранившейся до наших дней. Со стороны России договор, соединивший два народа, подписал генерал-поручик Павел Сергеевич Потемкин, а со стороны Грузии — полномочные князья Иоанн Константинович Мухранбатони и Гарсеван Ревазович Чавчавадзе.

Георгиевский трактат был рожден постоянным стремлением обоих народов к объединению. Союз, заключенный 204 года назад, оказался прочным и нерушимым. Он стал надежным щитом от посягательств врагов на грузинские и российские земли. Залогом дружбы и братской верности. Грузинский народ наконец-то смог свободно вздохнуть и заняться мирным трудом, стать на дорогу экономического и культурного развития при тесном сотрудничестве с русским народом.

Грузинский поэт Акакий Церетели, думая о будущем, завещал грядущим поколениям: идти вместе с рвущейся к свету молодой Россией. Эта мечта сбылась.

Плоды братской дружбы особенно ярко проявились в годы революционного подъема, незабываемые дни Великого Октября.

Недавно на встрече с молодежью ветеран революции и гражданской войны, член партии с 1919 года, житель Абхазии Михаил Игнатьевич Муратов рассказывал:

— Мне было тогда 19 лет, краснопресненскому рабочему, участнику революционных боев в октябрьской Москве. В нашем отряде вместе с русскими воевали за Советскую власть два грузина — Важа и Георгий. Лихие были ребята, отличные бойцы. Они мне много рассказывали о Грузии. Я уже тогда полюбил этот народ, этот край. И вот вскоре мне пришлось бороться за рабоче-крестьянскую власть на Кавказе... Мне посчастливилось быть лично знакомым с Кировым и Орджоникидзе, Цхакая и Махарадзе... Грузия стала для меня второй родиной. И сейчас я думаю, что во всех тяжких испытаниях, выпавших на долю нашей страны, молодому социалистическому государству помогли выстоять преданность идеям Ленина, дружба и интернациональное единство.

Мне скоро 90 лет, но до сих пор чувствую в душе себя молодым и посильно вместе с товарищами из совета ветеранов стараюсь участвовать в перестройке. Встречаюсь с комсомольцами, рассказываю им о своей боевой молодости, о борьбе и вере. И нам, ветеранам, радостно видеть, что юноши и девушки в большинстве своем у нас растут настоящими интернационалистами, патриотами своей страны, — тут он посмотрел на своих старых друзей и спросил:

— Верно, говорю, Муши Лаврентьевна Хашба? А ты как думаешь, Сергей Никифорович Цолая? А какое у тебя мнение насчет молодежи, старый большевик Федор Прокофьевич Глумной?

— Хорошие ребята! Советские люди растут!

Все ветераны были единодушны в этом мнении.

Да, Михаил Игнатьевич прав: интернационализм — основа всего коммунистического воспитания молодежи, ее идейно-политической и нравственной зрелости.

В Грузии живут представители свыше семидесяти наций и национальностей — грузины, русские, армяне, украинцы, азербайджанцы, осетины, абхазцы, греки, курды, евреи, чеченцы, эстонцы,

белорусы, татары... Я думаю, что сама жизнь в столь многонациональной республике является воспитателем интернационализма, воистину братских отношений между людьми. У всех общие идеалы, общие радости и проблемы, заботы и трудности. Наконец, одни и те же задачи, которые здесь вместе сегодня решают, которые всех волнуют: внедрение новой техники, переход на полный хозяйственный расчет, самофинансирование и самоуправление, повышение качества продукции и ее конкурентоспособности.

В республике созданы и действуют сотни комсомольско-молодежных коллективов во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства. Здесь не ставили целью сделать их все интернациональными для галочки. В настоящие бригады, где умеют работать творчески, людей прежде всего подбирают по способностям. Но вот что примечательно: именно в тех коллективах, где трудятся ребята разных национальностей, работа идет интереснее и результативнее.

В прошлом году премию комсомола Грузии за создание роботизированных участков производства получил комсомольский творческий молодежный коллектив Зураба Сескурия из Тбилисского авиационного производственного объединения имени Димитрова.

— У нас в КТМК работают инженеры-конструкторы нескольких национальностей. Мы с Важей Маградзе — грузины, Вадим Федосов — русский, Эдик Самедов — азербайджанец, — рассказывал мне как-то Зураб. — Конечно, язык техники — универсален, но каждый в общую работу вносит что-то и от своего национального характера и природного темперамента. В общем, дополняем друг друга. Больше того — каждый из нас владеет тремя языками, так что в зависимости от настроения можем общаться между собой на любом. А в свободное время любим проводить национальные вечера: сегодня Вадик нас кормит блинами, завтра мы с Важей угощаем ребят лобио или сациви, а потом Самедов потчует всех пловом...

Шутка шуткой, но именно в таком коллективе, где каждый член является своеобразной личностью, и рождаются большие идеи. Так, изобретения Сескурия и его коллег принесли производству свыше 154 тысяч рублей экономического эффекта.

Отлично работает комсомольско-молодежная бригада Грузспортремстроя Сергея Болдырева. Он и его товарищи — Зураб Ганебашвили, Семен Осипов и Георгий Божадзе, Игорь Фролов и Петр Джавров создают световые табло, которые пользуются большим спросом на стадионах страны.

А взять КМК с производственного объединения «Тетрони», где групкомсоргом работает Ирина Савченко. Ирина со своими товарищами — Наной Шалоян, Иосифом Каракозошвили и Верой Фесенко за свою продукцию ни разу не краснели перед строгими госприемщиками. На их участке действует школа передового опыта.

Правофланговыми перестройки здесь в республике называют комсомольскую бригаду строителей Тбилисского ДСК-2 лауреата премии комсомола Грузии Александра Ткаченко; коллектив сухумского производственного объединения «Оргтехника» Игоря Авинздбы, КМК телефонисток члена ЦК ЛКСМ Грузии Елены Федоровой, работницу объединения Грузхимфармпрепарат Марину Мурадян, проходчика квансисского рудоуправления Симбы Гагиева,

молодую монтажницу завода «Заря» Галину Балабанову, механизатора Лали Отиашвили, чаевода колхоза села Шемокмеди, депутата Верховного Совета Грузинской ССР Марину Еркомаишвили, рабочего строительно-монтажного поезда «Грузтюменьстрой» Дмитрия Бедоишвили. Да разве всех назовешь! В том-то и дело, что комсомольцев, которые все силы отдают работе, стремятся работать по-новому, таких людей — очень много. Если сказать честно, им не нужно особенно перестраиваться — они всегда трудились на совесть. В первую очередь нужно перестраивать свою работу хозяйственным и комсомольским органам, которые еще нередко далеки от серьезных забот и интересов молодежи.

И в Грузинской ССР молодежь всех национальностей острее всего волнуют производственные и социальные проблемы, вопросы взаимоотношения поколений, борьбы комсомольцев за свои права.

Представьте ситуацию: на Цхакаевском ковровом комбинате, Батумском нефтеперерабатывающем заводе средняя зарплата молодых новичков производства в течение ряда месяцев не превышала 15—20 рублей.

А между тем комитеты комсомола проводили заседания, собрания, рассматривали и обсуждали «общие», ничего практически не дающие вопросы и ни разу не заинтересовались конкретной судьбой молодых рабочих, их положением в цехах. Ничего не предприняли для оказания новичкам практической помощи.

В одной комсомольской бригаде мне рассказали, что иные цеховые руководители ведут себя как удельные князьки, сами решают, кому дать побольше заработать, а кого наказать рублем.

— Некоторые администраторы любят тихих и покладистых рабочих, порой закрывают глаза на их нарушения: пусть кто-то с похмелья на работу приходит — такого прижмешь и он молчит. А мы молчать не будем! — говорили ребята. — У нас такое подозрение, что бюрократам выгодно ссорить рабочих разных поколений. Людей в возрасте пугать молодежью: дескать, они хотят у вас высокооплачиваемую работу отобрать. А молодым кивают на ветеранов: мол, вы же сами видите, какие они рвачи, своего никогда добровольно не отдадут.

— А как же комитет комсомола и вы сами отстаиваете перед администрацией свои права? — спросил я у молодых рабочих. — Чего боитесь?

— А наш комитет перед дирекцией польку-бабочку выплясывает, все делает по указке «сверху».

Да, многим комсомольским организациям, их руководителям и активистам еще не хватает боевитости, умения защищать права и интересы молодежи. Многие привыкли работать по подсказке и по указке. Конечно, в этом виноваты горкомы и райкомы комсомола, отделы ЦК ЛКСМ Грузии. На протяжении долгого времени они нередко подменяли инициативу коллективов администрированием, так сказать, волевыми решениями. А с другой стороны, и ЦК ВЛКСМ в прежние годы часто требовал не столько творческой самостоятельности, сколько выполнения своих постановлений и директив. XX съезд комсомола наконец поставил вопросы о расширении и углублении внутрисоюзной демократии, развитии самодеятельности и самостоятельности комсомольских организаций. Теперь комитетам предоставлены все возможности для самостоятельного, инициативного поиска, творчества, эксперимента.

Впервые за долгие годы в большинстве организаций комсомольцы сами выбирают своих секретарей и активистов. Например, первым секретарем Руставского горкома единодушно избрали молодого энергичного сталевара Тенгиза Маруашвили. Избрали не «по анкете», а по способностям.

Раньше как было? Во время отчетов и выборов прежде всего смотрели, чтобы кандидат в комсомольские руководители обязательно был коренной национальности, имел высшее образование. Пусть даже он пользуется меньшим авторитетом, чем другие активисты, зато, дескать, у него «подходящая анкета». А теперь же прежде всего исходят из интересов дела, личных качеств будущего комсомольского секретаря. Сегодня ряд райкомов, первичных организаций возглавляют русские, армяне, украинцы, курды, азербайджанцы. Например, первым секретарем Глданского райкома Тбилиси является Валентин Чернов, а его коллегой в Цалкском районе — Семен Попов. Алхалакский райком комсомола возглавляет Вано Меликян... Таких примеров можно привести много. Впрочем, это даже не примеры, а нормальное положение дел, повседневная жизнь.

В резолюции XX съезда ВЛКСМ подчеркивалось: «Ленинский комсомол и впредь обязан воспитывать молодежь в духе преданности Советской Родине, пролетарского, социалистического интернационализма, дружбы и братства наций и народностей СССР, нетерпимости к любым проявлениям национализма и шовинизма, повышать культуру межнационального общения молодежи, конкретно участвовать в формировании многонациональных производственных и учебных коллективов, всемерно поддерживать стремление юношей и девушек к изучению русского языка, активнее влиять на улучшение его преподавания в школе».

Все комсомольцы здесь в республике хорошо владеют русским языком, многие грузины учатся в русских школах. А вообще в Грузии преподавание ведется на шести языках. Каждый волен самостоятельно сделать выбор. Но вот что примечательно, многие русские юноши и девушки, молодежь и подростки других национальностей сейчас испытывают большой интерес к грузинскому языку и культуре. Большинство молодых людей и подростков, будь то украинцы, греки, азербайджанцы, курды — хорошо владеют также и грузинским языком. Это закономерно: человек должен знать язык коренной национальности республики, в которой он живет.

Мне, конечно, трудно судить о ситуации, которая привела к националистическим выступлениям некоторых молодежных групп в Казахстане и Прибалтике, но, очевидно, что тут дало себя знать бескультурье и политическая безграмотность. Я думаю, что к этому приложили руку и некоторые наши идейные противники. Подлинный интернационалист — это всегда человек, обладающий внутренней культурой, уважением ко всем людям, независимо от того, к какому бы народу они ни принадлежали. К чужим традициям. Наконец, к чужому мнению.

Интернационализм — это взаимопонимание и любовь сынов и дочерей разных народов — величайшее завоевание нашего государства, ленинской национальной политики партии, основа могущества нашей Родины. И молодежь должна его укреплять и беречь.

Комсомольские организации Грузии ведут активную работу по

воспитанию молодежи в духе интернационализма и нерушимой дружбы народов нашей страны. Лучшая школа интернационализма — это братская взаимопомощь. Очень точно сказал поэт, что «чужого горя не бывает». И особенно для советского человека.

Именно как большое личное горе восприняли в Грузии трагедию, происшедшую на Чернобыльской АЭС. Здесь в республике не было ни одного коллектива, ни одной семьи, которая бы посильно не помогла украинским братьям, пострадавшим от аварии, отправив на банковский счет чернобыльцев денежные средства, а то и просто посылки с вещами, фруктами... Сотни семей приняли на отдых жители Абхазии и Аджарии. Был организован оздоровительный лагерь для украинских и грузинских детей в Цхварчамиа.

В июле прошлого года ЦК ЛКСМ Грузии сформировал сводный комсомольский строительный отряд «Грузия», который был направлен в Киевскую область под командой Александра Чачанидзе, секретаря комитета комсомола института физкультуры. В него вошли студенты-стройотрядовцы из разных вузов республики. Вместе с комсомольцами из Львова эти ребята строили новые дома для переселенцев в селе Николаевка.

— Я не могу сказать, кто работал лучше, кто хуже. Все трудились одержимо, не глядя на часы. Бывало, спрашиваю: что, мол, парни, сутки пополам? Отвечают: давай прожектора — будем и по ночам работать. За неполный месяц мы поставили три дома с подворьем, сделали спортплощадку для деревенских ребятишек, отреставрировали памятник погибшим воинам Великой Отечественной... — Так рассказывал потом дома командир отряда. — Между прочим, за освобождение Николаевки погибли и два грузинских воина — Резо Лория и Зураб Беридзе. Мы им на могилу положили горсть нашей грузинской земли... Когда закончился срок работ, ребята сами решили еще потрудиться в украинском селе, чтобы заработанные средства перечислить в Чернобыльский фонд и Фонд мира.

Да, на всю жизнь запомнят эти дни комиссар Гела Кахидзе, врач отряда Заза Хелашвили, абхазские студенты Алик Лакоба и Амиран Бердения, Георгий Шавадзе и Хирбей Сангулия — все 32 грузинских парня, которые самоотверженно трудились на братской земле. ЦК комсомола Украины наградил их почетными грамотами. Но, пожалуй, самой большой наградой для ребят стало коллективное письмо жителей Николаевки: «Спасибо вам, сынки, за хорошие дома, за вашу добрую работу и щедрые сердца. Ждем вас в гости в любое время».

Я уверен, что эти ребята еще не раз приедут в Николаевку — они стали родными для жителей украинского села.

А вскоре и на землю Грузии пришло время испытаний. Трудно без сердечной боли и волнения рассказывать, какая беда обрушилась на целый ряд районов Грузии, подвергнув их большой опасности. Например, Сванетию только за две недели завалило девятиметровым слоем снега. 9 января сорвалась первая лавина с гор, которая погребла под собой село Жамуши. Было снесено десять домов, погибло 26 человек...

Помнят люди день, когда на вертолете облетали пострадавшие населенные пункты: иной раз не находили и места, где стояли села, если б не каменные башни, высящиеся в снегу. Только в

Местийском районе пострадали 28 селений: Веди, Муркмели, Чери, Мулахи, Ишгули, Идлиани...

В Местиа был создан штаб по борьбе со стихией уже на следующий день после схода первой лавины. И сразу же начались работы по спасению людей. Прежде всего требовалось провести срочную эвакуацию населения. Однако многие села оказались совершенно отрезанными от внешнего мира, потому что была прервана не только телеграфная, но и радиосвязь. Тогда по своей инициативе в Дизи пошла группа монтажников во главе с Гулатом Джапаридзе. Им удалось восстановить связь между Местиа и Дизи, а потом и Хаиши.

На спасение людей первыми пришли воины Закавказского военного округа, летчики гражданской авиации, альпинисты-горнолыжники.

...Дома стояли, затопленные наполовину. Жители села Чаладиди, что неподалеку от Поти, ждали помощи: кто на крышах домов, кто на деревьях... А вода в Риони все прибывала.

«Едут! Едут!» — вдруг раздался чей-то радостный возглас. И вот люди увидели армейские машины. Одна, вторая, третья, целая колонна. Бронетранспортеры плыли прямо по воде к домам. Всех, кто нуждался в помощи, спасли и вывезли на твердую землю, в безопасное место.

В четвертый раз вошел бронетранспортер Рахипа Мамедова в Риони. До этого Рахип и его товарищи уже освободили из плена стихии 28 человек. И вдруг машина попала в водоворот. Ее развернуло и понесло по течению.

— Ребята, быстро из машины! — скомандовал Рахип.

Он до последнего мгновения помогал товарищам выбраться из бронетранспортера, а сам, пытаясь его спасти, попал в критическую ситуацию. После удара тяжелой машины о мост через поврежденные люки хлынула вода. Второй удар оказался для Мамедова роковым...

Что же это за парень, который, пожертвовав своей жизнью, спас армейских друзей, десятки жителей Чаладиди?

Член бюро комсомольской организации роты, отличник боевой и политической подготовки Рахип Мамедов накануне вернулся из отпуска, который проводил в родном селе Карадаглы, что в Агдамском районе Азербайджана.

— Ничего, дорогие, скоро закончится служба и я приеду домой, — говорил он, прощаясь с отцом и матерью, сестрами и младшим братом.

Однако домой не довелось вернуться этому смелому азербайджанскому юноше — он геройски погиб, выполняя свой человеческий, гражданский и воинский долг. Погиб, спасая от разбушевавшейся стихии жителей братской Грузии.

И вот в селе Чаладиди открылся мемориал, построенный по проекту художника Г. Мизандари грузинскими, русскими, армянскими и азербайджанскими комсомольцами. Мемориал Рахипа Мамедова.

Хорошо помнят люди тот торжественный и щемящий день. Говорили о Рахипе — его сестра и брат, спасенные им жители...

— Если бы машина, которую вел Мамедов, опоздала хотя бы на минуту, меня бы не было в живых, — со слезами в голосе рассказывала Теона Букия, чаладидская школьница. — Я ему обя-

зана своей жизнью и жизнью своих будущих детей. Если у меня будет сын, я обязательно назову его Рахипом.

— Мамедова долго искал вертолет, — говорил первый секретарь Хобского райкома партии Зураб Эрквания. — Рахип мог спастись, но не сделал этого — на броне были женщины и дети. Он думал прежде всего о них, о себе он не думал...

О себе он не думал... Самоотверженность и бескорыстие — вот, пожалуй, главные черты настоящего интернационалиста, каким был дорогой для всех нас азербайджанский юноша Рахип Мамедов.

А разве думали о себе в те трагические дни летчики Кутаисского авиаотряда Гоча Хизанишвили и Роберт Оганян, Зейнал Икаев и Геннадий Габаташвили, делая в любую погоду десятки ежедневных вылетов? Эти парни и их товарищи спасли тысячи людей. Разве думали о себе южноосетинские механизаторы Виктор и Борис Мамитовы, Чермен Кокеев и Анатолий Гузитаев, Гиви Хугаев и Ахмат Цховребов, — которые днем и ночью работали, расчищая горные дороги? А первый секретарь Джавского райкома комсомола Слава Джигкаев со своими помощниками, которые откапывали фермы и вывозили скот на «большую землю»? А главный зоотехник Рукского совхоза Дудар Козанов, спасший стадо яков, затерявшихся в снежных горах?..

О каждом из них можно рассказывать. Да и не только о них — вся республика пришла на помощь людям, пострадавшим от стихии. Например, сванские семьи приняли жители Марнеули, отдав им благоустроенные квартиры в новых домах. Впрочем, не только Грузия, но и вся страна беспокоилась о своих братьях, попавших в беду.

Из самых разных мест Советского Союза приходили денежные переводы, посылки переселенцам.

Именно тогда старый колхозник из Мулахи Демури Навериани сказал своим внукам:

— Какое счастье, дети, что мы живем в такой стране, где брат всегда придет на помощь брату, где никого не оставят наедине с бедой. Самое главное богатство в жизни — дружба, идущая из сердца.

Нельзя без волнения читать телеграммы и письма, которые приходили в адрес пострадавших от снежной стихии:

«Дорогие мои братья и сестры! Пишет вам старая сибирячка из Иркутской области Зоя Павловна Игнатова. У нас с сыном большой дом и хорошее хозяйство — приезжайте к нам, живите на здоровье».

А вот строки из письма семьи Хайдаровых из Таджикской ССР: «Мы и наши односельчане ждем вас в гости. Готовы разделить свой кров и все, что имеем. Наш дом — ваш дом. Высылаем на дорогу пятьсот рублей. Если будет надо, соберем больше. Любим и гордимся вашим мужеством...»

Огромную заботу продемонстрировало Политбюро ЦК КПСС, приняв специальное постановление о мерах, направленных в помощь пострадавшим от стихийного бедствия районам Грузии.

Да, интернационализм, взаимопомощь в крови у советского народа. В какой еще стране можно найти такие сердечные и добрые отношения между людьми разных национальностей!

И здесь я хочу рассказать еще об одном человеке, хотя он живет не в Грузии, а в соседней Армении и работает водителем

первого ереванского таксомоторного парка. Это — Николай Федорович Варданян.

Познакомились с ним на открытии мемориала Рахипу Мамедову. Признаться, сначала удивились, увидев среди молодых строителей мужчину с сединой на висках. Поинтересовались. Им ответили: это дядя Нико Варданян из Еревана, который по собственной инициативе во время отпуска приехал помогать пострадавшим в Чаладиди.

А началось все с телепрограммы «Время», в которой сообщалось о стихийных бедствиях в западных районах Грузии. Утром следующего дня на стол начальника таксопарка легло заявление Варданяна с просьбой предоставить ему отпуск за свой счет. Было это 20 марта. Свой личный месячный план таксист выполнил за две декады, а оставшимися 10 днями решил распорядиться так, как подсказало ему сердце.

22 марта он был уже в Хоби. Приехал и огорчился. Оказалось, что участвовать в спасательных и восстановительных работах ему не придется — опоздал. Но не возвращаться же назад! С вокзала пошел прямо в райком партии. Первый секретарь Зураб Эрквания выслушал Варданяна и сказал: «На днях начинается строительство мемориала Рахипу Мамедову. Можете принять в нем участие». О гибели солдата Варданян уже читал и слышал немало. По возрасту тот был бы Николаю Федоровичу сыном. И вот на следующий день он уже приступил к работе вместе с комсомольцами.

Познакомившись с Варданяном, удивились его молодому задору, щедрости и бескорыстному сердцу. Но потом, узнав, что для Николая Федоровича подобная «командировка» во время отпуска стала традиционной, удивились еще больше. Оказывается, каждый год, получив отпускные, он уезжал работать туда, где сложилась критическая обстановка, где больше всего требовались его руки. Например, Варданян узнал, что в хозяйствах Арташатского района родной Армении идут ливневые дожди, задерживается уборка винограда. И что вы думаете? Он берет билет и в воскресенье едет в колхоз села Берканиш на помощь виноградарям. За один день Николай Федорович собрал свыше тонны винограда. И в таком темпе он работал до тех пор, пока не убрали весь урожай. Когда ему предложили получить в бухгалтерии заработанные деньги, Варданян отказался: дескать, я приехал помочь хозяйству, а не за рублем. И в тот же день все деньги до копейки перечислил в Фонд мира.

А потом была Донецкая область Украины, куда он «без приглашения» приехал во время хлебной страды. Варданяну, как опытному шоферу, выделили новый грузовик — он отказался, предложил отдать его молодому водителю. А сам для себя высмотрел старую «Колхиду», которую давно решили списать. И ничего, после трех дней ремонта он уже возил на ней хлеб. И так Варданян проводил свой отпуск три года подряд. И три года подряд он увозил с собой в Армению алую ленточку передовика, а главное — любовь и уважение украинских хлеборобов.

А прошлым летом Николай Федорович, закончив уборку на донецких полях, повез машину овощей в Чернобыль для строителей поселка переселенцев. И весь свой заработок перечислил в фонд помощи пострадавшим от аварии на Чернобыльской АЭС.

Вот такой этот человек, армянский водитель Николай Федорович Варданян. Настоящий патриот, настоящий интернационалист!

В последнее время наша пресса очень много пишет о людях, которые умеют хорошо работать и хорошо зарабатывать. Это, конечно, прекрасно. Но ведь деньги — это не все. И не надо из них делать фетиш. Для себя каждый будет стараться заработать, тут ничего удивительного нет. Зато у нас вызывают удивление вот такие бессребреники, как Варданян, которые прежде всего по зову своего сердца приходят туда, где больше всего требуются их руки, их помощь. А что тут удивляться? Надо у них учиться жить — самоотверженно, бескорыстно, по-коммунистически. Вот пример для нашей молодежи. И ведь таких людей в жизни много. Как же без них!..

Настоящий интернационалист — это человек дела, умеющий совершать бескорыстные и благородные поступки. Это человек с четкой нравственной позицией. На XX съезде ВЛКСМ подчеркивалось: «В минувшие годы мы нередко забывали, что подлинная нравственность не существует вне поступка, что именно поступок и является признаком наличия или отсутствия нравственной позиции». Наверное, поэтому некоторая часть нашей молодежи потеряла доверие к красивым словам и лозунгам, подменявшим дело, конкретный поступок.

Михаил Сергеевич Горбачев, выступая на комсомольском форуме, высоко оценил личные качества наших воинов, которые выполняли и выполняют свой интернациональный долг в Афганистане. Это поистине передовой отряд советской молодежи.

Немало парней из Грузии доблестно отслужили, помогая защищать братскому народу завоевания Апрельской революции. Нельзя без горечи и боли думать о тех, кто погиб смертью храбрых, нельзя без глубокого уважения и заботы относиться к тем воинам, кто вернулся домой инвалидами, потерял свое здоровье, выполняя интернациональный долг.

Помощь семьям погибших, помощь бывшим воинам-инвалидам, работа с солдатами-интернационалистами — все это прямая обязанность всех комсомольских организаций.

В апреле каждого года в республике будет проводиться День памяти воинов, погибших при исполнении интернационального долга.

Если сказать откровенно, комсомол только начинает эту работу по оказанию помощи семьям погибших, солдатам и офицерам — инвалидам. Много еще равнодушия, непонимания, что все мы в долгу перед этими людьми. В некоторых комсомольских организациях еще мало проявляют заботы и внимания по отношению к ним, их женам и матерям.

В абхазских селах Акваска и Моква покосились дома, где живут родители погибших воинов, кавалеров ордена Красной Звезды Серапиона Тарбы и Геннадия Ставрати. К их могилам с каждым годом все реже приходят местные пионеры и комсомольцы... Матери Ставрати Татьяне Васильевне даже в военкомате отказали помочь отремонтировать дом...

Горькие это примеры, но не говорить о них нельзя. Я знаю, что они встречаются не только в Грузии.

Бывают и забытые среди тех, кто вернулся из Афганистана домой инвалидами, но без высоких наград.

Комсомольцы и пионеры любят обычно шефствовать над героями и орденоносцами, людьми известными, живыми и здоровыми. Им-то помогут, создадут условия, отбоя не будет от приглашений на всевозможные вечера... Конечно, такое шефство доставляет только приятные хлопоты, тут не требуется милосердие, жертвенность. Но разве «рядовые» ветераны меньше нуждаются во внимании и заботе?

Сейчас во многих городах и районах Грузии уже созданы советы молодых интернационалистов. Например, в Сухуми им руководит рабочий объединения «Оргтехника» Омар Гамахария. В совете — 66 человек. Среди его инициаторов — кавалеры ордена Красной Звезды Тахир Мурсалов и Борис Рябых, Гия Бечвая и Иван Тарба.

— Мы в совете решили вести активную работу в школах и техникумах по подготовке ребят к службе в армии. Особое внимание будем уделять трудным подросткам, — рассказывает Омар Гамахария. — Сейчас нам выделили помещение при Доме культуры работников торговли, приводим его в божеский вид. Там будут действовать различные кружки — атлетический, военно-прикладных видов спорта. Одной из главных задач своего совета мы считаем оказание помощи семьям погибших и инвалидов, тем, чьи сыновья сейчас проходят службу в Афганистане. Будем помогать демобилизованным воинам в решении жилищных вопросов и трудоустройстве.

Мы поддерживаем тесную связь с теми, кто сегодня выполняет свой интернациональный долг — посылаем им книги, ведем переписку.

В городе этой осенью мы посадим аллею славы в память погибших воинов-интернационалистов, будем постоянно ухаживать за их могилами. Абхазские скульпторы уже трудятся над созданием памятника — в его строительстве примут участие многие комсомольцы города.

— А как воины-интернационалисты собираются бороться с негативными явлениями в молодежной среде? — поинтересовался я у Гамахария. — Есть у вас такие планы?

— А как же! — подтвердил Омар и добавил: — Мы должны помогать органам милиции «воевать» с фарцовщиками, наркоманами и пьяницами. Разумеется, не силовыми методами, а убеждением, профилактическими мерами. Откроем вместе с дружинниками дежурные посты на морском и железнодорожном вокзалах, в пригороде... В общем, нам скучать не придется.

А вот что рассказал рабочий Тбилисского производственного объединения «Электроаппарат» И. Бидзинашвили:

— Совет молодых интернационалистов Ленинского района столицы разрабатывает программу по увековечиванию памяти наших погибших земляков: в школах, где они учились, мы установим мемориальные доски и создадим уголки памяти, стенды с фотодокументами, рассказывающими о том, как учились, работали, жили и воевали ребята, выполнявшие свой интернациональный долг, — и о павших героях, и о тех, кто вернулся в отчий дом.

В последнее время в прессе стали появляться материалы о том, что некоторые «афганцы» «воюют» с парнями из неформальных молодежных объединений. Да, есть отдельные конфликты. Но в

том-то и задача комсомольских организаций, чтобы не только «помирить» ребят, но и объединить их для участия в общественно полезных делах, интернациональном и патриотическом воспитании подростков и школьников.

Чем нужно воспитывать ребят? Прежде всего доверием, нужными и интересными делами. Летом в республике в трудовом семестре, кроме 12 тысяч студентов, участвовали почти 20 тысяч учащихся техникумов и школьников. Некоторые стройотряды не побоялись включить в свой состав 15—17-летних парней и девушек, которые не хуже старших товарищей потрудились на строительстве домов для пострадавших от стихии, на объектах Азербайджана, Краснодарского края, Смоленской и Вологодской областей. Ребята, начинающие самостоятельную жизнь, смогли там себя почувствовать взрослыми людьми, для которых в равной степени дороги горы, сады и виноградники родной Грузии и земля российского Нечерноземья, степи Кубани. Это и есть интернациональное воспитание конкретным делом. А в селе Чаладиди Хобского района начал действовать объединенный интерлагерь имени Рахипа Мамедова, в котором вместе с грузинскими студентами и учащимися трудятся парни и девушки из разных уголков нашей страны.

В этом году исполнилось 150 лет со дня рождения великого грузинского поэта и общественного деятеля Ильи Чавчавадзе. «Такою воспитай ты душу сына, чтоб верил он лишь истине высокой и по себе оставил след глубокий», — писал Чавчавадзе. Его самоотверженная преданность Родине не раз помогала избегать ошибок, пробуждала от праздности и лени. Все созданное разящим, как меч, пером Чавчавадзе, — это кладезь мудрости не только грузинского, но и всего советского народа. «...Вложи в него любовь к добру, к народу. Пусть славит братство, равенство, свободу».

Лучшие воспитатели интернационализма — это литература и искусство. Что лучше определит нравственные и духовные поиски молодежи, чем умный фильм, мудрая книга, волнующий сердце спектакль?

Настоящим праздником интернациональной дружбы являются дни Маяковского в Грузии, которые совместно с Союзом писателей республики проводит Центральный Комитет комсомола. Этими праздниками литературы молодые прозаики и поэты продолжают те славные традиции, основы которых заложили и укрепляли Тициан Табидзе и Николай Тихонов, Паоло Яшвили и Борис Пастернак, Микола Бажан и Ираклий Абашидзе, Баграт Шинкуба и Фридон Халваши, Нафи Джусойты и Александр Межиров, Отия Иоселиани и многие другие деятели искусства и литературы.

В Грузии сейчас очень плодотворно и интересно работают молодые писатели самых разных национальностей — Багатэр Арабули и Давид Баградзе, Наталья Соколовская и Маквала Гопашвили, Геннадий Аламия, Николай Патулиди, драматург Шалва Шаманадзе.

При активной поддержке комсомола проводятся традиционные семинары творческой молодежи в Бакуриани, Хоби и Телави.

В Тбилиси создан республиканский молодежный центр изобразительного искусства «Пиросмани». Начинающих художников часто можно встретить в творческих командировках не только в любом уголке Грузии, но и на русском Севере, в Сибири,

на Дальнем Востоке, в республиках Средней Азии. Интернациональная тема, тема дружбы народов является главной в их творчестве.

Если раньше некоторые молодые художники годами не могли организовать свои выставки, то теперь им отдали в полное распоряжение филиал картинной галереи и они теперь сами отбирают работы для показа зрителям. В них присутствуют самые разные направления и жанры. Живописцы и скульпторы перестали бояться администраторов от искусства, с помощью комсомола они отстояли свое законное право на свободу творчества и самовыражение.

Очень своеобразно и оригинально работают молодые художники Леонид Семейко и Тамаз Какабадзе, Давид Мажашвили и Владимир Кулумбеков, Марк Поляков и Нино Перадзе, искусствовед Гиви Шатиришвили и многие другие. Главное, что сейчас они не замыкаются в тесном мирке своей мастерской, а стараются писать на те темы, которые остро волнуют их современников. Молодые живописцы и дизайнеры принимают активное участие в оформлении клубов и молодежных кафе, заводов и предприятий бытового обслуживания.

А вот развитие художественной самодеятельности сегодня не удовлетворяет здесь молодежь. Странная получается ситуация: грузинские народные песни знают и любят в Америке, Японии, Франции, а в республике в некоторых вузах и техникумах, на фабриках нет ни одного фольклорного ансамбля. Зато очень много расплодилось заурядных музыкальных коллективов, не имеющих собственного лица, работающих в однообразном стиле западного рока. Настоящий интернационалист — это человек, который прежде всего любит и знает собственную культуру и искусство, народные традиции. Думается, что эта проблема остро стоит во всех республиках: как привлечь парней и девушек к национальному искусству? Здесь нужны новые формы работы — яркие, интересные, способные чем-то удивить, захватить молодежь.

И все-таки я думаю, что уже в ближайшее время произойдет возвращение наших парней и девушек к истокам народного искусства. Это еще раз подтвердил смотр грузинской народной песни и танца на призы Гонашвили и Сухишвили, в котором приняли участие десятки музыкальных коллективов и фольклорных групп, тысячи молодых зрителей.

В 60-е годы прошлого века много молодых грузин устремилось в Россию получить высшее образование. То было поколение великого Ильи Чавчавадзе, поставившее целью, вооружившись основательными знаниями науки и культуры, вернуться на родину и бороться за лучшее будущее, просвещение своего народа, отдавая этому весь свой талант, все свои духовные силы. Здесь хорошо знают, какой титанический труд и энергию отдало поколение Чавчавадзе и Церетели делу возрождения и процветания Грузии, установлению культурных связей с русским народом, какой светлый след оно оставило в душе грузин, в истории страны.

Сейчас молодые тоже продолжают идти дорогой, проторенной славными предками. В различных городах нашей страны они учатся в университетах и институтах, достойно представляя Грузию.

И как же досадно видеть, что есть юноши и девушки, кото-

рые, ничуть не заботясь о приобретении настоящих профессиональных знаний, всеми правдами и неправдами стараются добыть себе вузовский диплом.

Специальная бригада ЦК комсомола республики изучала вопросы учебы и поведения грузинских студентов, обучающихся в институтах Ростова, Вологды и Калинина. Проверка выявила очень нелицеприятную картину. Оказалось, что некоторые соискатели диплома любыми махинациями пытаются «прорваться» в вуз и даже иной раз идут ради этого на уголовные преступления — подлоги, взяточничество.

Также в иных вузах и в Грузии сложилась система взяточничества и поборов. Долгое время на это закрывали глаза. Партийные и комсомольские органы дали этим нарушениям строгую оценку: ряд преподавателей освобожден от занимаемых должностей и привлечен к уголовной и административной ответственности. Здесь попытались разобраться в причинах, породивших нарушения при приеме и зачислении студентов. Оказалось, что кое-где за счет детей рабочих и крестьян, юношей и девушек некоренных национальностей спокойно проходили в вузы дети чиновных родителей, широко использовались «всемогущие» родственные связи. Некоторые товарищи из приемных комиссий не гнушались ни подношениями, ни взятками. А все дело в том, что за ними не было никакого контроля со стороны общественных, в том числе и комсомольских организаций. Экзамены обычно проводились крайне субъективно: вопросы зачисления решались в узком кругу, куда комсомольских активистов и на порог не допускали. Иной раз возникали просто фельетонные ситуации, как это было, например, в Абхазском госуниверситете. В прошлом году туда был зачислен абитуриент, который в это время отбывал срок наказания в исправительно-трудовом учреждении. В АГУ очень мало принимали русских, греков, армян и ребят других некоренных национальностей.

И вот комитеты комсомола решили взять под контроль вступительные экзамены. В приемные и предметные комиссии вошли молодые активисты. Они добились, чтобы экзамены и прием проходили в атмосфере гласности. Через телевизионную установку родители и знакомые могли наблюдать, как абитуриенты сдают экзамены, могли познакомиться с их работами, узнать все данные о социальном составе и национальности будущих студентов.

— Мы, наконец, добились, чтобы ректорат признал наше законное право на свой голос, — рассказывал секретарь комитета комсомола Абхазского университета Заканбей Маршания. — Активисты сумели отстоять собственное мнение в ряде конфликтных ситуаций. И в этом году не произошло ни одного нарушения: в университет приняли самых знающих ребят. Из них — 160 абхазцев, 218 грузин, 160 русских, остальные — осетины, греки, армяне и представители других национальностей. Кстати сказать, было много примеров, когда абхазцы и грузины поступали на русское отделение, а некоторые русские абитуриенты — на грузинское.

Помню, я сам видел, как русские парни и девушки из АГУ прекрасно танцевали и пели в абхазских и грузинских фольклорных ансамблях. И в этом нет ничего удивительного — культура народа и земли, на которой они живут, стала для ребят родной.

В последнее время в Тбилиси, Сухуми, Батуми и других городах республики стали действовать объединения греческой и курдской молодежи. Работа в них не ограничивается лишь чисто национальными культурными программами. Эти парни и девушки также активно участвуют в комсомольских делах по охране памятников старины, в реставрационных работах. Например, в Абхазии ребята разных национальностей помогали архитекторам восстанавливать шедевры грузинского зодчества — пантеон на Иверской горе, церковь XI века в селе Агубедиа, старинную мусульманскую мечеть.

Я недавно беседовал с комсомольскими работниками Казахстана. Они мне рассказали, что некоторые парни и девушки коренной национальности сейчас «ударились в религию». Есть такие случаи и здесь — например, в Болнисском, Сагареджойском и других районах кое-кто из молодых стал участвовать в религиозных праздниках, в этих местах стали часто появляться так называемые бродячие муллы. А ведь нельзя недооценивать их влияние на молодежь с неокрепшим мировоззрением. Об этом свидетельствует и тот факт, что в одном из сел Мцхетского района вдруг принялись строить не клуб или спортплощадку, а молельню. Значит, комсомол стал мало внимания уделять атеистической пропаганде. А это, скажем честно, чревато последствиями, ведь ни для кого не секрет, что в некоторых республиках нашей страны националистические выступления отдельных молодежных групп во многом вызваны религиозными мотивами, особенно в тех местах, где исповедуют ислам.

Мы часто говорим: религиозным праздникам надо противопоставлять советские традиции и ритуалы. Однако необходимо это делать очень интересно и тонко, с учетом национальных культурных традиций. Без них любой ритуал выглядит однообразно и бледно. Об этом как раз говорится в решениях XX съезда ВЛКСМ: «Необходимо направить все средства идейного воздействия на широкое распространение атеистических знаний, преодоление религиозных предрассудков среди части молодежи. Постоянно заботиться о повышении эмоциональной привлекательности советских обрядов и обычаев, патриотических ритуалов и символики».

Да, время сейчас такое, что требует от всей молодежи, от каждого из нас высокой идейности и преданности идеалам коммунизма, советского патриотизма и подлинного интернационализма. В любом деле и начинании, в каждом поступке. Это наш гражданский и интернациональный долг перед Родиной.

●

ПОЭЗИЯ

Юрий ГУСИНСКИЙ

ДЕНЬ НАЧНЕТСЯ С УТРА

Поэма

I

День начнется с утра — когда скрипнет в сугробе
«уазик»
И рванет от калитки по нетающим серым снегам,
И шофер Николаич обронит: «Добро бы не сглазить.
Хоть зима тяжела, но вольготно, должно быть, хлебам».

«Дай-то бог! Но надеяться нам не на бога...»
Резко смолк председатель, темнея усталым лицом —
Враз увидя контору в огнях и толпу у порога.
Громко дверцею хлопнул и быстро взбежал на крыльцо.

Огляделся угрюмо: «Ну так что еще там за причина
Вас сюда собрала в час, когда всем работать пора?» —
«А причина одна, — усмехнулась доярка Арина, —
Расскажи нам, Щеглов, как ты суп варишь из топора?»

«Дай машину до станции, — просит телятница Тоня, —
Обернемся, не бойся, единственным днем».
«Если мясо в Москву отправляем в товарном вагоне,
Из Москвы в пассажирском, — смеются, — назад
привезем».

Озорная Арина встает посреди кабинета:
«Хек намедни давали, — и руки вонзает в бока, —
Много фосфора в нем. После хека мужик до рассвета
Весь светился, как ангел, а надобно мне мужика!»

Ну так что, председатель, посмейся со всеми сквозь слезы
Или что-то придумал уже, чтобы им указать на порог,
Или, может, про пост им великий напомнишь на полном серьезе?
«Дай машину!» — одними глазами сигналит парторг.
«Всю Россию в Москву не отправишь, не хватит вагонов на это!» —
«Сам-то постуешь, что ль?» — подступила Арина, ярясь.
Тяжело усмехнулся: «На завтрак мне дали котлету
Из бычка, что выхаживал сын. И навоза, представь, не боясь».
«Да неужто мы ро́стим детей, чтоб им вечно копаться в навозе?» —
«Где, Арина, твой сын?» Не смутилась: «А что? В городу́». —
«Знать, успеха достиг?» Помолчала и бросилась в слезы:
«Да не пишет паршивец. Боюсь, не попал бы в беду».

Дал машину, ворча: «И куда только совесть уходит?»
Секретарша вошла: «Бригадир из Хохловки». — «Проси.
Пьян с утра? — желваки заиграли. — По нему получается, вроде
Только пьяным вольготно и весело жить на Руси!»

Бригадира внесло в кабинет на волне перегара.
Он моргал, ухмылялся, по стенке елозил плечом.
«Надоело, — Щеглов леденеет, — на тебя тратить время задаром.
Все! Сдавай бригадирство. На ферму пойдешь кормачом.
Я и вилы бы, впрочем, тебе не доверил за это!»

Присмирел бригадир: «Не враги же мы, Петь...
Что же, пьющих теперь поселять на другие планеты?» —
«Под ногами на э т о й земля у вас будет гореть!»

Бригадир ухмыльнулся: «Ну что ж, председатель,
посмотрим.
За других-то легко в кабинете своем обещать».
Повернулся. Ушел. Хрипло стукнула дверь — словно
óкрик.
И молчал председатель. И было о чем помолчать...

Телефон оглушил: «Председатель, как будет
с кормами?
До апреля дотянем, а там — хоть кричи «караул!» —
«Ладно. Понял. В район разнарядку спустили. Есть
что-то за нами». —
«Надо ехать тебе. И немедля», — парторг за спиною
вздохнул.
«Знаю. Надо. А все же противно. Я кто? Доставала?
Каждый день я свое вышибаю — хоть смейся,
хоть плачь —
От комбайна до сметы, от сметы до лыка с мочалом,
Вроде я председатель, а вроде — толкач и ловкач...

Все, как прежде!» Парторг встрепенулся: «Как
можно!
Сам ведь знаешь, какая громада в движенье
пришла...» —
«Знаю! — крикнул в дверях. — И надеюсь, ее повернуть
невозможно,
А иначе...» — Рукою махнул — и машина его унесла.

II

Звенит колея ледяная
И края не знает сама,
Гремит, на ухабах толкая,
Еще хорошо, что зима.

Еще под поземкою хляби,
А в марте тут хоть пропади —
Не просто ухаб на ухабе,
Болото одно впереди.

Шофер намекает сердито:
«Считай, председатель, как хошь,
Но все ж по дороге разбитой
Уходит от нас молодежь».

«А может, иные причины?» —
«Вот ты бы их и поискал,
Коль у работящей Арины
Валерка и тот убежал.

Куда мы с такой молодежью?
Ни словом не взять, ни ремнем».
Щеглов отшутился: «А все же
Вперед, полагаю, идем.

Терпи, Николаич, дорогу
Однажды построим с тобой». —
«Не ноне рожден, слава богу,
Терпеть — это мне не впервой.

Да если б все дело в дороге,
Да в клубе, еде и тепле...» —
«А в чем же?» — «Да в том, что у многих
Душа охладела к земле.

Не каждый, кто сбег, тот предатель,
Не каждый бездельник, кто сник.
Не первый ты, брат, председатель,
И я не последний мужик.

Один председатель мне снится,
Что всех нас в порыве крутом
В ежовых держал рукавицах,
Чуть что — по столу кулаком.

Другой прогремел по Союзу,
Заставив народ, в свой черед,
И там посадить кукурузу,
Где клюква уже не растет.

А третий был мягким и добрым,
В печенках те годы сидят —
Хоть водкой залейся по горло,
Хоть все растащи до гвоздя.

Но все мне твердили: «Хозяин!»
А я на своей же земле
То делал, что мне приказали,
В приказах забыв обо мне.

Я многое в поле умею,
Да поле давно не мое.
С того и подался в «лакеи»,
Катаю начальство свое...»

«Ну это, ты знаешь, уж слишком!»
Шофер усмехнулся в ответ:
«Да так — шевельнулся умишко,
В дороге подумать не вред».

Чуть слышно уже, осторожно
Добавил: «С того и тоска,
Как жили — так жить невозможно,
Как жить — я не знаю пока...»

«А нынче не это ли внятно
Нам жизнь подсказала сама?»
Шофер засмеялся: «Понятно.
Добудь для начала корма!»

* * *

В райцентре традиции святы.
Кричат в телефоны с утра
При галстуках чинных ребята —
Замзавы да инструктора.

«Где первый?» — «А нет и второго.
В народе». — «Как время велит?» —
«Да вроде. Зайди к Хлопотнову.
Он в курсе». — «Не шибко сердит?»

«Не шибко». А в сердце тревога,
Когда понимаешь с тоской —
Зависит порою так много
От малости самой простой.

Тут важно — как дверь открываешь,
Как смотришь в глаза, говоришь,
Как просишь и как возражаешь,
Да вовремя ли промолчишь...

«Здоров ли?» — «Здоровье в порядке», —
Небрежно кивнул Хлопотнов.

«Я прибыл насчет разнарядки». —
«Для «Искры» не хватит кормов».

А в голосе ровном — железо,
Не хочешь, а кинешься в раж:
«Да разве не ты ли нам срезал
Из плана посева фураж?»

«Ну было. Вот этой рукою.
А нынче хозяйничай сам.
И время другое». — «Какое?» —
«Газеты читай по утрам».

Щеглов промолчал и не ойкнул,
Он понял: чинуша уже
Вполне оседлал перестройку,
Пускай и с тревогой в душе.

За кресло и место спокоен,
На все отыскавший ответ,
Он несколько раз перестроен
За тридцать начальственных лет.

Его в облака не носило
Ни в э т и, ни в т е времена,
Живучая сила трясины
Ему для спасенья дана.

Но скоро с него иль не скоро
История спросит сама —
Щеглову сейчас не до спора,
Хоть как-нибудь вырвать корма.

«Но Ренжину дали с лихвою, —
А он не истратил запас!» —
«Ну выдали лишку, не скрою,
Так он же два плана нам даст».

«А где ж справедливость?» — бледнея,
Щеглов поднимался рывком.
«Райкому, мой друг, повиднее». —
«Но ты ведь еще не райком!»

«Кто знает...» — со скрытой угрозой
В ответ процедил Хлопотнов.

Не сник председатель колхоза,
Но внутренне сжаться готов.

Он главное понял отныне:
Сколь будет дорога трудна —
И страшно сегодня трясине,
Но так же трясина страшна.

Сильна неприметностью прочной
И зыбкою верой своей,
Попрыгай-ка с кочки на кочку,
Чтоб не оказаться под ней!

Она еще ляжет под ноги
Меж словом и делом любым...
Щеглов прошептал на пороге:
«А все-таки мы победим!»

III

Районный ресторан «Заречье».
Котлеты, щи — и вся еда.
Да неожиданные встречи,
Но мы им рады не всегда.

Ну вот — из дальнего угла,
Прикрытый пальмой пропыленной,
Орет какой-то тип холеный:
«Щеглов? Петруха! Во дела!»

Да кто ж такой? Узнать непросто,
Пока не выполз он на свет —
Малинин Васька, потный, толстый,
Приятель институтских лет.

Вмиг обниматься лезет: «Слушай,
Не постарел ты... Чуть виски...
Постой! Я позову Илюшу,
Сообразит нам шашлыки.

И признавайся, друг-приятель,
Каков твой жизненный итог?» —
«В колхозе «Искра». Председатель». —
«Да кто б тогда подумать мог!

А были, — вспоминал Малинин, —
Какие планы и мечты —
Ни в чем не надо половины,
Все небо дай!..» — «А где же ты?»

«В одной шарашке. Я, к примеру,
Так место назову свое,
Где «делаю себе карьеру
Тем, что не делаю ее».

Я знаю всех, и всем я нужен,
Дружить со мной — для многих честь,
А коль чинами не заслужен,
Зато в избытке воздух есть».

«Ушел в геологи?» В охапку
Схватив Щеглова, Васька ржал:
«Чудила! «Воздух» — это бабки.
Ну деньги! Вот провинциал...»

Хохочет: «Милости природы
Не ждать, а поскорее взять
Учили нас в иные годы...
Петро! Ты не устал молчать?

Расстроен чем? Сказал бы сразу.
С кормами будешь. По рукам?
Не зря же, брат, со мною связан,
Обязан многим Ренжин сам».

Щеглов побагровел: «Ну, знаешь,
Сюда соваться ты не смей!» —
«О справедливости мечтаешь,
Как на вечерках прежних дней?

Ну было дело — пошумели.
И не последним я шумел.
Какие лжи мы претерпели!» —
«Нет, врешь. Ты правды не терпел!

Она не ведает тумана
И ясно помнит тот аврал,
И всех, кто вдруг небесной манны,
Как ты — задаром возжелал.

Ура! — она не за горами.
Ура! — и коммунизм вот-вот...
Ах, он далек? И брали сами
От общих житниц и щедрот.

Мол, почирикали — и будет!
Из воробьев — да в воронье». —
«А как же — все на благо людям?» —
«А благо в чем для них твое?»

...Примолкли, словно виноваты
Перед мятущимся вокруг,
Что облака шестидесятых
Как призраки явились вдруг.

Себя в застиранной ковбойке
Щеглов увидел, как во сне, —
Не то на институтской стройке,
Не то на дальней целине.

Неважно, в общем-то, какою
Обозначалась высота,
Где молодость была собою —
Бедна, свободна и чиста.

В палатках, в мазанках убогих,
В стогу на краешке села
Нам снилась впереди дорога,
От наших помыслов светла.

Где и когда она свернула,
Нам непонятно до сих пор.
Какой пургою свет задуло,
Чей ветер погасил костер?..

Со слов ли начиналось разве,
Однажды вспыхнувших легко,
Что на одном энтузиазме
Мы не уедем далеко?

Со слов ли, полоснувших сердце,
Дорогу изменивших вдруг, —
Мол, хочешь жить — умей вертеться?
И завертелось все вокруг...

Твои года твоей виною
Теперь оплачены сполна,
Хоть ты на взятки дом не строил,
Не крал, не врал, не пил вина.

И что с того, что вышел чистым?
Ты не остался в стороне,
Когда и званье коммуниста
В народе падало в цене.

И что с того, что чист поныне?
Твой век тобою сотворен
И даже этот вот Малинин
Есть порождение твое!

...Но едко ухмыльнулся Васька:
«Ты тень наводишь на плетень.
Есть у меня на черный день,
А ты дождешься ли дней ясных?

Мне что? Притихну, как овечка,
Да переждать нырну на дно.
Ты служишь времени, я — вечен.
Бессмертие-то мне дано!»

«Тебе?!» — салфетку теребя,
Спросил Щеглов, лицом темнея:
«Сейчас пришло другое время,
В нем нету места для тебя!»

«Дай боже нашему теляти, —
Зевнул Малинин, — Поглядим...» —
«Прощай!» — отрезал председатель.
На волю вышел — в снег и дым.

IV

Вьюга. Снег, пустой и хмурый,
Перед самою весной.
В переулке три фигуры.
«Эй, мужик! А ну-ка стой!»

Враз под ложечкою зябко.
Обступают с трех сторон.

«Ты гляди, какая шапка!»
«Нам ее подарит он!»

Ладно, драка не в почете,
Только все же не впервой.
Ладно, шапку вы возьмете
Только вместе с головой.

Ладно, мы с усами сами.
Раз — прием! И два — прием!
«Лбов» двоих сшибаю лбами,
Третий мною «взят живьем».

Не уйдешь теперь, ханурик,
Хоть из темного куста
Призывают две фигуры:
«Отрывайся, Лимита́!»

Но решительным манером
Парня вытащил на свет
И присвистнул: «Ты, Валерка?» —
«Председатель?!» — «Та-ак, привет.

Вот и я, — сказал печально, —
Дожил до минуты той —
Родич грабит, хоть и дальний.
Ну, вставай! Пройдем со мной».

...Первобытный дом приезжих,
С печкой, русскою плитой.
Пили чай, крутой и свежий,
Жалко только, что пустой.

«Извините, дядя Петя,
Пошутить хотели мы...» —
«Пошутить? От шутки этой
Меньше шага до тюрьмы».

Чай налил: «Ну и морока,
Сразу и не разберешь.
Дома ждут, а ты под боком
Шапки с путников стрижешь».

Паренек ломает спички,
Мол, понятно, виноват...

«Да! Откуда это кличка
У тебя такая, брат?»

«По лимиту я на стройке». —
«Ясно. Строишь города.
Получаешь хоть по сколько?»
Парень мнется: «Как когда».

«Понял. Трудишься не храбро». —
«Ну а мы не гордые». —
«М-да. Растим лихие кадры —
Ни к селу, ни к городу.

А живешь на всем готовом.
Знаешь, я в твои года...» —
«Знаю! Снова все здорово:
«Были трудности тогда!»

«Много трудностей сегодня».
Мне об этом все твердят.
Знаю! Слышал! Понял! Помню!
Но не я же виноват!»

Смолк. Нахохлен, словно кочет.
«Что ж тебе-то по плечу?
Кто ты есть? Чего ты хочешь?»
Буркнул: «Просто жить хочу».

Губы сохнут, как от жажды:
«Жить? А выжить ты готов?» —
«Ха! А если нас однажды
Всех прихлопнут, как клопов?»

Прямо посмотрел впервые,
Чтобы выдохнуть с тоской:
«Вы-то сами кто такие,
Чтоб шуметь, кто я такой?»

«Лично я из тех, кто кормит
Сам себя и кормит вас!»
Паренек щекою дернул.
Спор остался про запас...

Бьет метель в окошко мерно.
За окошком темнота.

В темноту ушел Валерка
По прозванью Лимитá.

Он ушел, душа шальная,
Но о нем душа болит,
Этой болью пробивая
Жесткий времени лимит.

Дышит боль твоя виною
Перед этим пацаном.
Вроде правда вся с тобою,
Но какая-то и в нем.

Видно, время неделимо
На т в о е или е г о
И нельзя пройти в нем мимо
Из идущих никого.

Видно, будет время трудным.
Хоть д р у г и м и назовешь —
В нем других людей не будет,
Только те, с кем ты идешь.

V

Ветер бился о стекла. Завывал и рыдал небосклон.
Председателю снился невнятный, загадочный сон.
Словно все раздобыл, что хотел, и не сдался, не сник.
Да случайно застрял на дороге лихой грузовик.

Николаич вовсю газовал, но не сдвинул его нипочем.
Председатель хрипел, сзади в борт упираясь плечом.
Грязь его облепила от упрямых бровей до сапог.
Но на помощь спешили. Арина. Телятница Тоня.
Парторг...

Обступали машину другие, не назвавшие имя свое —
Те, кто завтра Россию прокормит, неприметно, как
корни ее.
Налегли — и машина пошла! — вырываясь на грозный простор,
Словно кто-то бы крылья над нею во тьме распростер.

Птицей-тройкой рванула вдоль российских степей.
Птицей-тройкой — и дымом дымится дорога под ней.
Все быстрее пошла, вся неведомой силы полна...
Председатель счастливо метался в пределах
тревожного сна.

За него не боюсь я нисколько — с дороги его
не собьешь.
Я боюсь, чтоб на вспаханном поле не проклюнулась
новая ложь.
Я боюсь, чтобы правду внезапно не взяли в штыки
Раньше хлебного злака встающие в рост сорняки.

Я боюсь за себя — мне на душу сомненье легло.
Я о правде мечтал. Но ведь будет и с ней — тяжело.
Мне придется пред нею предстать, как пред богом
самим,
Не каким я хотел быть в мечтах — получился каким.

Я в глаза ей взгляну, ее пламенем дерзко дыша.
Я взгляну — покаянно моя содрогнется душа.
Как ей быть? Как ей к правде протягивать нить?
Как себя победить, пробудить и к победе опять
побудить?

Не совру, что ответ уже знаю. Ложь опасней,
чем страх.
Но сегодня я все-таки видел птицу-тройку
в российских степях...
Ах, какие метели нас встретят! Ух, какие нас
встретят ветра!
Был бы свет впереди. День начнется с утра.

1985—1986 гг.

С. ЖДАНОВА, Д. ФИРСОВА

Рис. Ю. Макарова

ЧАСЫ И МИНУТЫ ОКТЯБРЯ

ХРОНИКА

СВЕРШИЛОСЬ

25 октября. 12 часов дня

«В среду 7 ноября (25 октября) я встал очень поздно. Когда я вышел на Невский, в Петропавловской крепости грянула полуденная пушка. День был сырой и холодный. Напротив запертых дверей Государственного банка стояло несколько солдат с винтовками с примкнутыми штыками.

«Вы чьи? — спросил я. — Вы за правительство?»

«Нет больше правительства! — с улыбкой ответил солдат. — Слава богу!..»

Это были первые впечатления Джона Рида об историческом дне 25 октября.

Окончание. Начало в № 8, 10, 11

Был только полдень, и еще не были взяты Зимний, Мариинский и Главный штаб. Но обращение Ленина «К гражданам России!» вселило уверенность в рабочих, матросов и солдат в победе.

Один из руководителей «Чрезвычайной комиссии по делам о бывших министрах» (еще царских!) С. А. Коренев, прибывший в Зимний, где располагалась его «служба», застал там неразбериху и полное неведение относительно того, что происходит в столице. Ясно и бесспорно было одно: «Керенский куда-то сбежал...» А что в Петрограде? Что в Главном штабе, призванном охранять режим? Какова расстановка сил?

Коренев направился в штаб. В штабе он увидел картину, описанную не единожды — и не только газетными репортерами, но и министром Маляптовичем, Набоковым, Сухановым... — никем не охраняемый («двери штаба стоят распахнутыми настежь...»), являющий собой хаос и беспорядок, главный штаб был в эти дни прообразом уходящего режима.

Задавшись целью узнать истинное положение вещей, чиновники «Чрезвычайной комиссии», не остановленные нигде: ни при входе, ни в коридорах, ни на лестнице штаба, с трудом прорвались через заслон в лице офицера, прикрывавшего собой дверь в комнату начальника штаба: «В кабинете два лица. По комнате из угла в угол почти бегает затянутый во всю боевую амуницию, сухопарый, высокий и весь серый таинственный незнакомец, — это и есть командующий войсками округа полковник Полковников; за столом с мирным видом довольного собой и другими человека, в полурасстегнутом кителе сидит, болтая короткими ножками, низенький, полный, с армянским лицом — фактический руководитель всеми действиями против большевиков — начальник штаба округа — генерал Багратуни... Мы объяснили, кто мы такие и с чем пришли... Тут нас перебили, — Багратуни стряхивает с себя сонную флегму и вместе с Полковниковым начинает доказывать, что мы пришли с совершенно нелепыми предположениями о возможности какой-либо опасности со стороны большевиков...»

Что это? Явный обман? Попытка выдать желаемое за действительное? Во всяком случае, и полковник, и генерал были единодушны в своем стремлении успокоить Коренева и его спутников: «Мы вам ручаемся за то, что сегодня же к вечеру скопляющиеся на Выборгской стороне и Васильевском острове толпы сами разойдутся, а если бы этого и не случилось, то мы их разгоним. Сил у нас достаточно, да и Керенский... выехал навстречу подходящим сюда войскам... Одним словом, к вечеру все будет кончено... Ваши страхи совершенно необоснованны...»

В полдень к Мариинской площади стали стягиваться части Кексгольмского полка, которые еще с утра заняли Вознесенский проспект, Новый и Демидов переулки, Гороховую улицу. Их должны были поддержать матросы Гвардейского экипажа и (по сообщению газеты «Речь») солдаты Литовского полка. Павловский полк (его казармы примыкали к Эрмитажу) уже к одиннадцати часам утра выставил свои заставы на Миллионной улице. Одна из этих застав и арестовала министра Прокоповича.

Теперь, в полдень, ВРК готовил основные силы для главных операций — захвата сначала Предпарламента, а затем Зимнего дворца.

«У нас было три штаба, — вспоминал Подвойский. — Они были организованы так, что в случае занятия врагом одного и даже двух штабов, оставшийся мог бы руководить всеми операциями... «Главный» наш штаб был в Смольном, «Полевой» — в Петропавловке, а «фронтовые» — один в Павловском полку, второй — в казармах Балтийского экипажа, третий — на «Авроре».

«Полевой» штаб был под началом Антонова-Овсеенко, в казармах 2-го Балтийского экипажа находился Чудновский, в казармах Павловского полка — Еремеев. Штаб в Смольном возглавлял Подвойский.

Владимир Ильич Ленин направлял деятельность Военно-революционного комитета.

«Вот замедлился поток донесений из секторов. В комнату, где работает наша тройка, входит Ленин. Спокойно, но настойчиво он требует выяснить, почему ослабло продвижение цепей. Тут же доискивается причин. Посылает людей на секторы подогнать окружение Зимнего и Мариинского дворцов. С его приходом в Смольный восстание приобретает особенно энергичный темп. Каждую минуту в комнату Военно-революционного комитета входит то один, то другой товарищ со словами: «В помощь... Владимир Ильич прислал в ваше распоряжение... для того-то и того-то», — вспоминал Н. И. Подвойский.

В ВРК шла напряженная работа.

«Военно-революционный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов предписывает трем броневикам, достаточно вооруженным, отправиться к Зимнему дворцу».

«Военно-революционный комитет предлагает Междурайонному совещанию передать во все районы телефонограмму: в районные Советы, чтобы приняли все возможные меры по охране города Петрограда».

«ВРК предписывает Управлению Красного Креста выдать тов. Кошкаревой для санитарного отдела при Красной гвардии Рождественского района следующий перевязочный материал...» (идет перечисление).

И 25 октября предписания идут потоком. ВРК занимается охраной продовольственных складов, центральной электрической станции городских железных дорог, «занятием прямого провода между Петроградом и другими центрами»...

За этими предписаниями стояло изучение всей поступающей информации, быстрая реакция на любое событие, оперативное принятие мер, подбор людей, вооружение отрядов Красной гвардии, их питание. Часы и минуты Октября ставили перед Военно-революционным комитетом все новые и новые вопросы.

Радиограмма в Стокгольм В. В. Воровскому.

«Военно-революционный комитет предлагает Вам представлять его в Швеции. Примите меры к самому широкому осведомлению общественного мнения Европы, Англии и Соединенных Штатов о характере и смысле происшедшего в России переворота. Телеграфируйте подробно о впечатлении, произведенном нашей пролетарско-крестьянской революцией на различные классы и партии в Западной Европе».

«Удостоверение.

ВРК при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов назначает комиссаром при Министерстве иностранных дел М. С. Урицкого и предлагает всем военным и гражданским влас-

тям оказывать ему всяческое содействие при исполнении возложенной на него обязанности».

Инструкции комиссару по делам военнопленных:

«...Одним из первых разрешить острый и наболевший вопрос о судьбах тех трех миллионов наших братьев, в большинстве своем рабочих, солдат и крестьян, жертв трехлетней империалистической бойни, которые десятками тысяч из-за недостаточной помощи умирают с голоду во вражеском плену. Военно-революционный комитет считает своим долгом... немедленно коренным образом реформировать Центральный комитет по делам военнопленных при Российском обществе Красного Креста и передать таковой в руки революционной демократии».

Многое надо было предвидеть, предусмотреть, и ведь опыта совсем не было, все постигалось уже во время подготовки вооруженного восстания. И становление Военно-революционного комитета проходило в непрерывной борьбе.

ОРГАН ВОССТАНИЯ

Идею создания боевого штаба для подготовки и проведения вооруженного восстания Ленин обосновал в письме «Марксизм и восстание», написанном 13—14 сентября 1917 года.

9 октября.

В связи с возникшей опасностью предательской сдачи Петрограда немцам большевики на заседании Исполкома Петросовета выходят с предложением об организации Революционного комитета обороны столицы.

В тот же день на пленуме Петросовета подавляющим большинством голосов принимается резолюция, внесенная большевиком И. П. Павлуновским. Она предусматривает создание Революционного комитета обороны, «который сосредоточил бы в своих руках все данные, относящиеся к защите Петрограда и подступов к нему, принял бы меры к вооружению рабочих и, таким образом, обеспечил бы и революционную оборону Петрограда и безопасность народа от открыто подготовляющейся атаки военных и штатских корниловцев».

10 октября.

После решения ЦК РСДРП(б) о вооруженном восстании начинается формирование Революционного комитета обороны — согласно указаний В. И. Ленина — как легального штаба вооруженного восстания.

В этот день Я. М. Свердлов дал задание В. Л. Панюшкину — большевику с 1907 года, члену Военной организации ПК и ЦК РСДРП(б) — выехать во главе отряда из 80 моряков-балтийцев в Псков и организовать заслон войскам, вызванным Временным правительством с фронта. Вскоре Панюшкин будет назначен председателем Псковского ВРК.

11 октября.

Коллегия военного отдела Исполкома Петросовета приняла решение об учреждении гарнизонного совещания для «надлежащего взаимодействия и установления самого тесного контакта революционного штаба по обороне Петрограда со всеми войсковыми частями...».

12 октября.

На заседании Исполкома Петросовета был принят проект положения о ВРК, доложенный членом фракции левых эсеров П. Е. Лазимиром.

Дан и Гоц от имени фракции меньшевиков и правых эсеров заявили, что возражают против того, что ВРК создается не для защиты Петрограда, а для захвата власти.

13 октября.

Солдатская секция Петросовета под председательством А. Д. Садовского принимает проект положения о ВРК, не открывая прений. (283 голоса за проект, 1 — против и 26 — воздержались.)

16 октября.

По предложению Ленина Центральный Комитет избрал Военно-революционный центр из пяти человек: А. С. Бубнов, Ф. Э. Дзержинский, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, М. С. Урицкий. Он вошел в состав ПВРК и стал партийным органом по непосредственному руководству восстанием.

На общее собрание Петросовета выносится вопрос об утверждении положения о ВРК. Фракция эсеров отказывается его обсуждать. Меньшевики по-прежнему возражают против ВРК. Однако Положение, принятое три дня тому назад солдатской секцией Петросовета, утверждается большинством депутатов.

Таким образом, 16 октября считается официальной датой создания Военно-революционного комитета.

18 октября.

Военный отдел Петросовета провел первое гарнизонное совещание. Общее его настроение было революционным, раздавались лишь отдельные голоса за подчинение Военно-революционного комитета ЦИК. Но членам ЦИК даже не дали слова, в знак протеста они покинули зал. ВРК получил поддержку большинства делегатов.

Бюро Военного отдела ЦИК опротестовало решение гарнизонного совещания и намеревалось предпринять ответную акцию — собрать на следующий день представителей ротных и полковых комитетов. Но прошло предложение Лазимира: если собрание будет созвано помимо военного отдела, считать его неправомочным.

20 октября.

Состоялось пленарное заседание Военно-революционного комитета. На нем, в частности, был решен вопрос о посылке во все воинские части комиссаров ВРК.

Из воспоминаний комиссара Петропавловской крепости М. К. Тер-Арутюнянца:

«20 октября 1917 года днем я был вызван в Смольный в Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. Члены Военно-революционного комитета Н. И. Подвойский и В. И. Невский сообщили мне, что я назначаюсь комиссаром Военно-революционного комитета в Петропавловскую крепость, при которой находился Кронверкский арсенал. Они поздравили меня с тем, что я являюсь первым комиссаром Военно-революционного комитета, и добавили при этом, что мое назначение... согласовано с Лениным. Мне поручалось особое внимание обращать на Кронверкский арсенал, где, по данным на 18 октября... хранились 100 тысяч винтовок...»

Этой ночью были назначены комиссары почти во все воинские части. Всего был выписан 51 мандат. В последующие дни комис-

сары ВРК направлялись на крупнейшие петроградские заводы. При фабзавкомах и правлениях профсоюзов создавались местные революционные комитеты. Под контроль была взята готовая продукция, охранялись снарядные и пороховые склады.

В Смольном начиная с 20 октября было установлено непрерывное дежурство членов ВРК, организована служба связи, усилена охрана Главного штаба революции.

«Рабочий путь» сообщил, что Военно-революционный комитет приступил к активной деятельности.

В ночь на 21 октября.

В. И. Ленин встретился с Подвойским, Антоновым-Овсеенко и Невским. Состоялась обстоятельная беседа, в ходе которой Владимир Ильич задал множество вопросов о готовности восстания, уточнил факты и детали, перепроверил данные, обратил внимание представителей ВРК на ошибки и просчеты, остановился на нерешенных задачах, дал конкретные советы.

Подвойский вспоминал: «Товарищ Ленин спросил меня, как я мыслю себе работу Военно-революционного комитета.

Я ответил:

— Военно-революционный комитет, по существу, является расширенным Бюро военных организаций при Центральном Комитете нашей партии.

— Вот это и неправильно! — сказал Владимир Ильич. — Ни в коем случае не Бюро, а такой полномочнейший, но беспартийный орган восстания, который связан с самыми широкими слоями рабочих и солдат. Этот комитет должен обеспечить участие в вооружении и в восстании неограниченным пролетарским и солдатским массам. Чем больше будет проявлять инициативы и активности каждый член Военно-революционного комитета, тем сильнее и действеннее будет влияние всего комитета на массы. Ни под каким видом не следует допускать ни малейшей тени диктаторства Военной организации в Военно-революционном комитете. Главная задача Военной организации в том, чтобы комитет не уклонялся от правильной большевистской позиции. Основное — победа восстания. Этой и только этой цели должен служить Военно-революционный комитет».

21 октября.

Избрано бюро Петроградского Военно-революционного комитета: большевики — Подвойский, Антонов-Овсеенко, Садовский; левые эсеры — Лазимир, Сухарьков. Председателем стал Лазимир, затем его сменил Подвойский.

Поздним вечером в штаб округа прибыли восемь комиссаров ВРК во главе с членами Петроградского Военно-революционного комитета Мехоношиным, Лазимиром и Садовским. Направленные для «совместной работы и контроля», они потребовали от командующего округом представлять все приказы им на визу.

Из воспоминаний К. Мехоношина: «Полковников... выслушал наше заявление, спокойно и уверенно переданное тов. Садовским, и ответил, что никаких комиссаров он не признает и в опеке не нуждается. На наш намек, что, пожалуй, без санкции председателя Питерского Совета приказы будут плохо исполняться, самоуверенно заявил, что гарнизон в его руках, он будет делать с ним то, что нужно. Твердость Полковникова была искренней, ничего напускного не чувствовалось, очевидно он не понимал действительного положения в гарнизоне. После этого краткого обмена

нам ничего не оставалось делать, как вернуться в Смольный и принимать соответствующие меры».

Так начался открытый конфликт.

На экстренном заседании ВРК в ночь на 22 октября действия Полковникова были квалифицированы как «разрыв штаба округа с представителями Совета рабочих и солдатских депутатов». По предложению Я. М. Свердлова был отдан приказ ВРК по Петроградскому гарнизону не выполнять распоряжений штаба без санкций комиссаров.

22 октября.

Приказ ВРК был продублирован телефонограммами во все воинские части гарнизона. Они безоговорочно приняли приказ к исполнению.

В штаб округа была приглашена делегация гарнизонного совещания. П. В. Дашкевич, возглавлявший делегацию, подтвердил позицию ВРК: «...отныне все приказания, исходящие из штаба, должны быть контрассигнованы ВРК при Петроградском Совете». Не вступая в прения, делегация удалилась.

Однако Троцкий возобновил переговоры со штабом округа в поисках компромисса. Он назвал это «играми со штабом», тем самым давая понять, что преследует цель — усыпить бдительность командования округа. Троцкий продолжал вести свою игру, стараясь промедлить с восстанием до открытия съезда. Он — председатель Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — на авансцене, а Ленин еще в подполье. Скорее всего Троцкий прикидывал дивиденды, которые мог извлечь из этой ситуации. Во всех своих публичных выступлениях, даже 24 октября, когда восстание фактически уже началось, он заверял, что оно не произойдет, пока съезд не решит вопрос о власти. Троцкий вступил в партию в августе 1917 года. По-прежнему стремясь сохранить свою «внефракционную», по словам Ленина, независимость, он, видимо, ориентировался именно на «колеблющееся голосование» съезда. Некоторые из членов ЦК и ВРК находились под его влиянием и склонны были занять выжидательную позицию. Еще за день до начала «игр со штабом» Ф. Э. Дзержинский сделал сообщение на заседании ЦК РСДРП(б) о дезорганизации в работе Исполкома Петроградского Совета, возглавляемого Троцким. ЦК ввел в состав Совета новых 10 членов, в том числе М. М. Володарского, Ф. Э. Дзержинского, В. П. Милютина, И. В. Сталина.

Переговоры со штабом, начавшиеся 22 октября, затянулись на несколько дней. Партнера «по играм» — штаб округа — это тоже устраивало. Временное правительство надеялось, что вот-вот подойдут войска с фронта. Якобы в стратегических целях, с Румынского, Южного и Юго-Западного фронта двигались эшелоны с пехотой и ударными офицерскими батальонами. На железнодорожной станции Дно стояли самокатчики. Расположенный под Гатчиной 3-й конный корпус (он принимал участие в корниловском мятеже) был готов к броску.

Вот какой факт приводит Альберт Рис Вильямс в своей книге «Путешествие в революцию» (это было 25 октября, после четырех часов дня):

«— Ах, как мы изнервничались, дожидаясь открытия съезда, — защебетала Бесси и, не останавливаясь, сообщила новость: толь-

ко что в Беломраморном зале Алекс * познакомил Бесси с Троцким, и тот сказал, что положение осложнилось: на Петроград идут войска с фронта.

...Битти громко выражала опасения, что пока солдаты и матросы окружат Зимний дворец, войска, идущие с фронта, могут атаковать Смольный:

— Тогда сегодня ночью здесь будет кровавая баня и вряд ли кто из нее выберется». — Американская журналистка это понимала.

«Промедление в восстании смерти подобно» — этот вывод был сделан Лениным из объективного и исчерпывающего анализа всех причин, диктовавших необходимость взять власть тотчас.

В третью годовщину Октябрьской революции на заседании ее участников Троцкий, делясь своими воспоминаниями, по-прежнему оправдывал «игры со штабом». Он не только не скрывал реакции Ленина, напротив, демонстрировал свою откровенность:

«Мы продолжали эти переговоры, они проникали в газеты. В «Новом времени» или в «Речи» говорилось: «По-видимому, соглашение будет достигнуто». Владимир Ильич, прочитав эти газеты, весьма яростно был настроен против нас, и первым вопросом, как только он приехал — был: «Неужели это правда?» — «Нет, это для прикрытия игры», — успокоили мы его. В это время были уже взяты телеграф, банк, Инженерный замок и окружался Зимний дворец. Таким образом, положение наше было более или менее обеспечено».

Разве могла успокоить Ленина «более или менее обеспеченная» победа! Это была заведомая ложь Троцкого. «Более или менее» означало риск — потерять все. Тем более что в ночь на 25 октября, когда Ленин встретился с ним на заседании ЦК, окружение Зимнего еще не началось. Да и оно еще ничего не решало. Только взятие Зимнего дворца до начала работы II съезда Советов гарантировало принятие съездом ленинской программы мира, декрета о земле, гарантировало проведение ленинской линии.

Ленин не обольщался насчет личности Троцкого. Еще в дооктябрьскую пору он писал: «...ни по одному серьезному вопросу марксизма Троцкий не имел прочных мнений, всегда «пролезая в щель» тех или иных разногласий и перебегая от одной стороны к другой».

23 октября, вопреки переговорам Троцкого со штабом, Военно-революционный комитет обратился к рабочим, солдатам и всем гражданам Петрограда:

«В интересах революции и ее завоеваний от покушений контрреволюции нами были назначены комиссары при воинских частях и особо важных пунктах столицы и ее окрестностей. Приказы и распоряжения, распространяющиеся на эти пункты, подлежат исполнению лишь по утверждению их уполномоченными нами комиссарами. Комиссары, как представители Совета, «неприкосновенны».

В Смольном собрался Петросовет. Антонов-Овсеенко остановился на деятельности ВРК.

«Мы выполняем волю революционного Совета, мы идем вперед, утверждая революционный порядок и приближаясь к моменту, когда Советская власть, разоружив контрреволюцию, подавит ее

---

* А. Гамберг — американский журналист.

сопротивление и водворит торжество революционных сил», — цитировала газета «Рабочий и солдат» на следующий день, 24 октября, выступление Антонова-Овсеенко.

Прения по его докладу развернулись бурные и ожесточенные. Меньшевики настаивали на том, чтобы аннулировать телеграмму о неподчинении приказам штаба и отказаться от захвата власти. «Выкрикивает истерично меньшевик... Астров:

— Вы раскалываете демократию! И сами не единодушны... Разнуздываете стихию, с которой не справитесь! Никакого восстания не будет, а лишь кровавая свалка.

От фракции объединенных интернационалистов кто-то поясняет: фракция не разделяет лозунга «Вся власть Советам!», но считает, что у Петроградского гарнизона и пролетариата есть право организоваться и никто этого права отнять у них не может. Если правительство будет нас провоцировать, то будем бороться, отстаивая свои права.

Большего от этих «мартенят» требовать и не приходится.

Громадным большинством Совет одобряет деятельность комитета и призывает к всемерной поддержке его», — вспоминал Антонов-Овсеенко.

В ночь на 24 октября штаб округа издал приказ о предании суду комиссаров ВРК.

25 октября была подготовлена инструкция Петроградского Военно-революционного комитета комиссарам ВРК. Она регламентировала права, обязанности и ответственность комиссаров. Одним из пунктов было записано: «Препятствовать всем контрреволюционным попыткам, откуда бы они ни исходили».

Но революция думала и о будущем. 25 октября были назначены комиссары ВРК по защите музеев. На следующий день они обратятся к А. Н. Бенуа — художнику, тонкому знатоку русской и западноевропейской культуры — за консультацией «по ограждению художественных сокровищ».

Зимний дворец. 12 часов дня

В 12 часов дня в Малахитовом зале Зимнего дворца открылось заседание Временного правительства.

...После отъезда Керенского Коновалов, Кишкин и Малянтович стали решать, что же делать в создавшейся ситуации. Проговорили четыре возможных варианта. Один из них — министрам разъехаться по юнкерским училищам, верным правительству, и нейтральным частям, может быть, выступить перед гарнизоном Петропавловской крепости. Словом, собрать несколько тысяч юнкеров и казаков, которые могли бы отбить все учреждения, занятые большевиками, штурмовать Смольный, подавить восстание. От этого плана отказались — поняли, что он невыполним. Отказались и от плана скрыться и отсиживаться до подхода войск с фронта. Сдаться большевикам тоже признали невозможным: Керенский может вернуться с обещанными самокатчиками, да и вообще, неизвестно, как все обернется... Решили созвать заседание Временного правительства. Коновалов по телефону вызвал министров.

«Вышел пешком, без портфеля. В воротах министерства задержал уезжавшего извозчика. За 6 рублей нанял во дворец. Дал швейцару во дворце 10 рублей для расчета с извозчиком. Было 11 часов 30 минут. Около 12 часов Коновалов открыл заседа-

ние...» — Это запись из дневника министра путей сообщения Ливеровского. Он почти протокольно зарегистрировал последние часы существования уже низложенного Временного правительства, не упуская деталей и мелочей. Агония близилась, а министр считал рубли, истраченные на извозчика.

Оставили свои записи о последних часах Временного правительства и министр юстиции П. Малянтович, министр внутренних дел А. Никитин, комиссар Ставки В. Станкевич, П. Пальчинский...

...Итак, в 12 часов дня Коновалов открыл заседание Временного правительства.

Живописные женские фигуры, олицетворяющие День, Поэзию и Ночь, на одной из стен Малахитового зала «внимали равнодушно» началу конца...

Коновалов сообщил о последних событиях, о сложности положения. Началось обсуждение необходимых, по мнению кабинета министров, мер. Министр призрения кадет Кишкин предложил:

Первое — вызвать Полковникова и выслушать его.

Второе — оставаться в Зимнем до возвращения Керенского.

Третье — выбрать лицо, ответственное за подавление восстания.

И, наконец, последнее — немедленно выяснить, какими силами располагает Временное правительство.

«Положение было угрожающим, но не казалось еще окончательно определившимся, — писал в своих мемуарах Малянтович, — Мог, казалось, создаться перелом в любую сторону в зависимости от хода событий...»

Тем более в самом начале заседания стало известно, что для охраны Зимнего прибыли три сотни казаков 14-го Донского полка. А до этого к Зимнему подошла еще рота юнкеров школы инженерных прапорщиков во главе с начальником школы полковником Ананьевым. И все же это была лишь капля в море...

Зимний дворец. 12 часов 45 минут

В 12 часов 45 минут на заседание Временного правительства явился из штаба генерал для особых поручений при Главковерхе Левицкий. Он сообщил о своем разговоре по прямому проводу с Духониным о посылке войск с фронта. «Начальник штаба Верховного главнокомандующего уверен, что до прихода войск с фронта казаки и юнкера отразят все наступления...»

Зимний дворец. 12 часов 50 минут

В 12 часов 50 минут Коновалов отправился на переговоры с депутацией казаков, которая пришла в Зимний. Председательское место занимает морской министр контр-адмирал Вердеревский.

Министр земледелия Маслов выражает нетерпение: «Мы слишком много говорим; в такие минуты необходимы действия...» — сменить немедленно Полковникова, а может быть, арестовать его; занять штаб округа сильным отрядом; вверить командование особому лицу; занять почту, телефон, телеграф.

Вердеревский от председательства отказывается — скорее всего потому, что понимает всю абсурдность воинственных планов министра земледелия.

Обсуждается кандидатура Кишкина на роль особоуполномоченного по «восстановлению порядка» в столице. Это предложение вносит Малянтович. Третьяков поддерживает. Никитин — против,

на том основании, что Кишкин «не пользуется особым расположением в широких петроградских кругах, в особенности в демократических...». Но тут Никитина вызвали к телефону.

Звонил из Москвы городской голова «второй столицы» — эсер Руднев. Он сказал Никитину, что положение в Москве пока не определилось и, по его мнению, Временному правительству надо продержаться еще 24 часа...

Тем временем Маслов вновь берет слово: «Я боюсь, что у нас опять начинаются разговоры в такие минуты, когда надо действовать быстро и решительно...»

Но действовать решительно в отсутствие председателя посчитали неудобным, и около часа дня устроили перерыв: «пили чай и ели бутерброды с колбасой и сыром...»

Кабинет министров устроил перерыв, а петроградские чиновники вообще прервали свои дела. «Ввиду тревожных событий, занятия в частных, общественных и правительственных учреждениях 25 октября были прекращены около часа дня, и служащие распущены по домам...» — написала газета «Речь» на следующий день и добавила: «Трамвайное движение не прерывалось...»

Посол США в России Фрэнсис — бывший министр внутренних дел — взял себе за правило обмениваться регулярно мнениями и информацией с министром иностранных дел Временного правительства. Не составляло исключения и 25 октября. К часу дня он уже было собрался нанести визит И. М. Терещенко.

Но в министерстве ему ответили, что у господина министра неотложные дела.

Не только Фрэнсис искал Терещенко. Собравшиеся в Зимнем дворце министры недоумевали, где он. В министерстве иностранных дел царило смятение — потеряли министра. Только чиновник для особых поручений Солдатенков был посвящен в тайну его местопребывания, но решительно отказывался дать какую-нибудь информацию по этому поводу, только заверил, что передаст Терещенко о предстоящем заседании Временного правительства. И в своих воспоминаниях Солдатенков никак не комментировал его отсутствие, лишь упомянул, что «в четвертом часу Терещенко, наконец, пошел во дворец».

Так где же был министр иностранных дел в первые часы после низложения Временного правительства? Есть предположение, что Терещенко встречался с товарищем министра иностранных дел Нератовым, называют даже время, когда это произошло — около 3 часов дня. Но вот содержание беседы не комментируют. Если беседа Терещенко с Нератовым действительно в этот день состоялась, то темой ее скорее всего были тайные договора. Нератов, в прошлом тайный советник царского МИДа, был хранителем самодержавных традиций в отношениях с союзниками. И если соотнести возможную встречу с ним Терещенко 25 октября около 3 часов дня, когда уже закрыть глаза на сам факт вооруженного восстания было невозможно, с информацией, появившейся в «Рабочей газете» 4 ноября, то нетрудно понять, о чем говорил Терещенко с Нератовым. «Большевики, — писала «Рабочая газета», — с первого момента завоевания власти проявили особый интерес к тайным договорам. Их попытки получить их, однако, не увенчались успехом, да и вряд ли вообще увенчаются успехом. Товарищ министра иностранных дел Нератов, оказывается, скрыл-

ся из-под большевистского надзора, приняв предварительно меры к надежной охране договоров России с другими державами».

Балтийскому моряку Николаю Маркину Ленин лично поручит опубликование тайных договоров царского правительства. И поручение это будет выполнено.

«Действительно революционная борьба за мир начата была в России только после победы революции 25 октября, и эта победа дала первые плоды в виде опубликованных тайных договоров», — писал В. И. Ленин.

Петроград. 1 час дня

К часу дня павловцы должны были занять Невский проспект, оцепив его от Екатерининского канала до Полицейского моста через Мойку. Еремеев и комиссар полка Дзенис готовили полк к выступлению.

«У нас было маленькое разногласие — привлекать офицеров или нет... — вспоминает Еремеев. — Комиссар полка и некоторые товарищи находили, что офицеры не пойдут против солдат и, наверное, встанут в строй...»

Еремеев отправляется в Офицерское собрание, где с утра собрались все офицеры полка. По просьбе Еремеева вызвали офицеров; обратившись к ним с речью, Еремеев спросил: «С кем вы?» Последовал ответ командира полка: «Разрешите мне сказать от имени всех офицеров полка. Мы уже обсудили вопрос о возможном выступлении и решили — быть всем в строю. Мы не хотим отделяться от солдат. Очень жаль, что нам не сказали раньше, — мы узнали, что идут приготовления, и думали, что нас хотят отстранить. Если это отпадает, мы все очень рады. Разрешите офицерам разойтись по ротам...»

Уже через двадцать минут после прихода Еремеева в Офицерское собрание ему доложили: «Все готово, можно выводить роты. Но надо, чтобы вы пошли, сказали им несколько слов, тем более что офицеры на местах...»

Еремеев поочередно выступает перед шестью ротами, и вот наконец «рота за ротой выходят из казармы на двор и оттуда колоннами на улицу... Это было, вероятно, около часу дня».

Петроград. 1 час дня

В час дня отряд кронштадтских моряков занял Петроградский военный порт и захватил радиостанцию «Новая Голландия» — самую мощную в Петрограде, а затем — Адмиралтейство. Все офицеры и чины находившегося там Морского штаба были разоружены и арестованы. Командовал отрядом унтер-офицер 1-й статьи, один из руководителей Кронштадтского комитета РСДРП(б) Иван Сладков.

В это же время отряд матросов и солдат Кексгольмского полка занял почтамт.

На следующий день газеты подробно воссоздадут события, связанные со взятием Мариинского дворца. Разгон Предпарламента опишут в своих мемуарах и его очевидцы — Суханов и Милюков.

«Новое время»: «В Мариинском дворце царила атмосфера полной растерянности и разноголосицы...»

«Речь»: «Около часу дня к Мариинскому дворцу подъехал броневик, на котором имелись надписи «Олег» и «РСДРП» ...»

В это время собравшийся по инициативе Авксентьева Совет старейшин пытался решить роковой вопрос: «Что делать?» Не

обошлось без разногласий: одни считали, что необходимо разойтись, другие — остаться. Тем временем солдаты вошли во дворец и «расположились шпалерами» вдоль стен коридоров и лестницы, ведущей в бель-этаж, где собралось немногим более ста человек.

Милюков: «Около часу дня членам президиума было передано требование немедленно расходиться...»

Суханов: «Солдаты не спешили и никакой агрессивности не проявляли...»

После первого предупреждения «немедленно разойтись» Совет старейшин успел еще коротко обсудить создавшееся положение и даже выработать резолюцию, которую, вернувшись в зал заседания, Авксентьев предложил собравшимся там депутатам: «Выразить решительный протест против насилия...» после голосования большинством в 56 голосов против 48 при 2 воздержавшихся было решено «уступить насилию», и депутаты, которые в этот день даже не составили кворума, начали расходиться.

«Никакого эффекта и драматизма не было», — замечает Суханов.

«В этом сказалось общее сознание бессилия этого эфемерного учреждения», — добавляет Милюков.

Выпуская из дворца членов Предпарламента — этого «эфемерного учреждения», караул в поисках министров Временного правительства тщательно проверял документы. Внимательно и подолгу.

Милюков: «Ожидали сортировки членов и кое-каких арестов...» (Очевидно, Милюков в первую очередь имел в виду себя.)

Суханов: «Кадетские лидеры уже готовы были ехать в Петропавловку...»

Но всех пропустили «с полнейшим, даже обидным равнодушием». Задержали лишь заместителя министра внутренних дел Авинова да бывшего начальника канцелярии военного министра Степуна. По слухам — еще князя Оболенского.

Джон Рид стал свидетелем «неудачной» попытки генерала Алексеева, запоздавшего на заседание уже не существующего «предбанника», как называли рабочие Предпарламент, пройти во дворец. Рид тоже пытался прорваться, «размахивая всеми своими бумажками и документами». Но его не пустили. «Вблизи стоял невысокий, седоусый человек в генеральской форме, окруженный кучкой солдат. Лицо его было очень красно.

«Я генерал Алексеев! — кричал он. — Как ваш начальник и как член Совета Республики приказываю вам пропустить меня!..»

Солдат растерялся, подозвал офицера, тот сказал Алексееву, что пропустить его не может: «Ваше превосходительство, вход во дворец строжайше запрещен, и я не имею права вас сюда пропустить». А через некоторое время «один из солдат на глазах нашего сотрудника делал выговор караульной команде... за оплошность в том, что они не задержали генерала Алексеева...» — комментировала газета «Новая жизнь».

Не зря выговаривал караульному «один из солдат», очевидно, комиссар ВРК: генерал Алексеев очень скоро сбежал на Дон, к Каледину, сколачивать белую «грабьармию» — как впоследствии называли контрреволюционную Добровольческую армию. Туда же, после бегства вечером 25 октября в Москву, прибудет и Милюков. Не «угомонится» и Совет старейшин разогнанного Предпарламента: он соберется на следующий день подпольно и примет контрреволюционную резолюцию, в которой будет записано: «1/ Совет республики не прекратил, а временно прервал свою

деятельность. 2/ В лице своего Совета старейшин Совет республики входит в Комитет спасения. 3/ Председателю поручается выпустить воззвание к народу. 4/ Депутатам не разъезжаться и собраться при первой возможности...»

«Воззвание к народу» призовет: «Не исполнять распоряжений, исходящих от Военно-революционного комитета...»

Зимний дворец. 1 час 20 минут

В 1 час 20 минут в Зимнем дворце возобновилось заседание Временного правительства. Коновалов пересказал содержание разговоров с казаками. Ему не удалось уговорить их встать на защиту Зимнего.

Когда казаки уходили из кабинета Коновалова, Ливеровский услышал их разговор — он сводился к тому, что «ни один казак не выступит...».

Военный комиссар при Верховном главнокомандовании поручик В. Б. Станкевич предлагает написать обращение к войскам. Тут же составляет текст, который и принимается.

«В Петрограде назревают грозные события...» — так начиналось это обращение, требовавшее от фронта «решительного отпора изменнической агитации и прекращения бесчинств в тылу».

Министр финансов Бернацкий замечает, что на улицах уже вывешен список новых министров — слухи, невероятные и фантастические, проникли и на заседание кабинета министров.

И тут Коновалов взрывается: почему до сих пор не явились все министры? Уже в пять утра было приказано телефонировать каждому и поставить в известность о том, что на 9 часов утра назначается заседание правительства!

Вердеревский со свойственной ему невозмутимостью заметил, что он вообще не понимает, для чего они собрались и что будут делать дальше: «У нас нет никакой реальной силы, а следовательно, мы бессильны что-либо предпринять, а потому бессмысленно продолжать наше заседание. Было бы лучше созвать заседание Временного Совета Республики...».

В Зимнем не знали о том, что в это время в Мариинском происходил разгон Предпарламента. Не знал в это время контр-адмирал Вердеревский и о том, что Морской штаб арестован отрядом под началом унтер-офицера 1-й статьи Сладкова, будущего комиссара военно-морских сил Советской республики.

Еще после ухода Верховского в бессрочный отпуск Вердеревский подал в отставку. Случилось это чуть ли не в ночь на 25-е. Газеты уже успели раззвонить об этом. Но Вердеревский решил остаться, когда понял, что события разворачиваются стремительно, и уход его будет бегством с тонущего корабля. Он был готов разделить судьбу Временного правительства. (Эмигрант Вердеревский незадолго до своей смерти в победном 1945 году примет советское гражданство.)

«У нас нет никакой реальной силы...» — морской министр мыслил достаточно трезво.

«Мы не петроградское Временное правительство, а всероссийское, — запальчиво ответил Кишкин. — Если у нас в Петрограде нет силы, на которую мы могли бы опереться, — это еще не значит, что во всей России ее нет. Наконец, если у нас нет физической силы, то нужно попробовать опереться на моральную силу. Нужно обратиться к общественным группам, к Совету

республики...» Это были перепевы разглагольствований Керенского на заседании Временного правительства 17 октября.

Коновалов предлагает министрам оставаться в Зимнем дворце «вплоть до ареста».

Зимний дворец. 1 час 30 минут

В 1 час 30 минут из Зимнего отправляют Станкевича в штаб — за Багратуни, от которого надеялись узнать о положении дел.

В 1 час 35 минут в Малахитовом зале появились генерал А. А. Маниковский и П. И. Пальчинский, они и рассказали, что Совет республики разогнан... Министры лишились даже иллюзии «моральной силы».

Теперь осталась надежда только на воинские части с фронта. В своем обращении к войскам правительство не скупилось на аргументы: «Петрограду грозит гражданская война и анархия, вместе с тем грозит приостановка деятельности государственного организма, прекращение дипломатической работы, имеющей целью приближение мира, прекращение работы по созыву Учредительного собрания, приостановка снабжения армии припасами, одеждой и снарядами...»

Вот когда вспомнили о мире!

Смольный. 1 час 40 минут

ВРК предлагает Междурайонному совещанию Советов рабочих и солдатских депутатов передать во все районы телефонограмму о принятии максимальных мер по охране Петрограда.

Накануне ВРК предписал всем районным Советам перейти на военное положение: непрерывное дежурство и тесная связь со Смольным — обязательны. Для связи и координации действий каждый районный Совет направил в Главный штаб революции по пять человек.

25 октября, когда события подходили к своей кульминации, районные Советы брали в свои руки все нити управления. Обращение Ленина «К гражданам России!» было воспринято как призыв к действию. На местах, из недр самих масс рождалась народная власть.

Из протокола экстренного совещания членов Петергофского районного Совета р. и с. д. об организации управления в районе:

«...Для лучшего осуществления полноты власти на деле решено учредить при районном Совете следующие отделы:

1/ Военно-административный, которому подчиняется вся милиция, рабочие боевые дружины и другие вооруженные силы, находящиеся в районе...

2/ Хозяйственно-продовольственный.

3/ Отдел передвижений, которому поручается всеми мерами, вплоть до реквизиции, собрать транспортные средства и заведовать ими».

Это только один из примеров. В районных Советах создавались различные управленческие структуры, различные отделы и службы. Но уже были началом Советской власти.

Зимний дворец. 1 час 50 минут

В 1 час 50 минут на заседание Временного правительства явился начальник штаба округа генерал Багратуни — кандидат на

роль последнего «защитника» кабинета Керенского, который сообщил: «Положение чрезвычайно трудное. Действительное настроение гарнизона неизвестно. Гарнизон никаких приказаний штаба округа не исполняет, но, по-видимому, и не выступает против правительства...»

Коновалов раздраженно требует от Багратуни ответа на три главных вопроса: подсчитаны ли силы, находящиеся на стороне Временного правительства? Сколько их имеется в наличии? Кто будет ими командовать?

«Силы были, — отвечает Багратуни, — 3 казачьих полка и 9-й кавалерийский полк, но несмотря на приказание, ни один полк не вышел. У нас остались училища и школы, это сила большая, но она ипертна. Здесь около 900 юнкеров. Первая Петергофская школа разошлась... имеется еще до сотни офицеров...»

Без пяти минут «диктатор» «с особыми полномочиями» кадет Кишкин задает вопрос, проявляя полную некомпетентность:

«Можно ли освободить Мариинский дворец?»

«Даже... силы для охраны Временного правительства недостаточны», — отвечает Багратуни.

Петроград. 2 часа дня

В 2 часа дня в Петроград прибыли и стали на Неве корабли из Кронштадта. Среди них — минный заградитель «Амур», заградитель «Хопер», яхта «Зарница». Десант кронштадтцев высаживается на берег.

Смольный. 2 часа дня

В 2 часа в Смольном открылось заседание большевистской фракции II Всероссийского съезда Советов. Председательствовал Я. М. Свердлов. Судя по докладам делегатов, большинство на местах — за переход власти в руки Советов. Но для дальнейшей работы теперь, когда этот переход реален, необходимо детальное знание настроений в местных Советах. С этой целью большевистская фракция подготовила подробную анкету более чем из двадцати вопросов. Целью этих вопросов было не только выяснить состав Советов — классовый и партийный, но и направление их работы. Анкета спрашивала, какова деятельность Советов по главным направлениям — контроль над производством, борьба с локаутами и безработицей, борьба со спекуляцией и транспортной разрухой, меры по обеспечению населения продуктами и предметами первой необходимости, роль Советов в аграрном движении и в экономической борьбе рабочих. Анкеты, заполненные представителями фракции большевиков, давали ЦК РСДРП(б) исчерпывающую картину хозяйственного, экономического и политического положения на местах, мало того — всю шкалу настроений и тенденций.

Яков Михайлович Свердлов, очевидно, имел прямое отношение к этой анкете.

ЖИВАЯ СВЯЗЬ

Еще на VI съезде партии в отчете об организационной деятельности ЦК (27 июля 1917 г.) Я. М. Свердлов подчеркнул, что «Центральный Комитет через «Правду» осуществлял идейное

и организационное руководство всей партией». «Правда», публикуя статьи В. И. Ленина, давала ответы на все теоретические вопросы.

В период между Седьмой (Апрельской) конференцией РСДРП(б) (24—28 апреля 1917 г.) и завершением подготовки Октябрьского вооруженного восстания численность рядов партии большевиков увеличилась в три с половиной раза.

В канун Октября она составляла около 350 тысяч человек.

Для Свердлова монолит этих цифр слагался из конкретных людей. Его «совершенно исключительное, необъятное знание всей партии» отмечал А. В. Луначарский: «Какой-то биографический словарь коммунистов носил он в своей памяти. Касаясь всех сторон личности, в пределах годности для той или другой революционной задачи, он с необыкновенной тонкостью и верностью судил людей».

Эта редкая интуиция Свердлова была прирожденной, но обогащалась она опытом партийной работы, которую вел он на протяжении всех нелегальных лет — на воле, в тюрьмах, в ссылке — и легальных месяцев своей дооктябрьской поры жизни, а также последних полутора лет после победы Октября.

Яков Михайлович Свердлов ушел из жизни, когда ему было неполных тридцать четыре года. «Можно сказать, — писал Ем. Ярославский, — что его жизнь разделена на две части. Первые семнадцать лет он готовился к революционной деятельности, а вторые семнадцать лет лихорадочно горел, отдавая свою кровь, свои нервы, свои силы делу рабочего класса... Если сосчитать, как мало был Свердлов-революционер на свободе и как много он сделал, то вряд ли найдутся еще в нашем революционном движении примеры такой огромной работы, проделанной за такое короткое время одним человеком...»

Клавдия Тимофеевна Свердлова, член партии с 1904 года, в книге воспоминаний уточнила «арифметику жизни» своего мужа: «Из тридцати двух лет жизни до революции около двенадцати лет Свердлов провел в неволе: свыше пяти с половиной — в камерах и казематах царских тюрем и шесть — в самых гиблых, далеких углах Сибири, в ссылке. Четырнадцать раз подвергался он арестам».

Вместе на свободе им удавалось быть так редко, что счет вели на дни. «Тысячи верст, а порой нет расстояния — и есть оно и нет... — писал Свердлов жене из ссылки. — Мало вместе, больше вдали, радость — день, печаль, тоска — месяцы... Не днями, не временем, а интенсивностью переживания измерять свою жизнь». Сына Свердлов впервые увидел спустя полтора года после его рождения — в одиночной камере Томской пересыльной тюрьмы. Клавдии Тимофеевне разрешили свидание с мужем.

«Почтительно ходатайствую о поселении Свердлова, ввиду окончания навигации, в с. Парабель; к Свердлову прибыла жена Клавдия Тимофеевна Новгородцева с полуторагодовалым ребенком, которая предполагает остаться в ссылке добровольно», — подал рапорт в сентябре 1912 года на имя томского губернатора чин жандармского управления. Расчет был простой: семья свяжет Свердлова, пытавшегося до этого четыре раза бежать из Нарымского края. Но именно пятый побег оказался удачным.

В Нарыме Свердлов создал Бюро ссыльных, объединив людей,

разбросанных по всему Нарымскому краю. Он знал не только биографии большевиков, живших здесь в ссылке, но и положение дел в партийных организациях, в которых они вели работу до ареста; «знал, — писала К. Т. Свердлова, — где особенно велика потребность в людях, и учитывал это при побеге кого-либо из большевиков из Нарыма, подсказывал кому куда направляться».

После Нарыма была Туруханка.

«Яков Михайлович, — вспоминала Е. Д. Стасова, — умудрялся каким-то непонятным для нас чудом сохранять живую связь со всем миром». Со всех концов России приходили к нему письма. Когда удавалось получить работы В. И. Ленина, Свердлов переписывал их в десятках экземпляров и раздавал ссыльным.

Живя в селе Монастырском, Свердлов не пропускал ни одного парохода, завязывал беседы с пассажирами — это были географы, метеорологи, геологи, изучавшие край. Так он узнавал о том, что происходит в мире.

Год за годом откладывались в его сознании, памяти данные «биографического словаря коммунистов».

Е. Драбкина, работавшая в 1918 году в приемной Свердлова, вспоминала такой эпизод: «Как-то на прием пришел чуть сгорбленный человек с сильной проседью в густых темных волосах. Яков Михайлович в эту минуту разговаривал по телефону. Положив трубку, он сказал:

— Ну, слушаю тебя, Богдан!

Посетитель с недоумением посмотрел на Свердлова:

— Откуда вы меня знаете?

Потом, вглядевшись, вскрикнул:

— Товарищ Андрей! Ты?

Оказалось, что он когда-то работал с Яковом Михайловичем в Нижнем Новгороде, знал его под партийным именем «Андрей» и даже не подозревал, что этот «Андрей» и есть Свердлов. А Яков Михайлович знал и помнил о «Богдане» все — и где тот за эти годы работал, и где сел, и каким этапом шел, и где работает сейчас».

Свердлову удавалось, как определил В. И. Ленин, — «с неслыханной быстротой и успехом деятельность организаторов подполья распространять на деятельность миллионов».

После Февральской революции Свердлов был направлен ЦК РСДРП(б) в Екатеринбург. Он хорошо знал екатеринбургскую партийную организацию, поскольку в 1905—1907 годах был председателем Екатеринбургского комитета, членом Уральского областного комитета РСДРП(б).

На Апрельской конференции Свердлов был в числе делегатов, представлявших Урал. По окончании ее работы он, как член ЦК, остается в Петрограде и ведет организационную работу партии. Она сопряжена со всеми этапами на пути к вооруженному восстанию. И главное в этой работе — расширение связей с массами, воспитание кадров. Свердлов умел распознать способности и наклонности каждого, соотнести масштаб человека с масштабом задач, стоявших перед партией, правильно расставить людей и в Петрограде и на местах. Его работу освещали слова Ленина: «Дайте нам организацию революционеров и мы перевернем Россию».

К. Т. Свердлова вспоминала, как проходило собрание в Смольном, то ли 18, то ли 19 октября, о ходе подготовки вооруженного

восстания. Один за другим докладывали рабочие, революционные солдаты, балтийские моряки.

« — Путиловский завод к выступлению готов, рабочие-путиловцы рвутся в бой!

— Новый Парвиайнен готов.

— Сестрорецкий, Обуховский, Порховский, Петроградский оружейные заводы, завод Айваз, Торнтон, Северный готовы! готовы!! готовы!!!

— По первому призыву партии и Военно-революционного комитета павловцы выйдут на улицу!

— Кронштадт ждет боевого приказа!»

Владимир Ильич высоко оценивал «исключительный организационный талант» Свердлова.

Ф. Ф. Раскольников (в Октябрьские дни он был членом Петроградского военно-революционного комитета) писал: «Фактически в тот период активной подготовки вооруженного восстания, проводившейся через посредство Военной организации и непосредственно через ЦК, все отдельные нити этой работы сходились к Я. М. Свердлову».

«Биографический словарь коммунистов», «напечатанный» в памяти Свердлова, содержал к этому времени уже не сотни и даже не тысячи, а десятки тысяч имен. В нескольких словах он мог полно охарактеризовать человека и редко обманывался.

И что было особенно ценно, «он никогда не украшал, не подмалевывал действительность. Он прямо и резко говорил всем о тех опасностях, которые грозили нам, — писал В. Д. Бонч-Бруевич — ...и никогда никому ни в чем не льстил. Эта прямота в отношениях создавала совершенно особенное расположение к нему рабочих».

Из воспоминаний П. С. Виноградской (члена партии с 1917 г.): «Яков Михайлович всегда преклонялся перед гением Ленина. С первых шагов революции и до последнего дыхания он был верным ленинцем. Но он был не только одним из самых верных учеников и последователей Ленина, а еще как-то по-особому чувствовал и угадывал замыслы Ленина. Свою задачу Свердлов всегда видел в том, чтобы как можно быстрее осуществить то, что намечено вождем революции...»

...8 ноября 1917 года по предложению В. И. Ленина Свердлов был избран председателем ВЦИК, при этом он продолжал оставаться секретарем ЦК РСДРП(б).

С 8 ноября 1917 года до середины марта 1919-го работал Яков Михайлович Свердлов в этом качестве...

С какой проникновенной теплотой, как о живом, и вместе с тем с каким глубинным постижением всей неизмеримой тяжести утраты для партии говорил В. И. Ленин в речи памяти Я. М. Свердлова на экстренном заседании ВЦИК 18 марта 1919 года:

«Тов. Свердлову довелось в ходе нашей революции, в ее победах, выразить полнее и цельнее, чем кому бы то ни было другому, самые главные и самые существенные черты пролетарской революции, и именно в этом в еще гораздо большей степени, чем в его беззаветной преданности революционному делу, заключается значение его, как вождя пролетарской революции».

...Свердлова подстерегла испанка, болезнь набросилась на чело-

века, жившего в постоянном напряжении, отдававшего делу всего себя всю вторую половину жизни...

Но так и слышатся его слова из тюрьмы еще 1913 года:

«О себе не горюю. Мне что? Сил, энергии хватит еще надолго. Так сильна «воля к жизни», что буду жить, жить... возможно полнее...»

Смольный. 25 октября

«Спустя несколько часов работы, я уже знала, что всех, кто спрашивал В. И. Ленина, надо предварительно направлять к Я. М. Свердлову, который сидел в комнате рядом с приемной ВРК. Знала, куда надо направлять людей с записками Ленина и других членов ВРК для получения оружия, грузовой машины, мотоцикла, отряда красногвардейцев...» — вспоминала секретарь бюро комиссаров при Петроградском ВРК С. И. Шульга.

Зимний дворец. 2 часа 10 минут

По записи Ливеровского, в 2 часа 10 минут, после ухода Багратуни, опять возникает вопрос о назначении особоуполномоченного по обороне. Выбирают Кишкина, а в качестве его помощников — Пальчинского и Рутенберга.

Признано необходимым написать воззвание к населению. «Воззванием занялись Карташов, Маслов, Гвоздев. Принимается редакция Малянтовича».

В 2 часа 25 минут объявляется перерыв — для оформления всех принятых решений, связанных с назначением Кишкина.

...А примерно в это время или, может быть, немногим ранее, Джон Рид, Луиза Брайант, Альберт Рис Вильямс и, по-видимому, Бесси Битти проникли в Зимний дворец; это удалось им довольно легко — просто показали свои американские паспорта у входа «с другой стороны». Им был нужен Керенский. У двери кабинета Керенского они спросили молодого офицера, можно ли взять интервью у министра-председателя?

«К сожалению, нельзя, — ответил он по-французски. — Александр Федорович крайне занят... Собственно, его здесь нет...»

«Где же он?»

«Поехал на фронт. И, знаете, ему не хватило газолину для автомобиля. Пришлось занять в английском посольстве...»

«А министры здесь?» — продолжали расспрашивать американцы.

«Да, они заседают в какой-то комнате, не знаю точно».

«Что же, придут большевики?»

«Конечно! Несомненно, придут! Я каждую минуту жду телефонного звонка с сообщением, что они идут. Но мы готовы! Дворец охраняется юнкерами. Они вон за той дверью».

«А можно нам пройти туда?»

«Нет, разумеется, нет! Запрещено...»

Ответил и ушел.

Потом их не пускал старик швейцар, которого они спросили, почему дверь заперта? «Чтобы солдаты не ушли», — ответил старик и тоже ушел — «выпить стакан чаю...».

Все, что происходило с Ридом и его спутниками в Зимнем дворце, было похоже на гофманиану: «Мы открыли дверь. У порога оказалось два часовых, но они ничего не сказали нам. Коридор упирался в большую, богато убранную комнату с золотыми карнизами и огромными хрустальными люстрами. Дальше

была целая анфилада комнат поменьше... По обеим сторонам на паркетном полу были разостланы грубые и грязные тюфяки и одеяла, на которых кое-где валялись солдаты. Повсюду груды окурков, куски хлеба, разбросанная одежда и пустые бутылки из-под дорогих французских вин. Вокруг нас собиралось все больше и больше солдат в красных с золотом юнкерских погонах. Душная атмосфера табачного дыма и грязного человеческого тела спирала дыхание. Все с изумлением глядели на нас, а мы проходили комнату за комнатой, пока не добрались до анфилады парадных покоев... Все помещение было превращено в громадную казарму... На подоконниках были установлены пулеметы, между тюфяками стояли ружья в козлах...»

Американские журналисты разглядывали огромные полотна в золоченых рамах — картины героической русской истории: «12 октября 1812 года», «6 ноября 1912 года», когда окутанный спиртными парами перед ними предстал невысокий, одутловатый, лысоватый штабс-капитан Владимир Арцыбашев, — «весь к вашим услугам...».

Не находя ничего странного во встрече с американцами здесь, в Зимнем дворце, в расположении юнкерских рот, он начал жаловаться им на положение дел в России, на то, что «Керенский открыл военные училища для всех желающих, для каждого солдата, который может выдержать экзамен», на то, что «здесь много, очень много таких, которые заражены революционным духом...». И вдруг заявил, что очень хочет уехать из России: «Я решил поступить в американскую армию...»

Через окно, выходившее на Дворцовую площадь, Рид увидел, как строились «три роты юнкеров». В их командире он узнал комиссара Ставки Станкевича, который после объявления перерыва в заседании кабинета министров решил действовать. «Сознание бездеятельности и пассивности было так ощутимо и неприятно, — вспоминал Станкевич, — что я предложил сам пойти освобождать Мариинский дворец...»

Смольный. 2 часа 35 минут

В 2 часа 35 минут в Смольном, в Актовом зале открылось экстренное заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Зал был переполнен, на заседание, кроме депутатов, были приглашены представители районных Советов и делегаты полковых комитетов частей Петроградского гарнизона. Присутствовали здесь и многие делегаты II съезда Советов.

Впервые после четырех месяцев подполья в Петросовете выступил Ленин.

А. М. Коллонтай: «Ленин открыто направился на заседание Петросовета. Некоторые товарищи пытались удержать Ленина, не допустить его до опасности открытого появления в Совете. Кто это пережил, тот не забудет тех минут напряженнейшего опасения за Ильича... Ленин не слушал предостережений. Он даже не возражал нам. Он спешил в Белый зал, где заседал Совет...

И вот Ленин в дверях зала.

По залу пронесся шелест голосов:

— Ленин!»

С. Х. Агурский: «На трибуне показался председатель Совета. Медленно и кратко он заявляет собранию:

— От имени Военно-революционного комитета объявляю, что Временное правительство больше не существует.

Гром аплодисментов заглушает слова оратора...»

Дальше Троцкий сообщает, что все пока прошло бескровно, неизвестно ни одной «жертвы». Политические заключенные освобождены и уже встали в строй восставших, несколько министров арестовано и Предпарламент распущен...

Затем он предоставил слово Ленину.

И. Ф. Еремеев (красногвардеец Путиловской дружины): «Мы услышали гул голосов. Не зная, в чем дело, схватили винтовки и бросились в коридор. Но тревога была напрасной: это участники заседания восторженно приветствовали появившегося на трибуне Владимира Ильича Ленина».

Г. М. Яррос (журналист, в 1917 году корреспондент американского агентства Ассошиэйтед Пресс): «Трудно описать, что творилось в зале. Это было бушующее море звуков. Просто дух захватывало... Эта буря... продолжалась ровно четыре минуты (я смотрел на часы). Она длилась бы дольше, если бы Владимир Ильич не сделал решительного жеста и не шагнул вперед».

Речь его не протоколировалась. Но очевидцы этих важнейших событий 25 октября 1917 года оставили воспоминания, воссоздающие ее в подробностях.

«ТОВАРИЩИ! РАБОЧАЯ И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, О НЕОБХОДИМОСТИ КОТОРОЙ ВСЕ ВРЕМЯ ГОВОРИЛИ БОЛЬШЕВИКИ, СВЕРШИЛАСЬ!»

Это была речь не просто перед огромной аудиторией после 110 дней молчания. Ленин выступал после напряженных дней подготовки, когда за каждым шагом ЦК, за каждым действием Военно-революционного комитета стояла его непреклонная решимость и воля, когда приходилось собирать воедино все, что могло рассыпаться в любую минуту от одного неверного шага, от неверия или колебания некоторых членов ЦК. Ленин выступал после невероятного напряжения предыдущего дня, когда, казалось, все висело на волоске; это было после бессонной ночи с 24 на 25 октября — первой ночи в Смольном, когда он скорее всего не сомкнул глаз.

«Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? — обратился Ленин к затаившему дыхание залу. — Прежде всего, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создадут власть...»

Ленин говорил о самом главном, самом насущном для каждого, кто пришел в этот зал из рабочих районов Питера, из казарм, с фабрик и заводов, с кораблей Балтийского флота: немедленный мир, земля крестьянам, рабочий контроль и власть Советов.

«В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства.

Да здравствует всемирная социалистическая революция!»

С. Х. Агурский: «Председателю с трудом удается водворить спокойствие. Он предлагает ввиду того, что члены Военно-революционного комитета заняты, прения по докладу не открывать.

Все поняли, что в такой момент нужно дело делать, а не заниматься словопрениями...»

Джон Рид: «После этого Троцкий заявил, что на фронт уже отправлены телеграммы, извещавшие о победе восстания, но ответ еще не пришел. По слухам, на Петроград движутся войска. Необходимо отправить к ним делегацию, чтобы рассказать им всю правду.

Голоса с мест: «Вы предрешаете волю Всероссийского съезда Советов!»

Троцкий (холодно): «Воля Всероссийского съезда Советов предрешена огромным фактом восстания петроградских рабочих и солдат».

Этот «огромный факт» вынудил Троцкого отказаться от идеи передачи власти Временным правительством II съезду Советов.

Володарский зачитывает написанную Лениным резолюцию:

«Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов приветствует победную революцию пролетариата и гарнизона Петрограда. Совет в особенности подчеркивает ту сплоченность, организацию, дисциплину, то полное единодушие, которое проявили массы в этом на редкость бескровном и на редкость успешном восстании»

Совет единодушно принимает эту резолюцию.

Петроград. 3 часа дня

«В 3 часа я пошла в Смольный, — пишет американская журналистка Бесси Битти в своей книге «Красное сердце России». — Мы шли по Морской к телефонной станции. Навстречу строем шла рота кадетов, подтянутых, красивых парней из офицерской школы...»

Это были те самые юнкера, которых видел Джон Рид из окна Зимнего дворца, когда они отправились «брать Мариинский». Битти определила точнее, чем Рид, — Рид называл три роты, Станкевич — роту. Узнав, что у Мариинского дворца стоят броневики, Станкевич «решил ограничиться телефонной станцией, освобождение которой тоже было важным». Вот на подходе к телефонной станции и встретила американская журналистка бравых юнкеров.

«Подойдя к телефонной станции, я оставил половину роты, не доходя до входа во двор, а с другой половиной пошел дальше. Полуроты выстроились поперек улицы. Публика, которая, как обычно, сновала по тротуарам, извозчики со всех ног стали спасаться в боковые улицы, видя, что дело подходит к стычке».

Среди этой «снующей» публики была и Битти: «Седобородый, добродушный на вид дворник втащил меня во двор и с лязгом захлопнул за нами громадные железные ворота...»

«Морская мертвенно пустела, — продолжает Станкевич, — никого, кроме моих юнкеров. Из телефонного двора выбежал прапорщик-большевик и, размахивая револьвером, стал расспрашивать, в чем дело. Я его не застрелил. Он убежал во двор — «В ружье!» — Я думал, что большевики сдадутся без боя, видя, что вся улица в наших руках. Но вдруг со стороны Мариинской площади затрещали выстрелы. Кто стрелял, не знали. Вмиг от моей роты юнкеров осталось на улице только несколько человек, остальные все попрятались в подворотнях и подъездах домов. Положение было неопасное. Стрельба затихла. Юнкера стали понемногу, смущенные, появляться опять. Я подумал уже о реши-

тельных действиях, но показался броневик, и опять тревога в моих рядах. Броневик тихо и спокойно прошелся несколько раз мимо нас по улице, а потом стал у ворот телефона, направив на нас пулеметы. Я решил снять осаду, т. к. чувствовал, что мои юнкера смущены всей обстановкой, да и я потерял уверенность в легкости выполнения задачи. Чтобы не подвергать опасности ту половину роты, которая стояла дальше, проводя ее в строю мимо броневика, который мог открыть огонь по отступавшим, я повел ее кружным путем — по Гороховой и улице Гоголя. Той же полуроте, которая стояла ближе к Невскому, я через офицера дал приказ немедленно возвращаться на Дворцовую площадь...»

По иронии судьбы Битти оказалась свидетельницей и того, что случилось со второй «полуротой», которая стояла ближе к Невскому. Пробираясь дворами и подворотнями, Битти вышла на другую улицу: «...Я вышла на середину улицы посмотреть, что происходит, но какой-то русский офицер сделал мне знак вернуться.

— Через минуту они снова начнут стрелять, — сказал он. — Они пытаются отбить телефонную станцию у большевиков.

Не успел он договорить, как из здания полился поток свинца, и кадеты поспешно бросились искать укрытия. С другой стороны появился броневик, открыл огонь и завершил разгром атакующих».

«Моя полурота вернулась благополучно, — продолжает Станкевич. — Но та, которая была ближе, была окружена на Невском броневиками и значительным отрядом большевиков и разоружена. Так окончилась единственная, насколько я знаю, попытка активного сопротивления большевикам».

Городская дума. 3 часа дня

В 3 часа дня открылось второе заседание Комитета общественной безопасности. Под командованием эсера Ю. П. Мазуренко организовали «гражданскую охрану». В нее вошли домовладельцы, чиновники, служащие. Шел разговор о создании отряда городской гвардии — из буржуазии. Новоявленный начальник «гражданской охраны» уже «показал» себя в дни июльского кризиса: тогда он командовал карательным сводным отрядом.

Во время заседания Г. И. Шрейдер сообщил, что по телефону его поставили в известность о движении к телефонной станции юнкеров Владимирского училища. Для «предупреждения кровопролития» на станцию были направлены кадет А. Д. Коротнев и эсер Г. А. Захаров, которые прибыли на место, когда уже часть юнкеров была арестована, а часть под командованием Станкевича ушла к Зимнему. Встретившие посланцев члены ВРК предложили им немедленно покинуть станцию, и «миротворцы», в очередной раз признав действия ВРК незаконными, удалились.

Павловские казармы. 3 часа дня

В 3 часа дня в Павловские казармы в распоряжение Еремеева пришли 400 красногвардейцев Петроградского района. Вскоре к нему присоединился большой отряд Выборгского района.

Красногвардейцев разместили в помещении маршевых рот полка. Павловцы согрели для них чай, началась беседа.

Командир выборгских красногвардейцев волновался, что они

пришли без пулеметов. Еремеев ответил: «В пулеметах нет нужды, пулеметов в полку достаточно, но применения для них не предвидится, разве только на Марсовом поле, в случае нападения с тыла...»

Еремеев посылает донесение Подвойскому о том, что у него все готово.

Красная гвардия была основной ударной силой вооруженного восстания. 22—23 октября состоялась общегородская конференция Красной гвардии. Ее работой руководили Я. М. Свердлов и Ф. Э. Дзержинский. На конференции был принят устав, создан Главный штаб и районные штабы Красной гвардии для оперативного руководства восстанием. Свердлов и Дзержинский установили прямые контакты с красногвардейскими отрядами питерских заводов и фабрик. По свидетельству Подвойского, первый отряд красногвардейцев и солдат был выведен из Смольного под командованием Дзержинского для захвата опорных пунктов Временного правительства.

РЫЦАРЬ РЕВОЛЮЦИИ

«В Октябрьской революции принимаю участие, как член Военно-революционного комитета...» — писал Дзержинский в своей автобиографии. Такой лаконизм проистекал, конечно, от скромности этого кристальной чистоты человека. Работа Дзержинского как председателя ВЧК по разоблачению и ликвидации контрреволюционных заговоров и мятежей дала подтверждение словам, определившим самый смысл и цель его жизни — «Рыцарь революции». Член партии с 1895 года, он был ее рыцарем и как активный участник польского и российского революционного движения, и в те одиннадцать с лишним лет, которые провел в тюрьмах, на каторге, в ссылках; он был ее рыцарем во время подготовки и проведения вооруженного восстания.

«У Дзержинского был свой талант, который ставит его на свое, совершенно особое место. Это — моральный талант, талант непреклонного революционного действия и делового творчества, не останавливающийся ни перед какими препятствиями, не руководимый никакими побочными целями, кроме одного — торжества пролетарской революции. Его личность внушала непреодолимое доверие» — так выразил В. Р. Менжинский единодушное отношение к нему товарищей по партии.

Из письма Феликса Эдмундовича к жене С. С. Дзержинской от 27 мая 1918 года: «Я нахожусь в самом огне борьбы. Жизнь солдата, у которого нет отдыха, ибо нужно спасать наш дом. Некогда думать о своих и себе. Работа и борьба адская. Но сердце мое в этой борьбе осталось живым, тем же самым, каким было и раньше...»

Живым было его сердце, когда он непреклонно отстаивал ленинский курс на вооруженное восстание.

26 октября Ф. Э. Дзержинский выступил на II Всероссийском съезде Советов по докладу В. И. Ленина о мире:

«Те, от имени которых предложена эта декларация, идут в рядах пролетариата и беднейшего крестьянства; все, кто покинул в эти трагические минуты этот зал, — те не друзья, а враги революции и пролетариата. У них отклика на это обращение

вы не найдете, но вы найдете этот отклик в сердцах пролетариата всех стран. Вместе с таким союзником мы достигнем мира».

Петропавловская крепость. 3 часа дня

К 3 часам Петропавловская крепость была готова к началу боевых действий. С нетерпением ждали «решительных распоряжений» и в оцеплении Зимнего. По словам Подвойского, задерживал штаб на «Авроре», ожидавший подхода кронштадтских моряков.

«Цепи нервничали, — пишет Подвойский. — Руководителям восстания приходилось десятки раз бывать на позициях и в каждой цепи доказывать, что задержка происходит потому, что в самом процессе наступления приходится организовываться, накапливать силы, в то же время группировать их, распределяя и перераспределяя».

Смольный. 3 часа дня

В 3 часа в Смольном собрались Подвойский, Антонов-Овсеенко, Чудновский. «В летучем совещании, — пишет Подвойский, — учли и оценили наше положение».

МИССИЯ ВОЙНЫ

25 октября новоиспеченный посол Временного правительства, только этим утром ступивший на парижскую землю, давал налево и направо интервью французским журналистам, заверял, что у России общая с Францией задача — война с Германией. Приезд В. А. Маклакова буржуазные газеты наперебой расписывали как главное событие, связанное с Россией. Портреты Маклакова, приветствия в его адрес — словом, посол Временного правительства стал героем дня. В частности, газета «Тан» писала, что в его лице она видит «новую Россию и старого союзника». И только на следующий день была напечатана скупая информация из подлинно новой России — в ней Октябрьская революция была названа «максималистскими беспорядками». В словарях не удалось найти перевод на французский язык понятия «большевик». С чьей-то легкой руки в Европе большевиков стали называть максималистами. А буржуазная пресса отражала надежды союзников на то, что исторические события, происшедшие в России 25 октября, всего лишь — «беспорядки».

Через несколько дней после Октябрьской революции Советское правительство обратилось к дипломатам, представлявшим Россию за границей, с предложением «оставаться на своих местах», как обратилось оно к русскому чиновничеству и командному составу русской армии, считая возможным их сотрудничество с Советской властью. Но это было обращение к истинным патриотам России, таким, например, как военный дипломат генерал А. А. Игнатьев, а не к главарям буржуазной контрреволюции.

Депутат II, III и IV Государственных дум, член ЦК партии кадетов В. А. Маклаков, как посол, импонировал парижским официальным кругам.

Еще в июне 1913 года В. И. Ленин писал: «У нас есть контрреволюционные помещики. Есть контрреволюционные либераль-

ные буржуа. В. Маклаков — первый из их числа». Истоки его милитаристской ориентации ведут в предвоенные годы. В декабре 1912 года на заседании Государственной думы Маклаков сказал: «Если Россия не ищет войны, то она ее также и не боится». А спустя неполных пять лет в буржуазных газетах был опубликован отчет о речи Маклакова в связи с планировавшимся в июне 1917 года русским наступлением на фронте: «Судьба России в ее руках... Если нам действительно удастся наступать и вести войну не только резолюциями, не только речами на митингах и знаменами, которые носят по городу, а вести войну так же серьезно, как мы ее вели раньше... тогда быстро наступит полное оздоровление России».

19 июня в «Правде» В. И. Ленин прокомментировал основные положения этой речи, в том числе и призыв Маклакова вести войну, **«как мы ее вели раньше»**, — **«мы»**, т. е. капиталисты с царем во главе! — вести эту войну империалистов значит «оздоровить» Россию, т. е. обеспечить победу капиталистов и помещиков.

Наступление, при всех возможных исходах его с военной точки зрения, означает... укрепление **основных позиций контрреволюции»**.

Заверения Маклакова о том, что Россия будет продолжать войну, стали его верительными грамотами, поскольку с их вручением возникли некоторые осложнения. Итак, в 8 часов 25 минут утра прибыл в Париж на Северный вокзал поезд, которым ехал «наиправейший из кадетов» — Маклаков, дабы представлять во Франции государство Российское. С учетом разницы во времени между Парижем и Петроградом подпись Керенского на верительных грамотах потеряла юридическую силу раньше, чем Маклаков сошел на перрон. Временное правительство уже было низложено.

Вместе с Маклаковым приехал М. А. Стахович, назначенный послом в нейтральную Испанию. О реакции на сей счет председателя Совета министров, министра иностранных дел Испании маркиза Алусемаса вспоминал управлявший посольством в отсутствие посла Ю. Я. Соловьев: «Ведь грамота подписана господином Керенским, а где теперь господин Керенский?»...

Президент Франции Пуанкаре неофициально принял Маклакова. Благожелательно отнеслись союзники к его присутствию на Парижской конференции, проходившей без участия России, надеясь, что «максималисты» — это ненадолго.

Маклаков, ставший эмигрантом, вынужден был признать: «Как ни отвратительна нам деятельность Ленина и большевиков, у некоторых из нас вырывается невольное восхищение перед исключительной ролью, которую они сыграли в России».

Это было сказано в 1921 году в речи «Большевизм и Толстой».

А пятью годами раньше, в мае 1917-го, Маклаков на частном совещании членов IV Государственной думы утверждал: «...мы не обойдемся в России ни без буржуазии, ни без пролетариата, ни без отдельных течений, ни без отдельных лиц».

Ему ответил Ленин в статье «На зубок новорожденному... «новому» правительству»:

«Извините, гражданин Маклаков, но «мы» (партия пролетариата) «обойдемся в России» «без буржуазии». Поживете — уви-

дите и признаете, что иначе из империалистской войны нельзя было выйти».

В октябрьские дни несостоявшийся посол свергнутого Временного правительства гулял по Парижу, осаждаемый репортерами буржуазных газет. А посол Франции в России в один из этих дней отправил премьеру Клемансо сенсационную телеграмму о положении в Петрограде, в Смольном. Ничего, кроме клеветы, она не содержала.

« — Какая жалость, — сказал Нулансу атташе при французской военной миссии Жак Садуль, — вам придется послать опровержение своей собственной информации!

— Во всяком случае, до завтра я этого не сделаю... моя депеша должна доставить такое удовольствие Клемансо! Я бы не хотел портить ему ночь. Он бы мне этого не простил, — ответил посол».

Жак Садуль вел дневник. Вот две записи первых дней революции:

25 октября. «...только большевики кажутся людьми дела, инициативными и смелыми».

27 октября. «...Я не большевик.

...Сегодня большевизм стал фактом. Я это констатирую. Это сила, которую, по-моему, не в состоянии сломить никакая другая русская сила».

Зимний дворец. 4 часа дня

К этому времени все бумаги по передаче Кишкину «неограниченной власти» в целях борьбы с революцией были оформлены: «Возложить на члена Временного правительства Н. М. Кишкина исключительные полномочия по водворению порядка в столице и защите Петрограда от всяких анархических выступлений, откуда бы они ни исходили, с подчинением ему военных и гражданских властей...»

Министр Никитин впоследствии комментировал назначение Кишкина: «Кадету в моральном отношении легче было брать на свою ответственность распоряжения о кровопролитной расправе, чем министрам-социалистам».

В помощники себе Кишкин взял близкого к промышленным кругам Пальчинского и эсера Рутенберга, которого Суханов называл «другом и alter ego» * Савинкова. В свое время Рутенберг был «штурмовиком» в боевой организации партии социалистов-революционеров, которую возглавлял провокатор Азеф. Были в его биографии и темные страницы связи с Гапоном, участвовал он и в его казни на отдаленной даче под Петроградом — в лучших традициях бульварных романов.

Вот такая триада во главе с министром призрения — то бишь социального обеспечения — готовилась «обеспечить» Петрограду «порядок».

В 4 часа 15 минут Кишкин, Пальчинский и Рутенберг ушли в штаб — «для удобства руководства делом обороны», как записал Ливеровский. И добавил: «Их телефоны 5-76-62 и 2-65-40».

Но ведь телефонная станция в руках ВРК и телефоны Зимнего отключены?

«Телефон работал долго, — пишет Малянтович. — С городом,

---

* Alter ego — второе «я» (лат.).

с разными лицами разговаривали многие: Вердеревский, Кишкин, Никитин и другие...» И в другом месте: «Разговоры по телефону велись непрерывно с разными организациями и лицами — то о том, то о другом. Кажется, с Никитиным больше всех...»

Очевидно, в Зимнем, как и в военном министерстве, была автономная телефонная связь.

Смольный. День

Ленин торопил со взятием Зимнего.

«Да, задержка была большая, — вспоминал Подвойский, — сначала было предложено взять Зимний к утру (25-го), но так как во время самих операций приходилось организовывать наши военные силы и, главное, организовывать связь, то затяжки были неизбежны...»

Однако у Владимира Ильича, в деталях знавшего ситуацию в Петрограде на каждый час, точка зрения была иная.

А. С. Бубнов: «Владимир Ильич очень торопил со взятием Зимнего и основательно нажимал на всех и на каждого, когда не было сообщений о ходе наступления».

В. Д. Бонч-Бруевич: «Владимир Ильич был очень недоволен тем, что мешкают со взятием Зимнего дворца...»

Н. И. Подвойский: «Войска с нетерпением ждали удара на Зимний, и каждая проволочка вызывала сильный ропот и возмущение...»

Ощущение Ленина было точным и совпадало со стремлением масс.

И тем не менее «сроки взятия Зимнего переносились последовательно на 12, на 3 и на 6 часов...» — вспоминает Подвойский.

Зимний. 4 часа 15 минут

Итак, в 4 часа 15 минут Кишкин отправился в штаб, чтобы «навести порядок». Первой и главной его акцией были следующие приказы:

«Приказ № 1.

На основании полномочий, данных мне Временным правительством, освобождаю главнокомандующего Петроградским военным округом Георгия Полковникова от исполнения возложенных на него обязанностей с зачислением в резерв Петроградского военного округа.

Приказ № 2.

На основании предоставленных мне Временным правительством полномочий возлагаю обязанности главнокомандующего Петроградским военным округом на начальника штаба округа генерал-майора Багратуни».

В знак протеста подали в отставку помощник Полковникова Параделов и еще несколько штабистов.

Кишкин незамедлительно начал действовать, пытаясь упорядочить силы обороны дворца, вдохнуть решимость в «перегоревших» юнкеров и ударниц. Пальчинский записал в своем дневнике: «Объяснения с начальниками училищ, казаки... Нет продовольствия, нет плана. Растерянность и вялость офицеров и отсутствие настроения у юнкеров, о которых не было достаточно заботы...»

Полковник Ананьев, назначенный начальником обороны двор-

ца, распределил все силы по участкам, приказал построить баррикады у Зимней канавки и Дворцового моста. Но на это уже не было времени. Остались только те баррикады из дров, которые еще утром сложили у дворца юнкера.

В 4 часа 20 минут стало известно, что журналист Климов, взявшийся доставить воззвание Временного правительства в какую-нибудь газету, задержан матросами. Автомобиль Климова конфискован.

Коновалов пробовал созвать в Зимнем дворце совещание общественных деятелей различных партий, близких правительству. Доступ в Зимний был открыт фактически до шести часов. Однако никто, кроме Набокова, не откликнулся.

«Все наши просьбы, а затем и самые резкие заявления другим организациям и партиям ни к чему не привели...» — писал Никитин.

«Из города сообщали, что население взволновано, очень настроено против большевиков... — писал Малянтович. — Идут партийные заседания: все партии высказываются против большевиков и против их выступления... Высказываются! Это было необыкновенно утешительно!.. Пришли в действие все городские говорильни!..»

25 октября газета московских большевиков «Социал-демократ» опубликовала передовицу.

«Петербург не должен оставаться одиноким... — писала газета. — Революционные действия Петербургского Совета должны быть поддержаны по всей России, и прежде всего в главнейших центрах... Все должны быть в боевой готовности. Мы можем быть в любой момент поставлены перед необходимостью решительных действий и должны приложить все усилия, чтобы не быть захваченными ими врасплох».

Известие о восстании в Петрограде стало сигналом к началу революционных действий по всей стране.

Иваново-Вознесенск

На заседании Совета р. и с. д. товарищ председателя президиума исполкома Дмитрий Фурманов огласил полученное из Петрограда сообщение о низложении Временного правительства, встреченное бурей аплодисментов. Избран Временный революционный штаб во главе с Д. А. Фурмановым. 199-й пехотный запасный полк на объединенном собрании солдатской секции Совета заявил, что он берет на себя охрану города.

Иваново-Вознесенская городская дума, выбранная два месяца тому назад, более чем на восемьдесят процентов состояла из большевиков. Телеграмма из Петрограда о происшедшем перевороте была получена во время заседания городской думы. Сообщение председателя о переходе власти к Советам было встречено оглушительными рукоплесканиями гласных и возгласами: «Наконец-то! Давно пора!»

Орехово-Зуево

Совет рабочих и солдатских депутатов объявил о переходе власти в его руки. Революционный центр, избранный на заседании

Совета, поставил охрану у банка, телеграфа, на почте, на электростанции.

Воронеж

По инициативе губернского комитета РСДРП(б) создан Военно-революционный комитет, названный «Органом действий». Принято решение о подготовке к восстанию.

Минск

В полдень стало известно о вооруженном восстании в Петрограде, а уже в два часа дня по городу был расклеен приказ № 1 «К населению города Минска и его окрестностей» Минского исполкома Совета р. и с. д., в котором объявлялось о взятии власти Советом. Совет обращался ко всем революционным организациям и политическим партиям с призывом о немедленном создании временной революционной власти на местах. Во все правительственные учреждения были направлены комиссары ВРК. Из тюрьмы освобождено 2 тысячи революционных рабочих и солдат. Сформированный из них первый революционный полк имени Минского Совета вечером встал на охрану революционного порядка в городе.

Уфа

На совместном собрании военной организации большевиков и солдат гарнизона принята резолюция, требовавшая передачи власти Советам. В тот же день был организован легион свободы из наиболее революционных солдат гарнизона, куда в тот же день записалось до двух тысяч человек.

Страна бурлила. Фабрики, заводы, воинские части выступали в поддержку действий петроградских большевиков. Однако в ряде городов стремление масс к революционному переустройству наталкивалось на серьезное сопротивление как городских властей, так и представителей враждебных партий. Так, на заседании исполкома Киевского Совета р. и с. д. разгорелась борьба между большевиками и другими фракциями по вопросу создания Военно-революционного комитета. Киевская городская дума объявила о решении создать комитет для поддержки Временного правительства, а командующий Киевским военным округом генерал Квецинский строжайше запретил митинги, собрания и демонстрации.

Но Красная гвардия насчитывала в Киеве уже до 5 тысяч человек, и именно она взяла на себя функцию охраны города.

В Винницу прибыл карательный отряд, командир которого потребовал ареста большевиков и вывода на фронт 15-го полка, а также сдачи оружия. Полк отказался покинуть город, и Винницкий Совет большинством голосов принял решение: вооружить винницкий гарнизон, взять под свою охрану оружейные мастерские VII армии, усилить караулы у телеграфа, почты, железнодорожной станции, добиться вывода из города карательных войск.

В Одессе штаб округа запретил собрания и митинги.

Бурно проходили события этого дня в Казани, где меньшевики и эсеры отчаянно сопротивлялись воле большевиков к передаче власти Советам.

Атаман Каледин, получив известие о событиях в Петрограде,

разослал войскам Донецкой области телеграммы, в которых заявлял о своей полной поддержке Временного правительства и о том, что Войсковое правительство принимает на себя всю полноту государственной власти на Дону.

Кронштадт

Из сообщения газеты «Новая жизнь» от 26 октября: «...вчерашний день прошел в Кронштадте совершенно спокойно. Караульная служба не нарушалась. Сформирована Красная гвардия. Порядок в городе прежний».

В 16 часов 35 минут с эскадренного миноносца «Самсон» получена радиограмма: «17 час. 30 мин., подойду. Приготовьте ружья, патроны, консервы, хлеб. «Самсон».

Зимний. 4 часа 45 минут

Запись в дневнике Ливеровского: «Рассказ Станкевича о переговорах со Ставкой. Надо продержаться 24 часа, а может быть, и 48».

«В каком положении посылка отрядов с Севфронта?» — задал Станкевич вопрос Духонину.

Духонин: «...войск назначено достаточно... самокатные батальоны в ночь на сегодняшнее число со станций Передольское и Битецкая отправлены по железной дороге в Петроград. По моим подсчетам, они должны бы уже давно прийти по назначению. Неужели нет сведений об их приходе? Мне передавали, что поехали их встречать. Более подробных сведений о других частях нет, ибо Севфронт их еще собирает, но я думаю, что войска продвигаются по железной дороге из Ревеля через Псков и Финляндию... Мне непонятно, почему столь ничтожны силы правительства?.. У нас спокойно. Комитет общеармейский высказался против выступления большевиков и вошел в связь со всеми комитетами фронтов».

Станкевич: «Я думаю, что начальником приходящих эшелонов необходимо давать указания, что... им следует, оставив охрану на вокзале, немедленно идти к штабу округа и к Зимнему дворцу, хотя бы на улицах им пришлось встретиться с препятствиями...»

Духонин: «Я считаю необходимым условием высылку подходящим навстречу войскам на 2—3 станции особо доверенных лиц из Петрограда...»

Станкевич: «Слушаюсь... Ваши указания не только передам, но, может быть, и сам постараюсь выехать навстречу...»

Зимний, 5 часов вечера

Запись в дневнике Ливеровского: «Я передал по телефону Константинову (товарищ министра путей сообщения) для передачи по телеграфу всем воззвание Временного правительства». Это была вторая попытка — уже через железнодорожный телеграф — распространить воззвание низложенного правительства.

Петроград. 5 часов вечера

В пять часов вечера от Морской улицы, от Исаакиевской и Сенатской площадей вдоль набережной Невы к Зимнему двинулись отряды матросов.

В 5 часов отряды Красной гвардии Петроградского и Выборгс-

кого районов вышли из Павловских казарм, чтобы занять отведенные им боевые позиции у Певческого моста через Мойку и у Конюшенной площади.

«В связи с указанием товарища Подвойского и полагая, что наступление моряков уже началось, я вывел и Красную гвардию, направив один отряд поменьше к Капелле, другой к Конюшенной площади, — вспоминал К. Еремеев. — Затем послал приказ прекратить всякое движение посторонних и медленно продвигаться вперед к центру, на охват штаба округа, с правого фланга на охват Зимнего...»

Посланная Еремеевым разведка сообщила, что на Зимний «надвигаются большие отряды матросов с броневиками».

«Движение трамваев с той стороны прекратилось», — продолжал Еремеев, и его запросили, что делать с трамваями, которые скопились перед Полицейским мостом. Вокруг трамваев собиралась толпа — из тех, кто «не доехал» по назначению, да и просто из зевак. Трамваи решено было отправить кружным путем. Чтобы не скапливались зеваки, Еремеев направил на Невский проспект роту, которая оттеснила толпу до Казанского собора. «В предупреждение новых больших скоплений мы выставили взвод на углу Конюшенной, который протянул поперек Невского редкую цепь. Солдаты цепи должны были предупреждать публику, что вниз по Невскому нет прохода, и пропускали только живущих в домах этого района...»

Разведчики без оружия, которые прошли до Садовой, сообщали, что на Казанской площади и у Михайловской улицы «народу немного». Толпы собирались на углу Садовой и дальше по Невскому. «Особенно толпятся у редакции газеты «Вечернее время», которая вывешивает плакаты с новостями». Черносотенцы, собиравшиеся то тут, то там для организации контрреволюционных демонстраций, так на них и не решились — авантюризм подобных попыток был очевиден.

«В разговорах публики толкуют о съезде, о роспуске Государственного совета, но не слышно ничего о вооруженных выступлениях. По-видимому, публика совсем не представляла себе, что делается за завесой оцепления...» — подытожил Еремеев.

Зимний. 5 часов 30 минут вечера

В. Д. Набоков приходил в Зимний дважды и каждый раз заставал министров в растерянности — «одни ходили взад и вперед по зале, другие стояли у окна...», говорили, что «Керенский их бросил и предал, что положение безнадежное...». Кто-то говорил, что непременно нужно продержаться 48 часов — до прихода «верных» войск. «Присутствие мое оказалось совершенно бесполезным, — пишет Набоков, — помочь я ничем не мог, и, когда выяснилось, что Временное правительство ничего не намерено предпринимать, а занимает выжидательную позицию, я предпочел удалиться...»

Каких действий ждал от запертых «в мышеловке» министров Набоков? Каких действий ждали от низложенного правительства «представители общественности»? Что выжидали партийные и общественные «говорильни»?

«...Около Временного правительства образовалась пустота, ибо от него отказались все партии, производным от которых Временное правительство было», — резюмирует Никитин.

Набоков «удалился» как нельзя вовремя — через 15—20 минут после его ухода кольцо оцепления сомкнулось. Это было около 6 часов вечера.

Петроград. 6 часов вечера

В это время кексгольмцы, продвинувшись по набережной Мойки к Полицейскому мосту, соединились с частями Павловского резервного полка, замкнув кольцо осады.

Из более чем 100 тысяч солдат, матросов и красногвардейцев, задействованных в восстании, непосредственно к штурму Зимнего были готовы боевые силы порядка 20 тысяч человек.

На центральном направлении готовились к штурму части Петроградского и Преображенского полков, а также — Литовского, Волынского и Павловского. К их диспозиции — по линии Невского проспекта и из-под арки Главного штаба — в 6 часов присоединились красногвардейцы Путиловского и Обуховского заводов, расположившиеся по центру — непосредственно перед фронтоном дворца. Значительные силы Красной гвардии Петергофского, Московского и Рождественского районов поддерживали центральное направление.

Правый фланг от Марсова поля до штаба округа обеспечивали красногвардейцы Петроградского, Выборгского, Сестрорецкого и других районов, солдаты Павловского резервного полка. По прибытии в Питер к ним присоединятся моряки Ревельского ударного батальона.

Левый фланг — от Адмиралтейской набережной до Александровского сада — занимали моряки Кронштадтского сводного отряда и красногвардейцы Василеостровского, Нарвского, Московского и других районов. В резерве левого фланга — части Егерского, Семеновского и Волынского полков.

На Неве, замыкая кольцо осады, стояли в боевой готовности корабли во главе с «Авророй». Через Неву на дворец были направлены пушки Петропавловской крепости.

Последний срок штурма был перенесен на 6 часов вечера. «Затем уже сроки не назначали», — вспоминал Подвойский.

«В 6 часов вечера на Дворцовую площадь прибыли броневики Военно-революционного комитета. Их расположили так, что все входы и выходы на Дворцовую площадь оказались преграждениями, — писала газета «Новое время». — Команда, сопровождавшая броневики, вступила в переговоры с заставами юнкеров, охранявших Зимний дворец. Юнкерам предлагалось не тратить бесцельно снаряды, не рисковать жизнью, ибо сопротивление будет подавлено».

По самым максимальным подсчетам, сделанным П. И. Пальчинским, общая численность защитников Зимнего не превышала 3 тысяч человек, из которых большую часть составляли юнкера (около 1800 человек), женщин-ударниц было 200 человек.

В 6 вечера с Дворцовой площади юнкера Михайловской артиллерийской школы ушли с 4 орудиями. Увел их комиссар Михайловского училища К. Акашев. «...Я предложил капитану Братчикову (курсовому офицеру, командовавшему артиллерией) следующий план, — вспоминал Акашев. — Отдать юнкерам приказ вывести орудия на Дворцовую площадь, не говоря о дальнейших действиях». Братчиков, очевидно, понимая бессмысленность

сопротивления, приказал юнкерам собираться. Юнкера, подчиняясь приказу, стали впрягать лошадей, «но кто-то пустил слух, что это делается, чтобы ехать в училище... Мне пришлось сказать небольшую речь, в которой я требовал исполнения приказа, а не митингования, которое «недостойно юнкеров»... — пишет Акашев. Юнкера стали седлать лошадей, а Братчикова вызвали в штаб для объяснения... Операция чуть не сорвалась. Уже на выезде с Дворцовой площади Акашева, ехавшего на лошади в конце колонны последней батареи, нагнал посланный из штаба офицер. «...Я ехал, сбивчиво отвечая на вопросы дежурного офицера. Последний все больше и больше волновался и, видя, что артиллерия рысью уходит на Морскую улицу, схватил мою лошадь под уздцы, наставив на меня револьвер, объявил, что я арестован. Я слез с лошади и пошел в окружении юнкеров вовнутрь дворца, надеясь как-нибудь скрыться в саду... Юнкера, однако, шли рядом со мной и расспрашивали, почему ушла артиллерия...» Акашева спасла случайная встреча со Станкевичем, дружеский разговор с которым снял с Акашева подозрения юнкеров, и он, уже без сопровождения, отправился в штаб округа, где и «затерялся». А артиллерия к тому времени почти вся ушла с Дворцовой площади — всполошившимся офицерам штаба удалось задержать только два орудия из шести. Какова дальнейшая судьба уведенных четырех? Вот строки из доклада комиссара Павловского резервного полка В. П. Сафонова: «В 6 часов вечера от Зимнего дворца направилось 4 орудия по Морской улице. Подъезжая к Невскому проспекту, они были задержаны нашими патрулями вместе со 150 юнкерами. Юнкера, видя, что солдат мало, стали сопротивляться и намеревались уехать. В это время подъехал наш броневик и подбежали несколько солдат с заставы, которыми артиллерия и была взята. Юнкера были отправлены в полк, а с ними и два орудия. Два же орудия были поставлены на Невском проспекте на мосту Мойки и направлены на Зимний».

После ухода михайловцев «между юнкерами начали все сильнее сказываться неспокойные настроения и колебания, — вспоминал Солдатенков. — Многие из них в одиночку и группами покидали дворец и уходили по домам».

Зимний. 6 часов вечера

«В 6 часов в Малахитовом зале собрались все члены Временного правительства, — вспоминает все тот же Солдатенков. — Было открыто заседание для обсуждения дальнейшего плана действий. Сидели где попало — на диване, на сдвинутых кругом него стульях...»

Малянтович: «...был поставлен вопрос, как должно себя дальше вести Временное правительство, — могут ли члены его разойтись по своим ведомствам, или... правительство должно продолжить непрерывное заседание вплоть до разрешения кризиса...»

Солдатенков: «Терещенко и Гвоздев возражали против целесообразности такого решения. Гвоздев указал, что сидение и защита Зимнего ни к чему не приведут... следует ли рисковать жизнью горстки молодых людей, оставшихся верными своему долгу, раз уверенности в скором приходе Керенского нет... Гвоздев предложил, чтобы все министры покинули дворец и до прихода Керенского скрывались по частным квартирам... Юнкерам же

будет предоставлена возможность разойтись по домам...» Гвоздева поддержал Терещенко, но здравый смысл не мог возобладать над министерскими амбициями. Гвоздев и Терещенко оказались в одиночестве.

Солдатенков: «Указывали, что для людей, носящих высокое звание членов правительства, недостойно скрываться как преступникам, что должно дискредитировать их в глазах масс...»

Малянтович: «Временное правительство не выполнит своих обязанностей, если не останется в Зимнем дворце в полном составе и не объявит свое заседание непрерывным до окончательного разрешения кризиса...»

В дневнике Ливеровского запись: «Предложение Вердеревского. Речь Гвоздева. Речь моя. Решено остаться...»

Петропавловская крепость. 6 часов вечера

В 6 часов в Полевом штабе в Петропавловке было созвано совещание командиров частей. Полная боевая готовность и нетерпение в рядах революционных войск требовали действий:

«...решено было перед штурмом послать в Зимний дворец парламентеров с предложением правительству очистить дворец», — писал Подвойский.

В 6 часов комиссар Кронштадтского сводного отряда Н. И. Смирнов докладывал в Кронштадт: «Доводим до сведения Исполнительного Комитета, что десант высажен и установлен окончательный контакт с петроградскими частями. Ждем дальнейшего наступления. Сейчас приступаем к окончательной операции по отношению к Зимнему дворцу и штабу. Предъявляется при помощи делегации ультиматум. Если отвергнется, то открываем огонь».

Два парламентера — В. Фролов и А. Галанин на велосипедах отправились в штаб округа — через Троицкий мост и по Миллионной. Они везли напечатанный на машинке ультиматум (текст его сохранился только в дневнике Ливеровского):

«Постановлением Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов Временное правительство объявляется низложенным. Вся власть переходит в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Зимний дворец окружен революционными войсками. Орудия Петропавловской крепости и судов «Аврора», «Амур» и других наведены на Зимний дворец и Главный штаб. Именем Военно-революционного комитета предлагаем членам Временного правительства и вверенным ему войскам капитулировать. Временное правительство, чины Генерального штаба и высшего командного состава арестовываются, юнкера и служащие разоружаются и по проверке личностей будут освобождены.

Для ответа вам предоставляется 20 минут. Ответ передать посланному. Срок ультиматума истекает в 19 часов 10 минут, после чего немедленно будет открыт огонь. Эвакуацию лазарета необходимо закончить в предоставленный для ответа срок. Эвакуацию производить по Миллионной улице. Ответ передать посланному.

Председатель Военно-революционного комитета Антонов.
Комиссар Петропавловской крепости Г. Б.
25 октября 1917 г.».
(Г. Б. — Георгий Благонравов)

Зимний дворец. 6 часов 30 минут вечера

Министры отправились обедать наверх — в столовую Керенского, расположенную в покоях Николая II. Ливеровский перечисляет: «Все министры плюс Солдатенков... (Суп, рыба, артишоки.) За особым столом Коновалов, Терещенко, Карташов и я. Мысль Карташова о массивных серебряных ложках 1848 года...»

Штаб округа. 6 часов 30 минут вечера

В это время генерал Багратуни вел разговор по прямому проводу с Главкосевом Черемисовым:

«Багратуни: У аппарата генерал Багратуни.

Черемисов: У аппарата Главкосев Черемисов. Пожалуйста, сообщите последнее положение дел, где находится Временное правительство, свободен ли Зимний дворец, сохраняется ли порядок в городе, прибыли ли самокатчики?

Багратуни: Положение продолжает оставаться очень тяжелым. Временное правительство находится в Зимнем дворце, последний свободен; войсками, верными правительству, занимается площадь Зимнего дворца, которая окружена постами частей гарнизона, которые повинуются Петроградскому Совету. Порядок в городе сохраняется, самокатчики не прибыли. По слухам, они остановлены в 70 верстах от Петрограда.

Черемисов: Кем остановлены?

Багратуни: Очевидно, распоряжением Петроградского Совета.

Черемисов: Свободен ли доступ в Зимний дворец?

Багратуни: Доступ в Зимний дворец свободен, но доступ на площадь и выход из него почти закрыт».

Багратуни пришлось прервать разговор — в штаб явились парламентеры с ультиматумом ВРК. Было 6 часов 50 минут.

Сообщив в Зимний об ультиматуме, Кишкин попросил парламентеров продлить срок ответа. Добавили 10 минут.

Зимний. 7 часов 10 минут вечера

В кабинете Коновалова собрались министры.

Морской министр контр-адмирал Вердеревский и управляющий военным министерством генерал Маниковский были единодушны: с военной и технической точки зрения сопротивление бесполезно. Однако после некоторых колебаний они согласились, что держаться следует до конца.

— Что грозит дворцу, если «Аврора» откроет огонь? — спросил контр-адмирала кто-то из министров.

— Он будет превращен в кучу развалин, — ответил тот спокойно. «Только щеку в углу правого глаза задергал тик...»

В 7 часов 15 минут из штаба пришел Кишкин.

«Было решено ничего не отвечать на ультиматум. Может быть, это простая угроза. Может быть, даже она указывает на их бессилие... У нас так мало защитников, и настроение большинства из них таково, что и без артиллерийских орудий взять нас нетрудно... И мы уступим словесной угрозе тогда, когда успех их еще не обеспечен, а может быть, и не будет достигнут? Предположение маловероятное, но момент, во всяком случае, для сдачи еще не наступил. Парламентер, доставивший ультиматум, был отпущен с объявлением, что никакого ответа не будет...» — так обосновал Малянтович решение Временного правительства.

...Черемисов безрезультатно ждал, когда вернется к аппарату

Багратуни, потом говорил со штабным офицером, который не мог ответить на его вопросы, и наконец, уже разъяренный, услышал голос дежурного офицера:

«Штаб занят войсками Военно-революционного комитета. Прекращаю работу, ухожу... покидаем штаб сейчас все».

Это отряд красногвардейцев, матросов и солдат Павловского полка, не дождавшись ответа, по истечении назначенного срока занял штаб округа.

Зимний дворец. Вечер

Со вторым ультиматумом ВРК прибыл Г. Чудновский. Ему пришлось дожидаться, пока Пальчинский выступал перед юнкерами Инженерной школы прапорщиков, построенными во дворе. Было уже совсем темно.

Депутации юнкеров с требованием изложить точку зрения Временного правительства, митинги, на которых выступали министры, этим вечером, кажется, не прекращались.

Чудновский слышал речь Пальчинского. Тот уверял юнкеров, что на стороне большевиков ничтожная кучка солдат из различных частей войск, что ни одна из последних целиком не восстала против Временного правительства и что они, юнкера, обязаны исполнить свой долг. На его вопрос: «Исполните ли вы этот долг?» — раздались лишь отдельные голоса: «Исполним».

Пытаясь ободрить защитников Зимнего, Пальчинский заверил их, что Керенский в 40 верстах от Петрограда — он идет с войсками из Луги. Кто-то бросил реплику:

— Справьтесь по железнодорожному справочнику, сколько верст от Луги, прежде чем выступать.

Это вызвало бурю среди юнкеров. Верст было не 40, а все 120.

«Увидев меня, Пальчинский замахал руками: «Арестовать, арестовать», — вспоминает Чудновский. — ...Под стражей в одном из коридоров дворца я был сейчас же окружен толпой юнкеров... Юнкера потребовали немедленного моего освобождения... Они потребовали, во-вторых, чтобы их немедленно выпустили из дворца, так как они не желают участвовать в безнадежной игре...»

Ответа на второй ультиматум Чудновский не получил, зато успел провести во дворце рекогносцировку и рассказать юнкерам, какая ситуация сложилась в Петрограде к вечеру 25 октября. Вывел Чудновского из дворца прапорщик Миллер.

В качестве агитатора проник в Зимний и представитель ВРК П. Дашкевич.

Петроград. Вечер

...Весть о сдаче штаба разнеслась по цепям окружения. До Петропавловской крепости она дошла искаженной — связной передал Благонравову и Антонову-Овсеенко, что сдался Зимний.

Благонравов: «Выхожу за крепостные ворота, на мостике отчаянно тарахтит чей-то автомобиль. Подхожу ближе, узнаю товарищей Подвойского и Еремеева: они объезжают действующие части и заехали в крепость, чтобы узнать о положении. Сообщаю им весть о взятии Зимнего...»

Подвойский: «...Мы с Еремеевым, захватив Благонравова, поехали к Павловским и Преображенским казармам. Здесь солдаты... у костров ликовали по случаю победы. От них отделялись

группы и направлялись в Зимний. Мы же, получив от солдат подтверждение о сдаче, без всяких предосторожностей с зажженными... фарами направились во дворец. Но едва наш автомобиль поднялся на мост через канавку у Эрмитажа, нас встретил пулеметный огонь с баррикад...»

Смольный. 8 часов вечера

Делегаты собирались в Актовом зале института. На 8 часов вечера было назначено открытие съезда, но оно затягивалось по вине меньшевиков и эсеров.

Ленин торопил со взятием Зимнего. Срок ультиматума истек, а пушки молчали. Благонравов, получив приказ Подвойского открыть огонь по Зимнему, вернулся в Петропавловскую крепость.

На «Авроре» ждали сигнала Петропавловской крепости. Набережные Невы усыпала глазеющая публика. «Очевидно, — писал И. Флеровский, — в голове питерского обывателя смысл событий не вмещался, а зрелищная сторона была привлекательна...»

Между тем состояние было предгрозовое.

Пушки еще молчали. В цепях окружения нервничали. Росла тревога: «Почему не начинают?..»

Подвойский: «Войска теряли всякое терпение и сами собой продвигались вплотную к площади дворца, затевая редкую перестрелку с защитниками Зимнего».

Районные штабы Красной гвардии сформировали новые отряды. Они шли с Путиловского и Сестрорецкого, с «Вулкана» и «Скорохода», с небольших заводов — Щетинина, Дюфлона, Лангензиппена...

Зимний. 8 часов вечера.

В 8 часов из Белого зала, где проходил митинг юнкеров, вернулись Кишкин, Коновалов и Гвоздев. Защитники дворца изъявили желание видеть всех членов кабинета.

В 8 часов 10 минут Пальчинский доложил о том, что штаб занят силами ВРК.

Ливеровский: «8 часов 15 минут. Вердеревский и Карташов подняли вопрос о действительности в обстоятельствах текущего момента наших полномочий. Все от нас откололись. Не должны ли мы сдать власть».

Маляитович: «Сколько времени мы здесь проведем? Чем все это кончится? Как мы должны вести себя? Какое распоряжение отдать охраняющим нас частям войск?.. Защищаться до последнего человека, до последней капли крови? Во имя чего? Если власть не защищают те, кто ее организовал, нужна ли она? Если же она не нужна, если она изжита, кому и как ее передать и по чьему приказу?.. Мы не можем ее швырнуть на площадь в руки толпы. Ни разум, ни сознание долга этого не позволяют».

Красивая фраза — «уступим только насилию» — могла пролить немало крови, поверь юнкера «разуму и долгу» Временного правительства.

Смольный. 8 часов 30 минут вечера.

В адреса всех армейских комитетов и Советов солдатских депутатов уходят телеграммы с изложением приказа ВРК.

«ВРК призывает революционных солдат бдительно следить за

поведением командного состава. Офицеры, которые прямо и открыто не присоединились к свершившейся революции, должны быть немедленно арестованы... Народная революционная армия не должна допустить отправки с фронта ненадежных воинских частей на Петроград. Действовать словом и убеждением и, где не помогает, препятствовать беспощадным применением силы. Настоящий приказ немедленно огласить перед воинскими частями всех родов оружия. Утайка армейскими организациями этого приказа от солдатских масс равносильна тягчайшему преступлению перед революцией и будет караться по всей строгости революционного закона. Солдаты! За мир, за хлеб, за землю, за народную власть!»

Зимний. 8 часов 40 минут вечера

Министры вышли в коридор для разговора с юнкерами. «Начал Коновалов, и все мы сказали хотя и по-разному, но одно и то же:

— Мы не себя лично защищаем, а мы защищаем права всего народа и уступим только насилию.

...Итак, солдаты во время военных действий вместо приказа получили тему для митинга... И митинг открылся, когда мы ушли», — признавался Малянтович.

Городская дума. 9 часов вечера

Городской голова Шрейдер, открывая экстренное заседание Петроградской думы, потрясал обращением Временного правительства «об оказании морального содействия». Оно только-только было передано Шрейдеру товарищем министра внутренних дел Хижняковым.

«Через несколько минут загремят пушки, и, быть может, под развалинами Зимнего дворца погибнет Временное правительство Российской республики...» — взывал к гласным Шрейдер.

Обстановка накалялась. Начались дебаты. Кадеты, меньшевики и эсеры поддержали городского голову: на определения они не скупились: «Захват власти Советом р. и с. д. — преступление»; «безумный шаг»; «Совет — могильщик русской свободы»... и все в таком же духе.

Шрейдер вновь берет слово — поступило новое сообщение. Временное правительство отклонило второй ультиматум. «Аврора» открывает огонь по Зимнему.

Принимается решение послать делегации на «Аврору», в Смольный и в Зимний дворец.

После ухода делегаций наконец получает возможность говорить гласный от большевиков М. И. Калинин:

Калинин: «До сих пор никто не имеет права обвинять нас, демократию, в отсутствии великодушия. Рабочий класс и крестьянский класс, они никогда не расправлялись с буржуазией так, как буржуазия с ними. Ведь демократия сейчас не пролила еще ни одной капли крови, она спокойно взяла власть, и в этот момент вы авансом обвиняете эту демократию в вандализме. Кроме позора, ничего другого после этих обвинений на вас лечь не может».

Зимний. 9 часов вечера

Зимний отправляет радиограмму: «Всем, всем, всем... Правительство может передать власть лишь Учредительному собранию,

а потому постановило не сдаваться и передать себя на защиту народа и армии, о чем послана телеграмма в Ставку. Ставка ответила о посылке отряда.

Пусть страна и народ ответят на безумную попытку большевиков поднять восстание в тылу борющейся армии».

В первую очередь Временное правительство утешало и обманывало... себя.

Запись в дневнике Ливеровского:

«9 час. 14 мин. Пили чай.

9 час. 30 мин. Началась стрельба из пулеметов. Наши ответили несколько раз из орудий».

В 9 часов 30 минут усилился ружейный и пулеметный огонь со стороны оцепления. В это время открыли пулеметный огонь и три броневика ВРК, находившиеся между Александровским садом и Главным штабом.

«Кольцо осады все больше и больше сжималось. Мы подвигались вперед небольшими перебежками, — вспоминал участник штурма рабочий-путиловец Е. Н. Сурков. — Дул холодный октябрьский ветер. Было слякотно. Накрапывал дождь. При перебежках мы валились в грязь, лежали, пока не подтянутся цепи, снова подымались, шли вперед и опять валились в грязь. Подвигались медленно. Перед нами маячила огромная Александровская колонна, с ангелом наверху. Красногвардейцы... говорили: до ангела доберемся — веселей станет...

Нетерпение охватывало осаждающих: чего ждем, скорей в атаку!

Но приказа Военно-революционного комитета не нарушал никто. Терпеливо ждали сигнала — пушечного выстрела».

Матрос десантного отряда «Авроры» Александр Бычков вспоминал, что на Дворцовой площади не смолкала перестрелка. Они лежали на стылой брусчатке. Из-за баррикад, сложенных из бревен, стреляли юнкера.

— Чего ждем?

— Потерпи, скоро!

9 часов 30 минут. Ждут...

9 часов 35 минут. Ждут...

9 часов 40 минут. Наконец!

Первым прозвучал выстрел Полуденной пушки Нарышкинского бастиона Петропавловской крепости — той самой, которая ежедневно извещала, что в Петрограде наступил полдень. Выстрел был холостым.

И сразу же прозвучал выстрел бакового орудия крейсера «Аврора» — мощный и сильный, он был слышен во многих районах города. И тоже холостой.

И. Флеровский: «Меня выстрел застал в кают-компании... На кают-компанию выстрел произвел ошеломляющее впечатление. Несмотря на долгую привычку, все вздрогнули и бросились к окнам... У командира странно запрыгали губы, как перед плачем или истерикой: «Не волнуйтесь, господа, это холостой...»

Но кают-компания долго не успокаивалась. Разговор затих. Только командир в большой тревоге и оторопелом смущении промолвил: «Выстрел по столице... с русского корабля», — и глаза его заблестели подозрительной влагой. Это было в начале гражданской войны; потом господа офицеры привыкли к русским вы-

стрелам по русским городам, делали их с остервенелым наслаждением. Но тогда... Тогда им было больно и непонятно...»

27 октября «Правда» опубликует письмо авроровцев:

«Мы заявляем, что пришли не громить Зимний дворец, не убивать мирных жителей, а защитить революцию от контрреволюции, умереть за свободу... Знают ли господа репортеры, что открытый нами из пушек огонь не оставил бы камня на камне не только от Зимнего дворца, но и от прилегающих к нему улиц...»

Вслед за сигнальными выстрелами двух пушек открыли огонь трехдюймовые пушки Петропавловской крепости — с приплеска Невы. Их выкатили туда с плаца Нарышкинского бастиона и из Кронверкского арсенала. «...Спешу оговориться, что из 30—35 выстрелов, произведенных ими, попадания было всего лишь два, — писал впоследствии Белышев, — причем один из осколков прошиб окно и попал в комнату, никого не ранив; остальные снаряды прошли поверху...» Белышев не знал, что единственное попадание в комнату дворца было сделано не с приплеска Невы, а с Нарышкинского бастиона.

Петропавловская крепость. Вековая борьба российских самодержцев с теми, кто «свободою горел», чьи «сердца для чести живы», связана с Петропавловской крепостью. Дворцом русского свободолюбия назвал ее декабрист Гавриил Батеньков, еще не зная, что его заживо замуруют там в одиночной камере на целых 20 лет. В глубокой тайне хранились чертежи ее бастионов, переходов, туннелей, подземелий...

Июнь 1790 года.

За издание книги «Путешествие из Петербурга в Москву» арестован и отправлен в крепость А. Н. Радищев.

13 июля 1826 года.

На плацу крепостного кронверка казнены К. Ф. Рылеев, П. И. Пестель, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин, П. Г. Каховский.

«Ах, как сладко умереть за Россию!» — бросил с эшафота в лицо палачам Рылеев.

1862 год.

Заточен Чернышевский.

1887 год.

Петропавловка отсчитывает оставшиеся Александру Ульянову месяцы, дни и часы до казни.

«...Я перед тобой бесконечно виноват, дорогая моя Анечка, это первое, что я должен сказать тебе и просить у тебя прощения. Не буду перечислять всего, что я причинил тебе, а через тебя и маме; все это так очевидно для вас обеих, прости меня, если можно.

Будь здорова и спокойна, насколько это только возможно; от всей души желаю тебе всякого счастья. Прощай, дорогая моя. Крепко обнимаю и целую тебя.

Твой А. Ульянов.

Напиши мне, пожалуйста, еще: я буду очень рад получить от тебя хоть маленькую весточку. Я тоже буду писать тебе, если узнаю, что имею на это возможность.

Еще раз прощай.

Твой Ал. Ульянов».

26 апреля 1887 года это последнее в жизни Александра Улья-

нова письмо послано из крепости старшей сестре Анне Ильиничне Ульяновой.

1895 год.

В казематах Трубецкого бастиона томились члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

1905 год.

Горький заключен в Петропавловку в связи с его протестом против расстрела народа в день Кровавого воскресенья 9 января.

И вот история подвела черту.

Октябрьский ветер ворвался в бастионы и казематы Петропавловской крепости...

Зимний. 9 часов 45 минут

Казаки потребовали переговоров. Вошли двое, старший из них — казачий полковник. Спросили о намерениях Временного правительства. «Говорили Кишкин и Коновалов, — вспоминал Малянтович, — ...то же, что юнкерам. Полковник... из учтивости дослушал. Ничего не сказал. Вздохнул, и оба ушли, мне казалось, с недоумением в глазах... А может быть, с готовым решением...»

Так оно и было. Впрочем, с готовым решением они и пришли.

Вечером Еремеев пропустил через оцепление в Зимний делегатов 14-го Донского полка — двух офицеров. Они были направлены «по полномочию полка и с удостоверением от Совета казачьих войск... чтобы снять их казачью сотню...».

Позднее из Зимнего вышел казак, который заявил комиссару Павловского полка О. Дзенису, что «казачьи роты не хотят более... оставаться во дворце, они сознают, что введены туда обманом, и хотят уйти, но просят не позорить их и выпустить с оружием...».

Вскоре казаки показались на Миллионной. По приказу Дзениса в Мошковом переулке был спрятан броневик — на случай, если уход казаков оказался бы провокацией. Казачьи сотни ушли по набережной, а вслед им ударницы из оставшегося в обороне женского батальона кричали: «Умрем, но не сдадимся!»

Но вскоре полурота женского ударного батальона послала своих парламентеров. Решилась на уход из дворца и школа прапорщиков Северного фронта.

«Около 10 часов вечера сдались юнкера Ораниенбаумской и Петергофской школ прапорщиков — Чудновский было договорился о пропуске их с оружием из Зимнего, но этот договор был мною отменен, и юнкера должны были сложить оружие, — вспоминал Антонов-Овсеенко. — Сдавшиеся складывали оружие на тротуар и отправлялись по Миллионной в казармы полков...»

«Терещенко предлагает министрам назвать части, «которые продержатся до подкрепления» войсками национальной охраны Учредительного собрания», — запишет Ливеровский в своем дневнике.

В связи с выходом из Зимнего казаков, ударниц и юнкеров на площади смолкла перестрелка. Возможно, это обманчивое затишье вновь вселило в осажденных надежды на спасение — столь же обманчивые... Из дворца ушла телеграмма: «Правительство в полном составе, за исключением С. Н. Прокоповича, на посту. Положение признается благоприятным. Городская дума и Совет крестьянских депутатов на стороне правительства. Дворец обстреливается, но только ружейным огнем без всяких результатов.

Выяснено, что противник слаб. Из Ставки правительству сообщают, что на выручку идут войска с фронта. Самокатный батальон ожидается ночью, а несколько полков утром».

Но далеко не все министры разделяли оптимизм Кишкина: «Не было живого ожидания утра, в войска, которые «придут», верилось плохо...» — писал Малянтович.

В 10 часов вечера случилось непредвиденное. Ставка об этом узнает спустя почти два часа. Ближе к 12 часам ночи начальник штаба Северного фронта Лукирский сообщит по прямому проводу начальнику штаба верховного главнокомандующего Духонину о том, что командующий Северным фронтом Черемисов сегодня в 10 часов вечера отменил все распоряжения Керенского о направлении войсковых частей в Петроград. Они уже задержаны на местах посадки или возвращаются с пути. Причины отмены неизвестны.

Духонин выясняет их у Черемисова.

«Черемисов: — Это сделано с согласия главковерха, полученного мною от него лично. Известна ли Вам обстановка в Петрограде?

Духонин: — Будьте добры мне подробно сообщить обстановку и где сейчас находится главковерх?

Черемисов: — Временного правительства прежнего состава уже не существует. Власть перешла в руки Революционного комитета. Сегодня вечером кто-то, по-видимому, правые элементы, назначили генерал-губернатором Петрограда Кишкина, принадлежность которого к кадетским партиям известна на фронте. Это назначение вызвало резкий перелом в войсковых организациях фронта не в пользу Временного правительства, в Петрограде привело к тому, что революционные войска заняли штаб округа и, по-видимому, прекратили деятельность генерал-губернатора».

Черемисов извращал революционную ситуацию, и, возможно, с подачи Керенского: в официальных и союзнических кругах делали ставку на «твердую власть» — вот к чему она привела без социалиста-революционера Керенского. Не стань, дескать, кадеты во главе «обороны» Петрограда, и восстание могло бы пойти на убыль.

Временное правительство в любом составе было обречено. Ни кадеты, ни «министры-социалисты» не выражали интересов народа.

Продолжая разговор с Духониным, Черемисов заявил:

«Керенский от власти устранился и выразил желание передать должность главковерха мне, вопрос этот, вероятно, будет решен сегодня же. Благоволите приказать от себя, чтобы перевозки войск в Петроград, если они производятся на других фронтах, были прекращены, главковерх у меня. Не имеете ли Вы что передать ему?

Духонин: — Невозможно в его интересах».

Этой ночью командующий 3-м конным корпусом Краснов виделся с Керенским в Пскове. Впоследствии он писал, что почувствовал «какой-то нервный надрыв и ненормальность» главковерха, несмотря на его приказной тон и «умышленную резкость манер». Краснов даже сравнивал Керенского с героем стихотворения Апухтина «Сумасшедший». Вот такая же повелительность была в словах Керенского, «бегающего по гостиной между столиками и допитыми чашками кофе, угловатыми диванчиками и

пуфами и вдруг останавливающегося против меня и дающего приказания... и казалось, что все это закончится безумным смехом, плачем, истерикой и дикими криками: «Всё васильки, красные, синие в поле!»

Так что же имелось в виду, когда предполагалось, что переговорить с Керенским невозможно в интересах самого Керенского? Не исключено, что «нервный надрыв» главковерха стал тем оселком, на котором Черемисов оттачивал свою интригу с целью «прорваться» на этот пост.

Духонин дрогнул: «Если главковерх Керенский предполагает передать должность Вам, то я, во имя горячей любви к родине, умоляю Вас разрешить мне передать об этом Временному правительству... с которым есть у меня связь».

Черемисов предупредил: «...Пока все, что говорилось, держите про себя, но имейте в виду, что Временного правительства в Петрограде уже нет...»

У Черемисова появились «верховные» интонации: «Часа через два мне будет крайне необходимо вас вызвать».

В 23 часа 40 минут состоялся секретный разговор Черемисова с командующим Западным фронтом Балуевым. Черемисов зондировал почву. Изложив свои аргументы, он предложил «во избежание анархии объединить действия и взгляды на ближайшее будущее, хотя бы двух фронтов, Северного и Западного...».

Балуев понял намеки Черемисова и ответил однозначно: «...это объединение должно быть сосредоточено в Ставке, где по закону, в отсутствие главковерха все распоряжения должен делать наштаверх, так что я не понимаю, о каком объединении Вы говорите наших фронтов».

Балуев не преминул доложить об этом разговоре в Ставку. Заявление Черемисова о передаче ему поста главковерха Ставка пыталась перепроверить через комиссара Северного фронта Войтинского. Тот считал, что поведение Черемисова «не было вполне лояльно».

Слухи на фронтах среди генералитета поползли самые различные: одни верили Черемисову, другие говорили, что Керенский арестован в Петрограде, третьи уповали на Керенского, что он соберет войска, и готовы были простить ему его бегство. Краснов пространно и красиво рассуждал о том, что заставило его свой третий конный корпус — ударную силу Корнилова — предоставить в распоряжение Керенского. «Керенский — полководец!.. Петр, Румянцев, Суворов, Кутузов, Ермолов, Скобелев... и Керенский!» — в гневе восклицал Краснов. И тут же вспоминал, как он клялся в ту «волшебную лунную ночь»: «...Если Россия с Керенским, я пойду за ним». Российское небо для Краснова было с корниловскую овчинку, и пошел он за Керенским потому, что тот был корниловцем.

В эту ночь Керенский подписал приказ: «...всем начальникам и комиссарам во имя спасения Родины сохранить свои посты, как я сохраняю свой пост Верховного главнокомандующего впредь до изъяснения воли Временного правительства Республики. Приказ прочесть во всех ротах, командах, сотнях, эскадронах и батареях, на судах и всех строевых командах».

Акция Черемисова лопнула как мыльный пузырь, но вся эта возня объективно способствовала задержке с отправкой войск.

26-го на рассвете наштасев Лукирский сообщит в Ставку Духо-

нину, что Керенский «не разделяет мнение Главкосева о необходимости отмены назначенных войсковых частей к Петрограду. Однако передать распоряжение о подтверждении приказа о движении на Петроград не удалось, так как у аппаратов революционным комитетом, сформировавшимся в Пскове, были поставлены особые дежурные члены этого комитета».

Смольный. 10 часов вечера

Закончила свою работу фракция большевиков. На вечернем заседании с короткой речью выступил В. И. Ленин. Стенограмма заседания не велась, а протоколы впоследствии были утеряны. Но есть немало свидетельств делегатов-большевиков, слушавших Ленина на фракции, — это Ф. А. Орешин, М. В. Коптев, Т. П. Зинкевич, Н. И. Печников, П. И. Милюков, И. А. Ассар, Л. Н. Риппа, Ф. И. Голощекин. В целом они воссоздали тезисы его речи.

Ленин говорил о том, что большевики оказались теперь в большинстве в Советах не только в Петрограде и в Москве, но и по всей стране, прежде всего в крупных рабочих центрах и на фронтах.

Ленин говорил о задачах, стоявших перед II съездом Советов, об издании декретов, которые узаконят лозунги большевиков «Мир народам!», «Земля крестьянам!».

Ленин призывал к бдительности и стойкости, предвидя, что меньшевики и эсеры начнут провокационные выпады, чтобы сорвать открытие съезда.

По словам М. В. Коптева, Владимир Ильич, заканчивая свою речь, сказал:

«Или гигантский скачок вперед и полная наша победа, или топтание на месте и полное наше поражение».

...В 10 часов вечера по инициативе большевистской фракции съезда открылось заседание бюро всех фракций. Повестка — обсуждение положения, создавшегося вследствие саботажа меньшевиков, из-за которых затягивалось открытие съезда Советов.

Ленин требует взятия Зимнего.

Подвойский: «Начиная с 11 часов утра и до 11 часов вечера Владимир Ильич буквально засыпал нас записками. Он писал, что мы разрушаем всякие планы: съезд открывается, а у нас еще не взят Зимний и не арестовано Временное правительство...»

— Почему так долго? Что делают наши военачальники? — спрашивал Владимир Ильич. — Затеяли настоящую войну! Зачем это? Окружение, перебежки, развертывание... Разве это война с достойным противником?.. (По воспоминаниям Бонч-Бруевича).

Подвойский: Ленин «грозил всех нас расстрелять за промедление. Он требовал, чтобы скорее был взят Зимний и арестованы министры, чтобы об этом доложить съезду Советов».

Такими словами Владимир Ильич не бросался. Значит, чрезвычайно напряженной оказалась ситуация. Видимо, свои просчеты у тройки ВРК были. Очень и очень нелегко было найти оптимальный час для начала штурма Зимнего, час, гарантировавший бескровную победу. Только поздним вечером покинули дворец юнкера, ушел женский батальон, ушли казаки. Их ухода ждали.

Чем меньше останется защитников дворца, тем меньше прольется крови.

Но общей согласованности действий все-таки не было. Оба ультиматума предъявили Временному правительству, когда ряды охранявших Зимний дворец еще не поредели. Срок ответа на ультиматум считали на минуты, а не получив его, тянули часами. Объективных причин было немало. Но, скажем, то, что петропавловские пушки требуют смазки и стрелять из них — большой риск, могли узнать хотя бы накануне. Опыта не хватало... Да и откуда ему было взяться. ...Чего стоит одна поездка на автомобиле в Зимний без перепроверки информации (она оказалась ложной) о том, что Временное правительство сдалось. Это могло стоить революции трех большевиков, верных ленинцев, трех членов ВРК. Они ведь попали под обстрел, всякое могло случиться. Не хватало и профессионально поставленной разведки. Она велась и в Зимнем, и в штабе округа. Но чего стоили донесения разведчиков, не обращавших внимания на то, что видели невооруженным глазом газетные репортеры и разного рода деятели, — штаб не охранялся и в ночь на 25 октября, когда там то и дело появлялся Керенский, и на протяжении всего первого дня революции. Угроза удара верных Временному правительству войск в тыл восставших с течением времени возрастала. Промедление со штурмом Зимнего было чревато.

Подвойский, Антонов-Овсеенко, Чудновский, Благонравов, Еремеев отдавали восстанию все силы. Но и этого было мало. Революционная ситуация требовала скорейшего взятия Зимнего.

Смольный. 10 часов вечера

А. Вильямс: «...Делегаты съезда толпились во всех дверях и проходах, стояли вдоль стен и сидели на подоконниках. Казалось, что незанятыми оставались только огромные люстры под потолком. У меня тревожно сжалось сердце. А вдруг действительно находящиеся в опасной близости войска окружат Смольный прежде, чем съезд успеет принять хоть какую-нибудь резолюцию, и Ленин будет схвачен?»

Д. Рид: «Кое-где в публике щетинятся штыки. Измученные красногвардейцы, опоясанные патронными лентами, спят на полу у колонн. Зал не отапливается, лишь от тел исходит живое тепло, и на стеклах высоких окон выступает иней. Воздух сизый от табачного дыма и дыхания... Однообразные, простые лица, открытые и решительные, лица, почерневшие в окопах от мороза, широко поставленные глаза, большие бороды или иногда тонкие, ястребиные лица кавказцев или азиатов из Туркестана». «Освещенные огромными белыми люстрами, на скамьях и стульях, в проходах, на подоконниках, даже на краю возвышения для президиума сидели представители рабочих и солдат всей России».

22 из них объявили себя беспартийными;

6 — меньшевиками-объединенцами;

7 — украинскими социалистами;

14 — меньшевиками-интернационалистами;

72 — меньшевиками;

62 — эсерами;

98 — левыми эсерами;

390 — большевиками... — это сообщила «Правда» о партийной

принадлежности 649 делегатов, прибывших на съезд. Делегаты II Всероссийского съезда представляли 402 Совета страны.

Д. Рид: «То в тревожной тишине, то в диком шуме ждали они председательского звонка...»

А. В. Луначарский: «Настроение собравшихся праздничное и торжественное. Возбуждение огромное, но ни малейшей паники, несмотря на то, что идет бой вокруг Зимнего дворца и то и дело приносят известия самого тревожного свойства.

Когда я говорю — никакой паники, я говорю о большевиках и об огромном большинстве съезда, стоявшем на их точке зрения. Наоборот, правые объяты паникой, злобные, смущенные, нервные, правые «социалистические» элементы».

Городская дума. 10 часов 35 минут вечера

Возобновилось заседание думы после перерыва, объявленного с уходом делегаций на «Аврору», в Зимний и в Смольный.

Первой вернулась делегация, которая ходила на крейсер «Аврора». «Разумеется, нам ничего не оставалось сделать, как вернуться в думу и вот доложить думе о том, что наша миссия не удалась вследствие того, что нас комитет и патрули не пустили на крейсер «Аврора», — вспоминал один из «делегатов» — И. И. Мильчик.

Зимний. 10 часов 40 минут

Ливеровского вызвали к прямому проводу для разговора со Ставкой. Телеграф помещался в другом здании Зимнего. «В галерее много юнкеров, которые с вещами, собираются уходить, настроение у них подавленное, — запишет Ливеровский по возвращении. — При переходе через двор видел броневик и два орудия в главных воротах. Броневик не стрелял. Только что мы миновали светлую полосу под воротами, началась стрельба. По винтовой лестнице наверх, в антресоли. ...Телефонистки не сменялись со вчерашнего дня и жаловались, что нечего есть. При возвращении пришлось ожидать несколько минут, пока не затихнет стрельба... В галерее встретили юнкеров с захваченными во дворе пленными красногвардейцами...»

Это через Комендантский подъезд после ухода из него ударниц проникла группа красногвардейцев — человек пятьдесят. «Прорыв по разным лестницам, — записал в своем дневнике Пальчинский. — Личное руководство разоружением инженерными прапорщиками группы человек в 50, прорвавшихся по эрмитажному ходу. Сдача без сопротивления. Павловцы внизу. Все двери открыты...»

Действительно, вслед за красногвардейцами через Комендантский подъезд проникли и павловцы. «Все двери открыты...» — после того, как Зимний оставила значительная часть его гарнизона, многие входы во дворец оказались без достаточной охраны или совсем не охраняемы. Восставшие просачивались через окна Эрмитажа, со стороны Миллионной. Матросы пробирались через Детский подъезд, проникали и через лазарет (Салтыковский подъезд) — со стороны Адмиралтейства.

«Опять шум... Он стал уже привычным... — вспоминал Маляптович. — Опять, вероятно, ворвались большевики и, конечно, опять обезоружены... Вошел Пальчинский. Конечно, это так и оказалось. И опять дали себя обезоружить без сопротивления.

И опять их было много... А сколько их уже во дворце? Кто фактически занимает дворец теперь — мы или большевики?»

Докладывая об очередном прорыве во дворец, Пальчинский заканчивал рассказ одной и той же фразой: «Необыкновенные трусы...»

Но сдающиеся без сопротивления красногвардейцы, матросы и солдаты не были трусами. Это был точный расчет: вскоре во дворце повстанцев было больше, чем защитников. Разоруженные юнкерами, они начинали среди них агитацию. «В освещенном коридоре толпятся какие-то юнкера... — (Это вспоминал поручик А. Синегуб). — На ящике стоит какая-то фигура в солдатской шинели и орет отрывистые слова. Окружающие волнуются и гудят. «Что такое, что за митинг?» — проталкиваюсь вперед в стремлении среди всеобщего гама уловить смысл бросаемых слов... Наконец удается вслушаться... «Агитатор», — понял я, и холодок пробежал у меня по спине...»

Солдат, которого слышал Синегуб, агитировал еще до залпа «Авроры». Красногвардейцев, матросов, солдат в Зимнем становилось все больше. «До той поры, пока группы красногвардейцев были немногочисленными, мы их разоружали, причем разоружение совершалось по-семейному, без всяких столкновений...» — публикует «Солдатский голос» рассказ одного из офицеров.

Вскоре юнкера оказались в явном меньшинстве... Еще необезоруженные физически, они разоружались морально...

Смольный. 10 часов 40 минут

В 10 часов 40 минут в Смольном открылся II Всероссийский съезд Советов.

Д. Рид: «На возвышении сидели лидеры самого ЦИК, в последний раз доводилось им вести заседание непокорных Советов, которыми они правили с первых дней революции. Теперь Советы восстали против них... Гоц, Дан, Либер, Богданов, Бройдо, Филипповский — все бледные и негодующие, с ввалившимися глазами. Под ними кипел и бурлил II Всероссийский съезд Советов, а над их головами лихорадочно работал Военно-революционный комитет, державший в руках все нити восстания и наносивший меткие и сильные удары».

Я. П. Бирзгал: «...в большой золоченой раме в центральной нише за столом президиума (раньше там висел портрет царя) был помещен лозунг: «В единстве демократии — сила и торжество революции», а перед столом президиума находилось полотнище с текстом аналогичного содержания. О Советской власти в этих лозунгах не было ни слова».

«В чем согласны все направления, от «Речи» до «Новой жизни» включительно, от кадетов-корниловцев до полубольшевиков, в с е за исключением большевиков?

В том, что большевики одни либо никогда не решатся взять всю государственную власть в свои руки, либо, если решатся и возьмут, не смогут удержать ее даже в течение самого короткого времени» — так начиналась работа В. И. Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?».

В ночь с 25 на 26 октября во главе с А. Гоцем был организован «Комитет спасения родины и революции». Меньшевиков и

эсеров в этом полностью поддержали кадеты. Подтверждался один из тезисов марксизма: «...во время кризиса и на другой день после него нашим единственным противником явится *вся реакционная масса, объединяющаяся вокруг чистой демократии...»* (Ф. Энгельс).

Пока же Гоц сидел в президиуме II съезда Советов рядом с Даном, который в 10 часов 40 минут взял в руки председательский колокольчик.

Л. Р. Вильямс: «В 10.40 Федор Ильич Дан, многолетний редактор всех меньшевистских газет, на правах председателя старого ЦИК позвонил в колокольчик... Он сказал, что не будет произносить политическую речь, так как в эту минуту его соратники по партии подвергаются обстрелу в Зимнем дворце и, рискуя жизнью, продолжают выполнять свой долг. В поднявшемся реве он объявил съезд открытым».

Меньшевики и эсеры сразу же начали с угроз, шантажа, ультиматумов.

Р. Кисис: «В начале съезда эсеры и меньшевики устроили обструкцию. Они кричали, что происходящий переворот — незаконный. Они обвиняли большевиков в узурпации власти. Особенно «драматичными» были речи меньшевистского лидера Мартова и представителя черного Искосома 12-й армии Кучина... Мартов взошел на трибуну как раз в тот момент, когда от грохота орудий задрожали стекла в окнах Смольного института».

И. Вахрамеев: «Он надрывающимся, осипшим, трагическим голосом, бурно жестикулируя, говорил: «Товарищи! Вы здесь заседаете, а там, на улицах Петрограда, рекой льется кровь рабочих и солдат. Матросы с крейсера «Аврора» громадными снарядами стреляют по Зимнему дворцу, полному ранеными солдатами. Прекратите эту братоубийственную бойню».

Л. Вильямс цитировал речь Мартова: «Съезд не имеет права сложа руки наблюдать за тем, как разгорается гражданская война, которая чревата опасностью контрреволюции. Возможность мирного исхода — в создании единого демократического органа власти. Мы должны избрать делегацию для переговоров с другими социалистическими партиями и группировками».

Д. Рид: «Слова попросил капитан Харраш (меньшевик). «Политические лицемеры, возглавляющие этот съезд, — страстно кричал он с места, — говорят нам, что мы должны поставить вопрос о власти, а между тем этот вопрос уже поставлен за нашей спиной еще до открытия съезда! Расстреливается Зимний дворец, но удары, падающие на него, заколачивают гвозди в крышку гроба той политической партии, которая решилась на подобную авантюру».

Р. Кисис: «Потом выступал меньшевик офицер Кучин. Колотя кулаком по трибуне, он стал угрожать съезду открытием фронта и гибелью России». Дальше Кучин заявил, что съезд неправомочен, так как армия против захвата власти и не имеет на съезде полного представительства.

Меньшевик Хинчук зачитал резолюцию правых меньшевиков. «...единственно возможным мирным выходом из положения остается — переговоры с Временным правительством об образовании власти, опирающейся на все слои демократии», — гласил главный ее тезис.

...Среди общего возбуждения слово взял представитель Бунда

Абрамович и сказал, что, поскольку обстрел Зимнего дворца продолжается, члены городской думы, меньшевики и социалисты-революционеры «решили погибнуть вместе с Временным правительством. Мы идем к ним!». Он призвал всех делегатов съезда последовать этому примеру. «Безоружные, мы подставим свою грудь под пулеметный огонь террористов».

Подобные демонстрации и предвидел Ленин, предупреждая о «колеблющемся голосовании», требуя незамедлительного взятия Зимнего. Владимир Ильич не присутствовал на первом заседании II съезда Советов, хотя и был первым в списке большевиков избран в члены президиума, сменившего старый ЦИК.

Сосредоточившись в первую очередь на руководстве штурмом Зимнего, Ленин, однако, не упускал из виду и ход съезда. Он со всей ясностью предвидел возможное развитие событий. По свидетельству Н. Печникова, на вечернем заседании большевистской фракции Владимир Ильич сказал, что, если меньшевистские и эсеровские лидеры решат демонстративно покинуть съезд, тогда мы им скажем: «Скатертью дорога вам, господа!»

Д. Рид: «В первые минуты заседания делегаты, ошеломленные стремительностью событий, оглушенные пушечной пальбой, заколебались. В течение целого часа с этой трибуны на них раз за разом падали удары молота, сбивая их в единую массу, но в то же время подавляя. Не останутся ли они в одиночестве? Не поднимется ли против них Россия? Верно ли, что на Петроград уже идут войска? Но заговорил этот светловолосый молодой солдат, и все сразу поняли, что в его словах, сверкнувших, как молния, была правда... Его голос был голосом солдат — миллионов, одетых в шинели рабочих и крестьян, охваченных тем же порывом, теми же мыслями и чувствами, как и сами они, делегаты...»

«Товарищи! — воскликнул он, и наступила тишина. — Моя фамилия Петерсон. Я говорю от имени 2-го Латышского полка. Вы выслушали заявление двух представителей армейских комитетов, и эти заявления имели бы какую-нибудь ценность, если бы их авторы являлись действительными представителями армии... (Бурные аплодисменты.) — Они не представляют солдат... — Оратор потрясает кулаком. — Двенадцатая армия давно настаивала на переизбрании Совета и Искосома, но наш Комитет, точно так же, как и ваш ЦИК, отказался созывать представителей масс до середины сентября, так что эти реакционеры смогли послать на настоящий съезд своих лжеделегатов... А я вам говорю, что латышские стрелки уже неоднократно заявляли: «Больше ни одной резолюции! Довольно слов! Нужны дела. Мы должны взять власть в свои руки!» Пусть же эти самозваные делегаты уходят. Армия не с ними!»

На трибуне другие солдаты — посланец 2-й армии Ф. Гжельщак и солдат-фронтовик Ф. Лукьянов. Их выступления — как продолжение речи Петерсона. Лукьянов сказал, что офицеры вроде Харраша или Хинчука представляют на съезде не солдат, а высшее командование. В окопах ждут с нетерпением передачи власти в руки Советов.

Меньшевики и эсеры почувствовали себя на съезде, по словам делегата-большевика Я. Яковлева, «как во враждебном вооруженном лагере. Каждое их слово прерывали десятки возгласов ненависти, презрения, негодования».

А. Вильямс: «Делегаты провожали их свистом и криками: «Ренегаты! Предатели!»

Ушли они, формально сославшись на неправомочность съезда. «Неправомочность» они выискивали в «недостаточном представительстве фронта и многих Советов» и пытались создать ее, уводя со съезда некоторых делегатов. Ведь 21 октября Бюро ЦИК установило кворум съезда в 726 делегатов. За дверью Актового зала их ждало большое разочарование: вместо 150 единомышленников, на которых они вроде могли бы рассчитывать, съезд покинуло не более 70 делегатов. Оставшиеся меньшевики и эсеры примкнули к другим группам. Так, только группа левых эсеров выросла до 179 человек.

«Не наша вина, что эсеры и меньшевики ушли, — говорил Ленин 29 октября 1917 года. — Им предлагали разделить власть...

К участию в правительстве мы приглашали всех... эсеры и меньшевики ушли, потому что остались в меньшинстве... мы хотели советского коалиционного правительства. Мы из Совета не исключали никого. Если они не хотели совместной работы, тем хуже для них. За меньшевиками и эсерами солдатские и крестьянские массы не пойдут».

Петроград. Полночь

Джон Рид и его спутники, покинув кипящий страстями съезд Советов, решили посмотреть, что происходит в городе.

Бесси Битти: «Во дворе шофер заводил мотор огромного грузовика. Его пассажирами были только трое матросов, молодой казак в мохнатой черной бурке, доходившей ему до пят, и красногвардеец. Мы окликнули их...

Матрос подозрительно оглядел меня и Луизу Брайант — вторую женщину из нашей группы.

— Это опасно, — сказал он. — Мы едем разбрасывать листовки и почти уверены, что нас обстреляют...»

Джон Рид: «Один из наших спутников сорвал обертку с одной связки и принялся разбрасывать какие-то листовки. Мы стали помогать ему. Так неслись мы по темным улицам, оставляя целый хвост разлетавшихся белых бумажек... На перекрестках патрули оставляли свои костры и, подняв руки, ловили их...»

Альберт Рис Вильямс: «...всякий раз, когда с грузовика сыпался дождь листовок, из дворов и подъездов выбегали люди и сразу же все расхватывали...»

Джон Рид: «Я взял одно из воззваний и при свете редких уличных фонарей кое-как разобрал: «К ГРАЖДАНАМ РОССИИ!»

Городская дума. Полночь

Дан, Гоц, Либер и иже с ними сменили Актовый зал Смольного на Александровский зал городской думы. На стенах его царские портреты в золоченых рамах были затянуты красной материей. Около двенадцати в думе появились и члены Исполкома Совета крестьянских депутатов. Это ночное заседание думы было, по выражению Набокова, апофеозом «сплошной истерики». Разыгравшийся ночью в думе фарс на следующий день красочно и в деталях изобразит газета «Речь». Тон задал редактор «Известий Совета крестьянских депутатов» гласный Н. Я. Быховский:

— Дума не может остаться безучастной в такой момент, когда

достойные борцы за народ оставлены одни в Зимнем дворце и готовы умереть...

Быховскому вторил «разлученный» с кабинетом министров Прокопович:

— Сейчас, когда умирают наши избранники, забудем все партийные счеты... и все пойдем защитить или умереть...

Во время поименного голосования —«идти умирать с министрами или нет?» — 62 гласных решили: идти и умирать.

И это, невзирая на то, что первая депутация гласных, так и не дойдя до Зимнего из-за перестрелки на Дворцовой площади, только что вернулась в думу. Слово взяла графиня Панина:

— Если гласные не могут подойти к Зимнему, то они могут стать перед орудиями, стреляющими во дворец.

И тут появилась продиктованная по телефону «посмертная» записка министра Маслова. То ли для пущего сострадания назвал ее так автор, то ли паника охватила его: «Мы здесь все в Зимнем дворце совершенно брошены и оставлены. Нас посылала во Временное правительство демократия, мы не хотели туда идти, но мы пошли. А теперь, когда наступила беда, когда нас расстреливают, мы не встречаем ни от кого поддержки. Конечно, мы умрем здесь, но последним моим словом будет презрение и проклятие той демократии, которая сумела нас послать, но не сумела защитить...»

Смольный. II Всероссийский съезд Советов.

После ухода меньшевиков и эсеров со съезда группа меньшевиков-интернационалистов возросла до 35 человек, Мартов снова взял слово. Он предложил декларацию, обвинявшую большевиков в заговоре, потом он потребовал создать министерство на основе всей революционной демократии, которому мирно и передало бы власть Временное правительство. А пока Мартов требовал работу съезда остановить. Предлагалось немедленно голосовать за эту резолюцию. Съезд отказался. А. Р. Вильямс вспоминал, что они с Ридом были «удручены таким поворотом дела, испытывая тягостную неловкость за одного из «великих интеллигентов, не сумевшего примириться с тем, что «темный народ» сделал наконец то, к чему они так долго призывали...».

Вслед за правыми теперь покинули съезд и левые меньшевики во главе с Мартовым. «Меньшевики, бундовцы, правые эсеры, видя, что сорвать съезд не удастся, решили его покинуть, — пишет в своих воспоминаниях Ю. Этингоф. — Я видел, как у самого выхода кто-то остановил Мартова, уговаривая его остаться, но Мартов ответил: «Оставьте, товарищи. Надо изолировать большевиков. Мы скоро вернемся». Но нам было ясно, что и Мартов, и те, кто с ним, и все оппортунисты-соглашатели уходят от пролетарской революции, и уходят навсегда».

Большое значение Ленин и большевики придавали линии на съезде левых эсеров. За ними еще стояла существенная часть крестьянства, а их поворот к поддержке лозунга «Вся власть Советам!» давал возможность большевикам искать блока с левыми эсерами. В начале ноября 1917-го В. И. Ленин писал: «Центральный Комитет партии большевиков, за несколько часов до образования нового правительства и до предложения списка его членов Второму Всероссийскому съезду Советов, призвал на свое заседание трех виднейших членов группы левых эсеров, товари-

цей Камкова, Спиро и Карелина, и *предложил им* участвовать в новом правительстве. Мы крайне сожалеем, что товарищи левые эсеры отказались, мы считаем их отказ недопустимым для революционера и сторонника трудящихся, мы во всякое время готовы включить левых эсеров в состав правительства...»

Выступления на съезде левых эсеров носили противоречивый характер. С одной стороны, В. Карелин говорил: «...мы не хотим идти по пути изоляции большевиков, ибо понимаем, что с судьбой большевиков связана судьба всей революции; их гибель будет гибелью революции», с другой стороны, Б. Камков призывал «организовать демократическую власть в самом широком масштабе», считая, что «широкие массы трудового крестьянства за большевиками не пойдут». Но заявление Камкова от имени левых эсеров: «Правые эсеры ушли со съезда, но мы, левые эсеры, остались» — зал II съезда Советов встретил аплодисментами.

Петроград. Полночь

По приказу ВРК сразу после полуночи началось общее наступление. В. Антонов-Овсеенко: «...Когда удалось выяснить, что юнкеров осталось уже немного, мы с Чудновским повели атакующих внутрь дворца».

Н. Ховрин, матрос, делегат II съезда Советов: «Со стороны Зимнего, защищенного штабелями дров, вспыхивали частые огоньки выстрелов. Внезапно от Миллионной улицы послышался нарастающий крик «ура!»...»

От арки Генерального штаба Антонов-Овсеенко вел кексгольмцев и красногвардейцев — через площадь — к левому подъезду дворца. Красногвардейцы Выборгского и Петроградского районов вместе с солдатами-павловцами устремились от Певческого моста и по Миллионной к Комендантскому подъезду. (Это в их рядах прозвучало подхваченное во всех цепях «ура!».) Кронштадтские моряки рванулись с набережной к двум Детским подъездам.

Н. Ховрин: «Мы кинулись вперед через площадь. Все произошло удивительно быстро. Вместе с другими я вбежал в вестибюль Зимнего и бросился вверх по лестнице на второй этаж. Гул возбужденных голосов и топот многих ног наполнили шумом чинные галереи царского дворца...»

26 октября

Зимний. 0 часов 30 минут

Помощник начальника политического управления военного министерства поручик Шер телеграфирует в штабы фронтов и армий: «...Если быстро не вмешаются войска с фронта, власть будет захвачена большевиками».

Поздно. На первом этаже Зимнего уже разоружали юнкеров.

Могилев. Ставка. Ночь

Ночью шли бесконечные переговоры Ставки с фронтами.

«Имеете ли вы в вашем распоряжении войсковые части, которые безусловно поддержали бы Временное правительство?» — спрашивала Ставка командующих фронтами и их штабы. Уже сам вопрос отражал неуверенность и сомнения Ставки, подкрепленные «сводками сведений о настроениях и событиях» на фронтах за истекшую неделю.

Западный фронт. 2-я армия. Гренадерский корпус

«В настроении частей Гренадерского корпуса... замечается ухудшение, что является результатом внедрения в солдатские массы большевистских идей.

...Вообще вопрос о возможно скором мире — самый злободневный вопрос в войсках корпуса».

«Настроение ухудшилось...», «В настроении заметно ухудшение...», «Общее настроение сильно ухудшилось...», «Настроение продолжает ухудшаться...» — этими словами начиналась оценка положения в большинстве полков, корпусов и в армиях Западного фронта. И каждый раз между «ухудшением настроения» солдат и их «растущим стремлением к миру» ставился знак равенства. Снова и снова, несмотря на все разглагольствования Временного правительства о мире, подтверждалась его позиция вести войну до победного конца. В сводках сваливали на большевиков ответственность за анархию на фронте, вызванную российскими и союзными империалистами. Но, несмотря на клевету, даже в таких сводках проявлялась, высвечивалась нерасторжимая связь между лозунгами большевиков о справедливом демократическом мире и надеждами, чаяниями солдат на фронте. Тяга к миру становилась пульсом, дыханием солдат, самим воздухом фронтовой жизни.

Вот выдержки из этих сводок.

2-я армия.

9-й армейский корпус — «Большевизм продолжает расти...».

3-й Сибирский корпус — «Вниманием и волей войсковых масс все сильнее завладевают представители крайних партий, в особенности большевики».

3-я армия.

15-й армейский корпус — «...В частях усилилась агитация политических партий. Особенным успехом пользуются большевики».

2-й армейский корпус — «...Встречаются постановления о выписке исключительно большевистских газет».

35-й армейский корпус — «...Новые комитеты состоят почти сплошь из большевиков».

Командующий Западным фронтом вынужден был ответить Ставке:

«Ни за одну часть поручиться не могу, большинство же частей, безусловно, не поддержат».

А утром 26 октября Балуев доложит Духонину:

«Сейчас явился караул от 37-го полка и объявил меня арестованным и весь штаб и требует производить работу под контролем ихнего революционного штаба. Положение вообще скверное, и я не знаю, как из него выйду, комиссары тоже ничего не могут сделать».

Штаб Румынского фронта — генерал Незнамов дал ответ Ставке: «Лично думаю, что конница, в которой до сих пор не было никаких эксцессов, исполнит приказание, если таковое будет».

Штаб Юго-Западного фронта от ответа уклонился.

Штаб Северного фронта — генерал Лукирский:

«1-я и 5-я армии заявили, что они за правительством не пойдут, а пойдут за Петроградским Советом...

25 октября Комитет 5-й армии принял решение «о посылке отряда в Петроград для защиты революции и против продовольственной блокады Петрограда».

Из Петроградского Военно-революционного комитета по прямому проводу сообщили Армискому-5 — Э. М. Склянскому, что в данный момент посылки войск в Петроград не требуется, но просили «быть наготове, чтобы поддержать в случае надобности».

«12-я армия решительно и определенно высказалась против большевиков и заявила, что она употребит все свои силы, чтобы покарать бунтующую кучку большевиков».

Эта информация не была до конца объективной. Временное правительство поддерживала не 12-я армия, а лишь ее армейский комитет, состоявший в основном из соглашателей — он не был переизбран.

И все-таки Северный фронт еще оставлял реальную надежду Керенскому. Главковерх принимает решение с частями 3-го конного корпуса двинуться на Петроград.

Смольный. Ночь

В Смольном Ленин писал воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам» — первый законодательный акт свершившейся социалистической революции.

Описывая II съезд Советов, А. Р. Вильямс свидетельствовал, что время от времени большевики выходили совещаться и, без сомнения, советоваться с Лениным... «...мы могли его видеть... во время совещания лидеров большевистской фракции в одном из широких коридоров Смольного».

Троцкий взял слово незадолго до перерыва в работе съезда. Начав с критики в самых крайних выражениях покинувших съезд эсеров и меньшевиков, он предложил затем резолюцию, которая, в случае ее принятия, лишала бы большевиков возможности любого соглашения с оставшимися в Советах, но колебавшимися партиями и группировками.

Немедленно от имени левых эсеров Камков выступил против резолюции Троцкого.

А Луначарский был вынужден отвечать от лица большевиков: «Упреки тов. Камкова по нашему адресу неосновательны. Если бы мы, начав заседание, сделали бы какие-либо шаги, отметающие или устраняющие другие элементы, тогда тов. Камков был бы прав». Кончил Луначарский характеристикой покинувших съезд: «К тем, которые ушли, давно уже неприменимо название революционеров, они прекращают даже свою соглашательскую работу и открыто переходят в лагерь корниловцев. С ними нам разговаривать не о чем».

Это выступление Луначарского косвенно дезавуировало резолюцию Троцкого и показало, что тот выступил только от самого себя, но никак не от имени большевистской фракции.

Чего добивался Троцкий? Ухода со съезда и левых эсеров? В этом случае соглашательский лагерь мог получить бы новый повод для разговоров о неправомочности съезда. Нужно сказать, что многие делегаты-большевики, получив вместе с мандатом и винтовку и принимавшие участие в штурме Зимнего, еще не вернулись на съезд.

Зимний. 1 час ночи

Никитин: «Около часу нападающие уже заняли часть дворца, оставленную его защитниками. Через некоторое время раздалась стрельба в нижнем этаже дворца — это матросы пытались про-

никнуть в ту часть его, которую занимали мы. Агония скоро должна была кончиться...»

Разоруженных юнкеров собирали в Белом зале. Оружие складывали в комнате рядом. Антонов-Овсеенко и Чудновский шли впереди, чтобы предотвратить сопротивление юнкеров. В нескольких залах Антонову-Овсеенко пришлось обратиться к юнкерам, предлагая им сдаться. «Юнкера колеблются, но наконец после наших убеждений в тщетности сопротивления кладут оружие...» — писал Антонов-Овсеенко.

Никитин, проведший весь день в телефонных разговорах, попытался вновь позвонить в Москву — городскому голове. Но междугородный телефон был уже отключен, и телефонистка робко пообещала министру, что сообщит Рудневу, что министры «еще держатся».

Никитин: «Я решил немного отдохнуть и прилег на диване. В это время я услышал крик одного из юнкеров другому: «Борисенко! Иди сдаваться. Наши сдаются!..»

Городская дума. 1 час ночи

Думская фракция большевиков уже в полном составе покинула думу. Большевики направились в Смольный, чтобы принять участие в заседании II Всероссийского съезда Советов. Гласные — меньшевики, эсеры, кадеты — спустились вниз, чтобы «идти умирать» вместе с кабинетом министров. Правда, несмотря на готовность умереть, они захватили с собой хлеб и колбасу — для министров.

Выстроившись в шеренги, в первом часу ночи они направились к Зимнему дворцу, освещая себе путь фонарем, его нес Шрейдер. На углу Екатерининского канала их остановил патруль ВРК.

— Пропустите нас! Мы идем умирать! — упрашивали они матросов.

— Ступайте домой и примите яд. А здесь ничего не выйдет. Умирать здесь не разрешается, — последовал ответ.

Эту «зарисовку с натуры» сделал в своей книге Альберт Рис Вильямс, вместе со своими друзьями оказавшийся свидетелем неудавшейся попытки думских деятелей «покончить счеты с жизнью».

Зимний. 1 час 50 минут

Малянтович: «...вдруг возник шум где-то и сразу стал расти, шириться и приближаться. И в его разнообразных, но слитых в одну волну звуках сразу зазвучало что-то особенное, непохожее на те прежние шумы — что-то окончательное. Стало вдруг сразу ясно, что это идет конец...

Кто лежал или сидел, вскочили и все схватились за пальто...»

Антонов-Овсеенко: «В следующей комнате мы находим целую группу людей, изображавших Временное правительство. Они сидят за столом и сливаются в одно серо-бледное трепетное пятно...»

В дневнике Ливеровского самая короткая запись:

«1 час 50 минут. Арест. Составление протокола.

2 часа 10 минут. Отправились под конвоем.

3 часа 40 минут. Прибыли в крепость.

5 часов 5 минут. Я в камере № 54».

Смольный. Ночь

В Смольном часовой вызвал разводящего:

— Прибыл курьер. Без пропуска... Требует Ленина.

— Из Зимнего дворца... От главнокомандующего Подвойского. Донесение! — доложил самокатчик.

— Зимний взят!

— «Зимний дворец взят. Временное правительство арестовано. Отвезено в Петропавловку. Керенский бежал!» — вслух быстро читает Владимир Ильич... И только дочитал, как раздалось «ура!», мощно подхваченное красногвардейцами в соседней комнате... Загремело, понеслось оно могучим кликом, закрутилось и полилось, запело, сливаясь с несмолкаемой бурей аплодисментов». (Из воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича.)

Когда после короткого доклада Владимиру Ильичу Н. И. Подвойский скажет: «Теперь все кончено», — Ленин ответит: «Все только начинается».

Весть о взятии Зимнего с ликованием встретили делегаты съезда.

В 2 часа 40 минут съезд прервал свою работу на полчаса. Во время перерыва заседали две фракции — большевиков и левых эсеров. Большевистская фракция приняла решение о том, что резолюция Троцкого не будет поставлена на голосование. Левые эсеры в это время снова дискутировали вопрос, оставаться ли им на съезде.

Решили остаться.

Заседание в Актовом зале возобновилось в 3 часа 10 минут. Был оглашен список министров Временного правительства, арестованных в Зимнем.

Начали поступать известия о военной обстановке вокруг Петрограда.

Д. Рид: «На трибуну взошел задыхающийся, покрытый дорожной грязью комиссар из Царского Села. «Царскосельский гарнизон стоит на подступах к Петрограду, в полной готовности защищать съезд Советов и Военно-революционный комитет». Корпус самокатчиков был направлен по указанию Керенского для подавления восстания в столице. Но вот на трибуне съезда делегат от третьего батальона: «Среди самокатчиков нет никого, кто согласился бы проливать братскую кровь или поддерживать правительство помещиков и капиталистов».

А. Вильямс: «Потом выступил Луначарский. Я никогда не видел его таким взволнованным, даже когда он декламировал стихи в рабочей аудитории. Прерывающимся голосом он прочел воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!», написанное Лениным: «Полномочия соглашательского ЦИК окончились. Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки». «Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок».

Перед началом съезда, по данным анкетной комиссии, за передачу всей власти Советам высказалось 505 человек, остальные 165 — «за власть демократии» и «за коалиционную власть».

26 октября в 5 часов ночи абсолютным большинством съезд принял ленинское воззвание. Воздержались — 12, против голосо-

вали — 2. «Именно этот факт постоянно забывают и обходят все сторонники капиталистов и бессознательные пособники их, подрывающие основное начало новой революции, именно: *вся власть Советам*. В России не должно быть иного правительства, кроме *Советского правительства*... Второй Всероссийский съезд Советов дал большинство партии большевиков. Только правительство, составленное этой партией, является поэтому Советским правительством», — напишет Ленин через несколько дней после победы Октября.

Рождественский райком партии. Его секретарь Евгения Соловей этой ночью не сомкнула глаз. Ей дано задание организовать революционную охрану дома № 5 по Херсонской улице.

С семи вечера красногвардейская группа особого назначения во главе с эстонским большевиком, другом Виктора Кингисеппа, Н. В. Сальмом патрулировала Пески.

Ночь на исходе. В 4 часа 50 минут у дома № 5 остановился автомобиль. Сальм узнал Бонч-Бруевича, доложил ему обстановку. Тот открыл своим ключом подъезд.

— Я с гостями!

Владимира Ильича, не спавшего уже не одну ночь, уговорили отдохнуть в кабинете хозяина дома. «...Подействовал лишь аргумент, — вспоминает Бонч-Бруевич, — что в этой отдельной небольшой комнате к его услугам письменный стол, бумага, чернила, книги».

Ленин выключил свет, когда уже рассвело.

Ленин писал Декрет о земле.

Декрет о земле станет действительно всенародным. Его разошлют не только в губернские и уездные города, но и во все волости России. Бонч-Бруевич рассказывал, какое огромное значение придавал ему Владимир Ильич.

Вечером 26 октября на последнем заседании съезда — первый доклад Ленина — о мире.

«— Вопрос о мире есть жгучий вопрос, больной вопрос современности...

Поэтому позвольте мне перейти к чтению декларации, которую должно будет издать избранное вами правительство».

649 делегатов, участвующих в работе съезда, единогласно проголосуют за ленинский Декрет о мире.

25-е — первый день, открыв новое летосчисление, передал эстафету 26-му — второму дню Революции и всему XX столетию.

●

ПОЭЗИЯ

Анатолий ПАРПАРА

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ СТИХИ

ВЫХОД В МОРЕ

Вдали затухают ночные огни,
Им ветер не в силах помочь.
А влево,
и вправо,
и прямо — взгляни! —
Блаженствует ночь.

Густая и жирная,
словно мазут.
Загадочна черная суть.
Но чутки приборы
и точен маршрут —
И нам не свернуть.

«А дом свой продай.
И корабль свой построй...» —
Так прочен в нас предков завет.
И судно творит темно-синий
раскрой,
И отступа нет.

СУДОВОЕ ВРЕМЯ

Есть время всякое, но это,
Читатель, знаете и вы.
Так время Гринвича — планеты,
А время для страны — Москвы.

Но нам, бывая в разных странах
И видя разный циферблат,
Иметь в чужих меридианах
Свое — удобней во сто крат.

И краснозвездным флагом рея,
Несем мы правду. Потому
Чужое уважаем время,
Но действуем по своему.

* * *

Опять гудок проносится в тумане,
Как жизнь опережающая весть
О том, что в нелюдимом океане
Душа живая не случайно есть.

А если вдруг гудки пересекутся
Для слуха капитанов, то тогда
Уверен будь: на параллельных курсах
Вполне счастливо разошлись суда.

ИОКОГАМА

Японский порт Иокогама.
Жгут город знойные лучи.
А в скверике средь шума-гама
Кейфуют местные бичи.

Они сидят,
кто молчаливо,
Кто шумно изливает бред.
В руке немногих —
бака пива,
В кармашке — пачка сигарет.

И я присел с японцем старым,
Чьи очи к горю не строги.
А мимо нас бегут к казармам
С судов прибывших моряки.

И никому до них нет дела:
Ни иностранцам,
ни своим.
Бичи — бичами.
Дело — делом,
Душа неближнего — интим.

О, век двадцатый,
век жестокий,
Немилосердный к простоте,
Прости поэту эти строки,
Взыскующие о доброте.

Остановись!
Присядь!
Подумай!
И порадей,
хотя б на миг,
Среди трудов и гама-шума
О детях брошенных своих.

К чему тебе завалы пищи
И дом, заставленный добром,
Когда лишь единицы ищут
Смысл жизни в радости с добром.

Когда уж приглашают к драме
АЭС жестокие лучи...
Не в Хиросиме — в Иокогаме
Кейфуют местные бичи.

РАЗГОВОР С МОРЕМ

— Что ты разгневалась снова,
Сине-вишневая стать?
Что ты набегом суровым
Берегу хочешь сказать?
Что ты приблизило выси,

Чистую даль не стерпя,
Кто там сегодня унизил
Непониманьем тебя?
Разве не знаешь:
В забавах,
В горе ли —
Сдержанным быть
Нужно.
И нет тебе права
Гневаться и гневить.
Разве не знаешь...
— Да, знаю!
Планида моя такова,
Доля моя вековая —
Мыкаться и тосковать.
Но неотступно в упряжке
Со временем вместе идти...
Разве расходятся наши
Задачи, поэт, и пути?..

В ОКЕАНЕ

Которые сутки
В сплошном одиночестве
держим мы путь.
Лишь серые утки
Сегодня присели
чуть-чуть отдохнуть.

Да редкая чайка,
Владений своих
совершая облет,
Как будто случайно
Крылом бело-синим
прощально махнет.

И даже касатки,
Что с тенью от судна
привыкли играть,
Нарушив порядки,
Уже не взрывают
торпедою гладь.

В морском окоеме
За далью скрывается
новая даль...
И только о доме
В душе нарастает,
как буря, печаль.

ВЛАДИВОСТОКСКИЙ ВЕЧЕР

А дождь, штрихуя небо, подошел
От гавани морской вплотную к дому —
Трехлетний мальчик так карандашом
Ведет по разноцветному альбому.

Но сквозь штрихи
Я все же различал
Осенние разводы небосвода,
Но в поступи дождя
Я узнавал
Ход катеров и рокот теплохода.

Вот так на доброй памятной волне,
Преодолев годов моих усталость,
Как нереальность,
Молодость ко мне
В цветах и звуках добрых возвращалась.

НАШИ ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Александр ТВЕРДОХЛЕБ

СВЕЖАЯ ЛИСТВА

НОВОСЕЛЬЕ

Мазали, белили
стены, потолки.
Глину подносили
бабам мужики.

А как вышел месяц,
полная луна,
встала над замесом
белая стена.

Ладное крылечко,
кружевной узор.
Ставенки в сердечки
смотрят за забор.

Глиной пахнут сени,
стружкою — полы.
Мы на новоселье
сели за столы!

Сами стлали лаги,
праздную, мужики,

без вина и драки,
чтобы — по-людски.

Чтоб мужья при женах,
жены — при мужьях.
Без речей казенных,
благо — не в гостях.

Чтобы в нашей хате
ни грызни, ни зла,
чтобы теща зятю
матерью была.

Чтобы холод-голод
обходил наш дом
и с голубкой голубь
знал свое гнездо.

Чтоб на этом свете
не хотел на тот,
не болели б дети
и не падал скот.

Мы тесали, клали
для людей своих.
Сами помогали,
сами спросим с них.

Ты живи, богата
хлебом и умом,
не простая хата —
Человечий дом.

МИКРОРАЙОН

Как сладко соловели вечера
над темной тишиною водоемов...
Окраинные резкие ветра.
Полрощицы снесло микрорайоном.

С утра, как пограничной полосой,
разделены стеклом оконной рамы,
полрощи умывается росой,
полрощи обливается под краном.

Щебечут молодые соловьи,
и новая листва не помнит горя.
В подъездах объясняются в любви,
и ту деревню именуют — город.

* * *

Груши сорваны, выбраны клубни,
пахнет свежим вареньем чулан.
Мир животных умно и доступно
голубой представляет экран.

Задождило. Уныло в природе,
Сирым тучам не видно конца.
Ходит грустная мать в огороде,
и в саду слышен кашель отца.

Что им, старым, неймется, не спится,
не сидится в домашнем тепле?
Словно мокрые черные птицы
ковыряются в рыхлой земле.

Но когда говорят о Природе
на природе под хруст огурцов, —
благородно и правильно вроде, —
опускаю смущенно лицо, —

вижу тихую мать в огороде...

Юлиан Семенов
ЭКСПАНСИЯ-III
Роман
Ю. Макаров

МЮЛЛЕР, ШТИРЛИЦ, 1947

Штирлиц проснулся, словно от удара; не открывая глаз, совершенно явственно ощутил, что на него кто-то пристально, неотрывно, изучающе смотрит.

Сколько сейчас, спросил он себя, видимо, восемь, а может восемь пятнадцать, но никак не больше, правда, ящерка?

Он ощущал время, ошибаясь в пределах десяти, максимум пятнадцати минут.

Штирлиц открыл глаза; комната, куда его ночью проводил Мюллер, была на третьем этаже особняка; окно, закрытое тяжелыми металлическими жалюзи, выходило на поле аэродрома. Видимо, подумал он, за мною наблюдают.

Штирлиц протянул руку, взял со столика часы, посмотрел на циферблат: восемь часов девять минут; у меня осталось еще два дня; если через сорок восемь часов не произойдет то, что запланировано у нас с Роумэном, мое пребывание на этой прекрасной, сумасшедшей, не собранной воедино земле кончится раз и навсегда.

Он не стал затыкать пробочкой раковину, как это делают немцы, — время игр кончилось, разговор идет в открытую, времени мало, поступать надо так, как хочется, а мне хочется мыться из-под крана, по-русски, подставляя под ледяную струю голову, шею, лицо, ощущая при этом особый, горный запах этой воды, таящей в себе легкую голубизну, — до того чиста; что значит источник, бьющий в горах!

Дверь, понятно, была заперта снаружи; Штирлиц трижды постучал, замок сразу же открылся, видимо, в коридоре дежурит постоянный пост; правильно, между прочим, делают.

Двое рослых парней, стриженных «под бокс», стояли прямо перед ним, и в глазах у них была нескрываемая, тяжелая ненависть.

— Доброе утро, ребята, — сказал Штирлиц, — как отдохнули?

Те, не ответив, сопроводили его в холл — там уже был накрыт стол: ветчина, фаршированные колбасы, сухой сыр, молоко; Мюллер сидел возле окна, задумчиво

Окончание. Начало в № 9, 10 и 11.

перелистывая книгу; услышав шаги по широкой деревянной лестнице, поднялся, пошел навстречу Штирлицу:

— Вы слишком долго спите, Штирлиц, — сказал он, чуть кивнув охранникам: те растворились, ну и школа, ай да Мюллер, так сохранить былое дано не каждому; да здравствует незыблемость традиций!

— Я сплю ровно столько, сколько необходимо для реанимации нервных клеток, — ответил Штирлиц.

— Единственно, что не реанимируется, а постоянно умирает, именно нервные клетки, мой друг... Кстати, я запамятовал, какое у вас звание в русской секретной службе?

— Было полковник, — ответил Штирлиц.

— Значит, сейчас вы генерал? — оживился Мюллер. — Или, наоборот, разжалованы до рядового? Со всеми вытекающими последствиями?

— Вполне может быть, — согласился Штирлиц.

— У вас еще много информации, которую предстоит обсудить?

— Много. На три дня как минимум. Кстати, гулять вы меня намерены выпускать? Или полный затвор?

Мюллер сел во главу стола:

— Погуляем, Штирлиц, погуляем. Располагайтесь по правую руку, мне приятно ухаживать за вами.

— Спасибо, группенфюрер... Или, быть может, вы хотите, чтобы я обращался к вам, как с сеньору «Рикардо Блюму»?

Лицо Мюллера закаменело:

— Мне жаль, что эта информация стала вашим достоянием. Сейчас вы нанесли мне удар, Штирлиц. Я полагал, что «Рикардо Блюм» известен только четырем моим самым верным контактам... Кто вам назвал это имя?

— Угостите кусочком фаршированной колбасы, группенфюрер, — попросил Штирлиц. — Я опасаюсь, как бы вы не решили вновь попробовать меня на выдержку, перед пытками надо как следует подкрепиться.

— Надеюсь, вы понимаете, что мои люди восстанавливают весь ваш маршрут? Полагаю, вы отдаете себе отчет в том, что я узнаю, как вы сюда прибыли, откуда, с чьей помощью?

— Убежден.

— Хорошо держитесь. Порою я вообще сомневаюсь: есть у вас нервы или вам сделали какую-то хитрую опе-

рацию, заменив их совершенно новой субстанцией, которая ни на что не реагирует, а лишь фиксирует происходящее?

Штирлиц несколько удивился:

— Раз вы сомневаетесь, значит, у меня есть нервы. Все то, что вызывает сомнение, — существует... У меня, например, тоже есть сомнения по поводу вашей активности в северной Италии в апреле сорок пятого... Я снова хочу спросить, нас никто не слышит, группенфюрер? Я не зря задавал вам этот вопрос вчера, не зря повторяю его сегодня. Не думайте, что в мире мало людей, которые хотят занять ваше место. А будет — когда кончится «дух Нюрнберга» — еще больше... Так что мой вопрос в ваших интересах...

И Мюллер дрогнул.

По-кошачьи, бесшумно поднявшись, он подошел к двери, что вела на кухню, резко распахнул ее: два индейца-повара сидели на подоконнике, наблюдая за тем, чтобы не переварить кофе, стоявший на большой плите; Мюллер подкрался к той двери, что вела в его кабинет; там тоже никого не было.

— Тем не менее включите радио, — посоветовал Штирлиц. — Дело того стоит.

Мюллер ткнул пальцем в клавишу «Блаупункта»; как обычно, передавали испанские песни, — гитара, кастаньеты и захлебывающийся голос женщины.

— Теперь вы спокойны? — спросил Мюллер, вернувшись на свое место.

Штирлиц покачал головой:

— Теперь спокойны вы, группенфюрер... Помните, как двадцатого апреля сорок пятого года вы расписались на приказе, полученном от фюрера: «Службе гестапо обеспечить вывоз в Альпийский редут вождя мирового фашизма, дуче Италии Бенито Муссолини»?

— Если я и забыл, то у вас должен быть этот приказ, не правда ли?

— Конечно.

— Дадите ознакомиться?

— Пожалуйста, — Штирлиц протянул ему копию, сделанную на тонкой бумаге.

Мюллер пробежал глазами текст, кивнул:

— Да, подпись моя. Но ведь в получении этого же приказа расписался и Кальтенбруннер, и СС обергруппенфюрер Вольф.

— Кальтенбруннера повесили, Вольф в тюрьме, а вы являетесь неким преемником идей фюрера, нет? Следовательно, отвечать за неисполнение приказа — перед лицом членов партии — придется вам, группенфюреру Генриху Мюллеру, больше некому.

— Я сделал все, что мог, Штирлиц, — Мюллер положил себе ветчину и начал быстро жевать ее, тщательно скрывая полнейшее отсутствие аппетита.

Штирлиц покачал головой, сострадающе вздохнул:

— Нет, группенфюрер. Все не так. У меня есть документы, которые говорят об обратном...

— Очень любопытно услышать систему доказательств от противного...

— А кофе дадут?

Мюллер нажал на кнопку под столом; индейцы принесли кофейник, аромат был горьким, чуточку пьянящим.

— Сливки нужны? — поинтересовался Мюллер.

— Ни за что, — ответил Штирлиц. — Водкой не угощаете, напьюсь крепким кофе.

— Могу угостить и водкой.

— Спасибо. Чуть позже.

— Я весь внимание, Штирлиц...

— Сейчас, только доем фаршированную колбасу... Вкусна, сил нет оторваться...

Он деловито, с видимым, а не с наигранным наслаждением доел колбасу, налил себе кофе и неторопливо заговорил:

— Мне кажется, Гитлера на самом деле не очень-то тревожила жизнь Муссолини... Его более всего волновала судьба диктатора: если бы с дуче не произошло то, что ныне известно всем, — а случилось это двадцать восьмого апреля, и Гитлер читал радиосообщение о трагедии, — я не знаю, как бы себя повел великий фюрер германской нации... Я расскажу вам, отчего оставшиеся в живых лидеры национал-социализма не простят вам гибель Муссолини... Помните, еще в феврале сорок пятого, когда генерал Вольф впервые прибыл в Швейцарию к Даллесу, вам поступили сведения о контактах Муссолини с миланским кардиналом Шустером...

— Я не помню этого, Штирлиц, — ответил Мюллер скрипучим голосом, что свидетельствовало о высшей степени раздражения. — Я руководил слишком большим подразделением, чтобы помнить все...

— Сохранилась ваша переписка с представительством гестапо при штабе дуче. Я оперирую фактами. Иначе я рискую провалить ту миссию, которая возложена на меня американскими друзьями... Так вот, уже в конце февраля вы знали, что кардинал Шустер передал англо-американскому командованию письмо Муссолини... Текст помните?

— Нет.

— Я помню. «Силы социальной республики, — писал дуче, — должны воспрепятствовать тому, чтобы жизнь нации потонула в хаосе, анархии и гражданской войне. Всякое неконтролируемое экстремистское движение (коммунистические партизанские отряды, митинги, забастовки) должно быть подавлено совместными силами моей социальной республики и союзников с помощью священников, которые приложат все усилия для пропаганды идей всеобщего умиротворения. При этом я, как дуче республики, должен знать, какова будет судьба членов правительства и руководящих деятелей моего движения». Вспомнили?

— Да вы продолжайте, Штирлиц, продолжайте, — сказал Мюллер. — Смеется тот, кто смеется последним.

— Ладно, не буду смеяться, — согласился Штирлиц. — Да и до смеха ли мне, группенфюрер? Вскоре после этого начальником «корпуса добровольцев свободы» стал генерал Кадорна, помните? Интересная личность: противник фашизма, но при этом практик антикоммунистической борьбы. И отправился генерал Кадорна не куда-нибудь, а в Швейцарию, и не к кому-либо, а к Аллену Даллесу. И там-то мистер Даллес поставил вопрос в лоб: «Сможет движение дуче удержать север Италии от коммунистического восстания? Хватит ли у Муссолини сил и авторитета спасти страну для демократии?» И Кадорна, который был реалистом, ответил, что дуче не сможет спасти север Италии от коммунистического восстания. Он имел постоянный контакт с доктором Захарисом, отправленным Гитлером к дуче в его «столицу» Гарньяно; тот, поняв, что дело проиграно, снабжал генерала Кадорну интимной информацией о Муссолини: «Он в состоянии депрессии, плохо понимает происходящее, убежден в том, что нация стоит за его спиной, готова дать смертельный бой союзникам; порою, однако, обсуждает с главой секретной полиции Тамбури-

ни подробности предстоящего побега на подводной лодке в Японию. Генерал Вольф, возглавивший немецкие войска на севере Италии, перестал общаться с Муссолини, впрочем, его заместитель успокоил дуче, сказав, что на днях будет пущено в ход секретное оружие фюрера, которое сметет русских, англичан и американцев; оснований для беспокойства нет; все идет, как запланировано... И было это двадцатого апреля сорок пятого, группенфюрер, когда Гитлер возложил на вас ответственность за спасение дуче. А сделал он это не зря, ибо Шелленберг, — торгуя всеми, кроме себя, — отдал в бункер информацию, что Муссолини отправился на встречу с врагами: двадцать пятого апреля в Милане дуче Италии сел за стол переговоров; напротив него расположились генерал Кадорна, христианский демократ Мараца и член ЦК партии действия Рикардо Ломбарди. Эта делегация Комитета национального освобождения имела указание: переговоры продолжаются ровно час; условие только одно — безоговорочная капитуляция. Вел встречу кардинал Шустер. Выслушав слова о «капитуляции», дуче недоуменно заметил, что ожидал совершенно иного; поинтересовался, какая судьба ждет лидеров фашизма. Ему ответили, что их судьба будет решаться по закону. «По закону военного времени? — сразу же спросил Муссолини. — Или мирного?» «По действующим законам», — ответили ему. «Я должен посоветоваться с немцами, которые ведут бои, — сказал дуче, — только я могу понудить их сдаться, если вы гарантируете жизнь». Он прервал заседание, отправился в свой штаб, а там ему сказали, что Вольф уже сидит за столом переговоров с американцами. «Они предали меня», — сказал Муссолини и сел в машину; а ведь его сопровождали ваши люди, группенфюрер... Они должны были вывезти его в Тироль... А они его бросили, как только дуче переоделся в немецкую форму и натянул на голову каску... Один из этих ваших людей жив... Он дал показание, что вы отправили приказ: «Пусть с дуче разбираются сами итальянцы, охрану снять». Зачем вы отдали такой приказ? Чтобы поскорее уничтожили свидетеля, который лучше всех других знал, что творило гестапо в Италии? Или же, — я вправе трактовать этот приказ и так, — хотели помочь американцам схватить Муссолини, в случае чего зачтется?

— Текст моего приказа у вас есть?

— Есть показания.

— Одного человека?

— Трех. Дуче ведь пытался пробраться в альпийский редут с немецкой зенитной батареей... Все солдаты, присутствовавшие при его аресте, опрошены, в один голос показали, что люди гестапо бросили Муссолини, когда он решил ехать на озеро Комо...

— Еще кофе? — спросил Мюллер.

— С удовольствием.

— За сердце не боитесь?

— Боюсь. А что делать? Разве можно лишать себя удовольствия, постоянно высчитывая, что может из-за этого произойти в ближайшем будущем?!

— Тоже верно, — согласился Мюллер задумчиво. — Ну, это, я надеюсь, все?

— Только начало, группенфюрер, — Штирлиц рассмеялся. — Я хочу напомнить вам дело Кисселя... По-моему, именно вы вели с ним переговоры в тридцать втором, а?

Мюллер резко встал из-за стола, отошел к окну, забросил руки за спину:

— У меня есть выход, Штирлиц, — сказал он тихо. — Я пристрелю вас и уйду из виллы. Вы же понимаете, я не зря провел два года в этом регионе, мне есть где обосноваться на юге Америки.

— Бесспорно, — согласился Штирлиц. — Но если здесь вы бог национал-социализма, то в любом другом месте станете загнанным зверем. И каждый раз, когда ваши люди будут получать от вас шифры к банковским сейфам, где хранится золото СС и партии, ожидание их возвращения станет для вас муками ада... Они ведь будут брать золото изменника, группенфюрер. А зачем отдавать изменнику то, что ему по праву не принадлежит?

Мюллер повернул колесики громкости радио, увеличив мощность; вернулся к столу:

— Ну так и что же вам известно по делу Кисселя?

— Все, — ответил Штирлиц. — Но этот документ я перешлю вам лишь только после того, как мы заключим договор. Я не принес его с собой, опасаясь обыска... Это ведь такой документ, который равнозначен для вас смертному приговору, вы же понимаете это, нет?

Мюллер понимал это.

Комбинацию он начал в тридцать втором году, когда Гитлер в третий раз отказался от должности вице-кан-

лера, которую ему предлагал канцлер Папен, выражавший волю Круппа и Тиссена, всего крупного капитала. После того как Папен был вынужден уйти, президент Гинденбург передал власть генералу Шлейхеру; как опытный политик, этим назначением генерала он грозил и коммунистам, и нацистам, и ненавистному Парижу: в конечном счете, все и везде решает армия.

Шлейхер сразу же начал действовать; он знал, что в НСДАП произошел раскол — Штрассер рассорился с Гитлером; денег у партии не было, штурмовики стояли с кружками на улицах, прося у прохожих пожертвований; хозяин типографии, печатавшей «Фёлькишер беобахтер», потребовал у Геринга немедленной уплаты долга, или же «я прекращаю выпуск вашего листка, он ныне убыточен, уже сколько лет вы сулите немцам благоденствие, а все, несмотря на это, катится в тартарары».

Шлейхер готовился к конспиративной встрече с Грегором Штрассером, истинным создателем НСДАП, имевшим определенное влияние на рабочих Рура: «Если я смогу уговорить его стать членом моего кабинета в качестве премьер-министра Пруссии, за Штрассером пойдет треть нацистских депутатов рейхстага, и Гитлер, таким образом, перестанет быть той силой, которая шантажирует республику. Меня устраивает штрассеровская трактовка национал-социализма, поскольку, по его словам, он не имеет «никакого отношения к интернационализму; это дух товарищества нации плюс высочайшая производительность; социализм немцев — это крепостные стены имперских городов, традиции и дисциплина!»

После первой встречи Шлейхер привез Грегора Штрассера в имение президента Гинденбурга; старый маршал внимательно осмотрел сухое, чуть удлиненное лицо одного из руководителей национального социализма, заметив при этом:

«Какое счастье, что вы говорите без венского акцента... Все же немцы любят хохдейч, государственность вне главного диалекта немыслима».

— Тогда же, во время этой встречи, Гинденбург согласился предоставить Штрассеру пост вице-канцлера. Вы же знали об этом, группенфюрер, нет?

— Продолжайте, пожалуйста, Штирлиц, — все более раздражаясь, ответил Мюллер. — Вы обещали рассказать о каком-то Кисселе, вот я и жду этого рассказа.

— «Какой-то Киссель», — Штирлиц улыбнулся. —

Вне отношений Штрассера и Гитлера дело Кисселя не имеет смысла, группенфюрер, и вы прекрасно это знаете... Вы же помните, что после того, как в декабре тридцать второго Штрассер подал в отставку со всех своих постов в партии и заявил прессе, что Гитлер проводит политику «исключительности», которая чревата закатом «движения», фюрер был близок к самоубийству, потому что на местных выборах НСДАП потеряла треть голосов. «Я всегда мечтал привести к управлению государством нацию немцев, — заявил Штрассер, — крестьян, рабочих и служащих. Гитлер хочет править государством единолично, — в этом два подхода в партии к вопросу о власти!» Вот тогда-то и возник ваш старый знакомый, редактор Церер, которого вы спасли от скандала в Мюнхене, когда его, пьяного, обобрали две проститутки, а он их за это избил до полусмерти... А ведь каков был трибун, глава газеты «Ди тат», адепт «немецкого духа», хотя, правда, это не мешало ему утверждать, что если дух нации медленно, но постоянно ставится под контроль, то это полезнее всего для него самого, ибо наиболее глубокие идеи человечества довольно редко возникали на свободе... Помните?

Мюллер деревянно хохотнул:

— Это как раз помню... Любопытное умозаключение... Многосмысленное. И вполне рациональное...

— А закрыть уголовное дело Церера тоже рационально?

— Конечно, — ответил Мюллер устало. — Увы. Ну, валяйте дальше... Вот уж никогда не думал, что даже я так много наследил в архивах...

— Каждый человек, думающий о карьере, следит, группенфюрер... Вы же помните, что именно Церер приехал к вам с просьбой поглядеть в архивах полиции дела на всех тех, кто был в охране фюрера?

— Не помню, — отрезал Мюллер.

— Это было третьего января тридцать третьего года, группенфюрер. Именно третьего января вы затребовали дела на людей СС, охранявших Гитлера... И нашли компрометирующие материалы на Кисселя, он привлекался к суду за растление малолетней, но был помилован, потому что ему не хватило трех дней до шестнадцатилетия, а девочке было девять... И вы вместе с Церером пришли к нему ночью, на Келенхоф, три, помните?

— Нет, — повторил Мюллер еще более напрягшись, — не помню.

— И Церер передал Кисселю три тысячи марок... За то, чтобы тот сказал, какие шаги намерен предпринять Гитлер после ухода Штрассера? Не помните?

— Конечно нет.

Штирлиц достал еще листок и протянул его Мюллеру:

— Здесь расписка Кисселя, заверенная вашей подписью... И дата, самое главное, дата. Вы ведь перевербовали охранника фюрера накануне его поездки в Кельн для тайной встречи с бывшим канцлером Папеном...

— Не повторяйте коммунистическую пропаганду, Штирлиц. Это пройдет на публике, а со мною не надо.

Штирлиц покачал головой:

— В Лондоне только что опубликована стенограмма последних переговоров Гитлера с Папеном... Положение безвыходное, денег нет, партия разваливается, рабочие Рура — те, что не с коммунистами, повернули к Штрассеру, что делать? И Гитлер вместе с Гессом, Гиммлером и экономическим советником партии Кепплером приехали в Бад-Годесберг, там Гитлер пересел в машину, которая доставила его в дом банкира Шредера... На пороге стоял Папен, «враг» НСДАП. А фюрер обменялся с ним рукопожатием. И в это время выстрелил блиц фоторепортера, — вы же знали от Кисселя все; назавтра сенсационный снимок о тайной встрече Папена с Гитлером стал достоянием общественности... Тогда, правда, не стали достоянием общественности документы, подписанные в тот день Гитлером и Папеном: оживление экономической конъюнктуры, — то есть, если расшифровать, военные заказы промышленности и аннулирование версальских соглашений... Через три часа Папен посетил финансистов Феглера и Шпрингорума, те внесли деньги в казну национал-социалистов; отчислил средства Юнкерс; в середине января состоялась еще одна встреча Папена с Гитлером, — в Берлине, в доме Риббентропа: об этой встрече вы уже знали, группенфюрер; но вы знали, что канцлер Шлейхер намерен распустить парламент и ввести чрезвычайное положение, чтобы выслать Гитлера из страны, а на его место поставить Штрассера... И вы были готовы депортировать фюрера в Австрию, нет?

— Такого документа не было в природе, Штирлиц.

— Верно. Такого рода документы не составляются,

слишком рискованно. Но показания о том, что вы обсуждали с полковником Отто, посланцем канцлера Шлейхера, — за три дня перед его падением, — что вы возьмете на себя эту миссию, сохранились.

— Покажите.

— Не-а, — Штирлиц усмехнулся. — Пошли погуляем, успокоимся, подышим воздухом, потом покажу.

Мюллер поднялся, походил по огромному холлу, остановился около Штирлица, потом навис над ним:

— Давайте проанализируем вашу информацию, дружище... Давайте проанализируем ее без гнева и пристрастия... То, что вы говорили мне вчера и сегодня — сенсационно, спору нет... Да, опубликованием этих материалов вы поначалу действительно восстановите против меня значительную часть нашего братства... Но вы должны понимать: я добьюсь от вас показаний, что эти материалы сфабрикованы... И тогда большинство, которое поначалу поверило вам, — всегда приятно валить собственные беды на головы врагов, — вернется ко мне... Ну, а меньшинство, вы правы, возможно начнет против меня борьбу...

— Радикальное меньшинство, — уточнил Штирлиц. — Фанатики. Люди, считающие, что фюрер был, есть и будет лучшим лидером нации. Это опасные люди, психически неуравновешенные, лишенные дара перспективы, уповающие на возвращение прошлого, — такие люди готовы на все, группенфюрер, их надо, — судя по вашим словам, которые вы сказали одному из убийц Ратенау, дурачку Саломону, — «давить, как вшей...»

Мюллер кивнул:

— Верно, я сказал ему именно так... Другое дело, как я поступал... Или — как я намерен поступать впредь... Фанатики — прекрасный материал для нагнетания чувства ужаса в мире, ибо оно, это чувство ужаса, — предтеча надежды на сильную руку. На тех, кто может положить конец безумию, крови, разгулу страстей! Вы несколько раз упомянули ваших североамериканских коллег... Я — цените мой такт — пока еще не задал вам вопроса, кто эти люди, кого они представляют, кем были ранее, на что уповают в будущем... Все то, о чем мы с вами говорили вчера и сегодня, компрометирует меня в глазах национал-социализма, вы правы... Но ведь это делает меня незаменимым для ряда лиц разведывательной группы Вашингтона, которые с некоторым, правда, опоз-

данием, — признали, наконец, что главной опасностью для мира следует считать коммунизм. И этим людям я, — Генрих Мюллер, сражавшийся в меру своих сил с национал-социализмом, поддерживавший Веймарскую республику, последнего демократического канцлера Германии генерала Шлейхера, зверски убитого Гитлером в тридцать четвертом году, готовый по его приказу, — несмотря на смертельный риск, вышвырнуть из страны Гитлера, — буду в высшей мере нужен. Никто так, как я, не знает потаенных пружин нацизма, и никто не сделал так много для искоренения коммунизма в Баварии, а потом и во всей стране... Причем я боролся с красными не по принуждению, не потому, что был коричневым, — вы ведь знаете, я вступил в партию только в тридцать девятом, — а по велению совести. Из-за моих идейных позиций... Ваши документы помогут мне сговориться с паршивыми янки, Штирлиц... А в этом я сейчас заинтересован...

— Нет, группенфюрер. Вам не удастся сговориться с янки... Хотя, вы правы, кое-кто из разведки и пошел бы на контакт с вами. Если там есть люди, которые назвали генерала Гелена «патриотом демократической Германии», то и вас можно было бы определить, как «борца против коммунизма»... Но теперь альянс не получится... Вы же слышите американское радио, — такого удара против наци, обосновавшихся в Аргентине, еще не было... И это не случайно; они хотят сражаться с коммунизмом «чистыми руками»... Так что у вас есть только один выход — договор со мной... А когда вернемся с прогулки, начнем разбирать американский узел... Неужели ничего не помните?

И Мюллер ответил с поразившей Штирлица искренностью:

— Клянусь вам, нет!

КРИСТА, ЭЛИЗАБЕТ, ДЕТИ, ЭР, НИЛЬСЕН, 1947

Элизабет позвонила Кристине с аэродрома; как и было заранее уговорено, произнесла лишь два слова:

— Я тут.

И положила трубку.

Маленький Пол тяжело перенес полет через океан; три раза в ы в е р н у л о, очень плакал, в отчаянии ударял себя маленькими кулачками в живот, обиженно по-

вторяя: «Здесь болит, ну погладь же, пусть перестанет!»

Питер смеялся:

— Смотри на меня, плакса! Лечу, и все! Как не стыдно! «Я — ковбой, я — ковбой!»

Маленький завопил в голос от бессильной обиды; продолжая бить себя в живот кулачком, он, захлебываясь слезами, пытался объяснить брату:

— У меня же болит, понимаешь?! Режет! Ну, что же ты ничего не можешь сделать, ма?!

Я тоже всегда сердилась на маму, когда она не могла мне помочь, вспомнила Элизабет; наверное оттого, что мы рассказываем детям сказки, они убеждены, что волшебство естественно, и каждый взрослый обладает даром мага; а если не делает, чего хочется, значит — плохой... Правда... Бедная мама не знала, как решать задачи, а я ее за это шепотом ругала; прости, мамочка... А вообще, наверное, нет ничего страшнее, когда не можешь помочь маленькому; если я сейчас не сдержусь и заплачу, Пол еще больше испугается.

Она легонько шлепнула Питера:

— Не смей его дразнить! Видишь, как ему плохо!

Теперь зашелся Питер, — он ведь так гордился, что с ним все в порядке, мама должна быть рада, лечу себе, и ладно, а она...

Пол сразу же перестал бить себя кулачками в живот, успокоился, опустил голову на руку матери и легко уснул.

— Прости меня, Питер, — шепнула Элизабет. — Мне очень стыдно перед тобой. Ты настоящий мужчина, я тобой горжусь. Правда. Я просто сорвалась. Прости.

Несправедливость родителей не забывают, подумала она. То, что прощают чужим, своим не спускают... А Пол больше похож на меня... Я тоже радовалась, когда мама зазря наказывала Пат... Я переставала плакать, когда доставалось сестре, испытывая удовлетворение... Ужасно, такая крохотуля, а уже взял от меня самое плохое... Питер — вылитый Спарк, как ему будет трудно жить с его добротой и девичьей обидчивостью... Он хорошо дерется, за дело отлупил соседского Боба, но его нужно вывести из себя... Господи, Спарк, только б с тобой все обошлось, ведь если у Роумэна не получится, мы все погибли...

...Кристина приехала через полчаса, сразу же нашла их в аэропорту, прижала к себе Пола, обцеловала Пите-

ра и Элизабет; «Миленькие вы мои, как же вы устали, совсем белые!»

Из аэропорта отправились к докторанту Паулю, там малышей вымыли и уложили спать; Элизабет устроилась с ними на одной тахте; словно тигрица, охраняющая детенышей; как можно уместиться на самом краешке, десять сантиметров, спит на весу!

Пауль постелил себе на полу, перебрался в прихожую; Кристина уехала в город, в кабачке нашла Нильсена, тот как всегда работал; увидав женщину, молча кивнул, дождался, пока она вышла, отправился на набережную, где стояла яхта «Анна-Мария»; света зажигать не стал, спустился к мотору, проверил запас бензина, пресной воды и масла, потом поднялся на палубу, сел, скрючившись, замер, сунув в рот свою душегрейку.

Кристина заехала домой, включила во всех комнатах свет, зашторила окна и выскользнула на темную улицу через двор, бросив свой велосипед у парадного. В три часа утра добралась до центрального почтамта, заказала разговор с Мюнхеном; Джек Эр, конечно же, спал сном младенца, к телефону подошел после седьмого звонка.

— Я еду с родственниками, — сказала Криста, — в деревню.

И, не дождавшись ответа, положила трубку.

В четыре утра она вернулась к Паулю, попросила его взять на руки Питера; Пола прижала к себе; в пять были на набережной, в пять пятнадцать, когда только-только начало светать, Нильсен запустил движок и повел яхту в открытое море.

— Вы пока располагайтесь в каюте, — сказал он женщинам. — И готовьте завтрак. Я подключил плитку, в шкафу молоко и яйца, обожаю омлет, только свет не надо включать, ладно? А когда мы выйдем из бухты и я лягу на курс, мы устроим пир... Если, конечно, не будет встречных судов... А даже если и будут, сделаем стол на палубе, морской ветер пахнет яблоками, не смейтесь вы, я говорю правду...

Мальчики спали, прижавшись друг к другу, на лавке, укрытые толстым пледом; внутри хранились надувные жилеты и плотик; Элизабет и Криста сидели друг против друга, оставшись, наконец, вдвоем, когда можно спокойно говорить, поэтому молчали.

Криста достала из кармана теплой куртки пачку «Ла-

ки страйк»; Элизабет заметила, что сигареты были раскрошившиеся, как у Пола, и заплакала.

— Не надо, — шепнула Криста, положив свою руку на ее сцепленные пальцы. — Теперь все в порядке, сестричка...

Элизабет покачала головой:

— Я не верю, когда все идет нормально... Я стала бояться спокойствия, Крис... Я вся издерганная... Мне постоянно хочется куда-то идти, что-то делать, смотреть в окна, — не прячется ли кто там... Все в порядке, — повторила она, глотая слезы. — А Спарк остался заложником... Где Пол? Что с ними? Ты знаешь?

— С ними все в порядке, — сказала Криста. — Давай постучим по дереву... Видишь, сколько здесь дерева? — Она заставила себя улыбнуться, хотя дрожь, которая била Элизабет, передалась и ей; но у меня же нет маленьких, сказала она себе. Я должна быть сильней; сейчас мне надо вести ее... Не ей, старшей, а именно мне, потому что мое сердце принадлежит Полу, а у нее разделение между Спарком, маленьким и Питером... Сразу трое... Это же так тяжело, невыносимо тяжело... Без детей жить проще, сам себе хозяин... Зачем ты лжешь, спросила себя Криста; кто тебя понуждает врать самой себе? Гаузнеры, ответила она. Пока в мире есть гаузнеры, очень страшно давать жизнь новому человеку; обрекать на те муки, что прошла ты? Зачем? Бог дал тебе любовь, вот и люби...

— О чем ты думаешь? — спросила Элизабет, слизывая острым языком слезы.

— Вздор какой-то лезет в голову.

— Надо было бы зайти в церковь и помолиться за наших... У вас есть протестантские церкви?

— Не знаю... Я не верю в церковь... Я в бога верю...

— Все мы дуры... Какие-то неполноценные, — Элизабет утерла слезы на щеках ладонями и по-детски шмыгнула покрасневшим носом. — Больше всего я мучаюсь от того, что Спарк улетел отдать себя в залог без смены чистого белья... Мне стыдно, что подумают о его жене те люди, которые стерегут...

Криста наконец закурила, затянулась по-мужски, очень глубоко:

— Думаешь, все это время мне не лез сор в голову?! У нас один биолог читает курс о взаимоотношениях полов... Рекомендует женщинам, — мы же дисциплиниро-

ванные, честолюбивые, — ставить себе ежедневные оценки за поведение... «Это будет держать вас в кулаке, гарантия семейного баланса абсолютна»... Я спросила: «А может, лучше просто любить того, кого любишь? Не свою к нему любовь, а его? Не пропуская все происходящее через себя, через то, как на это посмотрят и что подумают другие? Просто любить и поэтому быть счастливой?» Знаешь, что он мне ответил?

— Дай сигарету...

— Ты же не куришь...

— О, я раньше была такая заядлая курильщица! — Элизабет наконец улыбнулась. — Я бросила, когда вот этот должен был родиться, — она положила руку на голову Питера, совершенно не страшась, что мальчик проснется; а я бы не решилась так, подумала Кристина; она про них все знает, хотя никто ее этому не учил... Всему учат: и математике, и хорошему тону, и сексологии... Вот только этому жесту научить не смогут, врожденное...

Криста села рядом с ней, прижалась, ощутила ее опавшую грудь, вспомнила маму, дрогнула спиной, испугалась, что не сдержится, разревется, нельзя, ни в коем случае нельзя, ей труднее, чем мне!

— Тебе холодно? — спросила Элизабет, почувствовав, как вздрогнула спина Кристы. — Не простудилась?

— Нет, мало спала...

— Ты совсем не спала, бедненькая, — сказала Элизабет, и подняла с ее лба тяжелые, шелестящие волосы. — Какая же ты у нас красивая... Совершенно григовская девочка... Не сердись, я темная, но Григ был норвежцем или финном?

— Не сержусь, — Криста прижалась к ней еще теснее. — Норвежцем.

Вошел Нильсен, потер руки, подул на пальцы, словно они замерзли, хотя день обещал быть теплым:

— Дамы, а где же омлет и кофе? Мы вышли в море, впереди и по бортам ни одного судна на двадцать миль, у меня есть десять минут на отдых... Смотрите-ка, ни ветерка, ни тучки, полный штиль, можно даже патефон завести.

— Заведите, — обрадовалась Элизабет. — У вас хорошие пластинки?

Нильсен обернулся к Кристине:

— На вашей яхте хорошие пластинки, мадам?

— Что бы тебе хотелось послушать, сестричка?
— С радостью послушала бы «Пер Гюнта»...

На вокзале в Гамбурге было грязно и пусто, восстановительные работы шли ни шатко ни валко, англичане — в отличие от младших братьев — палец о палец не ударяли, чтобы вдохнуть жизнь в разрушенную страну; лицензии на открытие газет и радиостанций давали легко, без раздумий; позволяли регистрацию только небольших фирм, не помогая ни строительными материалами, ни продовольствием: «Сначала мы восстановим Остров, разбитый немецкими «фау», а уж потом решим, как быть с «гансами»... Чем дольше они будут жить в руинах, тем спокойнее для Европы, — конечно, на этом этапе; когда сами восстанем из пепла, поднимем их, контролируя каждый шаг, чтобы не повторился тридцать третий год... Для этого сначала надо привить им вкус к демократии и научить искусству выслушивать мнение несогласных... А еще выбить из памяти преклонение перед «железной рукой» богоданного фюрера, когда каждый освобожден от обязанности думать; выполнять легче; инженеру платят в четыре раза больше мастера, потому что он придумывает, это дорого стоит».

Джек Эр купил на перроне газеты, — их здесь было множество, от местных крошечных листков в две ладони до «Вашингтон пост», — просмотрел новости; начал с тех страниц, где печатали про скандалы; в случае чего информацию о Роумэне будут давать именно там, если, спаси бог, случится горе; нет, все в порядке; Адольф Менжу дает интервью, будет сниматься вместе с Робертом Тэйлором в первом антикоммунистическом боевике; молодой миллионер Онасис благодарит президента Трумэна за помощь Греции, лишь это спасет страну от большевизма, — маленький черноволосый крепыш с розочкой в лацкане смокинга на гала-вечере в Нью-Йорке; окружен женщинами, которые на голову выше его...

Ощутив на плече чью-то руку, Джек одновременно услыхал низкий голос:

— Не ту газету смотрите, мистер Эр.

Обернувшись, увидел низенького человека, не выше Онасиса; как он мне до плеча-то смог дотянуться; пиджак поношенный, рубашка мятая, галстук съехал в сторону, какой-то бутафорский, так выглядят люди с Юга; правда, ботинки наши, настоящие самоходы, подошва

толстенная, верх пробит дырочками, образующими трафаретный рисунок; все американцы носят такие туфли, только пижоны заказывают лайковые, с длинными носами.

— Представьтесь, — сказал Джек Эр, стремительно оглядев перрон, — ни одного человека, который мог бы казаться подозрительным, не заметил; впрочем, бежать некуда, да и потом, если что-то задумано, они окружили вокзал, азбука. — Я не знаю, с кем говорю.

— Но догадываетесь, — заметил низенький. — Не скажу, что вы Гегель, но сметка у вас американская, горжусь... Я ваш коллега... Точнее говоря, коллега по прошлой работе... Я Райли, из Федерального бюро расследований.

— Что я должен смотреть и в какой газете?

— В «Нью-Йорк таймс», — Ралли протянул ему мятый, скатанный в трубку увесистый сверток, как-никак, сорок восемь страниц, воскресный выпуск. — Макайр убит... Он был связан с наци, вот почему он подставил под пулю несчастного Пола Роумэна...

— Что?!

— То самое. Роумэна убили... Он пал смертью героя... Его похоронят на Арлингтонском кладбище, с воинскими почестями... Макайра завербовал абвер, еще в сорок третьем, в Мадриде. Да вы читайте, там все написано...

— У вас есть сигареты?

— Не курю.

— Где... На какой странице это напечатано?

— Давайте найду...

Райли пролистал мятые листы, ткнул в фотографию: мертвый Макайр лежал на причале дока; руки раскинуты; лицо обезображено гримасой ужаса и боли.

— Вот, — сказал Райли. — «Гибель чиновника центральной разведывательной группы...»

Джек стремительно прочитал заметку; о том, что Макайр был перевербован абвером, ни слова, только упоминались «таинственные связи покойного с иностранцами...»

— А где сообщение о Роумэне?

— Это пришло по служебным каналам... За вами тут смотрели немцы, поэтому мы вас маленько страховали, не взыщите... О Роумэне, видимо, будет в вечерних выпусках...

— Где он погиб?

— По-моему, в Аргентине... Или Парагвае... Когда похищал какую-то нацистскую шишку...

— Где тело?

— Везут на родину.

— А как фамилия этой самой шишки?

— Не помню... То ли Миллер, то ли Мюллер, могу ошибиться...

— Но ведь здесь ничего не написано про то, что Макайр был агентом абвера!

— Сразу все вываливать, что ль? — Райли посмотрел на Джека с недоумением. — Я ж делюсь с вами служебной информацией... Ладно, едем, надо отыскать яхту, миссис Роумэн надо отправить на военном самолете в Вашингтон... Вдова должна принять участие в церемонии похорон...

— И все же он достал Мюллера, — тихо сказал Джек Эр, шмыгнув носом. — Он достал того гада!.. Бедненький... Такой славный парень, Райли, такой американец... Эх...

— Вы голодны? — спросил Райли. — Может, заедем ко мне? Перекусим? Или сразу на аэродром?

— Зачем? — удивился Эр. — Почему на аэродром?

— А как же мы найдем яхту?

— Яхту? — задумчиво переспросил Джек. — Яхту... Сначала я бы хотел купить несколько экземпляров этой самой «Нью-Йорк таймс»...

Райли достал из кармана жетон, предъявил Джеку:

— Это не игра... Я понимаю, что вы хотите перепроверить... Вон киоск, валяйте, покупайте, жду вас у выхода, военная машина, сразу увидите.

Эр купил целую кипу газет, экземпляров семь, просмотрел все номера; всюду труп Макайра; и эта гнида выгнал Роумэна, подумал он с яростью; сколько же таких нацистских гнид затаилось в мире, а?!

Он отчетливо вспомнил Роумэна; не всего его, а только заросшие щеки и мешки под глазами, а еще мятые «Лаки страйк»... Это был настоящий шик, мало кто понимает толк в настоящем шике... Он был шикарным мужиком; по-настоящему шикарным; он даже говорил с шиком, небрежно, рассеянно, совершенно не думая о том, какое производит впечатление: имеешь уши — слушай, если не дурак — поймешь... Некоторые вдалбливают, суетятся, доказывают, а этот говорил вслух, что думал, только поэтому я ему и поверил... Как несправедливо,

самых хороших убивают первыми, гниды живут до старости...

Как же я скажу об этом Кристе, подумал он. Я не смогу, ответил он себе. Она заплачет, а я не знаю, что делать, если женщина плачет...

— Сюда, Джек, сюда, — окликнул его Райли на привокзальной площади; сидел в военном «джипе»; за рулем солдат; я был таким же три года назад, подумал Эр, даже еще моложе; только этот не воевал, слишком шустрый; а если Райли специально привез в этот киоск фальшивые газеты, спросил он себя. В таком «джипе» буйвола привезешь, не то что стопку газет.

— Заедем в город? — спросил Джек. — Или сразу на аэродром?

— Как хотите. Если голодны, можно заскочить ко мне, сделаем сандвичи...

— Вы где живете?

— На вилле... Около озера...

— Едем через центр?

— Пожалуйста, — легко согласился Райли, — как угодно, выбирайте маршрут.

В городе, заметив киоск, Джек Эр попросил затормозить; шофер сразу же нажал на педаль; оккупанты что хотят, то и творят; пересек улицу поперек, въехал на тротуар, распугав двух старух с собачками; Райли покачал головой, пробормотав: «Ну и недоверчивый!»

Эр купил стопку «Нью-Йорк таймс», вернулся в «джип», перелистал страницы; нет, на вокзале была не липа, такое организовать невозможно, Райли не знал, куда я попрошу ехать...

В особняке было чисто и пусто, как в клинике:

— Живем в гостях у англичан, — пояснил Райли, — неохота обживаться, да и потом срок командировки подходит к концу, пусть сменщик обустраивается, если хочет, мне тут противно, ненавижу гансов... — На яхте есть радиосвязь?

Джек снова насторожился:

— А в чем дело?

— Если связи нет, — объяснил Райли, — придется прыгать с парашютом... Будет плохо, если миссис Роумэн узнает о трагедии от незнакомого человека...

— Откуда вы знаете, что я умею прыгать с парашютом?

И тут Райли взорвался:

— Ну, знаете, хватит! Откуда я знал, что вы приедете в Гамбург?! Как я «срисовал» вас среди всех пассажиров?! Вы ж у нас работали; всем известно, что перед операцией исполнителю передают полную информацию про объект! Думаете мне доставляет желание трястись в самолете над морем, выискивая эту чертову яхту?! Жаль нашего человека, которого убили наци, только поэтому я лечу с вами! Вполне мог бы отправить кого из молодых, их у меня трое, и все оболтусы, только б заниматься джиу-джитсу!

— Не сердитесь, — сказал Джек. — Просто вы не были знакомы с Роумэном... Это был человек настоящей пробы, таких мало... А радиосвязи на яхте нет... Я велел ее отключить, всяко может быть, в дело включен Синдикат, с ним шутить опасно. Четыре свидетеля на борту, да еще каких!

Если бы Райли промолчал, Джек Эр начал бы заново анализировать ситуацию; про то, что на борту, кроме Кристы, находится миссис Спарк с детьми, знал только он, Райли, однако вскинул голову.

— Какие еще четыре человека? Меня не интересует никто, кроме миссис Роумэн! Плевать я хотел на этих ваших четырех человек!

— Знаете, что определяет драматургию Ибсена, его Пера Гюнта? — задумчиво говорил Нильсен; он словно бы не глотал, а растворял кофе во рту. — Культ энергии... Возьмите его раннюю драму, «Праздник на Сульхауге»... Декорации средневековья, а проблемы сегодняшние, те, которыми жил сам бунтарь Ибсен... Он уехал в добровольное изгнание, когда мы оставили в беде датчан, позволив немцам взять Шлезвиг... И всю жизнь посвятил созданию символа подвижничества мужчин... А уже перед концом понял тайну энергии женщин... Критики писали, что Пер Гюнт — это схема, героя лепят второстепенные образы, да и вообще, это автобиография Ибсена.... Никто не хотел понять, что наш Ибсен утвердил в мире новый тип мужчины, который готов на все во имя захватившей его страсти... А женщины Ибсена полны затаенной страсти, ищут достойного, не могут его найти, и поэтому придумывают символ... Наверное поэтому он не написал ни одной счастливой семейной пары... Для него брак — проклятие... Потеря чего-то такого, что невосполнимо...

— Вы не были женаты? — спросила Элизабет.

— Был.

— Разошлись?

Нильсен покачал головой:

— Ее расстреляли наци... Поэтому я с вами... Молодой друг фру Кристиансен объяснил суть дела...

Элизабет медленно повернулась к Кристе, та рассмеялась:

— Ух, какая ревнивая! Это Джек Эр!

— Смешной парень, — сказал Нильсен. — Большой ребенок с хваткой старого боксера... Его самое любимое слово «должен». Он меня задавил этим своим «вы должны»... Я бы отказал ему, между прочим, старею, сломался... А он вдруг сказал: «Человек так многое может, он должен реализовать себя, тогда вновь обретет молодость...» Я еще посмеялся: «У меня нет Гильды, которая бы вдохновила на порыв... Женщина — начало и конец подъема мужчины...»

— Мы делаемся сильнее, когда нам так говорят, правда, Крис? — сказала Элизабет. — Женщина нуждается в похвале, это ее подстегивает, как школьника...

— А думаете, мы не нуждаемся? — спросил Нильсен. — Не меньше, чем вы.

— Меньше, — убежденно ответила Элизабет. — Вы — львы... Лежите себе в пустыне, созерцаете мир.... А нам надо постоянно делать так, чтобы вы не переставали обращать на нас внимание, любили своих детенышей, приносили пищу, защищали дом... Что мы без вас можем? Не будь вас здесь, что бы с нами стало?

Нильсен улыбнулся:

— Нет, вы продолжайте, продолжайте, мне нравится, как вы говорите, я себя по-новому ощущаю, даже рычать хочется...

— Львы не рычат, —сказала Кристина, прислушиваясь. — Я их подолгу наблюдала в зоосаду... Они рыкают... И то редко... Слушайте, это не самолет кружит?

— Вот они, — сказал Джек Эр. — Это ее яхта.

— Зачем же вы попросили ее отключить радио?! — сокрушенно сказал Райли. — Передали б им все и вернулись в Гамбург... А так вам придется видеть лицо несчастной женщины...

— Так у вас же не гидроплан, мы ж не сядем...

— Поднимемся, прыгнете с парашютом... Пусть пово-

рачивают в Осло... И сразу же отправляйтесь в наше посольство, там все знают, отправят на военном самолете...

— Я могу ее сопровождать?

Райли недоуменно развел руками:

— Вот об этом мне не говорили... Обсудите на месте... Берите парашют, я помогу вам надеть.... Он десантный, с надувной лодкой... Мы вас сбросим перед носом яхты, они наверняка услышат шум мотора...

Когда Джек Эр дернул кольцо, рывка не последовало; он задрал голову, — парашют не раскрылся; дернул кольцо еще раз; свист ветра в ушах становился пронзительным, ощущение, что где-то рядом вот-вот взорвется бомба; он осторожно потянул аварийное кольцо, и снова толчка не последовало.

Твари, подумал он, зачем же так?! Ну нет, не выйдет, ярился он, сейчас я постараюсь опустить ноги вниз, только не упасть в воду плашмя, я войду ногами, только б вытянуть их, господи, мамочка, бедная моя, как же ты была права, когда говорила, мамочка, милая, как ты будешь там од...

Райли поежился и сказал пилоту:

— Передайте на базу координаты... Пусть высылают профессиональных парашютистов... Двенадцать человек, не меньше... А мы будем барражировать... Горючего хватит?

ШТИРЛИЦ, МЮЛЛЕР, АРГЕНТИНА, 1947

— Ну а главное дело я берег под конец, группенфюрер...

— К чему вы подбираетесь? — Мюллер поворошил дрова в камине баварской, крестьянской, длинной кочережкой; любил, чтобы огонь был постоянным. — Не томите душу, мне так любопытно слушать ваши истории...

— Это не «моя история», — ответил Штирлиц. — Это история народа Соединенных Штатов.

Мюллер не сразу оторвался от камина; бело-синие языки пламени делали его лицо похожим на доброго «люцифера»; заводы «Форда» начали выпускать пробки на водяные радиаторы машин с таким чертом; сразу привлекает внимание покупателя, автомобили пошли нарас-

хват; если хорошо берут, можно и Понтия Пилата в обнимку с Иудой запустить в серию, отчего нет?!

— История понятие неоднозначное, — задумчиво заметил Мюллер. — Историей можно считать хорошо записанные анекдоты вроде тех, что сочинял Цицерон... Нас с вами, — немцев и славян, — еще и в помине не было, а лысый дед уже разливался в сенате соловьем... Историей можно считать сухую хронологию... Сохранившиеся показания очевидцев... Этому, кстати, я верю больше всего.

— Я тоже, — согласился Штирлиц. — Поэтому хочу спросить: говорит ли вам что-либо такой символ, — три квадратика в двух перекрещивающихся голубых кругах; овал, образующийся посредине, закрашен красным... Не напоминает прошлое? Когда вы возглавляли отдел криминальной полиции на юге Германии?

По тому, как Мюллер спокойно отложил кочергу и недоуменно обернулся, Штирлиц понял, что группенфюрер действительно не помнит того, что он был бы обязан помнить, — всю свою жизнь, до последней минуты...

— Хотите послушать изложение материала о деле летчика Линдберга? — спросил Штирлиц, по-прежнему не отводя глаз от Мюллера.

— Ах, это у него украли дитя?! — Мюллер, вспоминая, хмурился, однако был по-прежнему спокоен. — А при чем здесь я? Гестапо? Национал-социализм?!

— При том, что три квадратика означают окно и две детские сумки...

— Что?! О чем вы?! — Мюллер искренне рассмеялся. — Или расскажите толком, или дайте прочитать документ.

— Читайте, — Штирлиц протянул Мюллеру двадцать страниц тончайшей рисовой бумаги; текст был напечатан с обеих сторон, через один интервал.

— Это надо сделать сейчас? — спросил Мюллер.

— Я же сказал в самом начале собеседования: любой материал, который я вам передаю, суть третья копия с того, который хранится в банке. Поскольку я могу не выдержать пыток ваших людей, я заранее отказался знать, где именно и под каким кодом хранятся эти документы... Можете читать сейчас, хотите, — завтра... Но кое-что я должен прокомментировать... Если увлечетесь — не будите, отвечу на вопросы завтра...

— Я был бы крайне признателен, Штирлиц, посиди вы

рядышком хоть полчаса... Я ведь читаю профессионально... Если материал меня не заинтересует, я провожу вас в спальню... Сам. Один, без помощи моих, — он всколыхнул лицо своей доброй усмешкой, — костоломов...

И, надев учительские очки, углубился в чтение...

«Было уже достаточно поздно, когда всемирно известный пилот Чарлз Линдберг и его жена Анна закончили ужин; вторник, первое марта тридцать второго года, двадцать один час.

В этот день полковник был занят в своем офисе нью-йоркских авиалиний, потом провел четыре часа в Институте медицинских исследований Рокфеллера и после отправился к своему дантисту; в свой новый дом недалеко от Хопвелла, штат Нью-Джерси, он вернулся затемно.

После ужина супруги перешли в гостиную поболтать; вдруг Линдберг спросил:

— Ты ничего не слышала?

— Нет, — ответила Анна.

— Мне показалось, кто-то сломал дерево.

Они прислушались к тишине, все было спокойно, ведь в такую ночь любой звук можно приписать шальному весеннему ветру. Дом был расположен в уединенном месте, которое облюбовал сам Линдберг, надеясь наслаждаться здесь свободой от докучливого любопытства соседей; раздражало идолопоклонничество публики, которое окружало его с двадцать седьмого года, когда он совершил свой немыслимый трансатлантический перелет.

Десятикомнатный дом еще не был закончен, на многих окнах не было штор; молодая пара проводила здесь только субботы и воскресенья, остальное время жили в Энглевуде, Нью-Джерси, в доме матери Анны, миссис Дуайт Морроу. Однако в последний уик-энд их двадцатимесячный сын Чарлз простудился и, чтобы не выносить его на холодный воздух, они остались в Хопвелле.

Белокурому малышу с голубыми глазами сегодня было значительно лучше, он вбежал в столовую для прислуги, весело бегал вокруг стола, где его няня Бетти Гоу пила чай в обществе Оливера Вотели и его жены Эльзы — прекрасной поварихи.

Накормив малыша, Анна и Бетти уложили его в комнатке на втором этаже; в восемь он безмятежно спал.

В десять часов Бетти Гоу, как обычно, заглянула в

детскую; на мгновенье она остановилась в дверях, чтобы глаза привыкли к темноте, и в этот момент поняла, что не слышит дыхания ребенка.

Бетти подумала, что Чарлза-младшего забрала мать, пошла в спальню:

— Миссис Линдберг, ребенок у вас?

— Нет, а что? — ответила Анна.

Бетти спустилась в библиотеку.

— Полковник Линдберг, Чарлз у вас?

— А разве он не в кровати?

— Нет, сэр.

Линдберг взбежал по лестнице: два больших зажима, которыми пристегивались одеяло и простыня к матрасу, были не тронуты, подушка слегка примята головкой малыша; ребенка не было.

На батарее, находящейся под окном в юго-западном углу комнаты, Линдберг заметил пакет. Оставив его на месте, он предупредил Анну и Бетти, чтобы они ничего не трогали, пока не будет проведена дактилоскопическая экспертиза; позвонил в полицию Хопвелла, связался с шерифом штата Нью-Джерси и со своим адвокатом, полковником Эндрю Брекенриджем.

Когда прибыли агенты полиции Хопвелла, они быстро обнаружили две вмятины в глине, как раз под окном, а примерно в двадцати метрах заметили лестницу. Сделана она была грубо, но крепко, состояла из трех частей и поэтому легко переносилась. Последняя ступенька и продольный брус одной из секций были сломаны.

Увидев сломанные деревянные части, Линдберг вспомнил о том звуке, который он услышал, находясь в гостиной. Видимо, в этот момент похититель выносил мальчика из детской. Отпечатки под окном точно совпали с размерами лестницы. Невдалеке от этого места один из полицейских Хопвелла обнаружил еще один след преступления — долото, им было открыто окно.

Через некоторое время прибыл начальник полиции штата Нью-Джерси Шварцкопф, вслед за ним адвокат Брекенридж. Было уже за полночь, когда эксперт по дактилоскопии открыл ящик с инструментами и начал изучать конверт, пытаясь обнаружить отпечатки пальцев; их не было.

Затем Шварцкопф прочел текст: «Уважаемый господин! Приготовьте пятьдесят тысяч долларов: 25 000 в билетах по 20 долларов; 15 000 в билетах по 10 долларов и

10 000 в билетах по 5 долларов. Через два-четыре дня сообщим, кому вручить деньги. Остерегайтесь говорить о происшедшем полиции и знакомым. За ребенком хорошо присматривают. Мои письма вы отличите по этой подписи и трем маленьким отверстиям».

Подпись была необычна — два голубых круга перекрещивались и образовывали в центре красный овал; квадратные отверстия находились в каждой из трех секций фигуры на одной горизонтали».

— Но я действительно не помню такого знака, — оторвавшись от текста, сказал Мюллер. — Помогите мне, Штирлиц! Играть надо чисто.

Штирлиц кивнул:

— Хорошо. Помогу. Чуть позже.

Мюллер стремительно пробежал сообщение о том, что президент Соединенных Штатов поручил ФБР найти преступников, вся Америка всколыхнулась как один человек, требуя покарать злодеев, но сразу же споткнулся на втором письме, посланном похитителями Чарлзу Линдбергу...

«Уважаемый господин! Поскольку Вы не выполнили нашего требования, чтобы случившееся не стало достоянием публики и полиции, мы вынуждены сообщить, что дитя останется у нас до тех пор, пока все не успокоится... За ребенка не волнуйтесь, с ним все хорошо... Мы заинтересованы вернуть его Вам в полном здравии... Как мы Вам сообщали, сумма выкупа была 50 000 долларов, однако теперь мы должны поделиться еще с одним человеком... Поэтому цена увеличивается до 70 000 долларов... Позже мы проинформируем о том месте, где Вы должны вручить нам деньги, — но лишь тогда, когда полиция окажется вне этого дела, а журналисты замолкнут».

Несмотря на то, что слова «хорошо» и «вне» были написаны не по-английски, а по-немецки, полицейские все еще не были уверены, что похититель немец».

Мюллер поднял глаза на Штирлица:

— Слушайте, я не обязан знать все уголовные дела двадцатого века! Ребенка действительно украл немец?

— Должен вас огорчить, группенфюрер... Вы знали этого человека... Точнее, его родственников и досье...

— Вы сошли с ума!

— Я пришел к вам именно потому, что нахожусь в полном здравии.

— Но ведь это тридцать первый год! Тогда еще не было гестапо! Не было Гиммлера!

Штирлиц согласно кивнул:

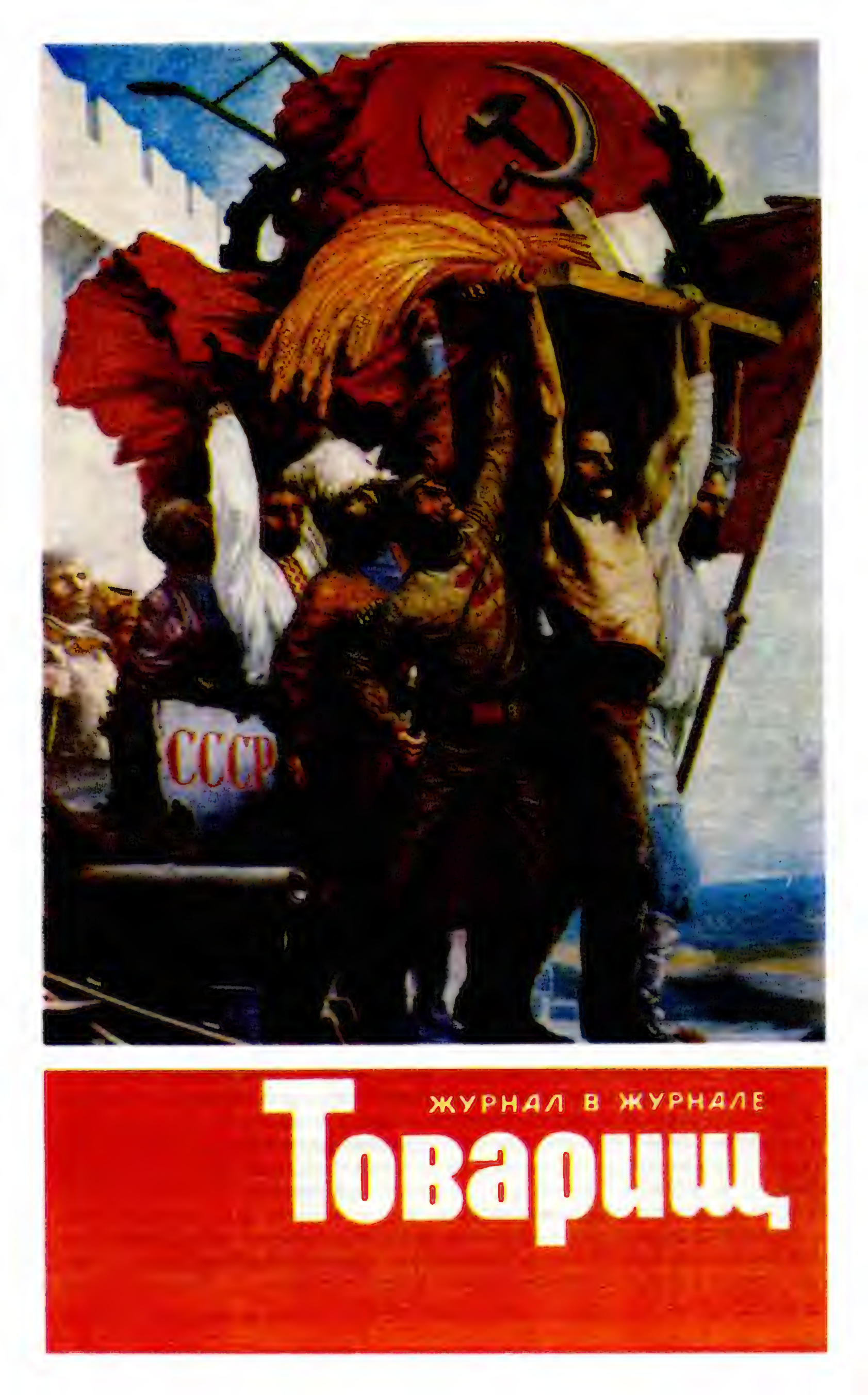
— Были вы! Чиновник криминальной полиции Генрих Мюллер... А то, что Гиммлер еще не стал рейхсфюрером, для вас еще страшнее... Не на кого валить ответственность за собственные поступки.

Мюллер тяжело, с нескрываемой неприязнью посмотрел на Штирлица, ничего не ответил, потер виски своими крепкими, квадратными пальцами и продолжил изучение документа.

«...Старый школьный учитель доктор Джон Ф. Кондон был горячим поклонником Чарлза Линдберга. Семидесятидвухлетний Кондон написал письмо в свою любимую газету «Хоум ньюс», выходящую в Бронксе: «Предлагаю тысячу долларов, то есть все мои накопления, прибавив их к 50 000 долларов выкупа, чтобы любящая мать смогла, наконец, обнять своего ребенка. Я готов поехать в любое место за свой счет, вручить эти деньги, и обязуюсь при этом никогда не раскрывать имени похитителя...»

Через четыре дня после опубликования обращения (над стариком потешались знакомые, «чокнулся») он получил письмо: «Уважаемый господин! Если Вы, действительно, хотите стать посредником в деле Линдберга, строго следуйте всем нашим указаниям. Вы должны отвезти и вручить лично г-ну Линдбергу письмо, которое прилагается... Получив деньги у г-на Линдберга, опубликуйте три слова в нью-йоркской газете «Американ»: «Деньги уже готовы». Находитесь все вечера, — с шести до двенадцати — дома.

Окончание на стр. 161


СССР
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ
Товарищ

ТРИУМФ РЕВОЛЮЦИИ

ДЕНЬ 27 октября был дождливым и пасмурным. Но, несмотря на ненастье, Петроград выглядел торжественным, по-весеннему праздничным. В городе не прозвучало ни одного выстрела, всюду царил революционный порядок. Работали магазины, предприятия, электростанции, ходили трамваи. Поезда на всех вокзалах отходили и прибывали по обычному расписанию...

В Смольном — штабе революции — кипела работа. Здесь находились руководящие органы партии и Советской власти. Сюда, в Смольный, вместе с Надеждой Константиновной переселился Владимир Ильич. Его кабинет находился в угловой комнате на третьем этаже здания. Сотни людей приходили к вождю революции. Они получали боевые задания и шли на заводы, в казармы, на корабли, выезжали в далекие районы страны.

27 октября в Смольном состоялось первое заседание Совнаркома, на нем был обсужден и принят написанный Лениным «Проект положения о рабочем контроле», а также проекты «Декрета о печати» и «Постановления правительства о созыве Учредительного собрания в назначенный срок».

К решению задач социалистического переустройства общества, которые раньше ставились абстрактно, теоретически, пролетариат России и его партия впервые подошли вплотную, практически. Ленин отмечал, что «сейчас все дело в *практике*, что наступил именно тот исторический момент, когда теория превращается в практику, оживляется практикой, исправляется практикой, проверяется практикой...».

Но первые шаги Советской власти на пути социалистического переустройства России проходили в условиях ожесточенной борьбы врагов революции против диктатуры пролетариата. Сразу же после II Всероссийского

съезда Советов контрреволюционеры сделали попытку вырвать власть из рук рабочего класса. Главной и организующей антисоветской силой выступила партия кадетов. Ее лидеры не посмели выступить открыто, от своего имени. Опозорив себя в глазах народа накануне и в ходе вооруженного восстания, они вполне расчетливо сделали ставку на меньшевиков, правых эсеров и народных социалистов. Вожди этих соглашательских партий, совершивших после Октября резкий поворот вправо, возглавили антисоветские организации — прежде всего пресловутый Комитет спасения родины и революции. В их руках оказался также Викжель — Исполнительный комитет профсоюзного союза железнодорожников. Активную антисоветскую борьбу продолжала буржуазная соглашательская пресса, открыто и нагло призывавшая к свержению Советской власти.

Не рассчитывая на контрреволюционные силы, находящиеся в самом Петрограде, Комитет спасения возлагал надежды на прибытие в столицу верных свергнутому Временному правительству войск с северного фронта. Там, в Пскове, в штабе фронта, находился Керенский, тайно бежавший из Петрограда за несколько часов до штурма Зимнего. Он и двинул на столицу конный корпус под командованием генерала Краснова.

27 октября Краснову удалось захватить Гатчину, затем Царское Село и железнодорожную станцию Александровская.

Следует отметить, что действия Военно-революционного комитета в момент наступления конного корпуса не отличались особой активностью,— видимо, некоторые руководители ВРК считали, что казачьи части не представляют большой опасности и их продвижение к Петрограду может быть приостановлено силами местных гарнизонов. Но опасность возникла!

В ночь с 27 на 28 октября Центральный Комитет партии, Совнарком и ВРК образовали комиссию во главе с Лениным для руководства обороной Петрограда. Приехав в штаб Петроградского военного округа, Ленин заслушал доклады Н. И. Подвойского, В. А. Антонова-Овсеенко и К. А. Мехоношина о положении на фронте. Как вспоминает Подвойский, после этих докладов «Ленин с остротой самого глубокого стратега и полководца стал задавать вопросы: почему этот пункт не охраняется, учтено ли стратегическое значение такой-то станции, чем вызван тот шаг, а не иной, почему не обеспечена поддержка Кронштадта, Выборга, Гельсингфорса... Ленин продолжал задавать вопросы, и каждый из них по существу содержал в себе уже ответ гениального полководца — что нам надо делать».

Ленин взял в свои руки руководство обороной столицы. Еще находясь в штабе военного округа, он связался по прямому проводу в Гельсингфорсом, дал распоряжение о немедленной отправке в Петроград из Финляндии военных кораблей и отрядов матросов Балтийского флота, а также армейских частей для усиления защиты столицы. Рано утром 28 октября, возвратившись в Смольный, Владимир Ильич провел совещание членов Исполнительной комиссии ПК и районных парторганизаторов, информировал их о положении под Петроградом, предложил немедленно поднять на ноги всех рабочих города и начать сооружение оборонительных линий. В тот же день в Смольном проходит совещание представителей партийных организаций, фабзавкомов, районных советов, профсоюзов, воинских частей. Ленин разъясняет, что главная задача сейчас — организовать помощь революционным отрядам вооружением, продовольствием, одеждой. Он дает конкретные, четкие задания всем участникам совещания, записав их фамилии, характер поручений, сроки их исполнения. А вечером снова выезжает в штаб военного округа, затем возвращается в Смольный, дает новые, четкие, конкретные указания руководителя ВРК...

Между тем контрреволюция заметно активизировала свою деятельность в самом Петрограде. Буржуазная, эсеро-меньшевистская пресса пророчила гибель Советской власти и открыто призывала к поддержке Керенского — Краснова. Меньшевистская «Искра» агитировала выступить «против бонапартистов, против разбойников темной ночи, против чудовищных контрреволюционеров, режущих ножами революцию», эсеровская газетенка «Дело народа» обращалась к казакам Краснова: «Идите к нам сюда, желанные и приветствуемые... Вступите в Петроград, неся мир в озлобленные души...»

В ночь на 29 октября в столице вспыхнул мятеж! Основной силой мятежников были юнкера — в большинстве своем те самые, что защищали Зимний дворец, были разоружены и отпущены под честное слово не выступать против Советской власти. В течение ночи мятежникам удалось захватить несколько военных училищ, гостиницу «Асторию», Государственный банк, телефонную станцию. Однако на этом их успехи закончились. Ни одна воинская часть гарнизона (на что рассчитывали вдохновители мятежа) не поддержала юнкеров. С их выступлением было покончено в течение одного дня. Но за этот один день в городе было убито и ранено значительно больше людей, чем за дни Октябрьского восстания...

Продолжала оставаться опасность со стороны корпуса Керенского — Краснова. Весь рабочий и солдатский Петроград поднялся на защиту революции. Успешно претворялся в жизнь ленинский план соединения трех сил — Красной гвардии, матросов и солдат. И авантюра Керенского — Краснова завершилась полным провалом. Революция защитила себя, разгромив врага на подступах к Питеру. Сам Керенский позорно бежал, бросив казачьи части на произвол судьбы. Краснов был арестован, его отправили в Петроград и доставили в Смольный. (Давший честное слово не выступать против Советской власти, Краснов был освобожден из-под ареста. Вскоре он бежал на Дон, стал одним из руководителей белогвардейской контрреволюции. В 1919 году бежал за границу. В 1941—1945 годах сотрудничал с гитлеровцами. Был взят в плен и по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР повешен.)

В разгар антисоветского выступления Керенского — Краснова эсеры и меньшевики, возглавлявшие Викжель, потребовали создания вместо Совета Народных Комиссаров так называемого «однородного социалистического правительства» из представителей различных партий — «от большевиков до народных социалистов». Законности решений II Всероссийского съезда Советов они не признавали... Замысел их был ясен: захватить большинство в новом «правительстве» и ликвидировать Советскую власть.

29 октября, в тот день, когда юнкера подняли мятеж, Викжель разослал телеграмму «Всем, всем, всем!», в которой голословно утверждалось, что в стране нет власти, так как Совнарком, опирающийся на одну партию, не является общепризнанным правительством. Викжель объявил, что он созывает совещание представителей всех социалистических партий для обсуждения вопроса о создании «однородного социалистического правительства».

Большевики принципиально не отрицали возможности участия других социалистических партий в управлении государством. Так, на II Всероссийском съезде Советов они предложили левым эсерам войти в состав формируемого Советского правительства, но те отказались... 29 октября на заседании Центрального Комитета большевистской партии был рассмотрен вопрос об участии в совещании, созываемом Викжелем. ЦК согласился на переговоры. По словам Ленина, они должны были служить дипломати-

ческим прикрытием военных действий против Керенского — Краснова. Надо было выиграть время, организовать силы революции для разгрома врагов Советской власти. На совещание была направлена делегация во главе с Каменевым. Однако Каменев вновь, как и в октябре семнадцатого, оказался штрейкбрехером. Он нарушил директиву Центрального Комитета, согласившись на создание коалиционного правительства, в котором большевикам отводилась незначительная роль. Более того, когда на совещании эсеры предложили вместо Ленина во главе правительства поставить Авксентьева или Чернова Каменев даже не счел нужным возражать против этих кандидатур... В ЦК партии у него нашлись единомышленники — Зиновьев, Рыков, Ногин, Милютин. Все они не верили в успех социалистической революции и твердили о невозможности победы социализма в России.

2 ноября Центральный Комитет на своем заседании резко осудил капитулянтов. В резолюции, предложенной Лениным и принятой ЦК, говорилось, что «сложившаяся внутри ЦК оппозиция целиком отходит от всех основных позиций большевизма и пролетарской классовой борьбы вообще», что она срывает «волю и решение II Всероссийского съезда Советов, саботируя таким образом начавшуюся диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства». Резолюция ЦК приглашала «всех скептиков и колеблющихся бросить все свои колебания» и поддержать Советское правительство.

Оппортунисты не подчинились решению ЦК. Тогда большинство Центрального Комитета партии предложило оппозиционному меньшинству ультиматум. В нем подчеркивалось, что оппозиция саботирует «работу в такой момент, когда от ближайшего исхода этой работы зависит судьба партии, судьба революции», что, несомненно, «вынесение на суд масс наших разногласий... обеспечит за нашей политикой безусловную и самоотверженную поддержку революционных рабочих, солдат и крестьян и в кратчайший срок обречет колеблющуюся оппозицию на изоляцию бессилия». В ответ на это Каменев, Зиновьев, Рыков, Милютин и Ногин заявили о несогласии с политикой партии и о выходе из состава ЦК, а трое последних сложили с себя звание народных комиссаров.

Центральный Комитет партии резко осудил бегство капитулянтов. 7 ноября «Правда» опубликовала «Обращение ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России», в котором оппозиционеры характеризовались как дезертиры революции, отступившие от принципов большевизма. «Пусть же будут спокойны и тверды все трудящиеся! — говорилось в обращении.— Наша партия, партия советского большинства, стоит дружно и сплоченно на страже их интересов, и за нашей партией по-прежнему стоят миллионы рабочих в городах, солдат в окопах, крестьян в деревнях, готовых осуществить во что бы то ни стало победу мира и победу социализма!»

Капитулянты были сняты со всех ответственных постов и заменены преданными делу рабочего класса людьми. Председателем ВЦИК вместо Каменева был избран Я. М. Свердлов, в состав Совнаркома вошли Г. И. Петровский, А. Г. Шлихтер, П. И. Стучка, М. Т. Елизаров.

Надо сказать, что вопрос о власти горячо обсуждался в большевистских партийных организациях столицы, на предприятиях, в воинских частях. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов единогласно постановил: «Прекратить все переговоры о соглашении с меньшевиками и эсерами... Рабочие и солдаты! Гоните прочь проповедников соглашения, обманывающих вашу революционную бдительность!» В подавляющем большинстве случаев на собраниях и митингах выносились резолюции, в которых говорилось: «Неуклонное требование власти Советов, никаких уступок!», «В рабочей среде признается только власть Совета Народных Комиссаров!»

Соглашательские партии остались в полной изоляции. Их не поддержали широкие массы трудящихся — они твердо выступили в защиту власти Советов и завоеваний Октябрьской революции. Решительный отпор, данный партией, трудовым народом и солдатскими массами оппозиционерам, твердая линия ЦК, сам факт упрочения Советской власти вынудил реформистов отказаться от попыток добиться свержения Советской власти путем образования коалиционного правительства.

Первые месяцы после победы Октября явились периодом величайшего триумфа социалистической революции, победного шествия по стране Советской власти.

Закладывались основные камни громадной, неслыханной стройки, создавалось новое государство — небывалое в истории. «Первый раз в мировой истории,— писал Ленин,— социалистическая партия успела закончить, в главных чертах, дело завоевания власти и подавления эксплуататоров, успела *подойти вплотную* к задаче *управления*». Ленин неустанно призывал трудящихся взять управление государством в свои руки, проявлять инициативу и самодеятельность, ибо духу социализма, говорил он, «чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий, есть создание самих широких масс».

Старый государственный аппарат (полицейский, чиновничий, военный, судейский) был разрушен, строился новый — аппарат пролетарского государства. Ленин непосредственно руководил организацией центральных органов управления, народных комиссариатов, намечал программы их деятельности, подбирал кадры руководящих работников. Работа была трудной. Рабочие и крестьяне, освободившиеся от ярма эксплуатации, взявшие власть в свои руки, не располагали даже малым опытом управления государством. Ленин призывал разбить «старый, *нелепый,* дикий, гнусный и мерзкий предрассудок», будто управлять государством могут лишь так называемые «высшие классы». Организаторская работа посильна и рядовым рабочим и крестьянам, обладающим грамотностью, знанием людей, практическим опытом. Преодолевая трудности, подчеркивал Ленин, «нужно практически учиться управлять страной, учиться тому, что составляло раньше монополию буржуазии».

Советская власть закрепила завоевания революции и стала могучим рычагом глубочайших социально-экономических преобразований. В несколько дней, как отмечал Владимир Ильич, были уничтожены остатки феодализма, крепостничества в общественных отношениях: помещичье землевладение, сословность, бесправие женщины, национальный гнет. Декреты Советской власти в корне изменили социальный облик страны, взаимоотношения между людьми. Ленинская национальная политика завоевала Советской власти доверие многомиллионных масс трудящихся, сплотила народы России, заложила основы многонационального государства.

Революция развивалась — вширь и вглубь. Национализация банков, железных дорог и крупной промышленности дала Советской власти возможности приступить к строительству нового, социалистического народного хозяйства.

Буржуазные деятели и социал-предатели не оставляли надежды уничтожить Советскую власть. Они сделали еще одну попытку — использовать в своих целях Учредительное собрание. Меньшевистская газета писала: «Только Учредительное собрание положит конец большевистскому захвату власти. Только оно создаст авторитетное правительство...»

Окончание на стр. 150

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. Х. БАГРАМЯНА

ФОТОГРАФИЯ МАРШАЛА

ВСЕ ДАЛЬШЕ и дальше отделяет меня время от переписки с выдающимися полководцами наших Вооруженных Сил, которую я вел по поручению исторического кружка в старших классах.

Много было разных историй в те годы. Одна из них связана с маршалом И. Х. Баграмяном.

Уже прислали свои дарственные фотографии Еременко, Ворошилов, Жуков, Чуйков и другие известные военачальники, а мне так хотелось получить от него... Как-никак единственный Маршал Советского Союза нашей национальности. Какой армянин не мечтал бы иметь от него дарственное фото!..

Неплохо было бы, подумал я, написать ему письмо на родном языке. Но по-армянски ни писать, ни говорить я не умел. Как быть! Поделился своей задумкой с отцом.

— Говорил тебе, учись родной речи,— начал причитать батя,— так ты все «зачем!», «зачем!»... Даже не знаю, что и посоветовать. Давай поедем к твоему дяде, моему брату Ованесу. Может, он что-то подскажет...

Приехали.

— Вартан,— сказал дядя,— написать такому человеку на армянском языке — здорово! Только из меня плохой консультант, как это сделать получше. Надо посоветоваться с братом Тертатом. Ты же знаешь, у него в голове одни тосты... Что-то должен он предложить.

Втроем поехали в поселок Су-псех, расположенный под Анапой.

— Вай, вай,— усаживая меня за стол, начал третий брат.— Что понимают твой отец с Ованесом!.. Ты, дорогой, слушай, что я тебе говорить буду... Не писать надо — ехать! Этот человек — гордость всего Кавказа! А ты писать... Нехорошо, понимаешь, нехорошо... Мы тебе, Коля-джан, соберем кое-что, как подобает по обычаю горцев, и ты поедешь прямо в приемную министра обороны. Пусть знают наших. Ва-ах! Там тебе каждый скажет, где находится рабочий кабинет главного военного армянина... По ходу дела будешь соображать, где и как поступить: кого-то угостишь виноградом, кому-то просто улыбнешься. Понимаешь, да!..

Февраль 1965 года. И вот я на набережной Мориса Тореза (тогда, в 1965 году, приемная Министерства обороны находилась здесь.— Н. А.). Захожу в приемную. Сидевший за дежурным столом офицер что-то писал. Начинаю кумекать: сразу вручить ему все, чем меня снарядили в дорогу три аксакала, или... «А вдруг неправильно поймет мой жест! — мелькнуло в голове.— Нет,— думаю,— поступлю иначе...»

Подошел к нему и рассказал всю суть дела. Помню, старался держаться как можно жалостнее, чтобы вызвать к себе расположение. Хотя и юный был, но хитрый... Но как я ни распинался, телефона маршала дежурный дать не пожелал.

— Не имею права,— и развел руками.

— Нехорошо поступаешь, дорогой, да. Ну ничего. Не говоришь — не надо! Все равно не уйду отсюда.

Сел на стул, жду. Чего! Не знаю. Из кабинета напротив вышел подполковник. Я айда к нему. Долго умолял его. Не знаю, то ли внушил ему доверие, то ли он понял, что в этом нет ничего такого...

— А что, дадим ему номер телефона Баграмяна,— предложил он строгому майору.— Под мою ответственность. Не возвращаться же парню ни с чем...

Только мне сообщили нужные данные, ставлю на стол корзину и снимаю накидку.

— Это вам! — единственное, что у меня вырвалось. из груди.

Добежав до ближайшего автомата, я минуту-две собирался с мыслями.

«Первое, что ты должен будешь сказать,— напутствовал дядя Тертат,— «Барэ в дзес». Это на армянском «Здравствуйте вам».

Набираю номер.

— Алло,— послышалось на другом конце провода. Я тут же:

— Барэ в дзес. Иван Христофорович, это вы!

— Да, а кто со мной говорит! — слышу на русском языке с акцентом.

— Армянин из села Сукко...

Мигом позабыл про все наставления старейшин, начал заикаясь приглашать его в гости, объяснять, как его любят все жители нашего села. Потом еще что-то говорил невпопад и не по делу...

Помню, маршал сказал: «Да ты не волнуйся»... Потом я выпалил:

— Дорогой Иван Христофорович, пришлите, пожалуйста, нашему музею свое фото. Очень нужно. Прошу вас...

— Будет вам фото,— услышал в ответ.— Только учись хорошо, слушайся родителей, помогай им по хозяйству.

Приезжаю домой.

— Показывай фотографию маршала,— сразу взял меня в оборот отец.— И расскажи, какой он, наш маршал!

— Не видел я Баграмяна, но снимок будет,— ответил я радостно.

— Как будет, если ты его не видел! — не унимался отец.— Тебе же говорили, что здесь нужен особый подход к делу! Вах, почему я не поехал с тобой!..

Шли дни. Каждое утро я бегал к почтальону: «Нету!»

И вот однажды услышал его попури: «Мы торгуем баклажан, всякий сортом травка...» «Если ты меня не любишь, мы как рыбка поплывем...» Э-э-э, думаю, стоп! Просто так ты не будешь, дорогой, распевать кавказские мелодии. Подхожу, а он размахивает конвертом: «Пляши!»

Открываю конверт. Баграмян!

— Вот он, наш маршал, батя! — крикнул я что есть мочи и стал целовать отца. У того на радостях аж слезы на глазах появились. Разворачиваю сопроводительное письмо. «Уважаемый товарищ Айвазьян! Выполняя Вашу просьбу, Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян поручил мне выслать в Ваш адрес его фото. Для особых поручений А. Корнеев».

Недавно я решил разыскать бывшего порученца маршала Баграмяна. Генерал-майор в отставке Алексей Иванович Корнеев с удовольствием изъявил желание встретиться.

— Около четверти века я был рука об руку с этим замечательным человеком,— вспоминал он.— Должен отметить его особую любовь к молодежи: никогда не отказывал ребятам в любой просьбе.

— Как я стал счастливчиком! — задаю ему вопрос.

— Вызывает меня как-то к себе маршал и говорит: «Алексей Иванович, я говорил с одним парнишкой, просит фотографию на память. Вот вам его адрес и моя дарственная фотография. Отошлите, пожалуйста...» Я тут же исполнил его поручение. Мне очень приятно, что этот знак внимания прославленного военачальника, с которым меня связывают долгие годы совместной работы, оставил в вашей памяти теплые воспоминания...

Вот такая история...

Н. АЙВАЗЬЯН
Армянская ССР

ПЕРВЫМ ДЕЛОМ — САМОЛЕТЫ!

МНОГОЕ помнит милое, старое Тушинское летное поле. Помнит и первые воздушные парады, и первые спортивные рекорды летчиков и парашютистов, помнит и отправку в тыл врага десантных подразделений в грозные годы войны.

Одно время пытались его уничтожить, застроив либо стандартными коробками, либо другими сооружениями, совершенно забыв, что с летным полем этим связана вся история отечественной авиации. Но поле каким-то чудом уцелело, выстояло под напором строительной стихии и совсем недавно приняло в свои объятия нечто необычное, не зарегистрированное ни в одном официальном авиационном реестре мира.

Здесь состоялся всесоюзный смотр-конкурс сверхлегких летательных аппаратов. Нет, не подумайте, что это авиамодели, это — самодельные пилотируемые аппараты, созданные любительскими конструкторскими бюро

и конструкторами-одиночками. Причем среди конструкторов-любителей оказалось очень много людей, совершенно не имеющих никакого отношения к авиации.

Чего же только здесь не выставили! Каких «планов» здесь только нет — и аэропланы, и кольцепланы, и... Всего даже не перечислишь. От всего этого у непосвященных и даже посвященных глаза округляются, они бросают взгляд на н е ч т о, стоящее на поле и напоминающее то ли большой штатив на колесах для телекамеры, то ли сенокосилку в сложенном состоянии; порой просто кресло, оснащенное привязными ремнями, двигателем с маленьким винтом и парашютом. Все эти «нечто» буквально приковывают к себе взгляды, заставляют остановиться, задуматься: для чего это предназначено? Ответ прост — для полетов. Да, для полетов, несмотря на то, что подобные конструкции даже отдаленно не напоминают всем привычные самолеты, вертолеты, воздушные шары, дирижабли.

Как известно, никто лучше, чем сам конструктор, не расскажет о своем летательном аппарате. Евгений Шабуров — человек довольно редкой и мужественной профессии. Он пожарник, спасающий от огня таежные массивы. Но сейчас речь пойдет не о количестве его прыжков с парашютом в огненное море, а о необычной конструкции, сделанной его руками.

— То, что вы видите перед собой, называется парашютопланер, сокращенно параплан,— говорит Евгений.— Простой до предела в изготовлении аппарат. Для взлета и горизонтального полета ему необходим двигатель и обыкновенный парашют. Идея его создания родилась благодаря моей профессии. По роду работы порой возникает необходимость быстро переместиться от одного края очага пожара к другому либо облететь его. Порой необходимо просто подняться в воздух и осмотреть часть лесного массива. Для этого я поставил перед собой несколько технических задач: минимальный вес конструкции, старт с самолета или вертолета, горизонтальная скорость полета должна быть около 45 километров в час, возможность почти вертикального взлета с земли и безопасность полета. Впрочем, последнее условие гарантирует сама конструкция аппарата. При отказе двигателя спуск происходит просто на одном парашюте, только несколько быстрее за счет веса конструкции. Явление в наше время отнюдь не редкое. А вот чтобы соблюсти остальные условия, пришлось основательно подновить знания по математике, засесть за специальные учебники — иначе не рассчитать аэродинамику параплана. Надо было также приобрести целую кучу «смежных профессий»: токаря, слесаря, фрезеровщика и так далее. Два года я работаю над этой конструкцией. Первый вариант был неудачен — аппарат оказался тяжелым, не хватило мощности силовой установки. Это — моя вторая модель. Для меня она дорога тем, что изготавливалась машина в небольшом и глухом таежном поселке, а ближайший крупный населенный пункт, откуда можно было доставить детали, находился в 250 километрах. Очень хочется поблагодарить всех, кто помогал в создании параплана. На что способен аппарат, покажут испытания.

Вот так каждый конструктор любовно и нежно, перечисляя технические характеристики, рассказывает о своем летательном аппарате.

Никто не держит секретов. Наоборот, делятся данными, спорят о преимуществах той или иной машины, отстаивают свою точку зрения, проявляя при этом незаурядные специальные знания.

Наблюдать со стороны жизнь летного поля можно не только часами, а, наверное, сутками, если бы в Москве были белые ночи. Ибо с наступлением темноты поле замирает, правда, не везде. То в одном его конце, то в другом вспыхивает свет карманных фонариков, автомобильных переносок, кто-то что-то привинчивает, раскладывает, переделывает детали — одним словом, занимается доводкой.

Вот они, сверхлегкие летающие аппараты, созданные конструкторами-любителями. Справа внизу — моноплан «Лидер», получивший приз имени С. В. Ильюшина.

Толпы мальчишек буквально осаждали тушинское поле (благо были каникулы) и не уходили бы отсюда сутками, если бы не родители, которым, впрочем, тоже не хотелось уходить. На летном поле собиралось огромное количество зрителей всех возрастов, юношей и девушек, профессионалов и любителей, среди которых были не только москвичи и жители Подмосковья. Специально посмотреть на самоделки приехало много народу из других городов страны, всех их объединила любовь к технике. Ну а те, кто непосредственно близок к авиации или занимается строительством самодельных летательных аппаратов, просто считали своим долгом посетить Тушино.

И в связи с таким огромнейшим интересом совершенно непонятна позиция ДОСААФ СССР, которое под разными предлогами не берет под свое «крыло» (кроме дельтапланов) сверхлегкие летательные аппараты. Создается такое впечатление, что руководство Федерации авиаспорта ДОСААФ заняло такую же позицию, как и дворник Никита Пряхин, житель Вороньей слободки из знаменитого романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок»: «А не летай, не летай! Человек ходить должен, а не летать». Парадокс, да и только. И это в то время, когда во всем мире уже давно такие аппараты получили права гражданства, когда в Международной федерации авиаспорта (ФАИ) создан международный комитет по микроавиации, который имеет тесные контакты с комитетами легкомоторной авиации общего назначения, дельтапланеризма и конструкторов-любителей.

Но давайте вернемся к дневной жизни аэродрома. На специальных весах

техническая комиссия взвешивает аппарат и при помощи грузов проверяет прочность конструкции на излом.

На другой площадке измеряется тяга силовой установки. Не обходится и без курьезов: стоит конструкция, а рядом с ней — двигатель. Незадачливый конструктор поворачивает с боку на бок довольно тяжелый агрегат и начинает его разбирать. Вокруг человек десять советчиков. А он один — руки по локоть в масле — ворочает железную глыбу, остальные же советуют, как ее повернуть. Или — парень у винта с огромным рашпилем в руках, весь в поту и в деревянных стружках. На вопрос «Ты что делаешь?» звучит ответ: «Да понимаешь, тяги килограмма полтора до нормы не хватило. Сейчас поменяю угол атаки винта и чуть-чуть подпилю карбюратор. Должен он заработать!»

Порой сталкиваешься с вещами более серьезными, чем это кажется на первый взгляд.

Привлекла внимание толпа авиалюбителей, окружившая подполковника в летной форме. Шум, гвалт, ничего не разберешь. Подхожу ближе, и картина постепенно проясняется. Инженер-подполковник Павел Иосифович Черняк показывает рукопись первой главы своей книги под названием «Расчет, проектирование и постройка СЛА» (СЛА — это сверхлегкие летательные аппараты). Кругом слышались возгласы: «Это необходимо издать! Дайте нам эту книгу, чтобы мы могли переснять и размножить ее любым способом! О таком пособии мы все только мечтали!»

Действительно, по мнению профессионалов, книга — алгоритм, при по-

У создателя параплана Евгения Шабурова немало забот перед полетом...

Летчик-испытатель В. Заболотский.

Вот такое заплечное устройство позволяет парашюту подняться в воздух...

мощи которого даже школьник, ученик 9—10-го класса, применяя обычный микрокалькулятор и затрачивая по два часа в день, в течение недели может рассчитывать все элементы СЛА.

Павел Иосифович закончил академию имени Жуковского. Вот его мнение о СЛА:

— Мне хочется начать с нравственной стороны этого вопроса. У многих юношей в жизни наступает период как бы самоутверждения. Хочется быть сильнее всех, умнее всех, в общем, быть самым-самым. А выливается это

самоутверждение порой в недозволенные действия. Посмотрите, сколько здесь ребят. И их отсюда за уши не оттащишь. А много ли вы слышали в школе или на улице солидным баском сказанное «А у меня сегодня полеты!»? Насколько мне известно, небо притягивает к себе многих, и дай им широкую возможность конструировать, строить и летать, проблема дисциплины и досуга среди «добрых молодцев», шатающихся с магнитофоном в руках, была бы решена. Взять хотя бы группу ребят из ПТУ города Жуковского. Посмотрите, как самозабвенно возятся они со своей конструкцией. Это же потенциальные авиаинженеры! Такие ребята, как правило, не останавливаются на месте. Они заканчивают ПТУ, идут работать, затем продолжают учебу. И именно из таких ребят получаются прекрасные авиаспециалисты. Хорошо, что нашелся руководитель, который повел их за собой. Но много молодежи живет в глубинке, которая с удовольствием бы конструировала и строила. Ведь есть летательные аппараты, которые не требуют каких-либо специальных материалов. Обыкновенное дерево, стеклоткань, эпоксидка — набор вполне достаточный для создания несущей конструкции планера. Но что, кроме материалов, необходимо для постройки летательного аппарата? Первое — это знания. Пусть не инженерные, но они должны быть на определенном уровне. Иначе можно допустить ошибку (даже при простом копировании), последствия которой будут непоправимы. Поэтому желательно создание при ДОСААФ секции, которая объединила бы любителей. Ведь есть же секция дельтапланеризма. А чем хуже мини-самолеты, которые, кстати сказать, крайне нужны в народном хозяйстве?

Но при создании таких машин необходим теоретический материал, доступный для понимания каждого человека со средним образованием.

Вот уже 15 лет Павел Иосифович собирает данные о СЛА и систематизирует их. Эти наблюдения и легли в основу книги — книги, которая может значительно увеличить интерес к самоделкам и, что самое главное, помочь конструкторам-любителям создавать н а д е ж н ы е летательные аппараты.

И вновь парадокс. Столь нужную любителям книгу (судя по их отзывам тут же, на летном поле) ДОСААФ просто-напросто отверг. Эта позиция, мягко говоря, вызывает недоумение.

Многим известен лозунг ОСОАВИАХИМа «Все на самолет!», прозвучавший в тридцатые годы. Благодаря интенсивному обучению юношей и девушек летному делу мы в предвоенные годы получили достаточное количество подготовленных пилотов, причем некоторые оказались «безлошадными» — не хватало боевых машин.

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

ДОЛОЙ ПАРИКИ! В Англии, которую подчас называют старой и доброй, до сих пор остаются в силе многочисленные законы 200-летней давности. Есть и более древние. Очень часто традиционные нелепости вызывают протесты населения. Посмеиваются над ними и юмористические издания. А вот весной этого года своеобразную забастовку против устаревших законов провели лондонские судьи и адвокаты. Они выразили свой протест речами и письменными заявлениями, а также короткой демонстрацией с плакатами на груди. Юристы выразили свое несогласие с обязательным ношением париков во время судебных заседаний.

Забастовка (а ее организовали

А сейчас, в век космической техники, в Федерации авиаспорта возникла проблема массового обучения летному мастерству.

ДОСААФ считает, что существующие в их системе самолеты типа Як-18 и Як-50 слишком дороги в эксплуатации и их мало. Но достаточно взглянуть на двухместный, легкий, цельнометаллический экономичный и дешевый в изготовлении самолет куйбышевских любителей, названный ими «Лидер», чтобы убедиться, что такой самолет есть. Кстати сказать, «Лидер» высоко оценен летчиками-испытателями и авиаконструкторами (самолет получил первое место в своем классе и приз имени С. В. Ильюшина, учрежденный газетой «Советская Россия»).

П. И. Черняк говорит:

— Еще одна проблема, с которой сталкиваются любители, решившие создать достаточно сложную конструкцию,— материалы. Нужны дюралевые листы, трубки, стеклоткань. В магазинах их нет. Почему же любитель поневоле должен становиться дельцом и добывать все это откуда-то «слева»? Почему не организовать продажу отходов этих материалов? Не будем говорить о двигателях для СЛА. Их не выпускает ни одно предприятие. Любители вынуждены приспосабливать к самолетам лодочные моторы или даже моторы от бензопил. Причем на заводах, в частности в городе Андропове, есть энтузиасты, готовые наладить выпуск таких моторов малой серией. Ведь это окупилось бы применением СЛА в народном хозяйстве.

Не так давно «Правда» опубликовала небольшую заметку, в которой говорится о том, что в венгерском городе Пече на предприятии (а не кустарным способом! — **О. Е.**) «Паннонауто» по собственным проектам изготовлен первый сверхлегкий самолет. Он взлетает при небольшой скорости, не требует специальных посадочных и взлетных площадок. Самолет может выполнять различные задания. С высоты 150 метров хорошо видно, например, в каком состоянии находятся посевы. Почему бы нам не использовать опыт венгерских друзей?

А вот что говорит по поводу СЛА заместитель министра авиационной промышленности СССР А. Г. Братухин:

— Научно-техническое творчество молодежи — это мощный потенциал, который можно и нужно использовать в интересах развития народного хозяйства. На днях наше министерство совместно с Госагропромом СССР утвердило требования к сверхлегким летательным аппаратам для использования в сельском хозяйстве. Многие конструкции, которые мы увидели здесь, в Тушине, уже сейчас могут работать над полями страны.

Может быть, лед тронется?

О. ЕГОРОВА

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

молодые юристы) была приурочена к 800-летнему юбилею явно устаревшего закона. Судебные деятели объяснили свое недовольство чисто современными экономическими причинами. Ведь носить они обязаны не просто парик, а пышный головной убор, сделанный из конского волоса, да еще обязательно из хвостов чистокровных арабских скакунов. Это стоит дорого, а платить надо из собственного кармана.

Палата лордов, от которой все это зависит, сделала вид, будто протеста молодых юристов и не было. Юмористические журналы отозвались карикатурой, на которой юноша в парике рассматривает через лорнет циферблат своих электронных часов...

ЕДИНАЯ БРАТСКАЯ СЕМЬЯ

С Василием Мефодьевичем Верховых, членом КПСС с 1913 года, я встретился впервые, чтобы взять интервью. Но старый большевик сразу же перевел беседу на задушевный разговор. Начались воспоминания, нашлись даже знакомые — в годы Великой Отечественной полковой комиссар В. М. Верховых был в политотделе 13-й общевойсковой армии, вместе с которой мы, танкисты 1-й гвардейской, форсировали Днепр, освобождали Украину.

Фронтовое прошлое, известно, сближает. Я стал часто бывать у Василия Мефодьевича, увлеченно слушал его рассказы — и оживали страницы истории. Сохранились записи его воспоминаний. Одну из них я предлагаю читателям...

В декабре 1922 года я приехал в Москву из Тулы как делегат X Всероссийского съезда Советов. Тогда по всей стране трудящиеся обсуждали проекты декларации и Союзного договора об образовании единого Союза Советских Социалистических Республик. Уже выразили свою волю — быть СССР — съезды Советов Украины, Белоруссии, Закавказских республик. Слово было за нами — представителями самой многочисленной и многонациональной, наиболее развитой РСФСР.

Перед моим отъездом рабочие тульских оружейного и патронного заводов, которые выбрали меня делегатом, дали наказ: передай съезду, что туляки сделают все для укрепления дружбы народов — это наше твердое рабочее слово.

Замечу, в то трудное время, когда в условиях нэпа страна преодолевала разруху, рабочие стали единовластными хозяевами производства. Как на многих предприятиях в промышленных центрах, на заводах Тулы от рабочего контроля за администрацией перешли к рабочему самоуправлению. Из числа лучших производственников были избраны первые красные директоры. План определял спрос — в первую очередь делали то, в чем остро нуждалось народное хозяйство. Тульские оружейники, кроме заказов Красной Армии, изготовляли сельскохозяйственные орудия, инвентарь, изделия ширпотреба. Заводы перешли на хозрасчет, и потомки легендарного Левши с таким же мастерством срабатывали бороны и молотилки, наступали на нэповских хозяйчиков могучим фронтом хозяйствования социалистического...

Вот и Москва. Хоть и зимняя, но как-то по-весеннему помолодевшая. Декабрь был насыщен многими событиями: проходили конгрессы

IV Интернационала и Профинтерна, III конгресс Коминтерна молодежи, Московская конференция по сокращению вооружений, а с международной конференции в Лозанне поступали добрые вести — наши дипломаты успешно взламывали кольцо политической и экономической блокады.

Все радовало. И яркое электрическое освещение по вечерам — вступила в строй Шатурская электростанция, вторая после Волховской «дочь» ГОЭЛРО, и хороший урожай, который позволил заложить в закрома государства около ста миллионов пудов хлеба. Теперь эта цифра покажется мизерной — на полях страны выращивают многие миллиарды пудов зерна. Но тогда, после тяжелых лет засухи и голода, хлебный запас был сделан впервые. Укрепление экономики отражала твердость нового советского дензнака — «червонца». Были установлены республиканские и губернские бюджеты, появилась возможность планового финансирования строительства. Радовали и прилавки магазинов с доступными по ценам продуктами и товарами. Страна победившего Октября, вступив на путь мирного развития, смело шла в будущее...

Направляюсь к Кремлю, где в Большом дворце соберется Всероссийский съезд, прохожу по Тверской мимо здания Моссовета. Впервые я побывал здесь пять лет назад, приехав из Питера. Память переносит в октябрь 1917 года...

Накануне революции наш полк, потерявший две трети состава на фронте, проходил переформирование в Харькове. Власть на Украине захватили буржуазные националисты, и полковой комитет направил нас в Петроград, чтобы выяснить в ЦК, какой политической и практической линии нужно придерживаться. В путь отправились вдвоем с прапорщиком Петряковским, членом партии с 1911 года. Он лично знал Ленина — встречался с Владимиром Ильичем в польском местечке Поронине. Петряковский рассчитывал получить нужную информацию у старого большевика Пятницкого, с которым был связан подпольной работой, но в Питере мы его не застали. За инструкциями направились в Смольный.

Был вечер 24 октября. Коридоры Смольного заполнили вооруженные солдаты, рабочие, матросы. Нас провели к товарищу Свердлову. Доложили ему, с чем посланы. Яков Михайлович что-то быстро записал в блокнот и поинтересовался, есть ли у нас знакомые в гвардейских полках, на поддержку которых рассчитывало Временное правительство. У меня были в Измайловском полку друзья по фронту и довоенной работе, даже родственник, двоюродный брат Василий. Узнав это, Яков Михайлович сразу же дал задание побывать у измайловцев. «Вас, фронтовика, солдаты поймут лучше, чем обычного агитатора»,— сказал товарищ Свердлов. Так и вышло. Гвардейцы не послушались эмиссаров Временного правительства, требовавших выступить с оружием против революционных войск. Но нелегко было одолеть наторелых в спорах кадетов и меньшевиков — помогала солдатская правда. На митингах в ротах, батальонах я и не заметил, как пролетели целые сутки. В Смольный вернулся 25-го вечером. Товарищ Свердлов вручил мне мандат делегата II съезда Советов.

На втором заседании съезда Владимир Ильич провозгласил первые декреты Советской власти — о мире и земле. Все поднялись. Овации, крики «ура!», вверх взлетают рабочие кепки, солдатские папахи, матросские бескозырки. И поцелуи, и рукопожатия — мы создаем новый мир!

Съезд закончил работу утром 27-го. Нам с Петряковым предстояло возвращаться в полк. Пришли к товарищу Свердлову за указаниями. И тут совсем уж неожиданное: Яков Михайлович сообщил, что нас приглашает к себе Ленин.

Владимир Ильич расспросил нас о положении на Украине, о настрое-

ниях солдат и, выслушав, ответил, что предстоит напряженная борьба с националистами, что возможно вторжение немецких войск и придется воевать, защищая уже завоевания революции, а для этого необходимо вооружать, обучать военному делу рабочих и беднейших крестьян. В заключение беседы Владимир Ильич попросил нас возвращаться на Украину через Москву и передать письмо председателю Московского Военно-революционного комитета Усиевичу так, чтобы оно ни в коем случае не попало в руки кадетам...

До Моссовета, где располагался ВРК, от вокзала добирались пешком, переулками. В Москве шли бои, следовало соблюдать максимальную осторожность.

В Моссовете мы вручили письмо Ильича товарищу Усиевичу и передали ему словесный наказ Ленина: не мешкать с ликвидацией сопротивления контрреволюции...

С тех пор прошло пять лет беспощадной борьбы с врагами, с разрухой и голодом — пять лет, которые, как пламя и молот в кузнице, сковали единство трудящихся, и образование многонационального Союза Советских Республик, необходимое для подъема экономики и культуры, для укрепления оборонного могущества и международных позиций Советского государства, стало прямым продолжением дела Великого Октября. Эта мысль проходила через все заседания X Всероссийского съезда Советов. Как представитель русских рабочих, я гордился тем, что пример Российской Федерации, по словам Ленина, послужил «вернейшим шагом к самому прочному объединению различных национальностей... в единое демократическое централизованное государство». По окончании съезда в Большом Кремлевском дворце 29 декабря собралась конференция полномочных делегаций РСФСР, Украины, Белоруссии и республик Закавказья, утвердившая проекты декларации и Договора об образовании Союза Советских Социалистических Республик. Были избраны делегаты на 1-й Всесоюзный съезд Советов. Этой высокой чести удостоили и меня...

В фойе Большого театра звучал многоязычный говор, яркими красками выделялись национальные одежды представителей народов Средней Азии, Закавказья. Делегаты Дальнего Востока еще не сняли военной формы — совсем недавно оттуда были изгнаны белогвардейцы и японские интервенты. Праздничное настроение омрачалось тем, что Владимира Ильича не будет на съезде, Владимир Ильич был болен. Но Ленин незримо присутствовал среди нас. Когда старейший делегат П. Г. Смидович открыл съезд, было решено избрать почетным председателем Ленина. Под гром аплодисментов и пение «Интернационала» мы послали приветствие Владимиру Ильичу.

С глубоким вниманием делегаты выслушали отредактированный и утвержденный текст декларации об образовании СССР и Союзного договора. В сознание накрепко вошло основное положение: равноправность всех входящих в Союз Советских Республик. Да, такое равноправие, как отмечала декларация, возможно лишь в условиях диктатуры трудящихся, которая в корне уничтожила национальный гнет и заложила основу братского сотрудничества народов. В этом объединении доброй воли — неиссякаемый источник творчества, залог успешного развития социализма.

Председательствующий М. И. Калинин предложил принять декларацию и Союзный договор открытым голосованием. Рука с красным делегатским мандатом словно сама собой вскинулась вверх. Рядом — лес поднятых рук, лица соседей торжественны. Как не понять: свершился акт всемирно-исторического значения!..

В перерыве встречи, беседы... Все как бы озарены духом предстоящих свершений. Подходит ко мне делегат Украины Одинец, черниговский хлебороб и красный партизан. Вместе с русскими воинами из полка коммуниста Руднева Одинец громил немецких захватчиков, самостийников Петлюры. С трибуны съезда он говорил о том, что революция уничтожила отраву национальной вражды и обособленности, от имени всего крестьянства горячо приветствовал образование СССР.

О прошлых боях мы с Одинцом не вспоминали, нас, как и всех, наверное, влекло будущее. Хлебороб рассказывал, что у них на Черниговщине создаются коммуны для совместной обработки земли, благодарил за плуги, полученные от туляков. «Давайте побольше машин,— пожал он мою руку,— чтобы мы растили побольше хлеба». Заверил — дадим, и знал — хлеб получим. Для того и создали наш великий Союз.

О том же шли разговоры повсюду. Питерский делегат-машиностроитель деловито обсуждал вопросы смычки с представителем шахтерского Донбасса: как направить усилия рабочих, отыскать внутренние возможности для того, чтобы быстрей обеспечить шахты техникой, а заводы — остродефицитным углем.

Делегаты окружили посланца Закавказских республик Мясникова. Трудности огромные, объяснил он, интервенты и националисты разрушили заводы и нефтепромыслы, оросительные системы. Восстанавливать хозяйство помогает вся страна. Из Одессы присланы буровые станки, из Москвы — паровые машины для электростанций, уральцы дают землеройную технику. И труженики Закавказья работают не покладая рук. Бакинцы восстановили часть нефтеперерабатывающих предприятий, а добыча нефти по сравнению с прошлым годом увеличилась в полтора раза, прокладка оросительных каналов позволит в десять раз расширить площадь хлопковых полей...

Наверное, ни один государственный форум не был проникнут таким искренним, теплым чувством единения. Мысли и чаяния трудящихся Советских республик выразил Сергей Миронович Киров, выступавший на съезде как представитель пролетариата Закавказья. Он говорил, что все рабочие и крестьяне, которые пришли сюда с отдаленных окраин, как нельзя больше торжествуют в сегодняшний день. «У нас у всех в памяти старая Россия,— сказал он.— Мы знаем основную заповедь царского режима: гнет, унижение, национальная травля... И только теперь мы получили полную возможность собраться в единое целое, в единую братскую семью».

Съезд выбрал верховный законодательный орган — ЦИК СССР. Его председателем был утвержден «всероссийский староста» М. И. Калинин. Наряду с ним председателями ЦИК СССР стали Г. И. Петровский (Украина), А. Г. Червяков (Белоруссия), Н. Н. Нариманов (ЗСФСР). На второй сессии ВЦИК был избран Совнарком СССР. Председателем Совнаркома СССР ЦИК утвердил В. И. Ленина.

Образование Союза Советских Социалистических Республик имело всемирно-историческое значение. Это был триумф идей ленинизма, ленинской национальной политики. Всему прогрессивному человечеству наша страна указывала путь разрешения национального вопроса, путь объединения народов в единую братскую семью.

Образование СССР явилось одним из решающих факторов, обеспечивших благоприятные условия для переустройства общества на социалистических началах, подъема экономики и культуры всех Советских республик, укрепления оборонного могущества и международных позиций многонационального государства трудящихся.

Записал Ю. ГУРЬЕВ

Окончание. Начало на стр. 130

Как известно, вопрос о подготовке Учредительного собрания рассматривался еще в июне 1917 года на I Всероссийском съезде Советов. И сейчас, после Октября, большевики не отказались от созыва «Учредилки» (как окрестили ее позднее), ибо сам лозунг Учредительного собрания не был еще изжит в массах.

Оно открывалось 5 января 1918 года в Таврическом дворце. «Люди с того света»,— так характеризовал Владимир Ильич эсеров и меньшевиков, выступивших в Собрании со сладенькими и пустейшими речами, с посулами, основанными по-прежнему на соглашательстве с капиталистами. И когда эсеро-меньшевистское большинство отказалось обсудить и принять предложенную большевиками «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», большевики покинули Собрание, заявив, что они не желают «прикрывать преступления врагов народа». Покинули Собрание и левые эсеры... Оставшиеся в зале антисоветчики пытались продолжить работу. Но начальник охраны Таврического дворца матрос Анатолий Железняков, обращаясь к председательствовавшему на заседании Чернову, сказал: «Караул устал, пора кончать!» Эти слова прозвучали смертным приговором «Учредилке». На следующий день СНК, а затем и ВЦИК приняли декрет о роспуске Учредительного собрания.

10 января 1918 года в Петрограде открылся III Всероссийский съезд Советов. Съезд обсудил доклад Я. М. Свердлова о деятельности ВЦИК. С докладом о деятельности Совнаркома выступил Владимир Ильич. Это был первый отчет Советского правительства перед народом! Ленин с особой силой подчеркнул решающее значение победы Советской власти в России для последующего развития мировой социалистической революции, показал величайшее преимущество системы социализма перед системой капитализма. «Наша социалистическая республика Советов,— говорил он,— будет стоять прочно, как факел международного социализма и как пример перед всеми трудящимися массами. Там — драка, война, кровопролитие, жертвы миллионов людей, эксплуатация капитала, здесь — настоящая политика мира и социалистическая республика Советов».

Съезд одобрил политику Советского правительства и принял «Деклара-

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

МУНИЦИПАЛИТЕТ ОТСТУПИЛ... Городские власти Мюнхена решили взимать повышенный налог с тех предприятий, которые больше других загрязняют канализацию. Словом, предложен дифференциальный подход к денежным обложениям. За счет дополнительных доходов муниципалитет собирался усилить экологическую пропаганду, а также оказывать научную помощь заводам в деле очистки воды.

Однако реализовать такой план оказалось невозможным. В городе сосредоточено около трех тысяч предприятий с опасными для водоемов стоками. Все они так или иначе скрывают количество отходов и степень их вредности. Необходима была огромная инспекционная работа с привлечением специалистов, приобретением контрольных приборов. У муниципалитета на это денег не хватило. В связи с этим все планы на дифференциальный налог отложены на неопределенное время.

ПРЫЖОК С ОБРЫВА. Инспектор Сатиш Ажмани был послан в штат

цию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», закрепившую создание советского строя, явившуюся основой Советской Конституции.

В заключительном слове по докладу Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич сказал:

«Мир не видел ничего подобного тому, что происходит сейчас у нас в России, в этой огромной стране, разбитой на ряд отдельных государств, состоящей из огромного количества разнородных национальностей и народов: колоссальная организационная работа во всех уездах и областях, организация низов, непосредственная работа масс, творческая, созидательная деятельность, которая встречает препятствия со стороны различных буржуазных представителей империализма. Они, эти рабочие и крестьяне, начали небывалую по своим титаническим заданиям работу и вместе с Советами сломят до конца эксплуатацию капитализма, и, в конце концов, гнет буржуазии будет раз навсегда низвергнут».

ОКТЯБРЬСКАЯ революция создала советский общественный и государственный строй. Этот новый, впервые в истории человечества утвердившийся в нашей стране строй выдержал тяжелейшие, неслыханные испытания. Его прочность была проверена в суровые годы военной интервенции и гражданской войны, а через два десятилетия — в Великой Отечественной войне советского народа против гитлеровской Германии и ее сателлитов.

Русская революция взметнула волну революций и в Европе, и во всем мире. Вспыхнули революционные бои в Финляндии, Болгарии, Австрии, Германии, Венгрии. Невиданный размах приобрело национально-освободительное движение в Китае, Турции, Афганистане, Индии, Корее... Победа социалистической революции во многих странах мира, создание мировой социалистической системы — это продолжение революционного обновления мира, начало которому положил Октябрь.

Дело, начатое Великим Октябрем, живет, торжествует и развивается. Идет успешное коммунистическое строительство в СССР, социалистические преобразования в братских странах социализма. Это вдохновляет миллионы людей планеты на борьбу против капиталистического рабства и национального гнета, за мир, демократию и социализм.

Н. СИТНИКОВ

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

Утар Прадеш на борьбу с браконьерами. В северных районах этого штата было убито 15 хищников, защищаемых сейчас в Индии строгим законом. Вернувшись в столицу штата, он рассказал об удивительном случае самоубийства тигра-самца.

Инспектор близ деревни Пибхита выслеживал браконьеров, продающих шкуры убитых тигров богатым иностранцам. К сожалению, в событие, которое он наблюдал через бинокль, Ажмани не мог вовремя вмешаться, ибо от кустарникового леса, где были тигры, его отделял глубокий оросительный канал. Он сделал лишь предупредительный выстрел в воздух, но опоздал.

На той стороне за какую-то минуту до этого прогремело несколько выстрелов. Вооруженный винтовкой с оптическим прицелом браконьер стрелял с дерева и убил самку и детеныша. Тигр-самец был легко ранен в бедро. Обнюхав свою погибшую семью, он издал скорбный рык и бросился напролом через кусты, а потом с высокого берега в канал. Выплыть он не пожелал.

ЮННАТЫ ИЗ БЛОКАДЫ

Н. НИКОЛАЕВ

ДЕЛО прошлое, но все же...

В сентябре 1945 года в английском научном журнале «Нейчур» появилась статья ученых Харланда и Дарлингтона, где есть строчки, посвященные коллекции семян, собранной советским академиком Н. И. Вавиловым: «Она была съедена обезумевшими от голода людьми».

Это была ложь.

В далеком 1939-м у Вавилова спросили, что в его ВИРе — Всесоюзном институте растениеводства — самое ценное. Он назвал коллекцию и уникальную библиотеку. В коллекции хранились все, за исключением тропических, сельскохозяйственные культуры земного шара — более 200 тысяч образцов, в том числе 120 тысяч — зерновых и зернобобовых культур. До того как Ленинград был блокирован, их вывезти не удалось. Все меньше и меньше сотрудников приходило по утрам в институт. Десятки людей жили здесь на казарменном положении. Коллекцию готовили к эвакуации.

Вспоминает сотрудник института Н. П. Иванов:

— Наша главная задача состояла в том, чтобы любой ценой спасти уникальную коллекцию культурных растений, подготовить ее к эвакуации. Для этого мы отобрали около 20 тысяч образцов семян и упаковали в 100 мягких посылочек по два килограмма. Предполагалось, что каждый сотрудник, уезжающий в эвакуацию, возьмет с собой по одному такому пакету. Свыше ста образцов семян общим весом около пяти тонн упаковали в двойные ящики по 20—50 килограммов.

Август 1941 года. Октябрьская железная дорога выделяет для эвакуации вагон-шаланду. Ящики надлежит везти на Урал — в Красноуфимск, куда позже должен перебраться и весь институт. Порожний, а потом и загруженный вагон гоняют туда-сюда по путям — никак не вывезти! Проходит полгода! Так и не вывезли. Большинство сотрудников к этому времени уехали по ледовой трассе на Большую землю. Груз снова в институте.

ТЕ, КТО ОСТАЛСЯ, вели тщательное наблюдение за состоянием помещений. Там за печатями и защитными дверями хранилась коллекция. В журналах регистрировалось время тревог и отбоев, все близкие попадания бомб и снарядов.

Опасность пришла изнутри — крысы! Основную часть коллекции держали в коробках из белой жести. В них имелись отверстия, которые изнутри были прикрыты только тонкой сеткой. Голодные крысы атаковали коробки, вгрызались в стенки, уничтожали бесценное зерно. Решили связывать коробки отверстиями друг к другу, переставляли в безопасные места, прикрывали тяжелыми предметами. Но разве от крысы убережешь? Спасали в первую очередь пшеницу, потом уже — овощные и технические культуры.

В апреле 42-го пожаловали «двуногие крысы». Проникли в проломы в окнах первого этажа. Кто-то украл сотни мешочков с семенами. К счастью, то было эталонное зерно, утратившее всхожесть...

Предложили уничтожить всю документацию — архивы, рукописи — обезличить коллекцию. Слава богу, не сделали этого. Коллекция выжила. Более того, дала жизнь многим сортам, выведенным на основе ленинградских образцов.

Таково предисловие к дальнейшему рассказу.

В СТАРИННОМ доме на Колокольной улице, недалеко от Лиговки, живет учитель-биолог Людмила Михайловна Голицынская, воспитавшая много поколений ленинградских юннатов. Людмила Михайловна рассказывает только о них, блокадных юннатах, которые стали для нее главным, лучшей, светлой частью всей ее жизни. Эти ребята сделали много добрых дел: помогали выращивать овощи, собирали лекарственные растения, лечили раны деревьев... А еще — они принимали участие в спасении знаменитой вавиловской коллекции семян зерновых и клубней разных сортов картофеля.

Рассказывает Л. М. Голицынская:

— Начала я работать в 1942 году, сразу после окончания педагогического института. Он тут же после наших выпускных экзаменов эвакуировался. Во многих школах были тогда госпитали, а в тех, что работали,— по 4—5 классов, остальные ребята либо вымерли, либо эвакуировались на Большую землю. Город постоянно бомбили. Во время тревог занимались в бомбоубежищах. Сказать, что мы недоедали, нельзя. Мы голодали. Многие ленинградцы погибли от голода. Спасались зимой настоем хвои сосны и дрожжевым супом, а с наступлением весны ели крапиву, лебеду, мокрицу, одуванчики. Надо сказать, ботанические познания нам весьма помогли. Те растения, мимо которых проходили обессиленные горожане, могли помочь им выжить, но они не догадывались об этом. А мы знали и всячески пропагандировали «зеленую аптеку».

Преподавала я сразу в нескольких школах, расположенных неподалеку. Это сейчас я так говорю — неподалеку. А тогда каждый метр улицы грозил смертью ежеминутно. У меня был пропуск на право хождения по Ленинграду во время тревоги. Вот я и бегала с урока на урок, нося в сумке необходимые для занятий предметы. Остановил меня как-то милиционер. Спросил подозрительно: «Что несете, гражданка?» А у меня из сумки торчат черепа и кости для урока анатомии. Объяснила. Поверил не сразу. Долго придирчиво осматривал. А в школу пришла — вместе с ребятами дрожжевого супа и шрота поела. Это выжимки из сои серо-белого цвета. Здорово нам соя помогала.

Уже с 1942 года мои школьники-юннаты работали кто где, лишь бы земля была. Сажали овощи на газонах и скверах, думали лишь о том, чтобы поскорее они всходили — раненым в госпитали разнести. Старшеклассников было мало: девятые и десятые классы ушли на фронт. Так что моя «гвардия» — 10—12-летние. Те, кому исполнилось двенадцать, получили медаль «За оборону Ленинграда», а те, кто младше,— нет. Разве справедливо? Ведь работали все одинаково!

Вскоре нас, ленинградских юннатов, объединил Дворец пионеров. Именно здесь и сформировалось наше братство, крепкая и вечная дружба. Вот они — юннаты военных лет — Зина Федюшина, две Нины — Арапенкова и Хренкова, Саша Дризина, Полина Брук... Много их, моих девочек и мальчиков! Из каких дальних концов города приходили они во дворец на Невский!

Весной 43-го мы впервые пошли с юннатами в ВИР. Познакомились со старшим научным сотрудником Вадимом Степановичем Лехновичем.

Из воспоминаний В. С. Лехновича:

— Весной сорок первого года мировую коллекцию сортов и видов картофеля ВИРа, как всегда, высадили под Ленинградом на Павловской опытной станции. В августе, когда над городом нависла угроза нашествия, сотрудники досрочно собрали клубни. Убирали до тех пор, пока на поле не стали падать снаряды. Семена упаковали и разместили в подвале Всесоюзного института защиты растений — ВИЗРа. Из предосторожности все клубни разделили на две части. По одному клубню от всех сортов и гибридов оставили в ВИРе, откуда их и отправили на Большую землю, в Красноуфимск.

В начале 42-го стали искать базу для посадки клубней. Нашли два места — в Выборгском цветочном комбинате и совхозе «Лесное». Клубни проросли хорошо. Собранный урожай перевезли в совхозный подвал. А осенью 43-го коллекция чуть не погибла от пожара. Возле конторы совхоза упал потерявший управление советский истребитель... Пытались похозяйничать в подвале и крысы, но, оказалось, они не выносят запаха брюквы. Так, истратив несколько корнеплодов, мы спасли коллекцию.

Вадим Степанович Лехнович принес ребятам клубни картофеля и роздал всем по одному, сказал, что их надо подержать на свету, потом посадить отдельными росточками. Женщина принесла семена зерновых и бумажные пакетики, отсчитала каждому по десять штук. Объяснила, как их правильно свертывать, как писать номер, сорт.

Около главного корпуса Дворца пионеров и перед входом сделали большую круглую клумбу. В центре ее и по радиусам посадили разные сорта картофеля, яровизированными ростками, а по окружности — семена ноготков. Налево от клумбы, на делянках, разные овощные растения, а направо — зерновые — тоже из ВИРа: множество сортов пшеницы, ржи и овса. Около каждого сорта стояла маленькая этикетка из щепочки, на которой был номер, данный в институте. Осенью сдавали снопики и клубни в ВИР. Для чего? Если несколько лет семена не высаживать, сорт потеряет всхожесть. Сколько народа приходило со всего города посмотреть на участок возле Дворца пионеров! В сентябре приходили экскурсии школьников, а в одно из воскресений была выставка работ юннатов и первый городской слет юннатов во Дворце пионеров! О том, чтобы украсть или съесть, у юннатов не было и мысли. Все простые, не элитные овощи, выращенные во Дворце, прямиком шли в госпитали Ленинграда — раненым и ребятам, которые занимались в кружках: спортсменам, самим юннатам и артистам, выезжавшим на передовую.

Клубни и семена носили из ВИРа как великое богатство, прижимая завернутые в газетку к груди. И всходило все до единого зернышка!

ПРОШЛО более сорока лет. Где вы, блокадные юннаты? Людмила Михайловна собирает их на этот раз во Дворце пионеров, в павильоне Росси, отданном не так давно под отдел биологии. Дедушки и бабушки. Не все биологи, конечно. Но разве это имеет значение? Удивительно нежное, трогательное отношение друг к другу. Воспоминания.

З. А. Федюшина:

— В январе 1943 года Людмила Михайловна поручила мне написать доклад о моллюсках. Она сказала, что если он будет содержательным и хорошо оформленным, его на самолете отправят в Москву на выставку работ школьников блокадного Ленинграда. Я торопилась, надо было успеть к сроку. Написала. Как же его оформить? Неожиданно с фронта приехал мой отец, старший лейтенант, танкист. Он разрисовал титульный лист доклада, посадил меня на санки и повез в бомбоубежище школы, где жила наша Людмила Михайловна. Я везла свой доклад, была счастлива и увере-

на, что его на самолете отвезут в Москву. В тот вечер я в последний раз видела папу. Через две недели он погиб в бою у Невской Дубровки.

Когда говорят о блокаде, можно подумать, что все лежали укутанные в темных комнатах и ждали, пока ударит бомба. Ничего подобного! Мы жили кипучей жизнью, учились, занимались юннатской работой.

У одной девочки мама рыбачила и привезла живую миногу. Каждая кошка была тогда на счету, а тут минога. Поместили в аквариум. Не съели! И еще помню: получили где-то лягушку, несли ее в аквариуме по Невскому, через Аничков мост, повернули на Рубинштейна. И тут обстрел. Едва добежали до школы № 218. Аквариум треснул. Вода льется. Вокруг бухает. Выскочила Людмила Михайловна. Затащила нас к себе. Лягушку пришлось бросить. Еле спаслись...

Н. Н. Арапенкова и Н. В. Хренкова:

— Мы очень быстро повзрослели в те 900 дней и ночей, вырастали, минуя настоящее детство. Всеми своими малыми силами помогали взрослым, фронту. Ни голод, ни холод, ни отсутствие света и воды, ни бомбежки иногда по восемь раз в день не заглушили в нас веру в хорошее, веру в человека. Мы не прозябали — жили!

А разве мы не мечтали о цветах? Но не было ни семян, ни черенков. И какая была радость, когда мы в кружке с одного листа бегонии Рекс получили 21 растение, положив лист с надрезами на главных жилках во влажный песок. А разве можно забыть первые посадки яблонь, то, как закладывали в конце войны станцию юннатов в Озерках...

З. Н. Протасова:

— Помню, как мы однажды несли по улице наших питомцев из живого уголка. Люди останавливались, показывали на нас и говорили: «Смотрите, звери живы, значит, есть надежда!» Помню, фрагментами, как лисенок съел калошу, полученную по карточкам. Как тяжело ранило слона в зоопарке и как он страшно кричал на всю Петроградскую сторону. Как тритоны вывалились у нас из банки во время бомбежки и мы собрали их всех до единого. Как честно убирали урожай с грядок морковки, не воровали друг у друга. Помню банки с хвойным настоем, который пили в день по стакану. А липовые почки напоминали по вкусу бананы. Помню, как замазывали смесью глины и клея раненые деревья и даже бороздки на коре прорисовывали как настоящие...

А в Озерки, на нашу станцию юннатов, ходил трамвай, «подкидыш»...

Апрель 1944-го. Город оживал. Юннатам выделили участок у Поклонной горы. Людмила Михайловна приняла участие в создании на месте бывших оборонных сооружений, а потом свалки — юннатской станции. Дзоты, противотанковый ров, наполненный сломанными кроватями... Четыре гектара вздыбленной земли и двухэтажное здание — бывшее общежитие завода «Светлана». Покосившаяся оранжерея. В лаборатории — конюшня, везде конский навоз. Разве можно сделать что-нибудь?

Мальчики помогали грузить, вывозить хлам. Вывезли. Остались воронки с водой — три прудочка. Один до сих пор сохранился — как след войны. Делянки вились вслед за окопами. Ходили по дощечкам от одной к другой. Падали. За весну разровняли сто квадратных метров. Посадили клубни картофеля и зерновые из ВИРа, овощные и лекарственные растения, присланные из Средней Азии. На брустверах окопов юннаты выращивали томаты и картофель. А к осени посадили сирень.

Люди удивлялись: как это им удалось?

— ТАК КАК же насчет «съеденной» вавиловской коллекции? — спрашиваю у Людмилы Михайловны. Она улыбается.

КУЗНЕЦ — ВСЕМ РЕМЕСЛАМ ОТЕЦ!

ПОГОЖИМ августовским днем сотни людей устремились в подмосковную Салтыковку — на II Всесоюзный фестиваль кузнечного мастерства. И чем ближе люди подходили к месту события, тем отчетливее слышался звонкий перестук молотков... Раньше всех пришли сюда, в Музей кузнечной науки и техники, непосредственные участники фестиваля — кузнецы, приехавшие из городов и весей России, из Армении и Литвы.

Нелегко было представителям прессы пробиться к наковальням: вокруг кузнецов сомкнулось плотное кольцо зрителей! Для большинства из них рождение художественного произведения прямо на глазах происходило впервые...

У одной из наковален мы встретили нашего знакомого — архангельского кузнеца Валентина Павловича Мокеева, о котором «Товарищ» рассказывал три года назад. Прошло не так уж много времени, а имя Мокеева стало все чаще упоминаться в прессе, о его творчестве рассказывает зрителям местное телевидение. Он — непременный участник многих областных, российских и всесоюзных выставок. В Москве работы архангельского кузнеца выставлялись неоднократно, его изделия экспонировались во Всесоюзном музее декоративно-прикладного и народного искусства, в выставочном зале Всероссийского общества охраны природы на улице Разина, на ВДНХ СССР в экспозиции, посвященной 70-летию Великого Октября.

И всякий раз, знакомясь с новыми работами Мокеева, невольно восторгаешься его неистощимой выдумкой, взлетом его творческой фантазии. В любой из его работ чувствуется именно мокеевский художественный почерк. Он глубоко любит природу, тонко чувствует ее. И возможно, все то новое, что рождается в кузнице, приходит к нему именно тогда, когда он шагает по родным для него северным лесам, отмеряя километры пути. И когда смотришь на откованные им гроздья рябины, стройную березку или кленовый лист, невольно убеждаешься в том, что такие дивные вещи мог создать человек большого художественного дарования.

На II фестиваль кузнечного мастерства Мокеев приехал не один, а с сыном Алексеем. Долго присматривался Алексей к творчеству отца, иногда был у него «на подхвате», но вот с некоторых пор почувствовал тягу к отцовскому ремеслу. Приехали они на фестиваль не с пустыми руками: привезли в подарок музею для будущей ограды картуш — откованный стилизованный штурвал, как бы символ портового города Архангельска. На обратной стороне штурвала выковано: «Мокеев и сын».

Крупный, широкоплечий Мокеев работает словно играючи. Его труд красив, и угадывается в нем какая-то могучая сила. Не

случайно вокруг кузнеца столько народу...

...Держась за мамину руку, стоит малыш и зачарованно смотрит, как на наковальне рождается небольшая подкова. И тихо просит:

— Дяденька, подари мне, пожалуйста, подкову...

Увлеченный работой кузнец не слышит. Я прихожу на помощь малышу и повторяю его просьбу.

Валентин Павлович широко улыбнулся, а минуты через три-четыре в руках малыша оказалась желанная подковка. Не веря своему счастью, мальчонка прижал подарок к груди и радостно пролепетал:

— Спасибо!

Еще совсем недавно можно было слышать разговоры или читать в газетах о том, что многие старинные ремесла вымирают, глохнут. Касалось это и кузнечного дела. Отрадно слышать, конечно, что кое-где появляются кузницы, что во Владимиро-Суздальском заповеднике открылась школа, где готовят специалистов для рестав-

У наковальни — кузнец В. П. Мокеев.

рационных работ, что устраиваются выставки кузнечных изделий. Но ведь хорошо известно, что и сегодня на производствах не хватает специалистов этой редкой профессии. Пробудить у молодежи интерес к кузнечному делу, показать всю его значимость и красоту — такую задачу поставил перед собой Музей кузнечной науки и техники Центрального правления научно-технического общества машиностроительной промышленности, созданный в 1975 году.

Вот что рассказал нам главный хранитель музея Юрий Анатольевич Зимин:

— Мы поставили перед собой цель показать глубокую историческую и современную перспективную значимость кузнечной науки, техники, производства, искусства ремесла, рассказать о вкладе наших научных школ, ученых и специалистов в этой области человеческой практики, показать наши достижения, увековечить память ученых и специалистов, способствовать профессиональной ориентации молодежи и школьников. Надо не только осветить историю кузнечного дела, но и выявить перспективы его развития. Поэтому наш музей не имеет аналогов ни у нас в стране, ни за рубежом. Убеждены, что рамки нашей деятельности должны быть расширены. Ученый совет музея, куда входят ученые, специалисты машиностроения и других отраслей промышленности, а также искусствоведы и архитекторы, выступил с инициативой — создать на базе нынешнего музея всесоюзный музейный комплекс. Для него предполагается отвести довольно обширную территорию — примерно 15—20 гектаров. В новом здании можно разместить более широкую экспозицию, полнее и многообразнее отразить искусство кузнечного ремесла. Решено построить действующую кузницу типа петровских времен с приводом от водяных колес... Можно будет создать павильоны и стенды, рассказывающие о работе кузнецов во всех основных областях техники, например в авиационной промышленности, в транспортном, энергетическом, химическом машиностроении. Найдут себе место и уникальные изделия, полученные способом обработки давлением. Чтобы представить себе значимость кузнечного дела в машиностроении, достаточно привести такой пример: современный самолет состоит на 90 процентов из деталей, полученных способом обработки материалов давлением. Между тем кузнечное производство находится как бы в тени, относится к разряду заготовительных, вспомогательных. А такое отношение к нему влияет на уровень подготовки специалистов. Но ведь под термином «кузнечный» следует понимать всю совокупность са-

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

СКОЛЬКО НУЛЕЙ У МИЛЛИАРДА! Дорожная полицейская служба ФРГ, встревоженная неуклонным ростом аварий на загородных шоссе и на перекрестках населенных мест, пригласила социологов. Совместными усилиями был проведен анализ на степень интеллектуальности злостных нарушителей дорожных правил. Увы, их уровень оказался невысоким. Рациональным мышлением водители не обладали. Кроме того, водители как грузовиков, так и шикарных легковых автомобилей плохо знали географию своей страны, не могли объяснить роль смазочных масел в автомобиле и оказались полными профанами в таком физическом явлении, как инерция.

мых современных методов обработки металла. Это штамповка, прессование, чеканка, формовка, калибровка горячих и холодных, черных и цветных металлов, композиционных, керамических, пластмассовых и иных материалов, применяемых в машиностроении.

В музее сегодня несколько тысяч экспонатов, больших и малых. У нас есть стенд «Кузнечное древо». Тут показано, как кузнецы заложили основы металлургии, металлообработки, основы современного литейного, волочильного, сварочного, слесарного, ювелирного производств. И поговорка «Кузнец — всем ремеслам отец» имеет под собой серьезную основу.

...Сотрудники музея (а он работает на общественных началах) стремятся показать всю значимость кузнечного дела. По их мнению, должное внимание музею могло бы уделить Министерство культуры СССР, а также многие промышленные министерства, создав здесь свои павильоны, чтобы показать лицо своих отраслей. Мечтают сотрудники музея и о том дне, когда сюда можно будет привозить экскурсантов, путешествующих по «Золотому кольцу», чтобы как можно больше людей могли видеть, как рождаются решетки, флюгера, крылечки, которые они видели в древнерусских городах.

Одна из главных задач музея — объединение кузнецов страны, возрождение кузнечного ремесла и искусства. Решать эту задачу в известной мере удается. На II Всесоюзный фестиваль приехало значительно больше участников, чем на предыдущий. Наметилась тенденция представлять кузнечные династии. Кроме Мокеевых, показать свое искусство приехали отец и сын Бушмелевы из Пскова.

В фестивале приняли участие и юные кузнецы. Они делают свои первые шаги на учебной базе музея. Среди них — школьники младших и старших классов, рабочая молодежь Балашихинского района Московской области. Конечно, им далеко до мастерства старших товарищей, но важно другое — они почувствовали в себе желание овладеть доброй древнейшей профессией.

...Вьется над кузницей дымок, стучат молотки, работают мастера. А зрители знакомятся с интересными экспонатами выставки. И хочется надеяться, что найдутся среди гостей фестиваля, особенно молодых, те, кто захочет продолжить дело, начатое далекими предками, сохраненное и развитое нашими дедами и отцами. Пусть будет побольше умельцев, творящих красоту, несущих людям радость.

О. СЕМЕНОВА
Фото А. ГЕОРГИЕВА

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

Социологов больше всего удивил случай именно с миллиардом. Они обратились со своим вопросом к студентам, чиновникам, деятелям театра и даже бизнесменам. Оказалось, что каждый второй из этих групп населения ФРГ поднимает голову вверх, начинает шевелить губами, а потом отвечает с явной ошибкой.

Первая страница обложки «Товарища»: Плакат художника С. М. Карпова «СССР. Дружба народов».

Юный кузнец.

Репортаж «Кузнец — всем ремеслам отец!» читайте на стр. 156. Фото А. ГЕОРГИЕВА.

РОЗА. Новая работа кузнеца В. П. Мокеева.

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Товарищ

Юлиан СЕМЕНОВ

ЭКСПАНСИЯ-III

Роман

Окончание. Начало на стр. 100

Дело, которое должно потрясти мир, — мы готовили его год, — того заслуживает».

В конверте, полученном учителем, действительно находился еще один маленький конверт. Кондон сразу же позвонил Линдбергу.

— Будьте добры, вскройте маленький конверт и прочтите мне письмо, — попросил летчик.

Кондон зачитал письмо:

«Уважаемый господин, доктор Кондон будет нашим посредником. Можете вручить ему семьдесят тысяч долларов... Когда деньги будут в наших руках, мы сообщим Вам, где ребенок. Готовьте аэроплан, так как он находится в двухстах сорока милях отсюда».

— Это все?

— Нет, — ответил доктор Кондон, — не совсем... На письме, внизу, нарисован странный знак, два пересекающихся голубых круга, образующих в середине красный овал... И три отверстия на каждой фигуре по горизонтали.

Голос Линдберга дрогнул:

— Я немедленно еду к вам.

— У вас больше дел, чем у меня, — ответил старый учитель. — Я сам приеду.

В два часа ночи Кондон добрался до Хопвелла.

Линдберг внимательно изучил корреспонденцию; не осталось никаких сомнений: письмо не могло быть фальшивкой, поскольку знак с перекрещивающимися кругами

ни в одной из газет не был опубликован; тайна следствия.

...Утром следующего дня доктор Кондон вернулся домой с письмом, в котором Линдберги назначали его своим посредником. Адвокат Брекенридж привез его на своей машине и принял приглашение поселиться в доме учителя. Днем Брекенридж отправил в нью-йоркскую газету «Американ» сообщение: «Деньги уже готовы». Чтобы скрыть от журналистов принадлежность к делу, Кондон подписался псевдонимом «ЯСФИЕ», составленным из начальных букв своего имени. Он был уверен, что похитители его поймут, а для остальных странное объявление пройдет незамеченным.

В семь часов вечера зазвонил телефон. Глухой голос спросил, получено ли письмо с подписью?

Учитель ответил:

— Да. И я очень рад, что вы меня верно поняли.

На следующий день в двадцать тридцать в дверь доктора постучали; шофер такси протянул длинный конверт и спокойно отъехал, номерной знак был виден отчетливо; ясно, попросили отвезти письмо «другу», — член банды так себя не ведет.

В письме сообщалось, что доктор должен отправиться к заброшенной сосисочной; там, под камнем, он найдет записку.

Выехали, когда совершенно стемнело; машина адвоката остановилась в пустынном месте, окруженном полуразвалившейся галереей.

Доктор Кондон поднялся на галерею и достал из-под кирпича записку: «Пересеките улицу и двигайтесь вдоль забора к кладбищу, до улицы 233. Там встретимся».

И доктор Кондон пошел по безлюдной улице к воротам кладбища Вудлоу. Несмотря на то что он никого не видел, доктор чувствовал — за ним наблюдают. Пробило двадцать один тридцать; он заметил размытое белое пятно, осторожно двигавшееся среди могил; человек делал рукой какие-то знаки.

Кондон пошел навстречу; в глубине кладбища среди деревьев и памятников его ждал мужчина. Доктор смог запомнить глаза, смотревшие на него из-под полей надвинутой на лоб шляпы; лица различить было нельзя, тьма непроглядная.

— Принесли деньги? — Это был тот же голос, с ино-

странным акцентом, который доктор слышал по телефону.

— Нет. Я не могу принести деньги, пока не увижу ребенка.

— Ребенок жив и прекрасно себя чувствует.

— Как вы можете доказать, что я разговариваю с тем человеком, который мне нужен? — спросил доктор.

— Разве вы не получали писем, подписанных кругами?

Кондон вытащил из кармана два зажима, которые находились в кроватке ребенка, — он взял их с разрешения Линдберга:

— Ответьте, что это такое?

— Ребенок был закреплен этими зажимами в кроватке, — сразу же ответил незнакомец.

— Верно. Как вас зовут?

— «Джон», — ответил тот.

— Откажитесь от этого дела, «Джон», — взмолился доктор. — Пойдемте со мной... У меня есть тысяча долларов, они будут вашими, отдайте дитя добром...

— Нам не нужны ваши деньги, — ответил «Джон».

— Но ребенок жив?

— Конечно...

...Через пять дней доктор получил по почте посылку, — ночную рубашку Чарлза-младшего. В записке, которую завернули в рубашонку, было выдвинуто новое требование: «Принесите выкуп до того, как увидите ребенка. В случае принятия этого условия Линдберг должен дать объявление в нью-йоркской газете «Американ», всего три слова: «Согласен. Деньги готовы».

Линдберг поместил это объявление. День за днем выходило оно в указанной газете, но «Джон» молчал...

Через несколько дней доктор Кондон получил, наконец, ответ «Джона»: «Сообщите, готовы ли вы к проведению операции в субботу вечером? Если да, опубликуйте в газете: «Все готово».

Теперь Линдберг более всего боялся спугнуть похитителей.

Национальное казначейство пообещало, что его агенты не станут вмешиваться в это дело, но лишь отметят номера банкнот, которые будут переданы похитителям. Несмотря на советы полиции, Линдберг упорно настаивал на том, что в месте, где должно произойти свидание, не будет никаких засад.

Наступил субботний вечер. Линдберг и Кондон заканчивали последние приготовления к выплате требуемого выкупа. Деньги были разложены в двух пакетах: в одном было пятьдесят тысяч долларов, во втором двадцать; в общей сложности 5150 банкнот четырех достоинств: по 5. 10, 20 и 50 долларов.

Линдберг, адвокат Брекенридж и Кондон сидели в доме старого учителя в ожидании новых инструкций: «Будьте готовы к операции в субботу вечером». Кондон казался совершенно спокойным, но его семья была как на углях: учитель был единственным, кто видел «Джона» и мог бы опознать его; вполне возможно, что бандит, получив деньги, захочет избавиться от свидетеля.

В девятнадцать сорок пять к дому подъехало такси; как в прошлый раз, незнакомый шофер протянул Кондону конверт и спокойно уехал. В письме было указание: «Возьмите записку, спрятанную возле дверей цветочного магазина кладбища Сан Рамон».

Линдберг отвез учителя в указанное место; в записке было две фразы: «Следуйте по проспекту Вайтмон на юг. Возьмите с собой деньги, приходите один».

Однако Кондон оставил ящик с деньгами на сиденье машины, рядом с Линдбергом: «Сначала я все же поговорю с ним».

Он дошел до ворот кладбища; у изгороди стоял «Джон»; доктор приблизился к нему.

— Принесли деньги? — спросил «Джон».

— Они в машине, — ответил доктор.

— Несите...

— Я не вручу их вам до тех пор, пока вы не назовете место, где находится ребенок.

— Пока сходите за деньгами, я нарисую план той местности.

Получив деньги, «Джон» вручил Кондону конверт:

— Прочтете через шесть часов! Ни минутой раньше!

Через пять минут Линдберг и учитель вскрыли конверт: «Ребенок находится на борту яхты «Нэлли». Это небольшая яхта, восьми метров в длину, которая курсирует между Хорснекс Бич и Гей Хэд, недалеко от острова Елизаветы».

Поиски яхты продолжались не одну неделю; возник след новой яхты; «Джон» исчез, растворился, пропал в десятимиллионном Нью-Йорке.

За учителем Кондоном была поставлена постоянная

слежка, — главный свидетель обвинения; никто, кроме него, не мог бы опознать «Джона»; три детектива денно и нощно стерегли его, куда бы он ни направился.

А еще через несколько недель в лесу, неподалеку от дома Линдбергов, совершенно случайно был найден труп их сына, Чарлза-младшего.

Мальчик погиб в день похищения, — так, во всяком случае, утверждала судебно-медицинская экспертиза...»

Мюллер поднял на Штирлица глаза, в которых стояли слезы:

— Зачем вы дали мне этот ужасный материал, Штирлиц?! К чему этот садизм?! Это же разорвет сердце каждого отца! Зачем я должен был читать это на ночь?

— Выпейте снотворное, — посоветовал Штирлиц. — Что же касается трех квадратов, вырезанных по горизонтали, — то вам этот знак был известен еще в двадцатом году, во время стажировки в отделе особо опасных преступлений, когда был ограблен дом вашего бургомистра... Сначала у него просили деньги «добром», — прислав угрожающее письмо... Только там бандит вырезал не три квадратика, но один... Так что начинал он у вас, группенфюрер... В Штатах лишь продолжил начатое... Но и это не все...

РОУМЭН, «ПЕПЕ», СОМОСА, ВИЗНЕР, ПАНАМА, МАНАГУА, 1947

Франц Брокман, о котором Штирлиц сообщил Роумэну, теперь был Франсиско; седой, высокий, тонкий как спичка, он проворно метался между столиками ресторана «Каса Педро» на берегу океана, обслуживая большую группу туристов; лицо его было сосредоточенным, собранным, однако глаза постоянно улыбались, — очень голубые, излучавшие добро, какие-то скорбно-умиротворенные...

Панамский адвокат Личу, встретивший Роумэна, Гуарази и охранников возле трапа самолета, вывез их в город, минуя паспортный контроль и таможенный досмотр; он и это мог; пограничники были предупреждены, что прибывает экономическая делегация на правительственном уровне, встречать ее будет советник, профессор доктор Личу, чтобы не привлекать излишнего внимания, поскольку речь идет о фантастической сделке, разрешить въезд в страну «без формальностей». Звонок в аэропорт

выдал генерал Падилья; вполне управляем; пришлось, конечно, зарядить, — золотые пуговицы для френча и золотые звезды на пилотку и погоны.

Именно поэтому ищейки растерялись, когда последний пассажир прошел паспортный контроль: никто из тех, кого ждало по крайней мере девять американских разведчиков, не считая панамских детективов, не появился; действительно растворились в воздухе.

Лишь через три часа военная контрразведка смогла нащупать нить, узнав о звонке генерала Падильи. Однако в это время машина адвоката Личу, миновав Ла Чореру, Пенономе, Нату и Агуадульсе, уже свернула на проселок и остановилась около Читры — модерновые хижины на берегу океана, песчаный пляж, бары под лианами, «Каса Педро».

Во время гонки по шоссе в Читре (отсюда не более ста километров до Коста-Рики, «переход через Месанью обговорен, там ждет машина марки «линкольн», через десять часов будете в Манагуа») Личу, крепкий мулат в очках, что еще больше подчеркивало его спортивность, — бывают такие лица, которые очки в роговой оправе делают устремленно-агрессивными, — глотая слова, быстро объяснил ситуацию:

— Конечно, этого Франца было найти не просто! Первые два часа я был в отчаянье! Потом решил посмотреть испанские имена, — и вот он, тепленький! Кстати, на границе с Колумбией, в горах, живет еще один никарагуанский немец, Альберт Петерс... Работает на кофейной плантации. Агроном у Санчеса-и-Масторги. За год они сделались самыми надежными поставщиками кофе, очень удобно пакуют — с фамилией, телефоном и адресом. Многие рестораны Панамы делают им заказы на год вперед. Растущий бизнес. Этот немец вытащил плантации из полнейшего запустения. Думаю, войдет в компаньоны. Масторга любит гулять в столице. У него там какая-то американка. Сговорятся, видимо, на одну треть. Значит, через пару лет немец сколотит полмиллиона баков. Великая нация. Никто не умеет так работать, как они...

— Брокман здесь давно? — спросил Роумэн, дождавшись, пока Личу полез за сигаретой и начал ее прикуривать, — иначе в разговор влезть было совершенно невозможно. — Почему он не пристроился на кофейные плантации? Он же большой мастер этого дела, к тому же специалист по лесу, хороший коммерсант.

— Послушайте, Макс, — ответил Личу, — не слишком ли много вы от меня хотите?

— Сколько отсюда миль до этого самого Петерса? — задумчиво поинтересовался Роумэн.

— Много. Это другая сторона государства. Да и потом, я не возьмусь доставить вас туда. Придется стрелять. Наверняка дороги уже перекрывают. Мы с вами хорошо проскочили. У нас ведь, пока не дозвонятся до главного, палец о палец никто не ударит, на кой черт, еще не угодишь, голову снесут...

— Хорошо, — Роумэн достал свои совершенно искрошившиеся «Лаки страйк», — а вы не смогли бы навестить Петерса, скажем, завтра? После того, как мы сегодня уйдем в Коста-Рику?

— И что? — поинтересовался Личу, аккуратно глянув на Гуарази.

— И получить от него иск к президенту Сомосе по поводу плантаций, домов, аптек, принадлежавших ему вплоть до того дня, когда он был арестован, а затем выслан в Штаты для заключения под стражу... Дело в том, что брат Петерса, социал-демократ, погиб в Освенциме...

— Где? — не понял Личу. — Где он погиб?

— В Освенциме, — повторил Роумэн. — Это лагерь, где гитлеровцы резали людей для проведения экспериментальных медицинских исследований. Резали, кстати, без наркоза, чтобы определить наиболее явные болевые точки... Это лагерь смерти... Они там сожгли что-то около двух миллионов людей...

— Сколько?! — Личу даже выронил сигарету изо рта, резко притормозил, взял ее с кремовых чесучовых брюк, выбросил в окно. — Два миллиона?! Так это больше, чем вся Панама...

— Он говорит правду, — тихо заметил Гуарази. — Так было.

— Так вот, — продолжил Роумэн, положив руку на плечо Гуарази; тот замер, однако ладонь не сбросил; молодец «Пепе», подумал Роумэн, мы еще поговорим с тобой, у нас есть время, можно о многом поговорить, особенно если ты не смахиваешь мою руку и это видят «первый» и «второй»; как можно за весь день не произнести ни одного слова, фантасмагория какая-то! — Так вот, — повторил Роумэн, — если бы вы завтра выслали экспресс-почтой в Манагуа иск Петерса к Сомосе, — диктатор забрал все плантации немцев себе, лично себе, он

и войну-то объявил Гитлеру, чтобы завладеть лучшими плантациями страны, до десятого декабря сорок первого года он держал на стене кабинета портрет фюрера с дарственной надписью, — тогда мы получим лишний козырь...

— Если я отправлю вам хоть что-нибудь экспресс-почтой, — ответил Личу, — то этот пакет получит ваш сын... Это еще оптимальный вариант, скорее всего на почте придется доказывать родство вашей внучке... Здесь почта работает как в прошлом веке... Телеграмма устроит?

Роумэн спросил Гуарази:

— Как вы считаете, Дик?

— Не знаю. Личу, на Сомосу это может произвести впечатление?

— По-моему, вас четверых шлепнут его гвардейцы в тот же миг, как только вы поднимете разговор о немецкой собственности, ставшей ныне богатством его семьи... Если это действительно так... Я, конечно, не знаю, может, у вас, — он кивнул на Гуарази, — есть в Манагуа сильные контакты, но мне кажется, что я обслуживаю четыре трупа, — вполне милые парни, но доживаете вы последние часы, жаль.

Роумэн подошел к метрдотелю и сказал, что его друзья хотели бы взять столик, который обслуживает голубоглазый официант.

— Конечно, конечно, — ответил тот, — эй, Франсиско! Сеньоры хотят, чтобы ты обслужил их! Быстренько приготовь столик!

— Да, да, — угодливо ответил Брокман. — Сию минуту, сеньоры... Я с радостью угощу вас самой прекрасной пищей нашего чудного «Каса Педро».

Когда он накрыл белоснежную скатерть, стремительно расставил приборы и приготовился слушать заказ Роумэна, адвокат Личу тихонько сказал:

— Франсиско, если вы действительно тот Франц Брокман, что приехал сюда после войны с севера, то знайте: эти господа отправляются в Манагуа, чтобы вернуть немецкую собственность ее прежним владельцам.

Бокал выпал из рук официанта, высверкнул мертвенно-голубыми осколками; старик закрыл глаза, достал из кармана пилюльку и бросил ее под язык:

— Простите, сеньоры, — сказал он. — Немного шалит

сердце. Я должен подать десерт моим британским гостям... Потом я с радостью отвечу на все ваши вопросы. Но вы не из полиции? Я ведь заполнил все формуляры и въехал сюда по разрешению североамериканских властей...

— Сеньор Брокман, мы представляем интересы тех честных немцев, не связанных с нацистами, которые пали жертвами преступных клик, — отчеканил Роумэн. — Поскольку у нас мало времени, я попрошу метра подменить вас, пусть десерт британцам принесет он сам, а вас мы приглашаем пообедать вместе с нами, не возражаете?

— Но... Благодарю вас... Но это не принято... И потом я не одет, как это положено для ресторана...

Роумэн снял через голову рубашку, остался в майке, улыбнулся:

— Вот мы и уравнялись в костюмах... «Первый», пожалуйста, отрегулируйте вопрос о подмене сеньора Брокмана.

Парень не пошевелился, словно бы не слышал Роумэна.

— Обращаться надо ко мне, — заметил Гуарази, — он выполнит лишь мои указания... Иди и договорись, — сказал он небритому. — Сделай это тактично, дай метру десять долларов, извинись, объясни, что мы торопимся...

Через минуту метр начал сам обпархивать британцев; Брокман опасливо снял свою белую куртку, не зная, куда спрятать; Роумэн взял ее у него из рук, повесил на спинку стула и обратился к собравшимся:

— Сначала, как полагается у нас, гринго, хайбол. Потом мясо, а на десерт фрукты. Принято, сеньоры?

— Я бы не рекомендовал брать мясо, — понизив голос, сказал Брокман. — У нас нет своих коров, туши везут из Давида, по жаре... А рыбу мы ловим сами... Она воистину прекрасна, а цена значительно дешевле.

Гуарази посмотрел на Брокмана; его глаза, — как и в Мадриде, когда он не отрывал глаз от Кристы, — были полны скорби.

Когда метр подбежал к столу, Роумэн поблагодарил его за любезность, сделал заказ, заметив:

— Сеньор Брокман, видимо, в ближайшее время получит наследство, так что дружите с ним. Всегда надо дружить с тем, за кем будущее...

— О, мы старые друзья с сеньором Брокманом, — ответил метр. — Я рад, что вы привезли ему столь прият-

ную новость... По случаю такой приятной новости хочу угостить вас, сеньоры, бутылкой настоящей «Мендосы». Это не подделка, действительно из Аргентины...

— Подделка, — дождавшись, когда метр отошел, шепнул Брокман. — Здесь нет настоящей «Мендосы». Лучше пейте местное вино, оно прекрасно... Это американцы приучили здешних людей преклоняться перед иностранным... Янки, словно дети, — больше всего ценят чужое, хотя свое у них в десять раз лучше.

— «Кьянти» здесь нет, — заметил Гуарази. — Так что меня вино не интересует. Мистер Брокман, мы приехали, чтобы составить ваш иск к президенту Никарагуа Сомосе. С успеха мы берем двадцать процентов. У вас было что-то около двухсот тысяч долларов в банке, не считая плантаций и домов. Вы согласны уплатить пятьдесят тысяч баков, если мы добьемся у Сомосы возвращения хотя бы части ваших плантаций и какого-нибудь из ваших домов на берегу или в столице?

— Я готов отдать половину того, что вы сможете мне вернуть, — сглотнув комок в горле, ответил старик. — Я мечтаю вернуться туда... Но ведь теперь немцы стали изгоями... Сомоса не пускает нас в страну...

— Что с вами случилось седьмого декабря сорок первого года, когда Сомоса снял со стены портрет Гитлера и объявил войну рейху? — спросил Роумэн.

— В ту же ночь мы все, — и те, кто состоял в нацистской партии, и те, которые считали себя никарагуанцами, были арестованы. Нас отвезли в тюрьму «Ормигуэро» и концлагерь «Куинта Эйтцен», — сейчас, говорят, это вилла Луиса Сомосы... Как нас били, как морили голодом, — об этом не хочу вспоминать... Кто-то из наших, уцелевших от ареста, отправил письмо американскому послу с просьбой освободить стариков, женщин и детей... Освободили трех сорокалетних, — тех, кто имел постоянный бизнес с североамериканцами... В мае сорок второго нас выслали в Сан-Франциско, оттуда перевели в концлагерь в Техасе, часть отправили на границу с Канадой, на север, все наши там поумирали, только я спасся, старый черт, а внук погиб, и дочка тоже... Сорок женщин и детей потом вывезли в Германию, с помощью Красного Креста Швейцарии, но опять же тех, кто был связан с американским бизнесом. Это правда, сеньоры, не сердитесь, я рассказываю правду... Если в Аргентине, Боливии, Бразилии, Чили немцы в основном работали на рейх, кро-

ме, конечно, тех, кто эмигрировал от Гитлера, то никарагуанские немцы действительно растворились в стране... Мы вспоминали, что в наших жилах течет немецкая кровь, только когда собирались в церкви... Такое же было в России, при императоре Петре... Есть страны, которые растворяют в себе иностранцев... Конечно, мы знали, что Бреме, Людвиг Бреме был нацистом и поддерживал связи с людьми Сомосы, они очень дружили до сорок первого года, даже, говорят, Бреме привез ему специалистов по допросам, людей гестапо...

— А где сейчас этот Бреме? — спросил Роумэн.

— Не знаю.

— А что из себя представляет Петерс?

— Он был заместителем Бреме... По контактам с провинциями Хинотега и Леон, настоящий нацист...

Роумэн переглянулся с Гуарази; тот повернулся к Личу:

— Ну что ж, начнем составлять исковое заявление? Вы помните, сеньор Брокман, какие статьи конституции Никарагуа были нарушены Сомосой?

— А разве там была конституция? — удивился старик.

Личу рассмеялся:

— Была, дон Франсиско, была! Самая демократическая в Центральной Америке, полные свободы, гарантия личности, охрана достоинства и так далее...

...Через час Личу увез четверку, передав Гуарази текст искового заключения Брокмана; факты, которые он изложил, были неопровержимы.

— Если бы я получил эту бумагу в Штатах, дело было бы выиграно в первой же инстанции, — заметил Личу, прощаясь с Гуарази на коста-риканской границе (пересекли ее в маленькой деревушке за городом Давидом; около пограничного столба сидел инвалид в рваной форме; ни телефона, ни сигнализации; все, как полагается в Латинской Америке, новейшая техника и вооруженные головорезы на центральной трассе, и деревенская, измученная криками цикад тишина в горах, где машине придется идти по валунам; «линкольн» оплачен, водителю было заранее сказано, что ехать придется проселками, пусть не скорбит о машине, вручили наличные для покупки новой).

В Сан-Хосе, столице Коста-Рики (господи, почему здесь большинство жителей рыжие? И голубоглазые? Будто ты

и не в Латинской Америке) останавливаться не стали; Роумэн лишь попросил разрешения отправить копию иска в Лондон, Майклу Сэмэлу: «Можете опустить сами, Дик, я играю честно»; проверки документов на шоссе не было, видимо, в Панаме полагали, что четверка пойдет в направлении колумбийской границы; до границы с Никарагуа доехали за пять часов; переход был и здесь обговорен заранее (ну и Синдикат, вот сила, а?!), в Манагуа приехали под утро.

Гуарази попросил шофера остановиться около «Грандотеля», в самом центре (телефонов-автоматов в городе не было, все рестораны и бары закрыты, а звонить надо), уплатил портье деньги, набрал номер 9-54-30, попросил сонную прислугу пригласить к аппарату сеньора Родригеса Солано, повторил, что хозяина совершенно необходимо разбудить, он заинтересован в этом звонке; закурил (первый раз за все время, что Роумэн знал его) и, когда Солано взял трубку, сказал:

— Счастье вновь к вам повернулось.

— Что?! — тот не понял, в голосе чувствовался испуг.

— Счастье вновь к вам повернулось...

— Идите к черту! — взревел человек. — Какого дьявола вы меня разбудили, мерзавец этакий?!

Гуарази недоуменно пожал плечами, протянул портье двадцать пять центов, набрал номер еще раз; никто не подходил; я не мог перепутать, сказал он себе, я точно помню номер, неужели из Панамы успели передать сигнал тревоги? Или Лаки отменил предприятие, пуганув своих друзей тем, что он уже начал дело? Ребята понимают ситуацию с полуслова, могли сговориться; нет, возразил он себе, я бы получил указание. Если Лаки уже договорился, надо решать с Роумэном, — слишком много узнал: Личу мы бережем как зеницу ока, это наш панамский капитал, а «Жареный» тем более...

Когда «Пепе» решил было положить трубку, ему ответили:

— Слушаю.

— Счастье вновь к вам по...

— Какого черта вы столько времени тащились сюда?! — радостно прокричал Солано. — Я уже думал, не случилось ли что?! Давайте ко мне! Одиннадцатый километр карретеры «С», сто метров вверх, дом налево...

— Вы мне скажите точный адрес, — попросил Гуарази.

— У нас здесь такие адреса, приятель: «Сто метров вниз, напротив аптеки, где лечат одноглазие, дом в глубине сада с тремя колоннами, только одна отвалилась», посмотрите телефонную книгу, — если не верите! Жмите! Я велю готовить завтрак...

— Сомоса примет нас в одиннадцать, — после обязательных взаимных приветствий сказал Солано. — С ним договорено.

— Я могу спросить, как вам это удалось? — обратился Роумэн к этому кряжистому старику в полувоенном хаки.

Солано посмотрел на Гуарази:

— Можно ответить?

«Пепе» кивнул:

— Ему надо ориентироваться в ситуации.

— Так вот, — сказал Солано, — я был последним, кто видел живым генерала Сандино. Вам говорит что-нибудь это имя?

— Да, — ответил Роумэн. — Не очень многое, правда, какой-то здешний анархист, да?

Солано вздохнул:

— Это как посмотреть... Словом, Сомоса обнял его при мне, похлопал его по плечу и повторил: ты мне брат, генерал Сандино, ты гордость никарагуанцев, спаситель нации, освободивший нас от янки... А через три часа Сандино убили... А я получил приказ Сомосы провести расследование... Правда, не я один... Это меня до сих пор и спасло... А еще меня спасло то, что в моем доме часто отдыхал итальянский мальчишка по имени Аль Капоне и его братья... Еще вопросы есть?

— Есть, — ответил Роумэн. — Кто убил Сандино? И почему?

Солано снова посмотрел на Гуарази.

— Можешь открыть, — сказал тот. — Только недолго, надо успеть поспать хоть пару часов... С Сомосой надо вести себя точно и прижимисто, иначе он нас сломает.

— Вам знакомо имя Сакаса? — спросил Солано, не отводя своих черных, с голубым отливом глаз от осунувшегося лица Роумэна.

— По-моему, он был вашим президентом...

Солано закурил, улыбнулся, посмотрел на Гуарази и горестно покачал головой:

— В Латинской Америке ни о ком никогда ничего нельзя говорить однозначно, сеньор... Сакаса был избран президентом, как некий компромисс с новым хозяином Белого дома, Рузвельтом... Тот ведь провозгласил, что уведет американские войска из Никарагуа... То есть Рузвельт открыто признал победу Сандино... Но президент — одно, а аппарат, сложившийся в течение десятилетий — другое... Словом, либерал Сакаса устроил Вашингтон потому, что выказывал прилюдное уважение Сандино, но при этом дружил с Сомосой. Президент Сакаса хотел быть посредине... Между Сандино и Сомосой... Они, кстати, однажды так и сфотографировались... А ведь посредине быть нельзя... Особенно в политике... Правда, «Пепе»?

— Можно, — усмехнулся тот. — Мы ведь живем посредине...

Солано шутливо погрозил ему пальцем:

— Вы живете внутри! Это совершенно другое дело... Словом, в тот день, когда совершилось преступление, Сандино получил официальное заверение президента Сакасы, что «гвардия» Сомосы будет распущена и вместо нее он создаст национальную армию... Ведь «гвардейцев» придумали янки, когда оккупировали Никарагуа... А что значит Сомоса без гвардии? Ничего! Нуль. Пшик... Вот он и поехал к посланнику гринго Блиссу Лейну, а от него отправился в свой штаб, запер все двери и предложил присутствующим членам штаба подписать санкцию на убийство Сандино... Всем... Круговая порука... Сам он подписался с краешку, незаметно, — чтобы в случае чего можно было сказать: «Это сделано под нажимом гвардейцев...» Казнь Сандино была поручена майору Дельгадильо... Сомоса уехал на вечер поэзии, аплодировал стихам Элюара, даже прослезился... А после прощального ужина в честь Сандино, когда президент лично усадил его с отцом и братом в машину, по дороге на аэродром нашего героя остановили. А потом расстреляли из пулеметов... Нет, отца пощадили, но он умер вскорости, когда узнал, что Сомоса расстрелял его внучек... Наутро президент Сакаса собрал в своем дворце министров, иностранных послов и пригласил Сомосу.

Его обращение потрясло собравшихся:

— Я поручаю генералу Анастасио Сомосе возглавить комиссию по расследованию злодеяния, совершенного сегодня ночью, которое пало позором на всех никарагуан-

цев, ибо они позволили бандитам убить нашего национального героя. Я требую от генерала Сомосы публичной клятвы на верность конституции и мне, президенту...

И Сомоса поклялся...

...Я узнал все про майора Дельгадильо, который руководил расстрелом Сандино... Но Сомоса пригласил к себе на ужин капитана Поликарпио Гутьереса: «Ты должен признаться, что убил Сандино, мой молодой друг... Ты должен выйти на процесс и открыто, при журналистах, во всем признаться во время перекрестного допроса моих судей... Я готов поклясться на крови, что ты не будешь казнен... Твоя семья получит деньги уже сейчас, завтра же... Большие деньги. На год, что ты проведешь в камере, им хватит с лихвой... А потом, когда пройдет это паршивое время тараканов и я стану президентом, ты превратишься в национального героя... «Зеленые рубашки» сделают тебя своим фюрером, мой молодой друг, клянусь...»

— Кто такие «зеленые рубашки»? — спросил Роумэн.

— Фашисты. У нас их было много... Главные любимцы Сомосы... Крепкие ребята. В декабре сорок первого они сменили свои зеленые рубашки на мундиры гвардейцев...

И Гутьерес вышел на процесс... Он сыграл то, что ему написали, хотя крепко мандражил, потому что всех рядовых гвардейцев, расстрелявших Сандино, через час убили выстрелами в висок, чтоб не было никаких следов... Убили и тех двух полковников, что вместе со мной проводили расследование... А я до сих пор жив... Почему? А оттого, что я сказал Сомосе: «Генерал, то, что я знаю, надежно хранят в Чикаго люди моего брата Аль Капоне. Я передал им документы, которые станут вашим смертным приговором, если с моей головы упадет хоть один волос...» И вот, живу... И только поэтому могу помогать «Пепе» и его боссам... Как это важно: знать и хранить...

Гуарази мягко поправил:

— Храним мы, Солано... Ты знаешь... Все, пошли отдыхать, с Сомосой надо говорить на свежую голову...

...Гвардейцы Сомосы — низкорослые, иссиня-черные, отчего-то все как один кривоногие, с вывернутыми икрами, абсолютно индейский тип, — обыскали Гуарази и Роумэна; Солано отдали честь, но начальник охраны дик-

татора столь страстно обнимал старика и обхлопывал, что стало ясно: обыск обыску рознь.

«Первого» и «второго» оставили в машине; Гуарази, — после тяжелого раздумья, — запретил им брать с собою шмайссеры и гранаты; «Все равно не отобьемся, паренька охраняет сто человек, рядом, в бункере, полк, какой смысл подыхать всем? Если мы не выйдем через час, или услышите стрельбу, гоните на север, к Леону, пробирайтесь через джунгли в Сальвадор, идите в посольство, вас отправят домой, скажете, что нам крышка, пусть затребуют тела, я хочу быть похороненным рядом с отцом и братьями».

...Сомоса был невысок, красив низкопробной красотой сутенера, видимо, подумал Роумэн, такое впечатление рождает то, что он слишком тщательно одет, ухожен парикмахером и наманикюрен.

Навстречу гостям Сомоса не поднялся, кивнул Солано на кресло; Роумэну и Гуарази предложил сесть за длинный стол, за которым он, видимо, проводил заседания.

— Ну, как добрались? — спросил Сомоса. — Мои гвардейцы не мучили вас на дорогах? Совершенно неуправляемые люди! Откуда только в них берется эта слепая жестокость?! И церковь зовет их к добру, и в школах мы ввели специальные предметы, воспитывающие тягу к прекрасному, и по радио передаем специальные программы для родителей: «Воспитывайте малышей в духе добра и нежности друг к другу»... Ничего не помогает! Иногда я думаю, а не бросить ли все это дело и не уехать куда-нибудь на остров, где нет людей, тишина и единение с всевышним...

— Я доехал благополучно, ваше превосходительство, — ответил Гуарази, сразу же отделяя себя от Пола. — Сердечно признателен за добрый прием и за то, что нашли время для мистера, — он кивнул на Роумэна, — который имеет вам кое-что сообщить...

— Вы американец? — спросил Сомоса, не глядя на Роумэна.

Тот молчал, разглядывая диктатора, сидевшего в кресле чуть развалясь, закинув ногу за ногу; кресло, видимо, было на колесиках, — легкий упор ноги, и оно откатится в сторону, очень удобно, в таких сейчас работают наши стенографистки.

— Вы американец? — повторил Сомоса, по-прежнему не глядя на Роумэна.

Солано кашлянул:

— Мистер Макс, сеньор президент интересуется, американец ли вы?

— Ах, это он меня спрашивал? — удивился Роумэн. — Нас же здесь трое... Я просто не понял, к кому обращен вопрос сеньора президента. Да, я американец... По рождению, впрочем, немец... Я натурализовавшийся американец...

Сомоса вздохнул:

— Будь моя воля, я бы вздернул всех немцев...

— Генерал Эйзенхауэр придерживается иной точки зрения, — заметил Роумэн. — Поскольку я возглавлял диверсионную группу в тылу рейха, он, награждая меня орденами Соединенных Штатов, сказал, что немец немцу рознь... Впрочем, никарагуанец тоже отличается от никарагуанца... Я помню, мой босс, он сейчас работает в Центральной разведывательной группе, бросил меня с десятью мальчиками из группы командос на захват гитлеровских архивов. Мы там нашли занятные документы: письма одного никарагуанца великому фюреру германской нации...

Сомоса, наконец, поднял глаза на Роумэна:

— Как интересно... И кто же подписывал эти письма?

— Они у моего приятеля, лондонского журналиста, сеньор президент... Он очень силен в испанском, да и потом у него хобби: хранит в банке подписи всех выдающихся руководителей Латинской Америки...

Солано несколько растерянно посмотрел на Гаурази: тот сидел напряженно, ни один мускул на лице не дрогнул, хотя о том, что сейчас говорил Роумэн, не знал, тот не посвятил его в это.

— Интересно, — повторил Сомоса, не сводя тяжелого взгляда пронзительно-черных глаз с лица Роумэна. — И что же ваш друг из Лондона намерен делать с этими письмами некоего никарагуанца?

— Это зависит от меня, — ответил Роумэн. — Только от того, какой будет моя судьба...

— Я хорошо гадаю по руке, — сказал диктатор. — Подойдите ко мне, я скажу, что вас ждет в будущем.

Роумэн поднялся, протянул Сомосе левую руку.

Тот долго, внимательно рассматривал линии его ладони, потом удивленно усмехнулся:

— Вы рано осиротели и поздно женились... Совсем недавно, судя по пересечению узелков... Вы были ранены? — он поднял глаза на Роумэна.— Перенесли тяжкое увечье? Это было года три назад? Видимо, во время войны?

— Четыре года назад,— кивнул Роумэн,— верно...

— Хорошая ладонь, — заметил Сомоса. — Будете долго жить, если не наделаете глупостей... Характер у вас вздорный.

— Значит, именно такой характер был угоден богу, если он наградил им меня...

Сомоса ждал, что Роумэн вернется за стол, но тот полез в карман куртки; Сомоса чуть тронул ногой стол, его кресло стремительно откатилось в сторону и из-за занавесок вышли трое гвардейцев с пистолетами в руках.

Роумэн удивился:

— Ваше превосходительство, нас обыскали в приемной...

— Что за безобразие! — Сомоса возмутился.— Кто позволил обыскивать моих гостей?! Солано, почему вы не сказали мне об этом?

— Я... то есть... я,— Солано явно растерялся.

— Сеньор президент, — жестко продолжил Роумэн, — ту часть разговора, которую мне предстоит провести, желательно окончить без свидетелей.

— Вы имеете в виду этих психопатов? — он кивнул на гвардейцев.— У них вырезаны языки, это символы, а не люди, не обращайте внимания... Хорошо натасканные охотничьи двуногие... Я весь внимание, вы что-то хотели мне показать?

Роумэн, наконец, усмехнулся:

— Они не станут стрелять, если я вытащу из кармана бумагу?

— В этом кабинете не стреляют,— ответил Сомоса.— Наш безумный, неуправляемый, темный народ стреляет в других местах; правда, Солано?

Роумэн протянул ему исковое заявление Франца Брокмана.

Сомоса читал неторопливо, иногда пожимал плечами, порою удивлялся, обиженно разводя руками.

— Ну и что? — спросил он, возвращая иск.— Зачем вы принесли мне это? Какое я имею отношение к этому делу?

— Сеньор президент, я взял на себя миссию вернуть честным немцам то, что вами было у них конфисковано. Вы же друг Соединенных Штатов, не правда ли? Вы знаете, как мы начинаем помогать несчастной Германии восстать из пепла. В Вашингтоне не поймут вашу жестокость к тем, кто внес свою лепту в развитие нашей страны... Тем более все немцы согласны оставить вам половину своей собственности... Это два миллиона долларов... И половину недвижимости... Это еще пять миллионов. Причем речь идет не о немедленном акте правительства... Дело можно урегулировать постепенно, ко взаимной выгоде...

— Какой ваш интерес в этом предприятии? — спросил Сомоса.

— Десять процентов, ваше превосходительство,— ответил Гуарази.— Мы получаем с немцев десять процентов, пять отдаем Никарагуа...

— Шесть,— поправил его Роумэн.— Мы отдадим шесть процентов на развитие народного образования Никарагуа... Но если сеньор президент согласится выделить на четыре дня небольшой аэроплан,— для моих нужд,— я отблагодарю его, в случае, если операция пройдет успешно, миллионом долларов.

— Сеньор Лаки Лучиано, — сказал «Пепе», чувствуя, как сгустилась атмосфера в кабинете,— и его братья готовы уделить внимание вашей столице...

— Это твои хорошие друзья, Солано? — спросил Сомоса, скрывая зевоту.

— Да, сеньор президент.

— Ты знал, с чем они придут ко мне?

— Нет, сеньор президент.

— А если бы ты знал про их интерес? Все равно просил бы меня принять их?

— Не знаю, сеньор президент.

Гуарази, оставаясь по-прежнему недвижным, маска, а не лицо, полная флегма, ответил:

— Он бы сделал это, зная все, ваше превосходительство.

Сомоса удивился:

— А почему это вы за него отвечаете? Я ведь еще не приказал отрезать ему язык...

— Если вы отдадите такой приказ, ваше превосходительство, то все мои друзья,— начиная с брата покойного Эль Капоне, малыша Ральфа, который провожал ме-

ня сюда,— перестанут быть вашими добрыми знакомыми,— тихо заметил Гуарази.— Мы перекупим людей из вашей охраны, ваше превосходительство... Я обещаю вам это... Как и этот мистер,— он кивнул на Роумэна,— я работал в американской разведке, когда мы освобождали Сицилию... Так что у меня остались друзья... которые проливали кровь вместе со мной. У меня на глазах фашисты расстреляли отца, трех братьев и бабушку... С тех пор я не боюсь смерти, ваше превосходительство... Впрочем, если вы предложите мне контракт, который даст мне денег больше, чем я получу от этого,— он кивнул на иск, лежавший на столе,— я расторгну договор, я служу тем, кто больше платит...

— Сколько вы получите, если я помогу некоторым немцам? — Сомоса неотрывно смотрел на Гуарази, словно гипнотизируя его.

— Гроши... Тысяч сто...

— Но если вы дадите нам самолет,— сказал Роумэн,— я получу миллионов двадцать... Точнее, могу получить, работа сопряжена с риском...

— Куда должен лететь самолет? — спросил Сомоса.

— Туда, куда следует,— ответил Роумэн.

Сомоса, снова зевнув, повторил:

— Куда должен лететь самолет?

Роумэн достал свои мятые «Лаки страйк» и, не спрашивая разрешения, закурил:

— Вам, подписывавшему письма Гитлеру, в которых вы выражали свой восторг практикой германского нацизма, выгодно дать нам самолет, мистер Сомоса... Если вы не дадите, ваши письма будут опубликованы в лондонской прессе. И вы лишитесь поддержки Вашингтона. Вы же читаете наши газеты, знаете, что у нас началась кампания против тех, кто сотрудничал с Гитлером,— Роумэн нервно сглотнул ком в горле.— Когда лишитесь поддержки Вашингтона, вам не преминут напомнить о Сандино.

— Вашингтон полон респекта к борьбе немецких военных против коммунизма,— ответил Сомоса, хрустнув своими толстыми, наманикюренными пальцами.— Вашингтон знает, кем был Сандино. Да и потом пугать меня — смешная затея, правда, Солано?

— Да, сеньор президент. — ответил тот. — Только они вас не пугают. Они так поступят.

— Вашингтону не нужен президент, который, как оказывается, обожал Гитлера,— повторил Роумэн.— Это помешает Белому дому провести конференцию в Рио-де-Жанейро. Если среди делегатов будет человек, объяснявшийся в любви фюреру, торпедируется идея конференции.

Гуарази поднялся:

— Ваше превосходительство, мы будем ждать ответа в доме Солано. У нас в запасе два часа времени.

Сомоса кивнул:

— Солано, останься, друг мой. Я хочу выпить с тобой чашку кофе... Вы свободны, сеньоры.

Проводив тяжелым взглядом Роумэна и Гуарази, диктатор долго рассматривал свои маленькие, женственные руки, потом поднялся из-за стола:

— Подожди меня, дорогой Солано... Я должен позвонить... Сколько ложек сахара класть в твою чашку?

Тот чуть привстал с кресла, прижал руки к груди:

— Я не думал, что они придут с этим, сеньор президент! Клянусь честью!

— Ты знаешь их настоящие имена?

— Да... Вито Гуарази. адъютант Лаки Лучиано... И Пол Роумэн... Оба из разведки... Не знаю, как сейчас, но раньше они служили на Донована и Даллеса...

— Мне они нравятся... Люблю крепких ребят,— сказал Сомоса, дружески улыбнулся Солано и вышел из кабинета в соседнюю комнату, где отдыхал, принимал душ и порою отдавал себя в руки массажиста.

Там он снял трубку прямого телефона, соединявшего его с резидентом американского посольства:

— Майкл, вам ничего не говорят имена Гуарази и Роумэна?

1

«Фрэнку Визнеру!
Весьма срочно!
Совершенно секретно!

Интересующие вас лица находятся в Манагуа и требуют самолет для полета на юг, в Аргентину. Жду указаний.

Резидент
Майкл Грис».

2

«Резиденту ЦРГ на Кубе
Эндрю Лирсу.
Весьма срочно,
совершенно секретно.

Немедленно свяжитесь с Лаки Лучиано. Поставьте перед ним следующие задачи:

1. Его люди сейчас же вылетают в Асунсьон и Кордову, входят в контакт с нашими резидентурами, садятся к радиоприемникам, обеспечивающим связь со всеми интересующими меня самолетами и ждут указаний.

2. Получив наш приказ, они передают пассажиру самолета Вито Гуарази, псевдоним «Пепе», рекомендации Лаки Лучиано: «Если на борту самолета,— после выполнения задуманной операции,— окажется не один пассажир, а два, причем один из них будет явно похищен, необходимо устранить тех, кто вылетел с ним из Манагуа, а также похитителя. Похищенного беречь как зеницу ока».

3. Самолет должен приземлиться в Асунсьоне. Здесь люди Лаки Лучиано устраняют Гуарази. Похищенный передается лично нашему резиденту.

4. Если эти позиции будут выполнены, обещайте Лаки Лучиано мою личную помощь и поддержку во всех будущих начинаниях.

5. Ответ жду немедленно.

6. Если Лучиано находится в Варадеро, свяжитесь по телефону, времени для личной встречи у вас нет.

Фрэнк Визнер».

3

«Фрэнку Визнеру.
Весьма срочно,
Совершенно секретно!

Разговор состоялся по телефону, Лучиано согласен. Выезжает для консультаций и выработки плана.

Его люди уже отправились на аэродром; самолет Лаки в их распоряжении; операцию осуществит «Хорхе».

Лучиано благодарит за дружбу и доверие, считает досадный инцидент, глубоко его оскорбивший, законченным.

Резидент на Кубе
Эндрю Лирс».

4

«Манагуа, резидентура,
Майклу Грису.
Весьма срочно,
совершенно секретно.

Пусть Сомоса примет предложения интересующих нас лиц. Самолет должен быть передан в их распоряжение. Однако он не должен быть скоростным, чтобы легче осуществить контроль. В случае, если летчик получит указания по радио от «Хорхе», он обязан им подчиняться. Первый пункт при его возвращении из Аргентины должен быть Асунсьон.

В подробности операции летчика не посвящать.

Визнер».

5

«Гелену
«Организация».
Весьма срочно,
совершенно секретно.

Прошу сообщить, какие поселки или городки в южноамериканской сельве, особенно в Аргентине, являются наиболее опасными, — с точки зрения организованной нацистской эмиграции?

Фрэнк Визнер».

6

«Фрэнку Визнеру.
Весьма срочно!
Совершенно секретно!

Сомоса настаивает на том, чтобы документы, бросающие на него тень, которые ныне находятся в руках Синдиката, — речь идет о деле Сандино, — должны быть переданы ему людьми Лаки Лучиано и Капоне-младшего. В свое время эти уликовые материалы были переданы Синдикату неким Солано.

Резидент в Манагуа
Майкл Грис».

7

«Манагуа,
Майклу Грису.
Совершенно секретно,
весьма срочно.

Сообщите президенту, что документы, хранящиеся у Лучиано и Капоне-младшего, будут ему переданы после окончания операции.

Фрэнк Визнер».

8

«Фрэнку Визнеру.
Весьма срочно!
Совершенно секретно!

Сомоса настаивает, чтобы ему были возвращены письма, отправленные им до начала войны в канцелярию Гитлера, когда «зеленые рубашки» возглавляли борьбу против Сандино. Он также требует, чтобы претензии немцев, настаивающих на возвращении реквизированных им кофейных плантаций, разбирались совместно с представителями нашего посольства.

Сомоса против того, чтобы отдавать немцам хоть что-либо. Он готов, если мы его поддержим, разрешить им обработку пустующих земель вдали от столицы.

Майкл Грис».

9

«Майклу Грису,
Резидентура в Манагуа,
Весьма секретно,
срочно.

Обещайте ему все и пошлите к черту. Пусть сейчас выполняет то, что ему предписывают.

Фрэнк Визнер».

10

«Резидентурам в Аргентине,
Чили, Бразилии, Парагвае, Перу,
Боливии, Колумбии, Венесуэле.

Немедленно свяжитесь с нашими военно-воздушными атташатами.

Передайте им просьбу руководства: немедленно войти в контакт с местными службами слежения за воздушным пространством.

Постоянно наблюдайте за самолетом, который будет следовать на юг из Манагуа. Марку аэроплана и номер передаст резидент в Манагуа Майкл Грис.

Информировать меня о происходящем ежечасно, — вплоть до окончания операции.

Дополнительные сообщения будете получать по мере развития событий.

Фрэнк Визнер».

11

«Гелену.
«Организация».
Весьма срочно!
Совершенно секретно!

Прошу немедленно ответить на мой предыдущий запрос о нацистских поселениях в сельве.

Фрэнк Визнер».

12

«Фрэнку Визнеру,
по месту нахождения,
весьма срочно,
совершенно секретно.

«Организация» такого рода информацией не располагает, поскольку ее деятельность прежде всего сконцентрирована на Востоке.

За Гелена —
Лорх».

13

«Лорху, для Гелена!
«Организация»!
Весьма срочно!
Строго секретно!

Такой ответ меня не устраивает!

Визнер».

«Фрэнку Визперу.
Весьма срочно,
строго секретно.
Иного дать не можем.
За Гелена — Лорх».

...Через час в дверь дома Солано позвонили.

Гуарази посмотрел на своих людей; те по-кошачьи разбежались к окнам, с которых просматривалась улица; «первый» показал пальцем, что стоит одна машина.

«Второй» отворил дверь.

На пороге стоял молоденький офицер в форме ВВС:

— Сеньоры, я прибыл в ваше распоряжение. Самолет ждет на аэродроме.

Когда они взлетели, летчик, обернувшись, прокричал в маленькую, всего на пять мест кабину:

— Откройте чемодан! Начальник охраны сеньора президента просил передать вам завтрак.

«Первый» хотел было открыть чемодан; Роумэн рявкнул:

— Не трогай!

Гуарази, стремительно взглянув на него, спросил пилота:

— Слушай-ка, браток, а ты можешь сесть вон на то поле?

— Это чудо что за самолет, — ответил пилот. — Он садится где угодно.

— Ну-ка, покажи нам свое искусство, — сказал Гуарази. — Нам еще предстоит садиться на полях, давай-ка потренируемся...

Самолет легко прокатился по траве, Гуарази первым выскочил из люка, отбежал в сторону, лег на землю; рядом с ним бросился Роумэн; пилот, внезапно побледнев, обрушился на землю рядом с самолетом и быстро пополз за большое дерево; «первый» и «второй» лежали рядом с ним.

— Джузеппе, вынь чемодан. Отнеси его за дерево, к ручью, — негромко приказал Гуарази.

Парень, не сказав ни слова, потащил чемодан к ручью, — метров двести от самолета, низина, там взрыв не страшен.

— Открой чемодан! — крикнул Гуарази.

— Передай маме мой поклон, — ответил ему Джузеппе, и став на колени, открыл замки. Он стоял на коленях какое-то время, а потом засмеялся; в знойной тишине его смех был противоестественным, истеричным, подвывающим.

Гуарази поднялся и пошел к нему; в чемодане лежала голова Солано; в резиновом пакетике было письмо; Гуарази вскрыл его: «Предав сеньора президента, он может предать и вас. Я боюсь за вас и молю бога, чтобы вам сопутствовала удача... Ваш искренний друг».

ШТИРЛИЦ, РОУМЭН, МЮЛЛЕР, «ПЕПЕ», 1947

— Что это мне вторую ночь не дают спать ваши чертовы аэропланы? — спросил Штирлиц за завтраком. — Зачем днем и ночью гоняют моторы? Готовитесь к полету на Южный полюс? Тренируете десант в Европу? Намечена неожиданная бомбежка Москвы?

Мюллер погрозил ему пальцем:

— Нехорошо забывать дни национальных праздников, Штирлиц. Завтра день люфтваффе, неужели запамятовали?

— Бедный Геринг, — усмехнулся Штирлиц, — если бы он был рядом...

— Не надо, Штирлиц! Вы прекрасно понимаете, что рядом со мной боров невозможен... Ладно, пейте кофе, я продолжу изучение дела Линдберга... Давайте текст...

«...Тридцать детективов Нью-Джерси посвятили тысячи часов сбору информации к изучению всех подозрительных личностей в округе; была допрошена прислуга Линдбергов: архитекторы, каменщики, плотники и рабочие, участвовавшие в строительстве дома, их родственники, знакомые и друзья.

Один из агентов съездил в Англию, чтобы с помощью Скотленд-Ярда заняться предками прислуги Линдбергов, — верных им Бетти Гоу и Вотели.

И наконец, по прошествии месяцев, полиция выдвинула версию, объяснявшую причину смерти Чарлза-младшего.

Использовав тот же тип дерева и размеры лестницы,

найденной возле дома, была изготовлена новая лестница, абсолютно идентичная той, по которой в дом забрался «Джон». В ходе экспериментов, проведенных под окном детской, лестница сломалась в том же месте, что и оригинал. Сломалась, когда вес агента, в руках которого был сверток, имитирующий ребенка, равнялся восьмидесяти килограммам. Спускающийся по лестнице имитатор «Джона» упал лицом вперед, а сверток, находящийся у него в руках, ударился об стену, причем та часть, которая соответствовала «черепу»», стукнулась о подоконник.

Поскольку ребенок Линдбергов весил пятнадцать, то, следовательно, вес похитителя был шестьдесят пять килограммов. Кроме того, стало ясно, что похититель был ловким человеком, так как ступеньки были прибиты в сорока восьми сантиметрах одна от другой, а в обычных лестницах расстояние между ними всего тридцать три сантиметра.

Были отобраны показания от всех людей, находившихся недалеко от места преступления первого марта или незадолго до этой даты. Выяснилось, что в феврале соседи дважды видели неизвестного неподалеку от дома Линдбергов. Первого марта, до полудня, был замечен зеленый «седан», остановившийся на дороге, что вела к дому; за рулем сидел мужчина, в машине была лестница. В этот же день вечером один из свидетелей видел машину, стоявшую недалеко от дома Линдберга. По его словам, у водителя было продолговатое лицо и угловатый профиль; рядом с ним на переднем сиденье находились две секции лестницы.

Но возникал вопрос: как этот бандит мог знать, что ребенок находится в новом доме вопреки традициям семьи, которая будние дни обычно проводила в доме бабушки Морроу? Откуда бандиты знали, какая из комнат — детская? Как они могли определить время, благоприятное для похищения? Шеф полиции штата Нью-Джерси пришел к выводу: гангстеры получили информацию от кого-то из домашних. Под подозрением оказались два человека: первым был друг Бетти Гоу, молодой норвежец по имени Эндрю Джонсон, который знал расположение комнат, поскольку посещал дом три раза. Однако полиция вскоре убедилась, что Джонсон не имел ничего общего с этим делом, — чистое алиби.

Вторым человеком, попавшим под подозрение, была

двадцативосьмилетняя англичанка Виолета Шарп, — прислуга матери Анны Линдберг. В доме ее все любили, особенно мажордом Септимум Бенкс (люди были уверены, что Бенкс, церемонный и сдержанный, вот-вот сделает ей предложение).

Полицию не удовлетворило объяснение Виолеты о ее похождениях в ночь трагедии. Она сказала, что «один друг» пригласил ее в кино; «я знакома с ним всего два дня». Она «не помнила» его имени и не могла назвать фильм, который они смотрели. В кино с ними была еще одна пара, но Виолета не могла вспомнить и их имен; девушка путалась в показаниях, инспектор Волс уличил ее в многочисленных противоречиях, допрос был приостановлен, поскольку девушка впала в истерику; на следующий день Виолета Шарп приняла яд, — девушка умерла до прибытия врача.

Шеф полиции штата полковник Шварцкопф собрал репортеров:

— Самоубийство Виолеты Шарп подтверждает наши подозрения, что она имела прямое отношение к преступлению.

Однако на следующий день к инспектору Волсу пришел молодой человек, который представился Эрнстом Миллером, и сказал, что это он ходил с Виолетой в кино; кроме этого, он назвал имена той пары, которая провела с ними тот вечер. Он был удивлен, что Виолета не смогла вспомнить его имени.

Заявление Миллера подтвердилось. Совершенно сбитый с толку, Волс заявил журналистам:

— Я не могу понять, почему Виолета Шарп, не имея ничего общего с похищением, предпочла смерть оглашению имени Миллера.

Прессу как в Англии, так и в Соединенных Штатах, не устроило это заявление; журналисты писали иначе: «Полиция Нью-Джерси свела с ума ни в чем не повинную девушку своим преследованием».

...В течение всего лета шеф полиции Нью-Джерси полковник Шварцкопф собирал улики, свидетельства, протоколы допросов; безрезультатно; и вдруг возникла версия Джеймса Финна, лейтенанта нью-йоркской полиции.

Не имея доступа к документам, которыми владел Шварцкопф, лейтенант был вынужден строить беспочвенные версии до тех пор, пока некоторые подробности дела не стали достоянием публики; агенты Нью-Джерси,

возглавляемые Шварцкопфом, кое-что открыли. Тогда Финн начал работать в двух направлениях: с номерами банкнот, переданных старым учителем «Джону», и его рассказом о встречах с бандитом на кладбище.

В июне Финн опубликовал во всех газетах словесный портрет похитителя, составленный на основании рассказа доктора: «Возраст от 30 до 35 лет; рост — 1. 75; атлетическое сложение, говорит со скандинавским или немецким акцентом; весит от 68 до 72 килограммов; светлый цвет кожи; светло-каштановые волосы; миндалевидные, проникновенные глаза; открытый лоб; острый подбородок».

Начиная со дня передачи выкупа «Джону», в магазины, кафе и универмаги стали поступать банкноты, отмеченные казначейством. Деньги пускали в обращение осторожно и умно. Как только лейтенант Финн получал сообщение, он проводил дознание в том месте, где появлялась банкнота, а затем на карте, висевшей в его кабинете, булавкой отмечал это место. Однако результаты были неутешительными.

Красные точки на карте появлялись безнадежно медленно, не давая серьезных результатов. В октябре лейтенант Финн вспомнил, что когда-то слышал о молодом нью-йоркском психиатре Данли Шенфельде, у которого была своя версия по делу Линдберга: в противоположность полиции доктор утверждал, что кража ребенка была совершена одиночкой. Вполне возможно, считал он, что какой-то человек, одержимый манией величия, посчитал великого пилота, идола Америки, своим соперником; именно такой маньяк мог решить, что, выкрав ребенка, он победит Линдберга и докажет этим свое над ним превосходство: «комплекс властвования».

Похититель попросил всего пятьдесят тысяч долларов (это мизер для организованной банды), потому что самым важным для него был сам факт похищения. Впрочем, Шенфельд признавал, что его версия основывается только на газетной информации: «Если бы я мог ознакомиться с перепиской о выкупе!»

Финн обратился в полицию Нью-Джерси, нажал и Линдберг, — просьба была удовлетворена, психиатр получил фотокопии бумаг, которые до этого тщательно скрывались. Через два дня психиатр сообщил Финну, что письма подтвердили его предположения: «Можно составлять план действий».

Врач начал с того, что дал детальное описание личности «Джона». Во-первых, он действительно был немцем — стилистические и орфографические ошибки несомненно доказывали, что это эмигрант, все еще думающий по-немецки. Возможно он жил в Бронксе, поскольку читал газету «Хоум ньюс» и хорошо знал тот район, — об этом можно судить по детальности инструкций, которые он давал старому учителю Кондону.

По словам Шенфельда, в личности «Джона» ярко проступала бессознательность мышления. Из писем следовало, что человек считал себя всемогущим. Стиль писем и бесед с учителем Кондоном отражал болезненную самоуверенность.

...Почти через год после преступления, подхлестнутый поиском нью-йоркского лейтенанта, шеф полиции Нью-Джерси Шварцкопф снова стал думать о лестнице: ее заново изучали, фотографировали в разных ракурсах, ее исследовали плотники и техники Палаты мер и весов Вашингтона, однако и здесь каких-либо положительных результатов не было.

Артур Келлер, начальник лаборатории дерева Соединенных Штатов, видел только образцы дерева, но не изучал всей лестницы. Шварцкопф, узнав о его блестящей репутации, решил попросить помощи специалиста. Келлер разобрал лестницу, пронумеровав каждую из одиннадцати ступеней и все шесть продольных брусов; начал изучать структуру дерева.

Тщательно изучив увеличенные фотографии следов, оставленных фрезой, Келлер смог определить как основные характеристики лесопилки, так и скорость, с которой обрабатывалось дерево.

Он отправил письма владельцам всех лесопилок, находящихся между Нью-Йорком и Алабамой (их было 1598), задавая только один вопрос: имеется у кого-либо из них машина с теми характеристиками, описание которых он прилагал.

Полученные ответы позволили ему сократить поиск до двадцати трех лесопилок. Хозяевам этих предприятий он направил повторные письма с просьбой прислать образцы сосновых досок различных размеров, обработанных на этих машинах. Наконец на одном из образцов, полученных от компании «Дорн», он обнаружил характерные бороздки, идентичные тем, которые были на брусках лестницы. Конечно, образцы не отражали всех дефектов,

но он и не ожидал их найти, так как был уверен, что испорченный зубец уже заточили или сменили.

От лесопилки «Дорна» Келлер получил список всех складов северо-западных штатов, куда за последние двадцать девять месяцев направлялись сосновые доски; всего насчитали сорок шесть вагонов. Келлер понимал, что за это время дерево прошло через столько рук, что практически невозможно было найти его следы; тем не менее он решил попытаться это сделать.

Вместе со следователем Левисом Борманом он побывал в штатах Нью-Джерси, Коннектикут, Нью-Йорк, Массачусетс, разыскивая людей, которые купили части партий, отгруженных «Дорном».

Следуя этому списку, он посетил бесчисленное множество домов и, пользуясь властью Бормана, в каждом подозрительном месте брал ту или иную часть для анализа: щепку от гаража, часть слухового окна, осколок от курятника, часть изгороди, но нигде он не встретил того, что искал; однако круг поисков сужался; 29 ноября 1933 года Келлер и Борман прибыли в один из торговых складов в Бронксе, где и узнали, — ознакомившись с документами компании, — что за три месяца до похищения ребенка Линдберга были получены шестьсот девяносто метров южной сосны, разрезанной на лесопилке «Дорна». Они поинтересовались, осталось ли что-нибудь от этой партии. Старый мастер, немного подумав, отвел их на склад и отрезал кусок доски; Келлер вынес ее на свет и сразу же обнаружил дефекты, оставленные испорченным зубцом: следы были полностью идентичны разыскиваемым; теперь не было сомнений, что дерево, из которого были сделаны продольные брусы лестницы, купили на этом складе в Бронксе.

В августе 1932 года, когда родился второй сын Линдберга (назвали Джоном), летчик сказал репортерам:

— Моя жена и я решили продолжать жить в Нью-Джерси, но мы не хотим, чтобы о нашем втором сыне писала пресса. Это, по нашему мнению, привело к смерти первенца...

Его страхи были обоснованы, потому что после похищения Чарлза-младшего началась эпидемия похищения детей; это становилось одной из величайших угроз для страны, несмотря на Закон Линдберга, вошедший в силу 22 июня 1932 года, по которому такого рода похищение приравнивалось к государственному преступ-

лению. «Нью-Йорк таймс» регулярно, на первых полосах, публиковал перечень о нерасследованных похищениях. Кроме того, именно сейчас Линдберги начали получать письма с угрозами: «И второго сына выкрадем».

— Но при чем здесь я?! — еще более раздраженно спросил Мюллер.

— Читайте, — лениво ответил Штирлиц. — Поймете.

«...Карта, висевшая в кабинете лейтенанта Финна, постоянно видоизменялась. К редким булавкам, которые отмечали первые появления банкнот, переданных бандиту, прибавились новые; Бронкс был тем местом, где жил похититель, — сомнений не оставалось.

... Приток меченых денег возрастал день ото дня. Видимо, успокоенный тем, что сообщения в прессе о поисках похитителя кончились, «Джон» оплачивал даже мелкие, центовые покупки банкнотами в десять, а иногда и в двадцать долларов.

В субботу, пятнадцатого сентября, темно-голубой «додж» подъехал на заправочную станцию на углу 127-й улицы и авеню Лексингтон.

— Двадцать литров, пожалуйста, — попросил водитель.

Хозяин станции Вальтер Лайл обратил внимание на лицо человека: выступающие скулы, чисто выбритое лицо, острый подбородок; заправив «додж», сказал:

— С вас девяносто восемь центов.

Новый клиент протянул десятидолларовую банкноту.

Лайл зашел в контору, выписал квитанцию и вернулся со сдачей; когда автомобиль отъехал, Лайл тем не менее нацарапал на банкноте номер машины штата Нью-Йорк: 49-13-41; около полудня пошел в банк, чтобы положить на свой счет утреннюю выручку...

Через несколько минут лейтенант Финн уже звонил в отдел регистрации автотранспорта Нью-Йорка.

— Хозяина зовут Рихард Хофман, — ответили ему. — 1279, Запад, улица 222, Бронкс.

На рассвете следующего дня лейтенант Финн с отрядом лучших агентов федеральной полиции расположились за деревьями в северо-западной лесистой зоне Бронкса, рассматривая в бинокли маленький скромный двухэтажный домик коричневого цвета.

В девять часов утра какой-то человек вышел из двери; Финн приложил к глазам бинокль. Человек был сред-

него роста, крепкого сложения, у него были очень длинные ноги; внешность совпадала с описанием «Джона», получившего выкуп. Пройдя несколько шагов до гаража, закрытого на висячий замок, человек отпер его; через минуту из гаража выехал темно-голубой «седан-додж».

Агенты и полицейские Финна бросились к своим машинам. Растянувшись на три километра, колонна полиции следовала за «седаном». Когда они подъехали к авеню Тремонт, где было легко затеряться, поливочная машина вынудила «седан» сбавить скорость. Один из полицейских обогнал Хофмана, прижал его к обочине; открыв дверцу голубого «доджа» сержант ворвался на переднее сиденье и, приставив дуло пистолета к боку водителя, приказал:

— Тормоз! Руки вверх!

Во время обыска агент вытащил из заднего левого кармана Хофмана бумажник; там была ассигнация в двадцать долларов; номер сразу же сверили со списком денег, выплаченных в качестве выкупа за сына Линдберга; он там фигурировал.

— Откуда у вас эта банкнота, Хофман? — спросил Финн.

— А у меня таких много, — спокойно ответил тот.

— Где они?

— Дома. В железной коробке, дома.

Однако в коробке нашли только шесть золотых монет по двадцать долларов каждая.

— Речь ведь шла об ассигнациях, — заметил Финн, — а не о монетах.

— Золото есть золото, — ответил Хофман. — Это то, что я называю ассигнацией... Я говорил именно об этом.

...Вообще в квартире нашли мало из того, что хоть отдаленно могло скомпрометировать Хофмана: лишь несколько карт, которые бесплатно раздаются на заправочных станциях, — штат Нью-Джерси, где находился дом Линдбергов, и Массачусетс, — там, по словам «Джона», в прибрежных водах на яхте должен был находиться ребенок.

Обыск дома, продолжавшийся двенадцать часов, в сущности, не дал ничего существенного.

И тогда агенты полиции перешли в гараж.

Через два часа после тщательного осмотра пола, стен и потолка один из агентов приподнял доску стены,

как раз над верстаком; за доской было узкое углубление, в котором лежало несколько пакетов, завернутых в газету; сыщик осторожно достал свертки и начал их разворачивать; в них оказались пачки банкнот из выкупа Линдберга.

Потом обнаружили в жестяном бидоне еще один тайник; там хранились такие же свертки, все номера серий совпадали со списком банкнот, помеченных казначейством.

...Увидев деньги, Хофман не дрогнул:

— Это не мои деньги. Они принадлежат моему другу, Исидору Фишу.

Затем он продолжил свои объяснения под стенограмму: «Фиш был моим компаньоном в бизнесе, связанном с кожей, потом вдруг решил играть на бирже; не повезло. Я дважды давал ему деньги в долг: у Фиша плохое здоровье, и в рождество он уехал в Германию, повидаться с родителями: перед отъездом попросил сохранить до его возвращения кое-какие вещи; откуда я знал, что там?!»

— А где сейчас Фиш?

— Умер, — спокойно ответил Хофман. — В Лейпциге. Шесть месяцев назад».

— Фиш был жив, — заметил Штирлиц, когда Мюллер оторвался от документа. — Вы подписали лжесвидетельство, дав ответ на запрос криминальной полиции.

Мюллер помял лицо жесткими пальцами:

— Располагаете документом?

— Конечно, — ответил Штирлиц.

— Какой мне был смысл давать лжесвидетельство?

— Не знаю, — Штирлиц пожал плечами. — Впрочем, в документах есть место, которое оставляет поле для фантазии...

— То есть? Говорите ясней!

— Фрау Анна Хофман, жена Рихарда, была в рейхе... Она встречалась с чинами полиции... А матери, — до ареста, — Хофман написал, что скоро вернется в Германскую империю по амнистии, — он же член «Стального шлема»...

— Уж не хотите ли вы сказать, что фрау Хофман встречалась и со мною? — спросил Мюллер.

И Штирлиц ответил:

— Хочу.

...В канун рождества 1918 года Бруно Рихард Хофман вернулся с войны.

Не только в его родной деревне Каменз, но и во всей Германии невозможно было найти работу, не хватало продовольствия, будущее сулило мало надежд: «Во всем виноваты левые!» Несмотря на то, что Рихарду к тому времени исполнилось только девятнадцать, он уже два года прослужил пулеметчиком в специальной группе войск, «часть особого назначения».

В марте 1919 года он начал жизнь профессионального бандита. Потом был задержан и приговорен к четырем годам тюремного заключения; в 1923 году выпустили на свободу; в июне снова осудили по обвинению в продаже краденых вещей; через два дня он совершил побег и исчез из Каменза, чтобы появиться в Соединенных Штатах...»

— И последнее, — заключил Штирлиц, — после того, как полиция нашла номера ассигнаций, полученных Хофманом от доктора Кондона, после того, как было доказано, что лестница сделана им, лично, дома, после того, как старый доктор опознал его и был вынесен смертный приговор, Анна Хофман начала кампанию в его защиту, собирая в театрах тысячи немцев; эти люди платили деньги за освобождение соотечественника, — под залог... Пришли золотые монеты и из рейха, группенфюрер... Их передал Анне Хофман человек, которого вы знали... Вы подписывали характеристику на выезд в Штаты полицейского агента Скролдля... Этот документ тоже лежит в сейфе банка — я имею в виду подлинник... Ну а что потом случилось с полковником Линдбергом, вы знаете... Вот этого-то вам американцы никогда, ни за что, ни при каких обстоятельствах и не простят...

(Однако ни Штирлиц, ни Мюллер не знали, что в Лондоне к Линдбергу подошли люди рейхсляйтера Гесса: «Если вы поддержите наше движение, мы гарантируем безопасность вашего младшенького; мы умеем охранять тех, кто к нам добр; в этом безумном мире, полном фанатиков и бандитов, пора навести порядок, мы в силах это сделать, подумайте над нашим предложением, оно исходит от сердца».

И Линдберг не отверг это предложение...)

— Штирлиц, это бред! Понимаете?! — Мюллер сорвался на крик. — Я никогда не покрывал этого самого Хофмана!

— У вас есть право опровергать подлинность документов, группенфюрер, — ответил Штирлиц. — Судить-то вас будут гласно, с экспертизой... Опровергайте, если, конечно, сможете... Вы правильно заметили в начале нашего собеседования: кое-кому в Штатах вы бы сейчас понадобились, — кладезь информации... Но трагедия Линдберга даже этим людям не позволит спасти вас: эмоции порою страшнее самых страшных фактов. Увы, но это так. Нет?

РОУМЕН, ШТИРЛИЦ, «ПЕПЕ», МЮЛЛЕР, АРГЕНТИНА, 1947

— Где же эта чертова вилла Хенераль Бельграно? — пробормотал Роумэн, не отрываясь от карты. — Мы же где-то рядом! Вот укрылись, гады, даже сверху не найдешь...

— Вы верно прокладывали курс? — спросил Гуарази.

— Полагаю, что да, — сказал Роумэн и снова прилип к стеклу кабины: горы и леса, леса и горы, ни дорог, ни домов, ржавые дубравы, зимние проплешины на вершинах, безмолвие...

Пилот снял наушники, протянул Гуарази:

— По-моему, вас вызывают... Говорят похоже, но это не испанский, просят «Пепе».

Гуарази, — не скрывая радости, таким Роумэн видел «Пепе» впервые, — тронул его за плечо:

— Это включились наши! Молодцы! Лаки появляется в самый последний момент. Это его стиль... Как в хорошем кино...

Он присел между пилотом («Меня зовут Хосе, если захотите обратиться ко мне по-дружески, а не как к командиру, я — Хосе») и Роумэном, прижал наушники, прокричал:

— Слушаю! Это я!

— Говорит «Хорхе», — голос был бесстрастный, отчетливо слышимый, говорил на сицилийском диалекте. — Не кричи так громко. Если плохо слышишь, прижми наушники...

И Гуарази сразу же понял: на земле не хотят, чтобы кто-либо слышал то, что ему сейчас скажут.

Он не ошибся; коверкая сицилийский сленг, «Хорхе» пророкотал:

— Я хочу получить только того, за кем вы летите... Одного его... Остальные пусть останутся там... Они нам не нужны, слышишь? Прием!

Гуарази полез за сигаретами, закурил, тяжело затянулся.

— Прием! — голос «Хорхе» был требовательным, раздраженным.

— Да... Слышу, — ответил Гуарази. — Все без исключения?

— До единого. Только ты и тот, за кем едешь... Возвратишься в столицу той страны, что пролетел три часа назад. Понял? Прием!

— Понял.

— У тебя есть соображения? Прием!

— Да.

— Мы их обсудим после того, как ты выполнишь приказ. Прием!

— Я бы хотел связаться с боссом.

— Босса представляю я. Он отправил меня специально, чтобы успеть тебя перехватить. Прием!

— Я хочу переговорить с ним.

— Ты поговоришь. Когда вернешься домой. Он ждет тебя и очень тебя любит, ты же знаешь... Но это приказ, «Пепе». Это приказ. Прием!

Гуарази еще раз тяжело затянулся, потушил окурок о металлический пол и ответил:

— Я понял.

Роумэн, наблюдавший за разговором, спросил:

— Что-то произошло?

— Да, — ответил Гуарази.

— Хорошее?

— Да.

— А что именно?

— Ты же слышал: босс прислал людей, чтобы нас прикрывали...

— Молодец Лаки, — согласился Роумэн. — Хороший стиль.

— Зачем ты произносишь это имя при пилоте? — спросил Гуарази. — Этого нельзя делать. Никогда. Запомни впредь, если хочешь дружить с нами.

— Да, сеньор, — пошутил Роумэн. — Слушаюсь и подчиняюсь... Где же эта чертова проклятая нацистская вилла?!

— Ну, хорошо, положим, я действительно в кольце, — Мюллер кончил кормить рыбок в диковинном, чуть не во всю стену, аквариуме. — Допустим, вы загнали меня в угол... Допустим...

— Это не допуск, группенфюрер. Аксиома. Дважды два — четыре. Гелену, — в свете той кампании, что началась в Штатах, — выгодно схватить вас и отдать американцам: «Мы, борцы против Гитлера, довели до конца свое дело!» Это — первое. Американцам, которые помешались на коммунистической угрозе и готовы на все, чтобы нокаутировать Кремль, выгодно показать европейцам, что борьба против Советов не мешает им быть последовательными охотниками за нацистами. Это второе. Мюллер — это Мюллер. Вы второй после Бормана, группенфюрер...

— Неверно. Я был чиновником, начальником управления. Премьер-министр, то есть канцлер, доктор Геббельс, убил себя. Главный, президент рейха, преемник фюрера, гроссадмирал Дениц сидит в тюрьме. не казнен, получил пятнадцать лет, значит, ему еще осталось тринадцать, думаю, выпустят раньше, лет через пять, тогда ему будет пятьдесят девять, вполне зрелый возраст...

— Группенфюрер, вы говорите так, абы говорить? Вам нужно время, чтобы принять решение? Или вы действительно верите своим словам?

— Опровергните меня. Я научился демократии за эти годы, Штирлиц. Я теперь умею слушать тех, кто говорит неприятное.

— Неужели вы не понимаете, что гестапо — это исчадие ада?

— Гестапо было организацией, отвечавшей за безопасность рейха, Штирлиц. Как Федеральное бюро расследований. Или Ми-16 в Лондоне... Покажите мне хотя бы одну подпись на расстрел, которую я бы оставил на документах... То, что говорили в Нюрнберге, будто я с Кальтенбруннером за обедом решал судьбы людей, — чушь и оговор... Вы же знаете, что практически всех моих клиентов в тюрьмы поставлял Шелленберг... А ведь его не судили в Нюрнберге, Штирлиц... Он живет в Ве-

ликобритании... Мои источники сообщают, что условия, в которых его содержат, вполне пристойны... И я не убежден, будут ли его вообще судить, — скорее всего он выйдет на свободу, когда уляжется пыль...

Штирлиц несколько удивился:

— Значит, вы готовы предстать перед международным трибуналом?

— Сейчас? — заколыхался Мюллер. — Ни в коем случае. Еще рано. А вот когда Гесс станет национальным героем, а гроссадмирал Дениц и фельдмаршал Гудериан будут признаны выдающимися борцами против большевизма, — что ж, я, пожалуй, отдам себя в руки правосудия.

— Группенфюрер, если американцы узнают, что вы покрывали человека, убившего младенца Линдберга, если члены партии узнают, что еще в двадцатых годах вы избивали подвижника идеи, убийцу паршивого еврея Ратенау, ветерана движения фон Саломона, если несчастные немцы узнают, что именно вы руководили операцией по уничтожению всех душевнобольных в стране, а их было около миллиона, если евреи узнают, что Эйхман составлял для вас еженедельные сводки о количестве сожженных соплеменников, если русские опубликуют все материалы, в которых вам сообщалось о расстрелах и повешениях невиновных женщин и детей, оказавшихся в зонах партизанских действий, — вы все равно надеетесь на благополучный исход дела?!

Мюллер вернулся к столу, сел напротив Штирлица и спросил:

— Что вы предлагаете?

— Капитуляцию.

— Будем подписывать в двух экземплярах? — Мюллер грустно вздохнул. — Или ограничимся устной договоренностью?

Задумавшись, Штирлиц попытался понять, что его ждет: если Мюллер согласится подписать даже кусок папифакса, значит, отсюда не выйти, конец; если же он будет предлагать устную договоренность, значит, он дрогнул, любой здравомыслящий человек на его месте дрогнул бы. А ты убежден, что он психически здоров? — спросил себя Штирлиц. Ты же видел, как они здесь гуляют в своих альпийских курточках, галантно раскланиваются друг с другом, вполне милые мужчины и дамы среднего возраста, а ведь это именно они всего

за один год превратили прекрасный Берлин, культурную столицу Европы двадцатых годов, в мертвую зону...

Они по-прежнему полны ненависти к тем, кто разгромил их паршивый рейх и заставил скрываться здесь, за десятки тысяч километров от Германии! Они по-прежнему винят в трагедии немцев всех, но только не себя и себе подобных, а ведь они, именно они привели нацию к катастрофе.

Штирлиц вздохнул:

— Не знаю... Как вам удобнее?

— Мы же с вами профессионалы... Что ж, придется подписывать договор о сотрудничестве.

Штирлиц покачал головой:

— О договоре не может быть речи, группенфюрер. Мы можем подписать акт капитуляции...

— Ах, так...

— Только так... Не сердитесь... У вас нет иного выхода. Пошли погуляем? Там и поговорим о деталях...

— Отчего же не погулять, пошли...

Мюллер поднялся, широко развел руки, повертел головой и спросил:

— Слышите, как трещит в загривке? Страшное отложение солей... Все можно вылечить, даже рак, — я финансирую работу двух центров, занимающихся изучением этой чертовой заразы, ужасно боюсь рака, — а вот отложение солей, казалось бы, какой пустяк, вылечить невозможно... Главная сила здесь, — он похлопал себя по затылку. — А тут операцию не сделаешь: чуть ошибся, резанул на сотую долю миллиметра в сторону, вот и паралитик на всю жизнь... Одно соображение, Штирлиц: как вы уйдете после того, как мы обменяемся ратификационными грамотами?

— А вы меня выведите, — ответил Штирлиц. — Дайте приказ...

— Не-а... Начальник охраны этой колонии откажется подчиниться таким словам, Штирлиц... Он же понимает, что, уйди вы отсюда, — мир узнает об этом оазисе. Значит, семистам ветеранам снова придется бежать?! Искать приюта в других зонах?! Ждать, пока им построят дома? Обвыкать на новых местах? Нет, Штирлиц, в действие вступит закон собственного «я»... С ним шутки плохи...

— Но в рейхе вы же смогли поломать «я»? У вас слово «я» разрешалось одному фюреру, все остальные были

«мы»... Неужели разрешили своим подчиненным забыть здесь эту истину национал-социализма?

— Пока — да. Слишком свежи раны... У вас текст готов?

— В голове.

— Некая форма обязательства сотрудничества с русской секретной службой?

— Так бы я это не называл, группенфюрер... Сначала признание капитуляции... Потом перечисление опорных баз и лиц, их возглавляющих... Затем коды к сейфам в банках... Название тех фирм, которые — опосредованно, — принадлежат вам, то есть НСДАП, ну а уж потом форма связи, методы, гарантии...

Мюллер подошел к сейфу, достал маленький магнитофон, усмехнулся:

— Я ведь тоже не сидел, сложа руки, дорогой Штирлиц... Хотите послушать монтаж, который мне сделали из наших с вами трехдневных бесед?

— Любопытно... А смысл? Какой смысл? Чего вы хотите им добиться?

— Сначала послушаем, ладно? А потом я вам задам этот же вопрос. А вы мне ответите на него: понять логику противника — значит победить.

Мюллер нажал кнопку воспроизведения записи; голос Штирлица был задумчив, говорил медленно, взвешивая каждое слово:

— Вы говорите о том, что нашу идеологию и ваше движение связывает общее слово «социализм»... Что ж, давайте разбирать эту позицию... Вы еще запамятовали добавить, что Бенито Муссолини начал свою политическую карьеру как трибун итальянской социалистической партии, выступавшей против финансовой олигархии, в защиту интересов рабочих и беднейших крестьян... Он тоже оперировал понятием «социализм»... Вы говорите, что убийство Эрнста Рема произошло за шесть месяцев до убийства Кирова... И в этом вы правы... Есть ли у меня претензии к России? Конечно... И немало.

Мюллер выключил магнитофон и мелко засмеялся:

— Думаете, вас не расстреляют в тот самый миг, когда эта пленка окажется в Москве? Даже если вы привезете капитуляцию, подписанную гестапо-Мюллером? Вас расстреляют, бедный Штирлиц! А это обидно, когда расстреливают свои, ощущение полнейшей безнадежности...

— В пленке есть рывки... Это монтаж, группенфюрер... Специалисты поймут, что это такое...

— Не обманывайте себя. Не надо. Я ведь дал послушать незначительную часть ваших рассуждений вслух... Я не зря прогуливал вас по пустому полю аэродрома! Я работал, Штирлиц! Зная вас, я был обязан работать впрок... А теперь слушайте меня...

— Готов, группенфюрер, — устало, как-то безразлично ответил Штирлиц. — Только, ради бога, пошли побродим... У меня от этого, — он кивнул на магнитофон, — свело в висках...

— Бедненький, — вздохнул Мюллер. — Могу вас понять... Что ж, пошли...

Мюллер поднялся, пропустил Штирлица перед собою, и, когда они вышли из особняка, взял его под руку:

— Хотите посмотреть авиационный праздник?

— Можно, — согласился Штирлиц с видимым безразличием; грустно пошутил: — Готовите кадры для нового «люфтваффе»?

— Этим занимается полковник Рудель. Я ничего не готовлю. Я даю оценку подготовке, Штирлиц... Так вот к чему сводится мое предложение. Вы остаетесь здесь. У меня. Причем я не прошу вас капитулировать. Наоборот. Я предлагаю вам дружную совместную работу. Знаете, ведь порой старый враг оказывается самым надежным другом. Да, да, первые месяцы я здесь читал древних греков и римлян...

— Что я буду у вас делать?

— Думать, — ответил Мюллер. — Просто думать. И беседовать со мною о том, что происходит в мире. Я не потребую от вас никакой информации о ваших людях, о ваших руководителях, я не посмею унижать вас, словно какого-то агента... Нет, я приглашаю вас в компаньоны. А? На вас интересно оттачивать мысль. Мне сейчас приходится много думать, Штирлиц...

Они поднялись на поле аэродрома; пять самолетов местного клуба готовились к выполнению фигур высшего пилотажа; стыло ревели моторы; механики в аккуратных костюмчиках с эмблемами «Аэро-Бель» сновали по полю с толстыми портфелями свиной кожи, — точно такие же были у авиаторов берлинского Темпельхофа; гляди ж ты, даже портфели смогли вывезти, — где бы ни жить, но жить так, как раньше.

— Вон это поле, — сказал Роумэн пилоту. — Видишь, стоят самолеты? У них сейчас начнется праздник, свяжись с радиоцентром аэроклуба, я буду говорить с ними по-немецки.

— О чем? — спросил Гуарази.

— Скажу, что мы летим приветствовать их... Из Парагвая.

— А они спросят, откуда ты узнал об их празднике?

— Объявления были напечатаны в Санта Фе, Кордове и Барилоче, Дик.

— Пусть с ними говорит пилот... По-испански, — сказал Гуарази. — Я не хочу, чтобы ты говорил на незнакомом нам языке.

— Ты не веришь мне? — Роумэн резко обернулся, зацепившись рукой за парабеллум пилота, показушно висевший на ремне крокодиловой кожи.

— Если бы я тебе не верил, то вряд ли пошел на это дело, Макс.

— Все же откуда тебе известно, что того человека, которого мы увезем отсюда, зовут Макс?

Гуарази улыбнулся:

— Не комментируется... Ты их не видишь на поле?

— Еще слишком далеко.

— А если они не придут?

— Расстреляешь меня, и все тут, — ответил Роумэн.

— Ты мне нравишься, Макс. Я не хочу тебя убивать. Я ценю смелых людей. Не считай нас зверьми. Не надо. Это все пропаганда...

— Куда подгонять самолет? — спросил пилот.

— К трибуне, — ответил Роумэн. — И связывайся с радиоцентром, приветствуй их, кричи от радости...

— Я не знаю, как это делать, — ответил пилот.

Роумэн снова обернулся к Гуарази, чертыхнувшись оттого, что снова зацепился за парабеллум пилота; все молодые военные обожают оружие; век бы его не видеть.

— «Пепе», мы можем все испортить, если я не обращусь к здешним радистам... Они могут ретранслировать меня, Макс поймет, что это я, ему будет легче, знаешь, как это здорово, когда слышишь голос друга?!

— Хорошо, — сказал Гуарази. — Но если ты сделаешь что-нибудь не так, я не позавидую твоей любимой. И детям Спарка.

Роумэн как-то сник, посмотрел на Гуарази с горечью:

— Почему-то мне казалось, что ты более никогда не

сможешь произнести такие слова... Очень обидно, «Пепе», что ты их произнес...

Он взял микрофон и приник к приемнику, настраиваясь на волну радиоклуба:

— Алло, алло, дорогие друзья! Вас сердечно приветствует экипаж Вернера фон Крузе, Парагвай! Мы везем вам кубок, который будет вручен победителю! Как слышите? Прием!

— Слышим прекрасно. Кто говорит?

— Говорит Вернер фон Крузе, второй пилот «Пепе» Леварсиа, разрешите посадку?

И, вырубив радио, Роумэн, прилепившись к стеклу кабины, закричал:

— Вот они! В первом ряду! Гони самолет туда!

Штирлиц дождался, когда незнакомый самолет, в кабине которого сидел Роумэн, подпрыгнув пару раз, взял направление к трибуне, опустил руку в карман, почувствовал тепло Клаудии, улыбнулся ей, расцарапал подклад-

ку, достал двумя пальцами (ледяные, как бы не выронить) бритву, вытащил ее («Что, зелененькая ящерка, пора?»), обнял Мюллера за шею и шепнул:

— Чувствуешь бритву? Перережу артерию, если не посадишь меня в этот самолет... Скажи тому, кто стоит рядом, чтобы не стреляли.

— Вы сошли с ума, Штирлиц! Меня не послушают! Я же объяснял!

— Послушают.

Ощущая, как острие бритвы царапает шею, упираясь в ровно пульсирующую сонную артерию, Мюллер крикнул:

— Не стрелять!

Рев мотора того самолета, что направлялся к ним, был оглушающим; Штирлиц попросил, склонившись к уху Мюллера:

— Громче!

— Не стрелять! — срываясь на визг, заорал Мюллер. — Не стрелять!

— Идем, — сказал Штирлиц.

И они двинулись к самолету, — как-то странно, по-крабьи, впереди Штирлиц, а за ним в обнимку Мюллер; «первый» открыл дверь и выбросил коротенькую лестницу: Гуарази обернулся ко «второму»:

— Только не зацепи лысого!

Роумэн, услыхав эти слова, сказанные негромко, но отчего-то явственно до него долетевшие, все понял; выхватив парабеллум из кобуры пилота, он навскидку ж а х н у л «первого» и «второго»; перевел парабеллум на Гуарази:

— Двинешься — прибью!

— Двинусь, — ответил тот, опуская руку в карман. — Я не могу иначе, Пол.

Роумэн выстрелил в него два раза подряд, стремительно перевалился через сиденье, встал у двери; Мюллер и Штирлиц были в двух шагах от люка; лица бледные, ни кровинки, — бритва на шее группенфюрера, мокрый Штирлиц крутит его вокруг себя, паника на трибунах, по полю разбегаются молоденькие парни, стриженные под высокий бокс, со снайперскими винтовками, шлепаясь в пыль; Штирлиц остановился спиной к лестнице, загораживаясь Мюллером от возможных выстрелов.

— Все, — прокричал тот. — Я дам приказ, чтобы вам дали улететь! Пустите, Штирлиц! Иначе погибнем оба!

Штирлиц бросил бритву, схватил Мюллера за шею и втащил в кабину, заорав пилоту:

— Разгоняйтесь на трибуны! Можно взлетать! Скорей. Пол! Скорей!

Мюллер закричал:

— Они же начнут стрельбу, Штирлиц! Что вы делаете?!

Пилот развернул машину на трибуны и дал полный газ; самолет затрясло, гости попадали на землю, закрывая голову руками, выбило стекло в кабине пилота, — это начали пальбу охранники СС; самолет наконец оторвался от земли; пилот что есть силы тянул на себя рычаг высоты; Пол ткнулся лицом в плечо Штирлица, — на ноге расползалось огромное кровавое пятно: «Ничего, кость цела, давай, пилот, давай, жми! Мы должны уйти!»

Самолет набирал высоту; пули дырявили крылья; пилот смеялся: «Мы ушли!»; потом вдруг начал обваливаться на щиток.

Роумэн перевалился на сиденье второго пилота, кровь хлестала из ноги, в голове шумело, казалось, виски вот-вот разорвет от нестерпимой боли, взял на себя руль, толкнул плечом пилота, тот медленно обвалился на него: из груди, разорванной несколькими пулями, фантанировала кровь; приборы на доске не работали, разбиты, но самолет все же продолжал набирать высоту, хотя мотор выл надрывно, стонуще, — вот-вот взорвется от перегрузки...

— Эй, Макс, — крикнул Роумэн, — я, пожалуй, продержусь полчаса... Потом мне хана... Или давай перетяни жгутом ногу, пока не вышла вся кровь.

— Сейчас, старый, — ответил Штирлиц. — Сейчас... Дай мне только захомутать группенфюрера, и я перетяну тебе ногу жгутом... Потерпи минутку, браток... Только одну минутку и сделай так, чтобы мотор не взорвался, что-то он слишком ревет, нет?

●

Игорь ТЮЛЕНЕВ

Я ПОМНЮ ОТЧИЕ ПРЕДЕЛЫ

КОСТЕР

Ударит гром,
За громом дробь копыт
Запляшет по раскатистому лугу.
Огонь от злости и воды шипит
И мечется по замкнутому кругу.
В такое время
Пращур мой не спал,
Он думал:
— Что там, впереди, обрящем? —
И мысли на бересте излагал,
С веками говоря о настоящем.

* * *

На рубежах отеческой земли,
Где только ветер, снег или туманы,
Тянь-Шаньских гор овальные углы
Означат сопредельные нам страны.
Где гриф проносит над заставой
тень,
Брезентовыми хлопая крылами,

Медовый говор русских деревень
В казарме поселяется ночами.
И там, где барс рычит в густую тьму,
Как князь ущелий в золотой рубашке,
Находят незаметную тропу
Родимые зеленые фуражки.
И запросто по облакам идут,
Ломая даль плечами молодыми,
Как будто небо Родины несут.
Хотели видеть нас отцы такими!

ПОГРАНИЧНЫЙ НАРЯД

Сырая мгла
Уходит на восток.
Под сапогами камни да песок,
Крыло вороны и перо орлана...
Там, где тропа свернет наискосок,
Чужие взгляды чувствует висок,
Так соль живую ощущает рана.
Но, стиснув зубы, мальчики стоят,
И честь Отчизны высоко хранят,
И серп и молот освещают горы —
И нет прочнее на земле опоры.

* * *

До слез,
До боли в сердце и во лбу
Судьба взыскующего истину
Знакома:
Я, как и вы,
Искал свою тропу,
На тридцать лет отброшенный от дома.
И не по чьей-то воле,
По своей
Да по советам сверстников и книжек:
Взял с полки хлеб,
Слова из словарей,
А удаль с безрассудством у мальчишек.
Чужая лошадь понесла меня
Сквозь поле ржи
К порубанной дружине.

Хан половецкий отблеском огня
Метался, словно в клетке зверь —
В былине.
И ржавый меч рассек мою ладонь,
И лезвием нарушил контур линий,
Я руку сунул в бешеный огонь
И кровь прижег,
И даль назвал — долиной.
И что незримо —
Сердцем вижу въявь,
И что незнамо —
Постигаю духом,
Связав, соединив, судьбой спаяв,
Огромный мир
От пращуров до внуков.

* * *

Твое дитя
Тебя мудрей.
Что твои опыты и годы?
Лишь брызнет свет из-под бровей,
И тут же меркнут неба своды.
Загадку детского лица
Вдруг разгадаешь —
Жизнь нетленна,
Почувствуешь в себе творца
И человека, и вселенной.
И гул машины боевой
Застрянет в облаках окрестных,
Пока на древней мостовой
Малышка кормит птиц небесных.

ДОРОГА

По гужевой,
От шляха в стороне,
Иду один, Отчизну узнавая.
Вот Святогор проехал на коне,
А вот мелькнула мама молодая.
Летели с колеи
Не только соль
И хлеб ржаной,

И смертное железо,
И слезы,
И проклятия,
И боль,
Взбухала хлябь,
Как рана от пореза.
Не обходили беды стороной,
Ни даты страшные,
Ни горестные вести.
По ней гуляли с песнями
Невесты,
А возвращались
Вдовами домой.
О, всеблагая родина моя!
Тебя постичь
От края и до края
Отважится дороженька одна
Обычная,
Как буква прописная!

* * *

Мой древний край,
Мой голубой простор,
Холмы и волны,
Море и пшеница,
Где небо есть уж потому,
Что птица
Способна подниматься выше гор.
Плывут по небу спутники весны
Из-за семи морей в лучах отваги,
Пусть птахи сирые,
Но родине верны,
Их крылья, словно боевые стяги.
Я вас люблю, Отечества сыны,
Иваны —
Помнящие отчие пределы.
В годины горькой участи страны
Шеренги ваши
Первыми редели.
Я вам по-русски
В пояс поклонюсь,
Вся наша сила —
В подвигах минувших.

Каких орлов с копья вскормила
Русь,
Чтоб в землях отчих
Разместить их души!

* * *

Холодный свет касается лица,
Стою и прозреваю от печали.
Мне поле — мать,
А небо за отца,
Как хорошо втроем мы помолчали
Пора идти.
Увидимся ль? Как знать...
Неистребима воля в человеке.
А за спиной останутся стоять
Отец и Мать —
И присно и вовеки.

* * *

И видел я смущение земли,
На ней легли каньоны и овраги,
И горный кряж
Как столп восстал вдали,
Рельефнее, чем контур на бумаге.
На крутизне пасутся як и конь,
Угрюмый гриф планирует с вершины,
Куда ни глянь, к тебе со всех сторон
Идут сказанья и бредут былины.
В когтях орла, над ревом Ат-Баши
Блестит форель сырым обломком рельса.
Есть у горы наличие души,
Иначе б не горели эдельвейсы.
Иначе б не тянуло из долин
Не только дым,
Не только нас с тобою...
Здесь человек не просто исполин —
Он равен духом с гордою Горою.

ИСКУССТВО

НА ФРОНТАХ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Ан. ДОРОНИН

О РОКЕ — БЕЗ ПРИКРАС

ОТ РЕДАКЦИИ.

Больше года прошло с тех пор, как на страницах журнала появилась статья «Что проку от рока». Но письма по-прежнему продолжают поступать в редакцию. Письма разные. Одни благодарят авторов, другие, а их тоже немало, выражают явное недовольство критикой рока. «Я в корне не могу согласиться с этой статьей, потому как считаю рок для современного человека не только психологической и идеологической борьбой, но и самой жизнью...» — Олег Бородаев, Подмосковье.

«Если до сих пор не ослабевает интерес к рок-группам и рок-музыке конца 60-х — начала 70-х годов, значит, это что-то более серьезное, чем просто мода...» — А. Балков, Амурская область.

«По-моему, ваш поезд ушел, дорогие авторы, а вы остались на перроне...» — Александр Мазолевский, Калининградская область.

Основная мысль авторов подобных писем — не трогайте рока, это музыка современной молодежи. У каждого поколения была своя музыка. Когда-то критиковали вальс, потом джаз, а теперь вот настала очередь рока...

«Здравствуй, «Молодая гвардия», — пишет читатель Б. Владимиров из Пермской области. — Прочитал в вашем журнале статью Ю. Писарева «Нужна ли нам роковая музыка?». Она меня здорово рас-

сердила. До каких же пор в нашей печати будут публиковаться такие «консервативные» статьи? Получается, что всякий ретроград спокойно может хаять рок-музыку, поливать грязью и поносить все, что ему не нравится. Его яростное желание остановить развитие рока в нашей стране, похоже, приводит в восторг кое-кого из ваших редакторов. Так их, этих рокеров, поддай им жару, чтобы немного приутихли, а то слишком много шума... Мало того, что у рок-музыки нет своего официального издания (зато есть такие замечательные журналы, как «Водоснабжение и канализация», «Измерительная техника», «Служба быта» и т. д.), но до сих пор на страницах различных газет и журналов ее всячески шельмуют и ругают. Однако подавляющее большинство граждан нашей страны с удовольствием слушают и смотрят по ТВ А. Пугачеву, и практически все игнорируют телеконкурс «Радуга».

Рок-музыка не «образец для всех времен и народов», а выражение чувств и настроений нашего молодого поколения. Неужели автор думает, что 30, 50, 100 лет назад все слушали только классику и пели «Дубинушку». И в 20-е годы молодой рабочий вряд ли отличался высоким художественным вкусом и часами слушал Чайковского или Мусоргского. В его время так же были популярные песни, которые он слушал и пел, не особенно обращая внимания на то, народная это музыка или популярная. Ведь «Марсельезу» и «Интернационал» также нельзя назвать народными песнями, по-моему, это популярные песни *своего* времени, *своей* эпохи (?!). Так что противопоставлять фольклор рок-музыке ни в коем случае нельзя».

Автор высказывает свое представление о рок-музыке, доказывая ее необходимость в нашем обществе. «Почему обязательно нужно подчеркивать именно отрицательные проявления популярной музыки. Еще раз повторяю, что рок-музыка есть отражение жизни общества со всеми его плюсами и минусами. Разве в нашем обществе нет злых и нечестных людей, разве нет проституции и наркомании, разве нет бродяжничества и алкоголизма? Все есть. Так почему же об этом нельзя сказать открыто и прямо? Вот где главный вопрос. И молодежь ищет ответ на него. И находит его в роке».

Значение рока повышается еще больше. Автор видит в нем чуть ли не важнейшее проявление человеческой жизни. «И никакой организации, — продолжает он, — невозможно контролировать рок, так как это еще одно проявление человеческого бытия, отражение жизни. Я помню, с каким восторгом мы слушали песни «Машины времени», «Альфы», а потом и «Примуса» с его «Девочка сегодня в баре». Эта песня, да и вся пластинка, если эти записи можно назвать пластинкой, была отражением той жизни, в которой жили мы — молодежь (в баре! — Ред.). Зато как ее поносили все официальные издания! Неужели «глянцевая» жизнь в музыке нужнее, чем действительность, отраженная в песнях?»

Наверное, автору этого письма, не оставившему адреса для ответа, не стоит напоминать, что жизнь протекает не только «в баре», и что для этой жизни существуют совсем другие песни.

В статье А. Доронина «О роке — без прикрас» редакция продолжает разговор о массовой молодежной культуре, пришедшей к нам с задворок современной буржуазной действительности. Как бы отвечая автору, пишет он и о мнимой «новизне» любителей рок-музыки, отмечая шаткость их позиций.

Отчего во всякий новый период музыкальной жизни появляются «ретрограды», пытающиеся остановить прогресс? Позиция части молодежи, отраженная в вышеприведенных письмах, на первый взгляд представляется убедительной. С их логикой мы могли бы согласиться и поставили бы рок в один ряд с другими музыкальными жанрами, но, естественно, на более высокую ступень развития, как того требует диалектика, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что рок — это отнюдь не только музыка. Это — движение.

Рок — понятие собирательное. У него есть свой звуковой, точнее, ритмический рисунок. Но рисунок этот намечает лишь контуры тех ощущений, которые выносит человек от общения с рок-исполнителями. Существует ведь такое утверждение: рок-ансамбли нельзя только слушать, их нужно видеть. И действительно, человеческая память с трудом сохраняет импульсивный, рваный ритм такого сочинения. Зато весь сопутствующий антураж, включая внешний вид исполнителей, манеру держаться, их поведение на сцене и многое другое, с легкостью перенимается и становится эталоном для подражания, формирует социальный облик молодежи. Другое дело, каков этот облик...

Поклонники этого направления в своих письмах говорят даже, что рок — есть образ мыслей, которые они принимают без остатка, и сетуют, будто «мысли» эти в нашей стране «зажимают» — не дают развернуться рок-музыке в полную силу. И это несмотря на то, что до последнего времени некоторые молодежные периодические издания были переполнены информацией о новомодных ансамблях, что телевидение часто обрушивало на головы людей ритмические удары западной и советской рок-музыки, а с июля месяца — как поторопилась объявить газета «Московский комсомолец» — молодежные музыкальные программы должны были передаваться по телевидению с полуночи и до шести часов утра, то есть круглосуточно! Создается впечатление, будто у людей вообще нет других забот, как только прыгать и веселиться.

И если год назад мы взяли на себя определенную смелость, сказав, что рок-движение полностью захватило часть нашей молодежи, то примеры дней сегодняшних как нельзя нагляднее подтверждают эти опасения.

В первом номере журнала «Молодежная эстрада» за этот год музыковед Д. Ухов предложил читателям дискуссию о проблемах современной молодежной музыки. Главный итог всей этой беседы подвел композитор А. Журбин такими словами: «В многообразном мире современной музыки рок-музыка — это не только развлечение, не только культурный досуг, но и важная часть духовной, интеллектуальной жизни, а порой и, к большому сожалению, почти единственная форма духовной жизни».

Невольно возникает вопрос — неужели это все, что досталось нашим детям в наследство от отечественной культуры?

Но давайте посмотрим, какие первые плоды уже принесла нам рок-культура с ее «духовностью».

Газете «Московский комсомолец» — одному из пропагандистов рок-музыки, пришлось поместить необычный для нее материал: репортаж корреспондентов К. Ломакина и Е. Збруева (22 фев-

раля 1987 г.) о фестивале так называемой «рок-лаборатории», проходившем во Дворце культуры имени С. И. Горбунова. Корреспондентов ждало горькое разочарование: они увидели, по их собственным словам, «чистейший плагиат» — жалкое подражание западным рок-группам, «плагиат во всем — в агрессивной манере поведения на сцене, в размахиваниях микрофоном, в размалеванных гуашью физиономиях с черными крестами и обилии натуральных металлических побрякушек на кожаных куртках».

Почти каждое выступление, продолжают авторы статьи, сопровождалось массовым экстазом с раздиранием элементов верхней одежды (как рассказывают очевидцы — зрелище было еще более непристойное: на самых бесноватых из молодых «исполнителей» не осталось и «элементов нижней одежды»). Неизменно появлялся также знак «козы». Авторы статьи выражают уверенность, что никто из подростков даже близко не представляет себе сущность этого знака. Но если авторы сами знают, то почему не объяснили, почему не повели серьезный разговор о сатанинской сущности рок-музыки?

Когда один из музыкантов на сцене разломал стул, это еще не было «апогеем» рок-экстаза — им стало выступление рок-группы «Чудо-юдо». «Зрители... — цитирую газету, — увидели истеричный и хулиганский панегирик извращенному мироощущению и бессмысленной скабрезности. Участники группы убеждены в глубокомысленности надувания презервативов и открытой матерщины на сцене».

Они-то убеждены, а убеждены ли организаторы этого шабаша, названного не как-нибудь, а «фестивалем надежд» (чьих и на что)? Подобный фестиваль вскоре после этого был проведен и во Дворце культуры «Меридиан», где милиции пришлось выводить из зала двух молодчиков, поспешивших обнажиться еще до начала рок-представления.

Газета «Московский комсомолец» в раздражении писала о том, что подобные выходки — это непонятные отклонения от нормы. Нет, друзья — почитатели рока, все это естественные плоды взятой напрокат «культуры». На самом Западе люди уже поняли социальную опасность рока и пытаются как-то бороться с ним, во всяком случае, открыто говорят об этой проблеме:

«Ученики хаоса и беспорядка не могли бы найти более совершенный двигатель для передачи и вдалбливания своих идей и философии в молодое поколение различных стран мира. Так, в двух странах, где рок-н-ролл наиболее популярен, — США и Англии — не только наблюдается наибольший уровень упадка среди молодежи, но так же и наиболее быстрый рост преступлений, совершенных молодежью различного рода актов насилия, убийств, самоубийств» (Фрэнк Гордон. Большой бит).

«Многие думали, что это еще одна мода, которая скоро пройдет, как это было с чарльстоном, буги-вуги, твистом. Но социально-культурный феномен рок-н-ролла обрушил на мир целую волну грязи, шлаков, крови и человеческих жертв. Тридцать лет спустя рок-музыка превратилась в наиболее мощную революцию тел, душ и сердец, которая когда-либо исходила из недр ада.

...Последовательный разрыв связей с семьей, национальностью и культурной этикой приводит к тому, что молодежь теряет чувство своей принадлежности к той или иной группе, той или иной стране, но чувствует себя «гражданами мира» (космо-

политами) без закона и веры, без каких-либо обязанностей по отношению к обществу» (Жан-Поль Режимбаль. Рок-н-ролл. Насилие над сознанием подсознательными сообщениями).

Здесь пришлось ссылаться на западные источники. Но что делать, если к этой проблеме у нас еще не подходят с должной серьезностью. При Союзе композиторов РСФСР и СССР есть, правда, рок-лаборатория. Однако там воспринимают рок как явление социалистической культуры; исходят из принципа: раз новое — значит, прогрессивное.

Новаторство отнюдь не всегда совпадает с прогрессом. Многих молодых музыкантов сбивают с толку новаторством как жупелом, говоря, что если они не оригинальны, не новы — значит, они находятся в плену консервативных традиций. Но поскольку новаторство неравнозначно прогрессу, распространение подобных взглядов означает глубокое заблуждение, если не обман.

Здесь уместно было бы напомнить слова председателя ВЦСПС С. А. Шалаева из его доклада на недавнем съезде профсоюзов: «В последнее время трудящиеся со все большей тревогой обращают внимание на то, что в некоторых культучреждениях отечественный фольклор, советскую песню и музыку потеснили на задний план полутемные дискотеки, истеричные ансамбли».

Но вернемся к письмам. Рядовой Валерий Ковбасюк, проходивший службу в Читинской области, в своем выдержанном в крайне агрессивных тонах послании требует: «Если вам не нравится наша музыка, не слушайте, но не навязывайте нам своих вкусов! Давайте оценивать музыку не из «квасного патриотизма», а с истинно гражданских позиций!»

А вот товарищ Л. Лавринович доверительно сообщает, что самый лучший рок — западный, и ратует за то, чтобы «принимать рок весь, без остатка, не утаивать никаких сведений о нем».

Ну что ж, если молодежь хочет слышать «все о роке», требует оценивать его с «истинно гражданских позиций», давайте и поговорим об этом явлении откровенно и принципиально, без утайки, без прикрас.

В 1951 году молодой американский певец Ричард Литтл начал по-своему интерпретировать негритянские блюзы, внося изменения в бит-ритмы. Именно бит характерен для рок-музыки; он представляет собой непрерывное повторение регулярных пульсаций в сочетании с укороченными ритмами, которые обычно воспроизводятся ударником и басовой гитарой. Особенность этой музыки такова, что она может возбуждающе действовать на психофизиологию молодежи в период ее полового созревания и доводить до экстаза. (Это показали исследования западных ученых, в частности Боба Ларсена из Кливленда.)

Первая музыкальная тема Билла Хея «Рок вокруг часов» обошла земной шар в 1954 году. И сразу же после этого начался «бунт против пуританской морали», поднятый Элвисом Пресли, который решительно отбросил религиозные и социальные табу своей среды. Певец находил удовольствие в возбуждении молодежи песнями и, главным образом, непристойными жестами, сопровождавшими его выступление.

Знает ли современная молодежь, что сам термин «рок-н-ролл», взятый для выделения нового музыкального ритма, заимствован из жаргона американских гетто и обозначает «сексуальные движения»? Название это впервые появилось в 1934 году на пластин-

ке негритянской певицы Басуэлл с записью блюзов, где, в частности, был и такой — «Моя крошка баюкает и качает меня» (май бейби рок-анд-ролл ми).

Высеченная Пресли искра зажгла пламя молодежного бунта: преобразовывались привычки, изменялась одежда, возникла мода на длинные волосы, сместились представления о мужском и женском облике. Певец стал символом оппозиции всякой власти. С 1956 по 1960 годы десятки тысяч молодых девушек и юношей наводняли стадионы, где должен был появиться Элвис: там происходили возмущения, неистовства, массовая истерия, сексуальные эксцессы — все те неподдающиеся контролю движения толпы, перед которыми власть бессильна.

Знамя сексуальной революции, поднятое Пресли, подхватили десятки других расторопных рук.

Рок-н-ролл не стоит на месте, он эволюционизирует уже три десятилетия, отыскивая новые изощренные формы влияния на человеческие души. Усилиями небезызвестных «Битлзов», «Роллинг Стоунз» и других групп на рок-сцене возникает «эсид-рок» («кислотный рок» — производная от понятия «диэтиламид лизергиновой кислоты» — ЛСД), включавший в свой репертуар весь арсенал наркотиков, что позволило еще в большей степени завладеть сознанием молодежи.

«Битлзы» приняли эстафету у Боба Дилана, участвовавшего на стыке 60-х годов в движении протеста, исполнявшего песни протеста, а позднее возглавившего рок-движение.

Рок (термин этот возник в 1965 году) — это уже не тот прежний рок-н-ролл, который мог быть порой коммерческим и комфортным. Нет! Рок — это синоним социальной активности, непременно протест.

Против чего же был направлен этот протест? Против... традиционной культуры. Являясь авангардной частью контр-культуры, рок-движение строго соблюдало ее завет — наступать на все прежние духовные ценности по трем главным направлениям.

В области морали провозглашалась свобода секса, свобода похоти. В искусстве — свобода от всяких художественных норм и правил, полный произвол творца, диктуемый состоянием его эмоций и инстинктов. В сфере социальных отношений — свобода наркотиков.

Духовные вожди новой эстетики формировались в Англии под влиянием бит-поэзии, лидером которой был некто Ален Гинзберг. Почвой, питавшей эту поэзию, стал слой деклассированных элементов, то есть познание мира шло через «дно». Почерпнутые там впечатления ложились затем в поэзию, ставшую философской основой «новой эстетики». В соответствии с ее воззрениями жизнь — театр, в котором человек играет какую-то отведенную ему случаем роль.

Молодежь, исповедовавшая эту эстетику, пожелала не только сбросить все узы и запреты мира взрослых, но и совсем отказаться от этого мира: «Мир плох! Но он плох потому, что мы его таким воспринимаем. Нужно изменить свое собственное сознание, и мир радикально изменится. Лучшее средство для этого — наркотики».

Лидеров бит-поэзии поддержали представители поп-искусства Америки и, прежде других — творец неонатурализма Эдди Орхл. Как известно, поп-арт, эта завершающая часть всего за-

падного псевдоавангарда, по существу, стремится создать мифологию технократической цивилизации, одухотворить бездушный мир вещей. Провозвестники этого направления строят, например, пирамиды из консервных и пивных банок, провозглашают, что газета — это новая форма поэмы и тому подобное. Словом, утверждают свои ценности, которые должны якобы отражать особый уровень сознания в урбанизированном обществе.

И вот под знаком этого так называемого протеста, а фактически наступления на традиционную культуру в Англии зарождается бит-движение, питаемое теми идеями, что разрабатывали идеологи поп-арта вкупе с бит-поэтами. В своих общих художественных воззрениях деятели новой массовой культуры исходили из того, что жизнь — это поток свободных ассоциаций и ощущений, не имеющих ни конца, ни начала, ни логического развития, ни какой-то цели, короче — поток сознания. И поэтому смысл новой «художественности» состоит в свободной игре эмоций: получение любого удовольствия, любого качества, любой ценой.

Постепенно символы контр-культуры начали оформляться в стереотипы и выходить наружу: в манере держаться, в гриме, цвете одежды и волос, ну и, конечно, — в музыке. «Биг-бит» — так называлось вначале музыкальное направление, вобравшее в себя все накопления рок-н-ролла и переросшее затем в рок-движение.

В числе первых бит-групп появились «Битлзы». Своим названием они подчеркивали и утверждали триединую сущность тогдашнего рока. Во-первых, принадлежность к бит-поэзии, бит-философии, во-вторых — к бит-поколению (существует даже термин «Beat Generation» — разбитое поколение), и, наконец, в-третьих, — принадлежность к жесткой моторной ритмике, к биту.

(У нас почему-то бытует ошибочное мнение, будто слово «beatles» переводится на русский язык как «жучки», хотя последнее имеет в английском иное написание — beetles.)

Ритмические пульсации бита, взятые за основу всеми рок-группами, обретают со временем еще более жесткие, агрессивные формы. Бит проходит свои этапы — от мягкого рока до жесткого и тяжелого. Нарастают громкость, неистовость ударов, усовершенствуется ритм. Преследуется цель — погрузить аудиторию в океан бешеных звуков. Жесткий рок не слушают, в него действительно погружаются в соответствии с ритуалом секса, совращений и бунта.

Жесткие роковые биты воспринимаются уже не только слухом, и даже не столько слухом, как всей вегетативной системой человека, особенно органами дыхания, кровообращения и сердцем. Проводившиеся медицинские исследования показали, что эта музыка может вызывать поразительные физические эффекты: изменение пульса и дыхания, повышенную секрецию эндокринных желез, и в частности щитовидной железы, которая регулирует жизненно важные процессы в организме. Короче, можно наблюдать своеобразную «игру» на человеческом организме, как на музыкальном инструменте.

Помимо бита, рок-группами используются и некоторые технические приемы: модуляция звуковой частоты, использование переменной частоты, очень низких и высоких частот. На диск можно, например, записать, сигнал на ультразвуковой частоте (аналогично немому свисту для собак). Если мозг продолжительное

время подвергается воздействию подобного звукового сигнала, в нем происходит биохимическая реакция, аналогичная той, которую вызывает укол морфия, на что указывает само название этого сигнала — «эндоморфин» («естественный морфий»). Сигнал действует как наркотик.

Эти эффекты усиливаются с увеличением интенсивности звука. Человеческий слух настроен на среднюю интенсивность звука 55 децибел, громкий звук соответствует 70 децибелам. При уровне свыше 80 децибел действие музыки вызывает неприятные ощущения, при 90 — становится вредной. Во время же рок-концертов замеры вблизи оркестра дают почти 120 децибел! Известный западный ученый Адам Книст в отчете о проведенном им десятилетнем исследовании, посвященном действию рок-музыки, пишет: «Основная проблема действия рок-музыки на пациентов, которыми я занимался, вне всякого сомнения, вытекает из уровня ее шума, который вызывает неприязненность, истощение, парциссизм, панику, расстройство пищеварения, гипертонию, необычное наркотическое состояние. **Рок не является безобидным времяпрепровождением; это наркотик, более смертоносный, чем героин»**.

Но как бы ни были физиологически губительны воздействия рока, психические последствия еще более страшны. Невозможно в течение продолжительного времени подвергать себя обезличивающему натиску рока без того, чтобы не получить глубокие психоэмоциональные травмы — серьезные нарушения памяти, мозговых функций и нервно-мускульной координации. В результате акустического шока нередко стираются энграммы — следы, оставляемые в мозгу специфической памятью, а это приводит к провалам сознания. Более того, стирается даже память, полученная нами в наследство, то есть, по сути, разрушается генофонд!

Не здесь ли таится одно из главных, но скрытых до поры, назначений рок-музыки?

Композитор А. Журбин в статье «Какой быть рок-музыке?» утверждает: «Рок-музыка сама по себе — еще не политика. Важно, в чьих она руках». Ему вторит И. Солганик: «...сама по себе рок-музыка нейтральна: «плохой» или «хорошей», агрессивной или прогрессивной ее делают люди». Кстати, именно на это высказывание Солганика, как на авторитетное мнение, ссылается в своем письме в редакцию комсомольский работник из города Смоленска Николай Сергеев, выступающий в защиту рок-музыки.

Нет, уважаемые оппоненты, нейтральной музыки не существует. Всякая музыка активно воздействует на людей, формирует сознание, отражает, если хотите, нравственность общества. Это хорошо было известно еще древним. Вспомним Платона:

« — ...Тем, кто блюдет государство, надо прилагать все усилия к тому, чтобы от них не укрылась его порча, и прежде всего им надо оберегать государство от нарушающих порядок новшеств в области гимнастического и музыкального искусства... Надо остерегаться вводить новый вид музыкального искусства — здесь рискуют всем: ведь нигде не бывает перемен форм и ритмов музыкального искусства без изменения в самых важных государственных установлениях... Нарушение закона музыки причиняет именно тот вред, что, мало-помалу внедряясь, потихоньку проникает в нравы и навыки, а отсюда, уже в более крупных размерах, распространяется на деловые взаимоотношения граждан и посягает даже на сами законы и государственное устройство, при-

том заметь себе, Сократ, с величайшей распущенностью; в конце концов переворачивая все вверх дном как в частной, так и в общественной жизни».

Наши идеологические противники — специалисты по психологической войне, прилагают немалые усилия к тому, чтобы расширить экспорт музыкальной продукции. Вот как один из ведущих западных теоретиков, автор раздела «Музыка — средство психологической войны» Г. Ларсен, оценивает политическую роль рок-групп: «В сфере музыки «Голос Америки» способствует нашей «кампании правды», с помощью иллюстраций могучей музыкальной культуры, которая может процветать в демократическом обществе... Мы имеем в этой части нашей программы идеологическое оружие величайшей эффективности».

Примечательно, что одна из могущественных монополий военно-промышленного комплекса США «Дженерал электрик», подчинившая недавно крупнейшую в мире фирму развлекательного бизнеса Эр-Си-Эй (включая студию грамзаписи «Эр-Си-Эй Виктор», создавшую в свое время имя «короля» рок-н-ролла Элвиса Пресли), объявила о том, что у слитого конгломерата есть теперь необходимые силы для выполнения заказов правительственной администрации Рейгана по программе «звездных войн». А стало быть, в рок-музыке — для раздувания военной истерии и рекрутирования юных душ.

К сожалению, в письмах в редакцию молодые люди с завидной страстью защищают рок действительно чуть ли не как свое самое ценное духовное накопление. И в качестве аргумента в пользу рок-музыки пытаются сокрушить нас своим вопросом: «А как же фестивали «Рок в борьбе за мир!» и песня «Битлзов» «Дайте миру шанс!»?» — спрашивает, к примеру, Игорь Денисов из города Кургана. Это верно, даже в нынешнем году ансамбли «Автограф», «Машина времени» в «Зале дружбы» проводили концерты под девизом «Дайте миру шанс!». Но всегда ли адекватны девиз и результат?.. Рок-исполнители с легкостью прокатываются и на теме борьбы за мир, волнующей все человечество: зачем отказываться от дела, приносящего свои дивиденды?

Помнится, в кругу друзей я возмущался тем, что люди могут паразитировать на священных понятиях и выставлять рок борцом за мир; так ведь можно докатиться до лозунга — «Порнография — в борьбе за мир!». Мне сочувственно улыбались и старались поскорее свернуть несерьезный разговор. Но оказалось, мои опасения имели под собой самую реальную основу.

В первом номере «Литературной газеты» за 1987 год опубликована большая статья Владимира Симонова «Рок-н-мир — Баллада о Джоне и Йоке» — трогательный рассказ об организаторе ансамбля «Битлзы» Джоне Ленноне и его возлюбленной «мисс Йоко». Свой медовый месяц они посвятили «демонстрации за мир... в постели». В. Симонов описывает, как, сидя «на кроватях в пижамах», они давали интервью с требованием мира, и возмущается «желтой прессой», которая называла эту «демонстрацию за мир сексуальной оргией напоказ». Но «желтая пресса» была недалека от истины. Джон и Йока не только сидели на кровати, принимая корреспондентов телевидения, но и позировали во всевозможных позах для порнофото, которые незамедлительно распространялись по США под лозунгом: «Любовь против войны!»

Что же в действительности проповедовали «Битлзы», какие идеи несли людям?

В одной изданной на Западе книге, посвященной 25-летию рока, воздается должное «титанической группе «Битлзов» и риторически восклицается: «А стал бы мир курить марихуану, глотать ЛСД или колоть героин, примкнул бы он к движению трансцендентной медитации Мхариш Махеши йоги, если бы не сказали здесь свое слово «Битлы»?» И сами же отвечают: «Нет!»

Мхариш Махеши йога был первым духовным учителем Джона Леннона, а затем и всей «ливерпульской четверки». Он исповедовал своеобразную религиозную философию, эдакую смесь христианства с восточной мистикой — дзен буддизмом, иудаизмом и прочим. В секте воспевалась свобода наркотического транса и свобода секса, всевозможных извращений.

Вступив в сообщество кришнаитов и став высокими их патронами, «Битлзы» оказали этой секте неоценимую услугу, обратив в ее веру, как и следовало ожидать, миллионы своих почитателей, вынужденных в силу действующих в ней законов употреблять наркотики.

Но и сама эта философско-религиозная система появилась не на пустом месте. Идейными вдохновителями ее были лидеры психоделической революции — упомянутый Ален Гинзберг и Тимети Лири. Последнему принадлежит, в частности, такое высказывание: «ЛСД — это западная йога. Цель восточных религий, как и цель ЛСД — высшая благодать. Другими словами: расширение границ сознания, достижение экстаза и удовлетворения».

Показательно, что именно Тимети Лири становится в последующем духовником или гуру (учителем) «ливерпульской четверки». «Битлзы» принимали и испытывали на себе ЛСД и потом, восстанавливая в памяти впечатления от наркотического путешествия, пытались закрепить и передать их в определенных музыкальных формах. Задача решалась вполне конкретная — ввести слушателя в состояние наркотического транса.

Для этого применялись запредельные громкости, особые метроритмические формулы — так называемые блюзовые рифы, зрелищные эффекты: световые, шумовые. Впервые стали использоваться стробоскопические лампы, на рок-сцене замелькали флюоресцентные цвета, хлопья падающего «сухого снега», дымы. На вооружение берется электронный синтезатор, всевозможные приставки для электрогитар, имитирующие «голоса вселенной» и сверхчувственные миражи иных миров, наподобие тех, что возникают при употреблении галлюциногенных наркотиков.

Рок утверждает открытую структуру: в одном, максимум двух-трех монотонных аккордах рождаются бесконечные импровизации запредельно взмывающих гитарных соло. Музыка без начала и конца: вошел в «поток сознания» и плыви, пока не упадешь со сцены... Нарастание этих ритмических пульсаций (бита) опутывает паучьей сеткой человеческий организм и изменяет происходящие в нем обменные процессы.

Не следует, конечно, думать, будто «Битлзы» сами открывали музыкальные формы. Здесь происходил целесообразный отбор, Они обратились ко всей культовой музыке прошлого, имевшей вполне конкретное предназначение — доводить людей до экстатического состояния. Был также воспринят полный набор различных ритуалов, имитирующих половые сношения, заклинаний и

заговоров с тем, чтобы наиболее точно воспроизвести ритмы, приводящие аудиторию к полному сексуальному наслаждению. В стихии психоделического рока нашли свое место и сверхчувственные модели индийской музыки рок с ее особой ритмикой, и средневековые хоралы с определенным настроением, и музыка барокко.

В поисках нужного материала «Битлзы» специально посещали Индию, Японию, страны Латинской Америки.

Советский ученый-историк Станислав Королев писал о своих встречах с этой группой: «В 1967 году «Битлзы» были в Индии весьма анонимно и в виде «инкогнито» жили неподалеку от североиндийского городка Решикеш. Поскольку они тогда снимали фильм и записывали на пленку самые разные мелодии и формы ритуальных действий — самоизолироваться им не удалось. Там же неподалеку находилась и резиденция тибетского Далай-ламы, с которым они встречались...»

Итак, одни проповедники контр-культуры в поисках идеального средства управления человеческим сознанием перебирали опиум, марихуану, героин, ЛСД. А другие — анализировали всю психотехнику прошлого, применявшуюся когда-то для индивидуальной обработки людей, и найденные действенные модели с ревом обрушивали на слушателей через жерла динамиков.

Окончательно отточив свое психологическое оружие, «Битлзы» цинично сообщили миру: «Наша музыка способна вызвать эмоциональную неуравновешенность, патологическое поведение и даже бунт и революцию».

Апофеозом всего «кислотного» рока, представляющего «хиппикультуру», стал фестиваль в Вудстоке (1969 год), собравший около полумиллиона человек, где молодежь в течение трех дней под рев и канонаду прослушала 24 рок-группы, курила «травку», кололась, принимала плохо очищенные и очищенные ЛСД. То есть в США был проведен своеобразный «культурный» эксперимент, где молодым людям позволялось открыто делать абсолютно все!

Весь мир содрогнулся от злодеяния, произошедшего в том же году в Соединенных Штатах. В Лос-Анджелесе члены сатанинской секты во главе с Чарлзом Мансоном совершили семь ритуальных убийств. В числе жертв оказалась и известная киноактриса Шарон Тейт, жена американского режиссера Романа Палански — первооткрывателя сатанинской темы в Голливуде. Шарон Тейт была, кстати, в то время беременна. Убийцы действовали по классическому образцу: кровью жертв на стенах они писали «пигс» (свиньи) и слова из песен «Битлзов». Свои действия убийцы совершили, по их признанию, под влиянием «Белого альбома» «ливерпульской четверки».

Программный диск «Белый альбом» был записан «Битлзами» в 1968 году. Вошли в него два произведения: «Революция № 1» и «Революция № 9». В последней песне авторы откровенно признаются, о какой революции идет речь: о сексуальной. В этой же песне, между 7 и 13-м оборотами слышна фраза — «номер девять», повторяемая 12 раз. Она якобы отсылает слушателей к девятой главе апокалипсиса, призывающей совершить расправу над свиньями, погрязшими в разврате.

В своем «Белом альбоме» «Битлзы» впервые в технологии производства пластинок и кассет использовали приемы передачи подсознательных сообщений. Они прекрасно сознавали, во что это

может вылиться. Ведь подобные сообщения минуют слух, зрение, все внешние чувства и проникают в самую глубину подсознания человека, который чаще всего даже не догадывается об этом.

Такие воздействия подобны гипнозу. Поскольку ни мышление, ни воля «не подозревают» никакой опасности, сообщение улавливается, реконструируется, а затем воспринимается сознательным «я» как собственное убеждение. К тому же неистовый шум рока вызывает сильнейшие эмоциональные реакции и разрушает контроль механизмов защиты.

Жан-Поль Режимбаль, автор уже названного здесь труда, пишет по этому поводу: «Проводимые в настоящее время исследования позволяют сформулировать гипотезу о том, что при словесном подсознательном сообщении возникает страшное явление, несущее в себе два аспекта: подсознание улавливает фразу, произнесенную «наоборот», а затем расшифровывает сообщение, даже если оно выражено на неизвестном аудитории языке. Этот двойной феномен представляет доказательство преступных и порочных намерений тех, кто практикует подсознательные сообщения, являющиеся истинным насилием над сознанием».

Сообщения, передаваемые в записях рок-музыки подсознательным образом, имеют вполне определенное содержание: всевозможные виды половых извращений; призыв к бунту против установленного порядка; побуждение к самоубийству; подстрекательство к насилию и убийству; посвящение сатане.

Не здесь ли следует искать корни необъяснимой порой агрессивности молодежи?

«Битлзы» открыли шлюзы, в которые хлынули потоки с самых разных сторон массовой культуры. Вслед за «ливерпульской четверкой» технику подсознательных сообщений стали применять в своих записях группы «Роллинг стоунз», «Ху», «Лед Зеппелин». Последняя в своей песне «Лестница в небо» закодировала сообщение: «Мне надлежит жить для сатаны». Слова эти можно услышать лишь при проигрывании в обратном направлении третьей строфы песни.

Если тем же способом проиграть песню из альбома «Убийцы» (одно название чего стоит!) группы «Квин» — «Другой кусает грязь», то можно ясно услышать вместо названия песни фразу: «Начни курить марихуану», и так далее и тому подобное.

После первой волны подсознательных сообщений идеологи рока начинают открыто выражать свои сатанинские вдохновения.

Вот отрывок из песни «Бог грома» группы «Кисс»:

Я был воспитан демоном,
Подготовлен к тому, чтобы править, как он.
Я господин пустыни,
Современный железный человек.
Я собираю темноту, чтобы доставить себе удовольствие.
И я приказываю тебе стать на колени
Перед богом грома,
Богом рок-н-ролла.

Еще похлестче содержание песни «Адские колокола» группы тяжелого рока АС/ДС:

Ты еще молод,
Но ты умрешь!

Я не буду брать пленников,
Я не пощажу ничьей жизни.
И никто не воспротивится мне!
Я обрел свои колокола,
И я возьму тебя в ад,
Я обрету тебя,
Сатана обретет тебя.
Адские колокола.
Да!
Адские колокола!

С развалом в 1970 году группы «Битлзов» уходят с рок-сцены и понятия «бит», «бит-поколение». Одновременно снимаются и прячутся как отслужившие свой срок немногие маскарадные костюмы братства, единения, любви (хотя бы свободной). Остается голое, неприкрытое олицетворение зла. Выражаясь языком рок-жокеев, рок-балом выходит править сатана.

Появляется «панк *-рок», цель которого — привести аудиторию к коллективному насилию, систематическим преступлениям, и едва ли менее агрессивный — «металло-рок». Основные темы рока: секс, насилие, лжерелигии. Достаточно привести перевод одних лишь названий некоторых групп: «Кисс» — «Князья на службе сатаны», АС/ДС — «Антихрист/Смерть Христу», «Блэк Саббат» — «Черная месса (Черный шабаш)»; «Джудес Прист» — «Иудейский священник», «Стрэнглз» — «Душители»; «Киллерз» — «Убийцы», и так далее и все в том же роде.

Не менее характерны и названия программных дисков самой влиятельной, задающей тон в нынешнем рок-движении группы «Роллинг стоунз»: «Их величество сатана», «Пусть льется кровь!» А в своем собственном журнале с названием «Роллинг стоунз» они заявляют буквально следующее: «Наши усилия всегда направлены к тому, чтобы управлять мыслью и волей людей; большая часть других групп занимается тем же».

Не случайно именно «Роллингам» дается приоритетное право писать музыку ко всем фильмам Кэна Энгера — основателя секты «магический круг» и теневого директора «церкви сатаны» в США. Энгер переосмыслил весь круг сатанинский — средневековые книги, символы и переложил его на современный язык. Свои разработки он активно внедрял потом в одиозных фильмах, таких, как «Посвящение моего брата Демона», и использовал в организованном им же «андеграунд-роке» («рок подполья»). Энгер — один из тех идеологов контр-культуры, которые полагали, что рок-музыка должна пробить брешь в традиционной культуре, куда затем устремятся фильмы, литература новой эстетики.

Рука об руку с ним трудился и Шандор Ла-Вей — признанный глава «церкви сатаны», всерьез и скрупулезно изучавший практику тайных эзотерических орденов средневековья. Многое, почерпнутое им оттуда, незамедлительно и с большим размахом используют ныне в своей практике «металло-рокеры». «Металлисты» стали надевать кожаные безрукавки — по возможности на голое тело, вообще стремились экипироваться в черное кожаное тря-

* Панк — в Англии это слово изначально означало проститутку (обоих полов). В более позднем американском употреблении — подонок.

пье, усыпать одежду и ремни металлическими шипами — знаками, рождающими ассоциации с мучительством. Среди «украшений» фигурируют и обрывки цепей: в средневековье якобы дьявол сидел на цепи, ворочался в них, а сейчас оборвал эти путы. Длинные распущенные волосы у молодежи обоих полов должны ассоциироваться с «прической ведьмы». Кроме того, стремление всячески нивелировать, стереть какие бы то ни было различия между мужчиной и женщиной — это намек на бесполого гермафродита Бафомета, мистически соединившего в себе женское и мужское начала.

Высокие сапоги, черно-красно-белые тона одежды, в особенности сочетание черного с красным — все это так называемый стиль «садо-мазо»: садомазохистский комплекс, разработанный западной массовой культурой и взятый на вооружение «металло-роком».

Прибегнув к практике средневековых культов, «металло-рок» на сегодняшний день исповедует весь антураж сатанизма. В применяемых символах нет ничего случайного: каждый элемент одежды, украшения, поза, жесты (тот же «знак козы», о котором уже упоминалось, как о символе сатаны) — все несет вполне определенную нагрузку, работает на идею.

Все это должна знать наша молодежь и быть более разборчивой в погоне за модой. К сожалению, некоторые молодежные издания не всегда помогают ей разобраться в сути явлений, и даже напротив, заигрывая с читателем, авторы наперегонки спешат выдать очередную сенсацию из арсенала массовой культуры, нисколько не задумываясь о последствиях.

Не так давно газета «Московский комсомолец» не без гордости сообщила о том, что в следующем сезоне у «металлистов» в моде будут средневековые рыцарские плащи.

Действительно новость... Только кому нужна такая популяризация? Не секрет, что рок-движение вызвало такое глубокое разложение молодежи в мире, какого прежде никогда не отмечалось в истории. «Разложите молодежь — и вы победите нацию!» — гласит старая поговорка. Не стоит ждать, когда беда войдет и в наш дом, а она уже стучится. Свидетельством тому — рок-фестивали, прошедшие в этом году в двух московских Дворцах культуры.

И как бы мы ни обеливали наш «отечественный рок», как бы ни старались окультурить саженцы, услужливо переданные нам западной массовой культурой, побеги жестокости, секса, космополитизма будут неизменно пробиваться наружу.

Поводов для беспокойства сегодня уже более чем достаточно. Вот письмо из Свердловска от журналистки Пинаевой Марии Кирилловны:

«Уважаемые товарищи!

Хочу поблагодарить за статью «Что проку от рока». Она помогла выйти материалу, который вам высылаю. Как видите, нам в Свердловске скучать не приходится. События набирают ускорение с каждым днем».

И вот выдержки из этой статьи «Совсем не безобидный рок», опубликованной в газете «Уральский рабочий» 5 июля 1986 года:

«...В первый же день работы творческой мастерской рок-клуба произошел инцидент, из ряда вон выходящий. Рок-группа «Флаг» выставила на сцену все изрешеченное, словно пробитое пулями, красное знамя и продолжала во время своей концертной

программы имитировать расстрел этого знамени (гитары рок-мальчики держали наперевес, как автоматы)...»

Нужны ли здесь комментарии? А ведь подобная ситуация неуправляемой жестокой стихии наблюдается повсюду, где рок-движению дают зеленый свет. Удивляться здесь нечему: удержать джинна в откупоренной бутылке невозможно.

Проблема требует своего скорейшего разрешения. В этой связи вызывает недоумение позиция некоторых авторов передачи печатных материалов для молодежи по рок-музыке. Иначе как рекламной это не назовешь. Откройте «Собеседник» (№ 2 за 1987 г.) со статьей Татьяны Хорошиловой «Громящая пустота». Достаточно одной броской фотографии «металлиста», приложенной к статье! А подзаголовок? — «Год назад он разгонял по улице «металлистов». Теперь «металлистом» стал сам». Каково? Броско, кратко, метко... А характеристика «металлиста» Петра? «У него нет металлических наклепок и прически «британский ужас», он вполне «цивильно» одет. В школе за отличную учебу награждался поездкой в «Артек». Теперь в техникуме. Комсорг группы. Но среди своих сверстников он и неформальный лидер. «Металлистом» считает себя по убеждениям. Наравне с «металлом» слушает Баха. Зачитывается Брэдбери и Толстым. Петр хоть и юн, но совсем не прост».

Далее Хорошилова объясняет, почему Петр стал «металлистом»: «Был неудовлетворен своей работой на фабрике и учебой в техникуме. Жил от выходного до выходного. Узнал, что не я один этим недоволен. Познакомился с ребятами, которые хоть как-то с этим не мирились. Если помните, у Рея Брэдбери герои затыкают уши ракушками радиоприемников, уходя из реального мира в мир эфира. «Металл» открыл иной мир».

Странными выглядят и некоторые молодежные передачи телевидения. Одна из передач «До 16 и старше» «Подумаем вместе» была посвящена фильму «Легко ли быть молодым». Фильм, как известно, разоблачает аморальную сущность стиля жизни рок-молодежи, противопоставляет ей созидающую молодежь. Цель телевизионной передачи, как прояснилось по ее завершении, — нейтрализовать фильм, его действие. Передачу показали по Центральному телевидению, то есть в каждую семью, фильм же шел только в одном кинотеатре Москвы.

Ведущий и ведущая задавались вопросом загадки личности «металлистов», в частности и тех, которые присутствовали в студии в качестве «экземпляров». Они требовали прямого ответа: «Что вы хотите? Что вы хотите выкрикнуть, многоуважаемые?» И один из присутствующих «металлистов» снизошел — выкрикнул: «Я не принадлежу к пай-мальчикам! Я «металлист». Я «панк»! И я протестую!»

23 декабря по Центральному телевидению состоялась передача «Музыка и мы». Среди ее участников — журналист Ю. Щекочихин, драматург Э. Радзинский, руководители рок-групп. Все они активно требовали рок-музыки для советской молодежи. Основные их посылки: «О вкусах не спорят. Кто сказал, что рок — это плохо? Молодежи нравится, значит, хорошо!» «Запрещали фокстрот, джаз — «музыка толстых»! Теперь мы смеемся. Давайте представим, как будут смеяться через 20 лет над нашими запрещениями рока» (Радзинский). «Группам рока надоело в подворотнях. Они хотят выступать на телестудиях страны. Даже

«металлисты»! (Щекочихин). «Главное — не повторять ошибки прошлого». — он же). «Молодежь наиболее незащищенная часть общества, она испытывает стрессы, поэтому ей нужен рок!» «Взрослые учат молодежь. Это устарело! Пора молодежи учить взрослых!» «На телевидении после 12 ночи необходима программа рок-музыки для молодежи»...

Приведенные аргументы сомнительны.

О вкусах не спорят, а уж безвкусицу оспаривают всегда. Кроме рок-музыки, части молодежи нравится, например, алкоголь и наркотики. Что же, дадим ей и то и другое? Тем более что оба эти «средства», как утверждают, также «снимают стрессы».

Но что за стрессы у нашей молодежи, о которой твердят рок-ораторы? Если посмотреть на «металлистов», то никакой израненности что-то незаметно. Западногерманский владелец дискотеки в другой передаче рассуждает о стрессах молодежи, которые она будто бы наилучшим образом снимает в его заведении, добавляя при этом, что большинство молодых посетителей его дискотеки — безработные. А что у нас? Из кого у нас состоит большинство посетителей дискотек? Из уже бездельников или тех, кто готовится ими стать, из людей без определенных занятий, плохих рабочих, плохих солдат, беглецов из родной деревни?

Ю. Щекочихин пугает: «Не повторить ошибки прошлого!» «Опасно углублять конфликт с молодежью!» — говорит он дальше, ставя знак равенства между поклонниками рок-музыки и всей советской молодежью. Но странно, Щекочихин совсем не боится углубления конфликта с нравственно здоровой частью молодежи, которой некогда ходить на дискотеки и рок-концерты. И позволительно спросить: что может быть опаснее для общества деморализованной и культурно нетребовательной молодежи?

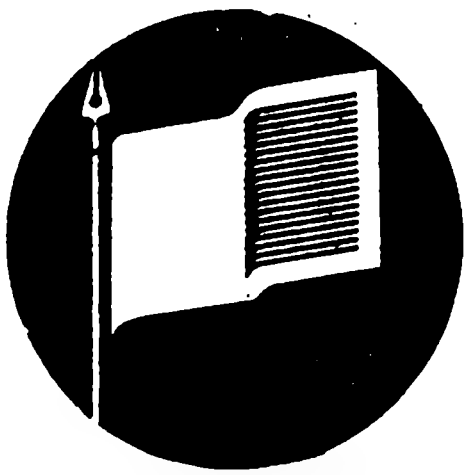
В канун Нового, 1987 года телевидение транслировало документальный фильм «Глобальный прессинг», часть I: «Рождено в Америке» (передача для молодежи). Тема фильма: уничтожение культур европейских стран масс-культурой США. В фильме говорилось о том, что острие масс-культуры направлено на молодежь, как будущее любой нации, о том, что половодье рока затопило Европу и Японию, что рок, как определил молодой японец, «это все равно, что наркотик, только не преследуется государством и значительно дешевле».

Герои фильма — всемирно известные деятели культуры европейских стран — говорили о «смертельном кризисе их национальных культур под напором масс-культуры США, которая «имеет тенденцию вбирать в себя все дурное, не привнося ничего нового». Разрушение семьи, культ сильной личности, секс, наркомания, фашизм, идолопоклонство— вот что несет она европейской молодежи.

«Не думайте, что Россия защищена. Россия тоже рискует!» — предупреждает один из героев фильма, французский ученый и философ.

И нам об этом нельзя забывать.

●



ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ПЕРЕСТРОЙКА И ЛИТЕРАТУРА МОЛОДЫХ

Александр БАЙГУШЕВ

ПРЕОДОЛЕНИЕ

ОПЫТ СОЗИДАНИЯ

Революционный ветер крутых перемен во многом ускорил темпы нашей общественной жизни. За считанные месяцы молодые сегодня набирают опыт, на приобретение которого у предшествующего поколения порой уходили годы.

Интенсификация духовной жизни, ее демократическая открытость разительно быстро и явно в пользу молодых, не обремененных приспособленческими стереотипами застоя, меняет общую ситуацию в нашей литературе. И прежде всего — в литературной критике.

Как заметит дотошный читатель «Молодой гвардии», несколько месяцев отделило первую статью нашего критического цикла «Преодоление», называвшуюся «Честолюбие или позиция?» (№ 4 за 1987 г.), от нынешней. Тогда приходилось писать о сопротивлении, с которым была встречена молодая критика иными «маститыми». Затем в статье «Здравый смысл или эклектика» (№ 6 за 1987 г.) мы поднимали вопрос об изъянах в образовании — об эклектике, навязываемой

Статья третья. Статьи первая и вторая — в № 4 и 6 за 1987 г.

молодым — псевдоакадемической наукой вместо высокой школы русской и советской критики. Сегодня еще рано утверждать, что атмосфера полностью благотворно изменилась. «Получилось так, что наши обществоведы (в том числе и метры критики и литературоведения. — А. Б.) разделились как бы на две части. Одни работают, ставят проблемы. А другие в это время внимательно следят, ждут, когда те, первые ошибутся или потерпят неудачу. И тогда, дождавшись, стремятся показать, что им-то истина была ведома с самого начала, — пишет А. Яковлев в статье «Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки» («Коммунист» № 8 за 1987 г.). — Есть и категория людей, которые, будучи с чем-то не согласны, избегают открытых дискуссий, не отстаивают истину в научном споре... Нужны дискуссии, рождаемые соревнованием идей, стремлением к защите истины, нового знания, а не дискуссии, в которых истина, напротив, утопает и гибнет. Чтобы превратить научные обсуждения, дискуссии в действенное слагаемое ускорения, надо осознать: ни в постановке новых вопросов, ни в ответах ни у кого нет монополии на истину». К сожалению, до такого реального осознания у нас еще далеко. Однако лед застоя уже сломан.

В литературную критику, призванную служить согласно отечественной исконной традиции трибуной общественного сознания, прозрение наконец-то тоже приходит. И это сразу проявилось у молодых критиков.

Весной этого года писательская общественность наглядно продемонстрировала, что хочет слышать их чистый, искренний голос последовательно на трех своих профессиональных внутренних форумах, на которые собирались ведущие прозаики, поэты и критики. На пленуме совета по прозе Союза писателей СССР (председатель Петр Проскурин) два обзорных доклада по текущей журнальной прозе были доверены молодым критикам Александру Казинцеву и Александру Михайлову. Много внимания молодой критике было уделено на пленуме совета по поэзии Союза писателей СССР (председатель Егор Исаев), где обзорное сообщение делал автор этих строк. А на пленуме совета по критике и литературоведению Союза писателей СССР (председатель Ал. Михайлов), как подчеркнула в официальном отчете «Литературная газета», «последней в прениях выступила молодой критик Екатерина Маркова, говорившая о необходимости учиться у старших коллег преданности в служении общенародным интересам». На писательских советах ведется высоко профессиональный разговор по насущным проблемам творчества. Здесь нет места дилетантизму, риторической демагогии (ее просто не будут слушать) и верхоглядству. Тем знаменательнее, что здесь захотели выслушать молодых критиков. Открывая пленум совета по критике и подчеркивая всю важность его темы, первый секретарь правления СП СССР Владимир Карпов был откровенен: «Не секрет, что за последнее время в критике накопилось немало проблем, и одна из главных — слабость теоретического фундамента, преобладание субъективизма, порой весьма вредно отражающегося на положении дел в литературе. Есть необходимость серьезно поговорить о методе социалистического реализма. Когда о нем со злобой и раздражением говорят наши идеологические оппоненты — это понятно, когда о нем молчим мы — это не может быть понято и оправдано. Отказываться от

социалистического реализма мы не собираемся, **но его теория, безусловно, нуждается в совершенствовании»** (подчеркнуто мною. — **А. Б.**). И вот на такой трибуне, где схлестнулись самые разные точки зрения видных критиков и теоретиков литературы, заключительным аккордом звучит слово именно молодого критика.

Итак, молодых критиков сегодня со вниманием выслушивают. Больше того. Произошло показательное явление. Молодая критика, быстро набирая опыт, сумела за короткий период перестройки выдвинуться на авангардные позиции среди других отрядов литературы. Она пока явно обошла по общественной значимости молодых драматургов (вчерашних кумиров моды), молодых поэтов и прозаиков. Молодые драматурги так называемой «новой волны» несколько лет назад указывали обществу: «Смотрите, кто пришел» (пьеса Владимира Арро так и называлась). Они вывели на всеобщее обозрение «королей застоя», подарив драматической сцене и кинематографу броский вернисаж из «блондинок за углом», «прохиндеев», прочих экзотических личностей вкупе с беспомощными «чучелами» и безжалостными «плюмбумами». Но молодые драматурги, к сожалению, не сумели заглянуть дальше этого колоритного вернисажа. Не увидели антипода «тому, кто пришел». И в результате сейчас молодая драматургия, для которой театральный эксперимент открыл все двери, сама пребывает в растерянности — прийти ей не с чем. Молодые прозаики обнаружили характерный для бездуховности и общественной апатии тип «амбивалентного» (двойственного) героя. Но и молодая проза еще не сделала нового шага вперед — не сказала пока своего веского слова в перестройке. А молодые поэты, одни уйдя в слишком уж закодированную символику «мета-метафорики», а другие противопоставляя «мета-метафористам» добрую и честную, но слишком уж декларативную ностальгию, тоже пока выглядят более абстрактными и риторичными, нежели даже их старшие коллеги. Искони молодая поэзия первой встречала и славила своим воодушевлением марш революции. Но сейчас молодая поэзия явно опаздывает. Ее оракулы-теоретики, уже заговорившие от лица нового поэтического поколения, пока забивают своим энергичным взаимным спором непосредственный поэтический голос, который только прорезывается у многообещающих молодых поэтов.

Авторитет молодой критики столь вырос, что многие молодые поэты стали осваивать профессиональное критическое ремесло как свою вторую профессию (В. Карпец, В. Хатюшин). Впрочем, и известные поэты (С. Куняев, В. Сидоров, Т. Глушкова) сейчас увеличили свою популярность именно благодаря своим ярким критическим выступлениям. Молодой В. Левченко сетует о трудностях прозы, прибегая к характерному сравнению с молодой критикой: «Были пророки в своем Отечестве и есть. Но поколение молчало... Критики у нас есть, и даже такие, каких читают ныне, как читали молодого Петра Палиевского. А вот прозаиков, напоминающих по силе голоса Астафьева, Распутина, Белова, — пока не видно».

Не только молодежь, но все любители поэзии с живейшим вниманием следят сейчас за острыми критическими боями на страницах «Нового мира», «Нашего современника», «Москвы», «Юности», «Молодой гвардии», «Вопросов литературы», «Литературной

газеты» и «Литературной России», за баталиями, в которые вступили по проблемам развития молодой поэзии Александр Казинцев и Андрей Мальгин, Лариса Баранова-Гонченко и Александр Фоменко, Валерий Хатюшин и Сергей Чупринин. Стороны спорят не по частностям, а по самому существу. Полемика идет в основном вокруг кардинальной для многонациональной советской критики темы — народности. Полемика между молодыми критиками еще только разгорается. Но уже есть один ее позитивный исход — она демократична. Это компенсирует издержки отдельных перехлестов и свойственной молодости запальчивости. Перестройка может быть успешно осуществлена лишь сознательным, думающим поколением, и заслуга нашей молодой критики в том, что она стремится подготовить такое поколение молодых.

Важно, что молодая критика стремится мыслить проблемно. Конечно, можно, например, считать частным случаем то, что молодой критик Е. Маркова приняла участие в сложном теоретическом обсуждении на пленуме совета по критике и литературоведению. Но не забудем, что статьи Е. Марковой «Зритель поправляет редактора» в журнале «Огонек» и «Ответственность» в «Молодой гвардии» смело ставили именно методологические проблемы в работе средств массовой коммуникации и работе нашей литературной критики. Что В. Сахаров, Н. Утехин, С. Боровиков, Е. Маркова привлекли к своим критическим выступлениям внимание именно тем, что вышли на широкую проблематику самих перспектив развития нашей литературы. Что все это — критики-теоретики, мыслители.

Разумеется, пока молодой критикой достигнуты только первые успехи, требуется расчистить авгиевы конюшни запущенной критической и литературоведческой теории. Осмыслить исторический опыт в его диалектике. Все это еще только предстоит делать. И истина в этой работе не может быть открыта по мановению волшебной палочки. Но уже сейчас мы смогли наконец трезво подойти ко многим стоящим перед отечественной литературной критикой коренным проблемам вместе с молодыми — опираясь на их энтузиазм, на свежесть их взгляда. Мне представляется, что уже сейчас именно молодая критика подсказывает нам теми спорами, которые она развернула в своих полемических схватках, несколько ключевых проблем нашей эстетики и методологии. Уже в начале нынешнего года многие обращали внимание на эту быстро прогрессирующую фундаментальность мышления в работах приходящей сейчас в литературу критической смены. На самостоятельность ее мысли, которая, может быть, «кому-то» не нравится, но которая способна в корне оздоровить состояние современной литературно-критической атмосферы. «Вообще первые книги критиков **знаменуют собой не начало пути, а первые итоги. У нас есть «молодая» литературная критика. Реальная, она может не оправдать чьих-то ожиданий. Но почему она должна их оправдывать?»** — без обиняков ставил нелицеприятный вопрос на страницах «Литературной России» А. Василевский. А на страницах «Литературной газеты» академик Д. Лихачев вполне доходчиво объясняет, почему «кому-то» должна не нравиться теоретическая и методическая самостоятельность молодых: «Литература — это барометр общества. Общее падение культуры, падение нравственности особенно заметно на

литературе. То, что происходит в литературе, характерно для всей жизни общества. Посмотрите: и в науке, например, такое же засилье псевдонаучной серости псевдокандидатов и псевдодокторов... Засилье бездарных ученых в науке гуманитарной, филологической».

В такой ситуации яснее понимаешь молодого критика Владимира Новикова, когда он призывает в книге «Диалог», только что вышедшей в издательстве «Современник»: и не надо его, слияния душ: будем разными, полно и честно выявляя себя друг перед другом. Открытая, я бы сказал, с обнаженным сердцем прошедшая дискуссия — размышления молодых авторов в № 9 «Молодой гвардии» в этом году и которая, надо надеяться, продолжится — тоже свидетельствует прежде всего о стремлении молодых полно и честно выявить себя друг перед другом, перед обществом. С каждым из них по каким-то вопросам можно спорить. Но обратите внимание на складывающийся в результате этих разнодействующих сил общий вектор. Это вектор времени перестройки. Вопросы, поднятые молодыми, заставляют размышлять. Думать.

Мысли молодых конструктивны и позитивны. Они отстаивают наше историческое наследие и завоевания социализма. В том числе в теоретической мысли.

Свердловчанин В. Лукьянин недавно прямо заявил в «Литературной газете»: «...Некоторых критиков отпугивает тень былых упрощений и спекуляций, и поныне витающая над наиболее значимыми в мировоззренческом плане категориями нашей литературной теории. Наверняка возможны и другие версии. Но какие бы мы тут ни открывали психологические мотивы, остается неизменным гносеологический аспект ситуации: рассматривая, так сказать, вопросы текущего литературного процесса, критики не испытывают нужды в обращении к теории социалистического реализма» (выделено автором этого высказывания. — А. Б.). Далее автор и сам пускается в исповедь, в которой указывает на источник своих закравшихся сомнений, в том числе на именитого коллегу — литературоведа, подтолкнувшего его к «ереси»: «Честно говоря, я не думаю, что всех ныне активно работающих советских писателей необходимо во что бы то ни стало зачислять по ведомству социалистического реализма (чтоб, упаси боже, кому-то не подумалось, что не зачисленный — «не наш»). Конечно же, прав П. Николаев, утверждающий, что «не все публикуемое, даже талантливое, можно отнести к реализму». Однако к чему же тогда? Неужели все-таки к модернизму?!

При нынешнем напоре «набоковщины» (я имею в виду явление, характеризуемое крайним субъективизмом прозаического видения, эстетизацией патологии, а не самого́ талантливого русского поэта и писателя-эмигранта; не «Лолиту», а мелкотравчатый «лолитизм»), естественно, возникает у кого-то потребность либерально допустить свободное соревнование «методов». Чтобы социалистический реализм, резко говоря, несколько подвинулся что ли в сторону, дав место и авангардизму, модернизму и т. п. А то ведь, спрашивают иные критики, куда надо будет относить нынешнего Андрея Битова, например? Или молодых поэтов — «мета-метафориков»?

В отличие от такой позиции нынешние молодые авторы настроены по отношению к модернизму весьма критически, обра-

шая внимание на релятивизм, заложенный в философской основе модернизма. Знаменательно, что молодая критика стремится подходить к литературе больше с философски фундаментальным взглядом, нежели сугубо формальным, как иные из старших коллег. Это обнадеживает. Дает возможность полагать, что именно молодые сейчас обращают внимание на те звенья, взявшись за которые, можно будет вытянуть всю изрядно проржавевшую и запутанную в годы застоя теоретическую цепь.

1. «МЫ УСТАЛИ БЫТЬ НЕ НАМИ»

Наряду с неизбежными издержками от «набоковщины» перестройка в нашем отношении к литературному наследию и современной зарубежной культуре вернула нам и много незаслуженно отдвигавшихся в тень выдающихся имен.

В первую очередь здесь, видимо, надо назвать Велимира Хлебникова — поэта, в самый ярый разгул доморощенного формализма резко бросившего коллегам: «Мы устали быть не нами» — и призвавшего вернуться к своему отечественному историческому наследию. С легкой руки Вл. Маяковского Хлебникова объявили «поэтом для поэтов» и пытались оставить его как бы для внутреннего элитарного пользования. Вышедший сейчас наконец-то массовым тиражом однотомник Велимира Хлебникова «Творения» начисто разрушил фальшивую легенду о доступности Велимира Хлебникова только «избранным», так сказать, приобщенным к музе.

Для нашей многонациональной культуры очень важно, что Велимир Хлебников — русский поэт, опиравшийся на древнюю русскую поэтическую культуру и культуру стиха азиатских республик СССР. Хлебников — лучшее доказательство близости русской культуры и выдающейся поэтической традиции восточных республик Советского Союза. Хлебников протестовал против голой ориентации русских авангардистов начала века на Запад и утверждал, что мы «не останемся пересмешниками западных голосов».

Утверждая «азиатский» пласт русской культуры, настаивая на необходимости отказаться от бездумного голого европоцентризма, Велимир Хлебников утверждал: «Мы равенство миров, единый знаменатель». Вот образец правильной культурной политики в многонациональном государстве.

В текущем литературоведении, несомненно, большое значение имеет возвращение Б. Эйхенбаума — сейчас сразу в двух издательствах вышли его теоретические труды. На Б. Эйхенбаума долгие годы был наклеен ярлык формалиста. При огромной популярности трудов Б. Эйхенбаума за рубежом у нас о нем старались тоже рассуждать элитарно: как о «критике для критиков»; безжалостно обдирая, как липку, цветущее древо его теоретических прозрений и при этом примитивизируя и грубо извращая его. То есть практически получая Б. Эйхенбаума из вторых рук — в авангардистской примитивной обработке западной «новой критики». С Запада.

Между тем Б. Эйхенбаум прошел большой и сложный путь в советском литературоведении. От юношеского формализма он пришел в зрелых своих трудах к четкому органическому равно-

весию мировоззренческого и формального анализа. Не грех, например, поучиться тому, как воевал Б. Эйхенбаум с вульгарными социологами типа Эльсберга или Ермилова, как боролся с попытками наклеить ярлык «реакционер» даже на великого русского писателя Льва Толстого.

«Как можно назвать реакционным учение утописта-социалиста, каким, по словам Ленина, был Толстой? И что значат прибавленные к слову «реакционно» и, видимо, очень важные дополнительные слова «в самом точном и глубоком значении этого слова»? — отвечал Б. Эйхенбаум любителям передернуть и спекульнуть ссылками на ленинские статьи, оглупляя и черня Л. Толстого. — Некоторые литературоведы считают (или считали) нужным говорить, что Ленин причислил, таким образом, Толстого к самым подлинным реакционерам. Однако это противоречило бы всему сказанному (В. И. Лениным. — **А. Б.**) в прежних статьях, в том числе и знаменитому заглавию первой из них. Может быть, Ленин изменил свой взгляд на Толстого в короткий промежуток между началом января и началом февраля 1911 года? (Есть и сейчас у нас любители, чего-то недопонимая, тут же «догадываться», что, мол, В. И. Ленин изменил (?) свои взгляды по стратегическим соображениям. — **А. Б.**) Нет, Ленин не изменил своего взгляда и вовсе не причислил Толстого к политическим «реакционерам». Чтобы убедиться в этом, надо заглянуть в работу Ленина «К характеристике экономического романтизма» и найти то место, где речь идет об «утопичности» и «реакционности» (именно в таком сочетании) теорий Сисмонди и Прудова» Б. Эйхенбаум. О прозе. О поэзии. Л., «Художественная литература», 1986).

Откроем второй том сочинений В. И. Ленина. Вот ленинское примечание к слову «реакционный»: «Этот термин употребляется в историко-философском смысле, характеризуя только **ошибку** теоретиков, берущих в **пережитых** порядках образцы своих построений. Он вовсе не относится ни к личным качествам этих теоретиков, ни к их программам. Всякий знает, что реакционерами в обыденном значении слова ни Сисмонди, ни Прудон не были».

Б. Эйхенбаум настойчиво и последовательно боролся с теми, кто, сбрасывая с парохода современности русскую классику, готовя чистое поле для некоей, якобы новой, по сути, космополитической, то есть империалистической, культуры, спешил уничтожить наследие с помощью широко развешиваемых ярлыков «реакционер». Критик писал, ссылаясь на работы В. И. Ленина: «Так вот что значит — **реакционно в самом точном и самом глубоком значении этого слова.** В самом точном — то есть в филологическом, словарном значении: латинская приставка «ре» означает — «опять, обратно, назад»; «реакция» — в этом смысле — «ход или движение назад», но вовсе не в качестве непременного **противодействия** движению вперед. В самом глубоком — то есть в том философско-историческом смысле, в каком, например, учение Руссо и его последователей оказывается «реакционным». Ленин считал это «азбучной истиной»...»

По-ленински диалектично понимать философскую терминологию очень важно нам сейчас в ходе перестройки. Мне представляется, что многие нападки на нынешнюю нашу молодую критику происходят из-за недостаточной философской культуры.

Наша молодая критическая смена прошла не ускоренную подготовку на курсах «ликбеза», а получила серьезную теоретическую подготовку. «Литература готовила общество к переменам, тревожила общественную совесть», — подчеркивал на встрече в ЦК КПСС с руководителями средств массовой информации и пропаганды М. С. Горбачев. Литература духовно готовила перестройку, и наша молодая критическая смена — такие, как В. Карпец, В. Сахаров, Е. Маркова, А. Фоменко, А. Казинцев, С. Боровиков, Н. Утехин и другие, — духовно формировались на этой литературе, а не на поделках временщиков. На прозе П. Проскурина, В. Белова, Ф. Абрамова, Б. Можаева, В. Астафьева, В. Распутина, на поэзии Н. Рубцова, В. Федорова, В. Фирсова, С. Куняева, В. Сидорова, А. Жигулина, В. Соколова, на критике Ю. Прокушева, Е. Осетрова, П. Палиевского, М. Лобанова, Л. Аннинского, А. Ланщикова и других. В молодой критике выработался устойчивый иммунитет к вульгарному нигилизму, и естественно, что она резко не приемлет рецидивы разрушительных, деструктивных течений, коснувшихся советского искусства в пору его становления. Молодые имеют здоровую прививку против детской болезни левизны, вроде недавних выступлений историка Ю. Н. Жукова в ряде органов печати и по телевидению в «Позиции». Прививка эта состоит в глубоких исторических знаниях и высокой культуре.

Л. Колодный недавно писал в «Московской правде» по поводу Ю. Жукова, оправдывавшего... разрушение построенного выдающимся архитектором Константином Тоном памятника зодчества на Волхонке в память Отечественной войны 1812 года, вмещавшего десять тысяч человек и возводившегося на народные пожертвования: «И вдруг в недавней передаче историк Юрий Жуков... Никакой, мол, это не памятник зодчества. О чем сожалеем, о чем слезы льем? Каждый, конечно, имеет право на свою точку зрения... Но когда на месте собора плещется десятки лет хлорированная водичка, заниматься подобным искусствоведческим «анализом» —значит искать пятна на потухшем солнце. Более того, такой научный экскурс (Ю. Жукову не по нутру «псевдорусский» стиль, который якобы был у собора. — А. Б.) выглядит попыткой оправдать одну из самых предосудительных акций, сыгравшую роль приказа для всей России. Вслед за Москвой, стремясь не отстать от столицы, многие древние города поспешили стереть с лица земли кафедральные соборы, те из них, что относились к стилю подлинному, восходили к векам XVI и XVII». Проводилась в жизнь теория: «Прекрасные здания мудрой и неувядаемой архитектуры в отдалении обступят Красную площадь. И Кремль станет маленьким среди них, золоченой безделушкой, затерявшейся в социалистическом веке».

Молодая критика воспринимает как кощунство некоторые теории 30-х годов. Как можно пытаться умалить значение Кремля? Как можно пытаться превратить Кремль в золоченую безделушку?! Теперь уже просто немыслимо пытаться повторять что-то подобное. Однако рецидивы вульгарной социологии и бездуховного нигилизма, полного невежества в истории Отечества еще дают себя знать. В искусствоведении это упомянутое выступление историка Ю. Н. Жукова. А в литературной критике такое же (гневное) удивление общественности вызвало выступление в газете «Советская культура» (17 марта 1987 г.) С. Калтахчяна со

статьей «Куда стремится «единый поток», в которой он грубо вульгаризировал и довел практически до противоположности справедливый призыв к историзму мышления, тем самым дискредитируя призванных им к себе якобы в философскую помощь серьезных и ответственных мыслителей.

Дискуссия о культурном наследии была острая. В. И. Ленин обосновал возможность построения социализма в одной стране. В. И. Ленин заложил философско-теоретические основы, опираясь на которые, мы начали строить страну. В том числе основы национального и культурного строительства. Исходя из ленинской теории, социалистические страны строят у себя социализм каждая в соответствии со своей национальной спецификой. С. Калтахчян, однако, вступает в полемику с В. Кожиновым, автором статьи в журнале «Москва», и начинает доказывать, что, мол, ленинской концепции национальной культуры нет. Что и национальной культуры нет.

На наш взгляд, совершенно прав В. Новиков, утверждавший на страницах «Литературной газеты»: «Культурное наследие интересовало Ленина как проявление творческих способностей нации, как одна из движущих сил историчекого прогресса... Гениальность Ленина заключается в том, что он вместе с законами экономического развития открыл... законы развития нового, социалистического искусства... теоретически и практически доказал роль культурного наследия в развитии искусства. Неверно полагать, будто Ленин обращался к вопросам культуры, к проблемам наследия только от случая к случаю, меняя свою точку зрения в зависимости от ситуации, что у него не было стройной и последовательной системы взглядов в этой области». В. Новиков аргументированно указывает на этом основании В. Кожинову на его непоследовательность, на поспешность некоторых его броских выводов. «В. Кожинов считает, что Ленин по этому вопросу (о культурном наследии. — **А. Б.**) до революции занимал одну позицию, а после — другую: «Совершенно иначе решает вопрос В. И. Ленин в 1919 году...» Какие доказательства приводит В. Кожинов? Из ленинских работ с этой целью приводится только одна цитата...» — сетует В. Новиков. В. Кожинову действительно свойствен порой расчет на эффект, торопливость, камуфлируемую броскостью вместо поисков полного объяснения.

Однако, уличив В. Кожинова в «непоследовательности», В. Новиков затем почему-то вдруг сразу спешит снять и сам заостренный В. Кожиновым и А. Кузьминым («Наш современник») вопрос. Но как же тогда воспринимать слова самого В. И. Ленина, который, будучи выдающимся ученым-теоретиком, всегда абсолютно точно формулировал мысль и не допускал никаких двойных толкований, зыбких недоговоренностей и возможностей извратить смысл им сказанного? «Нужно взять **всю культуру**, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм», — с предельной ясностью объяснял В. И. Ленин (выделено мною. — **А. Б.**). Ничегошеньки здесь про «две культуры» нет. Ничего нет здесь у В. И. Ленина про то, что, мол, одну культуру надо отбросить, а вот только другую взять.

Итак, что это? Неувязка в первоисточнике? Или все-таки, как считает наша молодая критика, типичнейший для времени застоя ученый **просмотр** наших литературоведов-теоретиков, которые передоверились концепциям 30-х —50-х годов, формировавшимся

порой еще под влиянием троцкистских перегибов («сбрасывания классиков с парохода современности») и просто недостаточной образованности тогдашней новой профессуры, нередко надевавшей академическую мантию сразу после приходского училища.

Время было переломное. Кому-то была по душе стихия беспамятства. Кто-то искренне уверовал в асфальт и конструктивистские стеклянные города, под строительство которых готовили пустыри. Первобытные дикари расчищали себе участки для землепользования методом выжигания. Потом поняли, что леса остается все меньше. В наших условиях эти методы, естественно, встречали сопротивление. Извратив ленинскую концепцию национальной культуры, оказалось возможным прополоть библиотечные фонды, отлучить Сергея Есенина, отрубить добрую половину отечественной культуры, убрав ее в запасники. Невежество охотно шло на поводу у извращенной концепции. В наше время перестройки многое из культурного наследия, бездумно перечеркнутое в 30-е годы, достойно возвращено народу. Но, разумеется, нужно уметь правильно оценить это наследие. Вот почему ленинская концепция национальной культуры сейчас особенно нуждается в фундаментальной разработке. В серьезном, а не вульгарном подходе.

Вернемся к ленинской формуле: «...нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм». Противники безоговорочного признания этой формулы считают, что, мол, Ленин здесь просто оговорился. Мол, помнил про «две культуры», но не счел нужным в данном контексте об этом специально упомянуть. Такова вся логика рассуждения С. Калтахчяна. Но и В. Новиков, противореча самому себе, тоже вдруг пишет: «В. Кожинов конкретные положения Ленина о конкретных задачах революционного дня, когда решался вопрос, как добыть пуд угля, пуд железа, как заставить работать фабрики и заводы, переводит в иную плоскость». Но в какую иную? Оказывается, иная плоскость по сравнению с задачами революционного дня для В. Новикова — это плоскость культуры. В. И. Ленин пишет о культуре, а В. Новиков вроде как этого не слышит и не видит.

Создается впечатление, что наши теоретики-литературоведы просто не хотят перечитать В. И. Ленина. Наши экономисты, осуществляя перестройку, снова и снова обращаются к фундаментальным работам В. И. Ленина — таким, как «Успехи и трудности Советской власти» (из этой работы приведена мною формула «нужно взять всю культуру»), как труды В. И. Ленина по разработке новой экономической политики. «Главное, чего нам не хватает, — культурности, уменья управлять», — писал В. И. Ленин в марте 1922 года, готовя план политдоклада на XI съезде партии. И объяснял, как нужно развить эту мысль: «Иллюстрация этого небольшими примерами. Экономически и политически **нэп** вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики. Дело «только» в **культурных силах** пролетариата и его авангарда... Разрыв между величием и начатых осуществлением задач и нищетой, как материальной, так и **культурной**». Если следовать узкой логике, то легко это внимание В. И. Ленина к культуре как бы принизить до умения культурно использовать технику — и только. Приспособленческий, деляческий подход и сегодня удовлетворился бы

таким пониманием культуры. Но В. И. Ленин видел в культуре не одну техническую осведомленность, а прежде всего общий дух общества. В докладе «Новая экономическая политика и задачи политпросветов» В. И. Ленин словно специально для нас повторяет свою мысль о культуре как первостепенном средстве новой экономической политики. «Нужна та **культура**, которая учит бороться с волокитой и взятками, — акцентирует В. И. Ленин простую истину о культуре как факторе духовного состояния общества, способного противостоять коррупции и потребиловке. — Это — такая болячка, которую никакими военными победами и никакими политическими преобразованиями нельзя вылечить. По сути дела, эту болячку нельзя вылечить военными победами и политическими преобразованиями, а возможно вылечить только одним **подъемом культуры**» (выделено мною. — **А. Б.**).

Когда наша партия начинала перестройку, то кому-то по старинке показалось удивительным, почему первые шаги перестройки были направлены именно в культуру — на ее духовное раскрепощение и оздоровление. Но ведь это мудрость ленинского понимания, что экономические реформы должны непременно иметь культурное, духовное обеспечение. Когда несколько лет назад наша литературная критика подняла на щит изречение В. Шукшина «Нравственность есть правда», это могло кому-то показаться частным успехом. Но ведь суть-то была в том, что страшным бичом общества была двойная правда: одна — для отчетности, другая — для внутреннего пользования. Деревенская проза имела своей главной целью — указать на национальные корни нравственности и спасти их.

Привыкнув к схоластическому комментированию, не умея видеть проблемы объемно, наши эстетики, пожалуй, до сих пор все еще смотрят на культуру вне ее духовной ауры, не понимают, что Ф. И. Тютчев, неизменно открытый на столе у В. И. Ленина в труднейшие послереволюционные годы, — это не ностальгия вождя по культуре, но источник духовной энергии. Культура создает атмосферу, тот нравственный воздух, без которого останавливается прогресс. Критику ложных авторитетов, явившихся первоисточником застойных явлений в нашем обществоведении, в том числе и в литературоведении, настойчиво проводит сейчас партия. И это получает полную поддержку народа. Бюрократия была практически заинтересована в застое культуры. Отсюда многие негативные явления, которые из промахов и недостатков самой культуры объяснить нельзя. Отсюда неосхоластические теории как средство сдерживания.

Мы, литературные критики, любим цитировать В. Белинского: «В России пока еще существует только критика искусства и литературы. Это обстоятельство придает ей еще больший интерес и большую ясность. Литературные мнения разносятся у нас скоро и быстро, и каждое находит себе последователей. Можно сказать без преувеличения, что пока еще только в искусстве и литературе, а следовательно, в эстетической и литературной критике, выражается интеллектуальное сознание нашего общества». Мы с удовольствием подчеркиваем, что почти все выдающиеся отечественные революционеры не чурались литературно-критической деятельности. Ленинские статьи о Толстом остаются образцом подлинной отечественной литературной критики. Выдающимся литератором был Г. В. Плеханов. Русская литературная крити-

ка — в лице Белинского, Добролюбова, Чернышевского — подняла отечественную культуру на борьбу с самодержавием. Ленинская работа «Партийная организация и партийная литература» объяснила задачи непосредственно участвующей в прямой политической борьбе прессы и шире — литературы.

Вскрыв лицемерие, фальшивую вывеску буржуазных свобод в области культуры, В. И. Ленин в этой работе выдвинул лозунг «действительно — свободной, **открыто** связанной с пролетариатом литературы». В условиях кризиса, застоя культуры и увода искусства и литературы от живой жизни общества в закрытый монастырь «богомольного поклонничества» красоте, что пыталась сделать полемизировавшая с идеями В. И. Ленина группа К. Чуковского (см. например, его статью «Циферблат Г. Бельтова» о книге Плеханова «За 20 лет» в «Весах» № 2, 1906), статья «Партийная организация и партийная литература» прозвучала как манифест подлинной гласности и демократии. В. И. Ленин уже в этой своей работе предостерегал от левацкого утопизма, послужившего идейной базой для всякого рода рапповских и троцкистко-бухаринских нигилистических «максималистских» претензий к классической культуре, под черным флагом которых дискредитировалось все лучшее из нашего наследия. В. И. Ленин объяснял, что указывать на противоречия буржуазной культуры — вовсе не значит ее перечеркивать, надо понимать ее исторические возможности. «И мы, социалисты, разоблачаем это лицемерие, срываем фальшивые вывески — не для того, чтобы получить неклассовую литературу и искусство (это будет возможно лишь в социалистическом внеклассовом обществе)», — втолковывал В. И. Ленин. Глупо и преступно поднимать руку на культурное наследие только потому, что наши классики были в каких-то своих воззрениях исторически ограничены.

В 1913 году В. И. Ленин выступил против лозунга национально-культурной автономии. Это был период нового подъема революционного движения в России, когда буржуазия, пытаясь разобщить силы революционного пролетариата, бросила лозунг национально-культурной автономии, поддержанный бундовцами. В статье «Рабочий класс и национальный вопрос» В. И. Ленин вовремя обнаружил этот политический маневр противника. Он писал: «Рабочие **не дадут разделить себя никакими сладкими речами о национальной культуре»** или «национально-культурной автономии». Рабочие всех наций отстаивают **«дружно, вместе, в общих организациях**, полную свободу и полное равноправие — **залог истинной культуры»** (выделено мной. — **А. Б.**).

Противники ленинизма не приняли этого предостережения. Они увидели в этих словах Ленина «старые ассимиляторские россказни». Верные своему курсу на раскол единого рабочего движения, они выступили против ленинского лозунга интернационализма, и В. И. Ленину пришлось снова и уже более развернуто объяснить бундовцу Либману и его коллегам, что они передергивают факты. «С чрезвычайно самоуверенным видом, как человек, «знакомый с национальным вопросом», в качестве «давно известных истин» преподносит нам г. бундист обычные буржуазные взгляды, — отвечал В. И. Ленин г. Либману. — Да, **интернациональная культура не безнациональна**, любезный бундист. **Никто этого не говорил. Никто «чистой» культуры** ни польской, ни еврейской, ни русской и т. д. **не провозглашал»**, —

уточнял также В. И. Ленин сложную диалектику своей концепции национальной культуры. Понятию «иннационального», то есть безнационального, безнародного, на котором спекулировал Либман, В. И. Ленин противопоставил понятие «интернациональное», шовинистическому понятию «чистой» культуры — понятие национальной культуры, взаимообогащейся в интернациональном единстве и опирающейся на демократические традиции. В этой же статье «Критические заметки по национальному вопросу» В. И. Ленин подробно остановился на факторе существования двух культур в буржуазной культуре.

Еще в заметке «Как епископ Никон защищает украинцев?» В. И. Ленин объяснял: «Сознательные рабочие поняли, что лозунг «национальной культуры» есть клерикальный или буржуазный обман — все равно, идет ли речь о великорусской, украинской, еврейской, польской, грузинской или любой иной культуре. **125 лет тому назад,** когда не было еще раскола нации на буржуазию и пролетариат, **лозунг национальной культуры мог быть единым и цельным призывом** к борьбе против феодализма и клерикализма. Но с тех пор классовая борьба буржуазии с пролетариатом разгорелась повсюду. Раскол «единой» нации на эксплуататоров и эксплуатируемых стал совершившимся фактом». Естественно, надо понимать, что такой лозунг мог бы снова появиться, когда будет ликвидирован раскол нации на эксплуататоров и эксплуатируемых, то есть после осуществления социалистической революции. Напомним, что в статье «Партийная организация и партийная литература» В. И. Ленин прямо подчеркивал, что «это будет возможно лишь в социалистическом внеклассовом обществе». Ну а наше отношение к той прошлой культуре, которая создавалась в условиях раскола нации, и к зарубежной буржуазной культуре, создаваемой по-прежнему в условиях раскола?

Здесь В. И. Ленин выдвигает положение о «двух культурах». Когда Ленин объяснял это положение, то ныне всем прекрасно знакомой гнилой «массовой культуры» еще теоретически не существовало. Буржуазия еще не располагала такими средствами массовых коммуникаций, которые позволили бы выдвинуть идею некоего специального развлекательно-фиктивного культурного суррогата, производимого в ширпотребных масштабах для «низкого уровня» оболваниваемых масс. Но универсальность ленинской концепции национальной культуры, его гениальное научное провидчество выразилось в том, что В. И. Ленин заранее уже совершенно точно предсказал параметры «культуры Пуришкевичей, Гучковых и Струве». Наша молодежь обратила внимание на самую суть ленинской работы «Критические заметки по национальному вопросу». В. И. Ленин выделял здесь в противовес культуре Плеханова и Чернышевского фиктивную псевдокультуру Пуришкевичей, Гучковых и Струве. По Ленину это культура «нетей» — «неписателей», «некритиков», «непоэтов». «Культура Пуришкевичей» — это будущая массовая культура спекулянтов на культуре, подделывающихся под нее.

Очень важно видеть кардинальную разграничительную линию между культурой действительной и ее тенью — культурой паразитарной. Наши критики тонко подметили, что В. И. Ленин далеко не случайно не поставил в ряд «культуры Пуришкевичей» ни одного даже самого одиозного писательского имени.

Ведь если принять возможность культуры у Пуришкевичей, то тогда нарушатся все реальные критерии. Тогда очень просто будет в сугубо групповых, антикультурных интересах вносить в сакраментальный список «второй культуры» (псевдокультуры) любого неугодного РАППу, Бухарину или какому-то другому левацкому экстремисту-критику или политику выдающегося, но в чем-то противоречивого писателя. И ведь так было с Ф. Достоевским, С. Есениным. Даже с любимым поэтом В. И. Ленина — Ф. Тютчевым. Не говоря уж о Бунине, Гумилеве, Георгии Иванове, Замятине, Северянине и многих других «сложных» писателях XX века. некоторые наши критики-теоретики старательно записывали в ненужную «вторую культуру» многих талантливых писателей славянофильского и народнического направлений, бездумно наклеивали ярлычки «реакционеров» на творцов произведений, вошедших в сокровищницу отечественного культурного наследия. Перестройка вернула читателям искусственно отлученных авторов. Реабилитированы уже многие незаслуженно забытые, а то и попросту очерненные писатели. Но духовный процесс перестройки должен стать необратимым, и гарантии этого в правильном, соответствующем духу нашего времени эстетическом взгляде на наследие. В верности ленинскому призыву «взять всю культуру», то есть подлинную.

Работа здесь практически еще только начинается. Предстоит переосмыслить наше отношение к такой культуре. Понять, что мы преходящи, а она вечна. Понять, что она — такая же ценность, как синее небо над головой и золотое русское поле, в котором чисто дышится и мысли яснеют, становятся высокими. Только сейчас, начав преодолевать общественный застой, мы начинаем до конца понимать то, о чем настоятельно предупреждал народ в своих работах послеоктябрьского периода В. И. Ленин, — всю глобальность воздействия культуры на судьбу народа и государства. От уровня культуры зависят общественные идеалы. Уровнем культуры определяется уровень общественной сознательности. Академик Д. С. Лихачев недавно предупреждал на страницах журнала «Крестьянка»: «Запас» памятников культуры, **«запас» культурной среды крайне ограничен в мире,** и он истощается со все прогрессирующей скоростью. **Техника, которая сама является продуктом культуры, служит иногда в большей мере умерщвлению культуры**, чем продлению жизни культуры». И там же: «К патриотизму нельзя только призывать, его нужно заботливо воспитывать — воспитывать любовь к родным местам, **воспитывать духовную оседлость.** А для всего этого необходимо развивать науку культурной экологии. Не только природная среда, но и культурная среда, среда памятников культуры и ее воздействие на человека должны подвергаться тщательному научному изучению. **Не будет корней** в родной местности, в родной стране — **будет много людей, похожих на степное растение перекати-поле».** Это прежде всего люди без культуры. Идеология «бывших», вся их психология, их поразительная духовная ущербность — во многом результат работы «бульдозеристов» — леваков, специализировавшихся на проповедях интернационального культурного сознания и вырывавших отечественные духовные корни. Д. Лихачев очень правильно поднял вопрос о необходимости сыновней доброты в нашем отношении к отечественной культуре и ее сложному и богатейшему культурному насле-

дию. Не обвинять бы нам надо, подобно иным ретивым разрушителям из РАППа или их оппонентам из формалистических объединений, — свое культурное наследие. «Мы сами должны быть интеллигентны, культурны, воспитанны, понимать красоту и быть добрыми — именно добрыми и благодарными нашим предкам, создававшим для нас и наших потомков всю ту красоту, которую не кто-либо другой, а именно мы не умеем порой опознать, **принять в свой нравственный мир, хранить и деятельно защищать».**

Наша молодая литературная критика целиком и полностью стоит на этом кредо, провозглашенном наиболее чуткими к культуре и не сломленными застоем представителями самого старого нашего поколения. Наши молодые критики, тяготеющие к теории и обладающие достаточной эрудицией, такие, как А. Казинцев, А. Фоменко, С. Боровиков, В. Сахаров, Е. Маркова, Н. Утехин, С. Лыкошин, В. Карпец, думается, не случайно охотно цитируют в своих выступлениях Д. Лихачева, Ю. Прокушева, М. Лобанова, Г. Поспелова, Р. Самарина, Б. Рыбакова, П. Маркова, А. Кузьмина, других критиков, литературоведов старшего поколения.

А борьба за культуру предстоит еще упорная. Гласность дала возможность вернуть многое из прошлого. Но она сама по себе еще не гарантирует от каких-то новых извращений в культурной политике.

На пленуме совета по критике и литературоведению Союза писателей СССР критик и литературовед Н. Анастасьев, полемизируя со статьей Е. Марковой «Ответственность» («Молодая гвардия» № 3 за 1985 г.) и упрекая ее в «квасном патриотизме» за то, что она цитировала хрестоматийные стихи Вл. Маяковского о советском паспорте без должной критичности, выдвинул, например, такую новую трактовку ленинской концепции национальной культуры: «Мысль о приоритете общечеловеческих ценностей над классовыми дает устойчивые критерии и литературоведам и критикам. Отстаивание эгоистически-национальных, эгоистически-классовых ценностей в ущерб общечеловеческим, нормативность эстетических принципов является главным признаком массовой культуры» (цитирую по официальному отчету в «Литературной газете», 24 июня 1987 г. — **А. Б.**). Вот уж поистине ошеломляющий теоретический кульбит. До сих пор считалось аксиомой, что «массовая культура» — явление космополитическое. Что она типичный продукт «массового общества», специфическая форма функционирования буржуазной культуры. Задача массовой культуры — унификация культуры путем сведения ее к сугубо развлекательной функции. Такая «культура» устанавливает психологический контроль над умами масс, приучает их к стандартным потребностям и стереотипному мышлению. В такой культуре не сохраняется национальная специфика. Культурное наследие любой нации отрицается. С общечеловеческими ценностями такая культура ничего общего вообще не имеет. Ибо здесь нет ценностей. Есть суррогат.

На пленуме Совета по критике Н. Анастасьеву возражали С. Селиванова и Е. Маркова. С. Селиванова доказала, что «массовая культура возникает в результате разрыва с традицией народности». «Выступление Н. Анастасьева еще раз убеждает, — продолжила она, — сколь разнятся сегодня наши критические позиции и как важно все-таки найти общее, объединяющее хотя

бы по кардинальным вопросам литературной теории». Но, может быть, более права Е. Маркова, отказавшаяся искать компромиссы по вопросам, принципиальным для судьбы культуры и нации? Разрушителей надо хватать за руку, а не отдавать им сначала один памятник для уничтожения, потом еще один... «У нас всех одно отчество — наше Отечество, и его надо свято беречь как собственное достоинство, как имя свое», — отвечала Н. Анастасьеву молодой критик. И думается, что она здесь смотрит именно в корень проблемы. Дело в том, что на тенденциозной обработке всякого рода неуважительных к национальному высказываний как раз и возводится довольно стройная, хотя и насквозь фальшивая «советологическая» концепция о будто бы враждебности «социалистического реализма» ко всему национальному культурному наследию народов, вошедших в Советский Союз, об усилившемся нигилизме к специфике их нынешней национальной социалистической культуры. Об этой болевой точке нашей культурной жизни, до сих пор не излеченной из-за продолжающихся срывов нашей литературной критики, пишет А. Яковлев: «В последние годы иногда вполголоса, а то и явно звучит критика революции и Советской власти (на плечи которых перекладываются субъективистские ошибки «леваков». — А. Б.) за их будто бы разрушительную политику по отношению к национальным культурам. В подтексте такого рода рассуждений содержится мысль о том, что именно классовый социалистический подход, пролетарский интернационализм оказались на практике причиной «обеднения» национальных культур. Это политические спекуляции на незнании, невежестве, а также прямой результат того, что демагогия, повторяющая буржуазные пропагандистские басни, не получает аргументированного отпора со стороны научной критики, призванной отстаивать историческую истину».

Думается, что четкая диалектическая позиция нашей молодой критики, которая преодолевает схоластические теории оказавшейся бесплодной, а порой даже объективно вредной старой догматической критики 30—50-х годов и осваивает ленинский завет «взять культуру» прошлого, поможет исключить возможность спекуляций нашего идеологического противника.

2. ЧТО МЫ БЕРЕМ И ОТ ЧЕГО ОТКАЗЫВАЕМСЯ ИЗ ОПЫТА 60-х?

Этот вопрос сейчас тоже остро поставила молодая критика. С одной стороны, С. Чупринин с опубликованной целой серией творческих портретов критиков 60-х, с другой — В. Хатюшин, Е. Маркова, В. Карпец, тоже не скрывающие, что, глядя как бы через поколение, видят себя прямыми преемниками дела критики 60-х годов. Самое примечательное, что и ключевые фигуры для обеих сторон молодой критики здесь совершенно сходятся. Но вот трактовка порой явно противоположная. И ищут у своих предтеч они разное. Имена М. Лобанова, Ю. Прокушева, Е. Осетрова, А. Михайлова, А. Туркова, В. Турбина и ровесников нынешних наших молодых критиков, тогда только начинавших: П. Палиевского, В. Кожинова, А. Ланщикова, В. Чалмаева, И. Дедкова, В. Гусева, Ю. Селезнева — по-прежнему вспоминаются мо-

лодыми в статьях, в литературных спорах. Критическая мысль 60-х годов подготовила нынешнюю духовную революцию в культуре. Таков общий пафос многих, без разделения на отдельные симпатии и антипатии, оценок молодыми авторами критической мысли 60-х годов.

Сейчас, обучаясь по той критике вести за собой общество, сделать критические разделы журналов самыми читаемыми, дающими постоянных подписчиков-единомышленников, молодой С. Чупринин увидел смысл критики 60-х в освобожденной субъективности. Для него В. Кожинов, Л. Аннинский, И. Золотусский были прежде всего «субъективны». Он пишет об Аннинском, нащупавшем путь к популярности: «О чем бы он теперь ни писал, он пишет о русском. О судьбе русского человека, формируемой полем национального бытия». Но тут же, разубеждая самого себя, пытается объявить, что Аннинский среди критиков — «кошка, которая гуляет сама по себе». В. Кожинова Чупринин рисует вообще чуть ли ни лидером крайнего субъективизма — апологетом критической воли, внушающим бедным читателям, покоренным этой волей, буквально все, что только критик захочет. То, что В. Кожинов при этом всю свою критическую волю расходует на идеи и темы, в общем-то (при совершенно частных расхождениях) практически схожие с идеями и темами Л. Аннинского и И. Золотусского, — этого опять Чупринин пытается не заметить. Утверждает, что общей закономерности (а значит, и иного стремления, чем субъективизм) здесь нет.

Молодой критик не пришивает «субъективизма» только М. Лобанову. И то, может быть, лишь потому, что более других недолюбливает его — за слишком уж крайнюю, как он считает, позицию, а проще говоря: за абсолютную последовательность, которой славится этот критик.

Напротив, молодая критика, полемизирующая с С. Чуприниным, А. Мальгиным, М. Эпштейном по, казалось бы, сугубо своим «молодежным» проблемам, видит причину высокой популярности М. Лобанова, В. Кожинова (к ним она добавляет еще А. Ланщикова, Ю. Селезнева и из критиков старшего поколения Ю. Прокушева) в полном преодолении как раз «субъективности». В разрыве с волюнтаризмом вульгарно-социологического мышления. Но, самое главное, в критике тех трудных 60-х нынешние молодые увидели пример конкретного дела. Пошли в бой, самим крепко досталось, не многие выдержали до конца. Но... Юрий Прокушев практически добился полной реабилитации Есенина, сказал весомое слово о Василии Федорове, помог понять талант Егора Исаева. Многие тогдашние молодые критики обязаны Юрию Прокушеву своим идейным и творческим становлением. Неустрашимым бойцом показал себя М. Лобанов, немало сделавший для формирования своих молодых коллег. В. Кожинов много писал о Николае Рубцове, Николае Тряпкине, Юрии Кузнецове, Василии Казанцеве. Молодая критика 60-х годов боролась за всенародное признание «деревенской прозы», отстояла право на свой путь «тихой лирики». Наконец, все движение по охране памятников истории культуры, принявшее всенародные масштабы, имело в своем авангарде, сражавшемся на самой передовой, молодую критику 60-х годов. Именно на этой передовой сформировался гражданский талант этого поколения. И именно как участие в этом бою рассматривали для себя М. Лобанов и В. Лакшин свои

книги об Александре Островском, Ю. Лощиц — о Гончарове и Сковороде, Д. Жуков о русских писателях XVII века (прежде всего Аввакуме) и А. К. Толстом, В. Чалмаев — о Тургеневе, И. Золотусский — о Гоголе, Ю. Селезнев — о Достоевском. Литературная критика 60-х годов взялась за очистительную работу. Она чувствовала себя необходимой в деле отстаивания нашего культурного наследия.

Разговор об отношении к наследию, о концепции национальной культуры и об опыте молодой критики 60-х годов упирается в принцип состязательности, без которого сразу начинает задыхаться культура, и из силы, созидающей, поддерживающей высокий тонус всего общества, начинает превращаться в болото серости и в тормоз прогресса. «Именно так это мыслил Ленин в 20-х годах, когда поощрялась состязательность и в экономике, и в культуре, литературе, изобразительном творчестве. Ни одно из этих направлений в культуре не имело права и возможности «ликвидировать» своих оппонентов, утвердить свое монопольное господство — все стояли перед необходимостью хорошо, интересно, талантливо работать», — пишет Ф. Бурлацкий в статье «Перестройка: философский аспект» («Советская культура», 2 апреля 1987 г.). Духовный застой 70-х возник потому, что постепенно (а иногда и прямыми административными мерами) началась ликвидация духа соревнования в творчестве.

Сейчас, пожалуй, происходит второе рождение литературной критики 60-х годов, впрочем, как и всего поколения «шестидесятников». «В последний год произошел резкий сдвиг духовной исторической ситуации... Кто, как не былые «шестидесятники», опять лидирует в кино, театре? Пытается генерировать свежие идеи в экономике? Ломает стереотипы 70-х, казалось, намертво сковавшие жизнь? И на кого, как не на это поколение, опирается новая волна времени?» — весьма самокритично по отношению к своему поколению 70-х пишет критик Наталья Иванова, хотя тут же и добавляет, верная себе: «Конечно, и они сами, их ценности и идеалы не могли не измениться. Многие и сами изменили своим былым идеалам. Прошедшие десятилетия заставили многое продумать глубже, на многое взглянуть иначе. История поколения «шестидесятников» заслуживает отдельного разговора. Да, у них открылось второе дыхание — но цекой каких утрат?» («Литературная газета», 1 апреля 1987 г.). Впрочем, про свое поколение 70-х Н. Иванова пишет еще безжалостнее: «Утрата сил и времени, ранняя вялость — такова драма следующего за «шестидесятниками» поколения». Эффектное самобичевание.

Как же быть молодым? Что все-таки следует взять из опыта «шестидесятников» и от чего следует отказаться, чтобы не повторить наших ошибок — не упереться в тупик в тот момент, когда казалось, что духовная революция уже так была близка? На это дает ответ В. И. Ленин в работах «Успехи и трудности Советской власти», «Новая экономическая политика и задачи политпросветов», «Задачи союзов молодежи», «О пролетарской культуре». «Капитализм дает культуру только для меньшинства. А мы должны построить социализм из этой культуры. Другого материала у нас нет!»; «Но от раздавленного капитализма сыт не будешь. Нужно **взять всю культуру**, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю **науку**, технику, все знания, **искусство.** Без этого мы жизнь коммунисти-

ческого общества построить не можем!» «Марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеология революционного пролетариата тем, что марксизм отнюдь **не отбросил ценнейших завоеваний** буржуазной эпохи, а напротив, **усвоил** и переработал **все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры»!** Вот на каких постулатах построила молодая критика 60-х свою программу. На реабилитации! Спасти, сберечь, вдумчиво, без вульгарно-социологической прямолинейности истолковать состояние дел в литературе — это ценилось прежде всего. Молодая критика 60-х много занималась национальными культурами — созидательно, позитивно. В тогдашних работах трудно было найти стремление принизить культуру другого народа или возвысить собственную национальную культуру за счет другой.

Критику 60-х годов часто называют «исповедальной». И это верно. Ее основной жанр был эссе, ее тон лично-доверительный, ее цель — совместное обсуждение, а не вынесение вердиктов. Сравнивая молодую критику с молодой прозой и поэзией 60-х годов, обратим внимание на еще одну, может быть, даже самую примечательную черту — деструктивность. Известный поэт Давид Самойлов недавно точно и справедливо объяснил, почему пришла очень скоро в упадок, казалось бы, такая популярная, такая прогремевшая исповедальная поэзия 50—60-х годов во главе с Евг. Евтушенко, А. Вознесенским, Б. Ахмадулиной, критиком Е. Сидоровым. «Усердно занимаясь пересмотром, они совершали работу некоего отрицания предшествующего времени. И в форме, и в содержании. Но на одном отрицании поэзия держаться не может, поэтому поколение пятидесятых, несущее эту задачу, в общем ее завершило. И сейчас поэзия стоит перед формулированием новой положительной общественной задачи, потому что разрушено было очень многое (об этом уже говорится прямо). Расшатаны такие понятия, как гражданский долг, героизм. Поэтому поэзия сейчас находится в каком-то неопределенном, неточном состоянии» («Литературная Россия», 29 мая 1987 г.). Еще хуже было падение так называемой «исповедальной прозы». Ее деструктивизм привел в своем естественном развитии к тому, что ведущие авторы этой прозы (Аксенов, Гладилин, Ан. Кузнецов, Владимов) оказались в диссидентском лагере. Их уже не устроила сама Советская власть. Молодая исповедальная критика 60-х годов шла в бой восстанавливать позитивные начала и именно поэтому указала на дисгармоничность и противоречивость «эстрадной поэзии», а позже, когда «эстрадная поэзия» начала вырождаться только в «разрушительную поэзию», повела с нею борьбу. Активно защищая «высокую поэзию», сменившую «эстрадную», она показала, что за сниженными децибелами громкости (отсюда другое название этой поэзии: «тихая поэзия») стоят глубина мысли, чуткость, высокий патриотизм. В противовес «исповедальной прозе» молодая критика 60-х годов поддержала традиционный отечественный «толстый роман» с его эпическим размахом и гражданственным мышлением. Выдержала бой за «деревенскую прозу», убедительно доказав, что это проза не «провинциальная» или «патриархальная», а общенародная.

И когда теперь в статье «Огни — по всей Руси» молодой поэт и критик Владимир Карпец пишет: «Сегодня, после пережи-

того, высокая поэзия, как и государственность, становится делом самого народа. Не случайно наша «деревенская» литература оказалась главным направлением отечественной культуры» («Москва» № 6 за 1987 г.), — то это добрые семена критики 60-х годов, проросшие достойным духовным урожаем.

3. К КАКОМУ КРУГУ ЧИТАТЕЛЕЙ ОБРАЩАЕТСЯ МОЛОДАЯ КРИТИКА?

Стремление «взять всю культуру» и донести ее до всего народа было присуще уже молодой критике 60-х годов. Но в 60-х годах это движение только начиналось. Молодой критике приходилось сражаться за возвращение искусственно отлученной от народа части национальной классики. Сейчас в ходе перестройки круг наследия, которое должно быть введено в общенародный культурный обиход, расширился необозримо. Возникло даже опасение, что естественное увлечение ставшими широкодоступными поэтами и прозаиками из эмиграции или авторами, чья судьба была искалечена трагическими обстоятельствами 30-х годов, как-то сдвинуло подлинную широкую панораму культуры. Авангардисты, модернисты, сюрреалисты в живописи, например, получили явное предпочтение на страницах журнала «Огонек». То же и с поэзией, в которой на какое-то время явно оказалась в центре общественного внимания ее наиболее элитарная линия, саму себя адресовавшая заведомо узкому кругу ценителей.

Молодая критика оказалась перед непростым выбором — как в этом потоке реабилитации сохранить трезвость? Иначе как бы снова, как в 60-е годы, не пришлось с боем расчищать от залившей их тяжелой поэтической сели вершинные пики советской революционной поэзии — Александра Блока и Сергея Есенина. Вот почему далеко не только внутренним делом среди молодых критиков стала полемика с С. Чуприниным, начатая Е. Марковой в статье «Ответственность» и продолженная А. Хатюшиным в статье «Фантазийные проделки «черных дыр». И острый спор молодого критика Александра Казинцева с Андреем Мальгиным в таком контексте тоже вышел за пределы оценки «метафориков» и их оппонентов в молодой поэзии. Он вылился в серьезный разговор об отношении к отечественной поэзии и ее традиционным культурным ценностям.

В отличие от Казинцева, старающегося подробно растолковать А. Мальгину свою позицию, Лариса Баранова-Гонченко порой, может быть, излишне горячится: «Горе-теоретики нашего отечественного авангарда (в частности, К. Кедров), ориентирующие свое творческое стадо и одновременно читателей на новое метаметафорическое зрение, в сущности, повторяют основные постулаты идеолога «новейших умонастроений» М. Маклюэна, утверждавшего, что тот социально-культурный космос, в котором формировалось прошлое поколение, исчерпал себя полностью... Девиз Маклюэна, подхваченный, как становится ясно, нашими авангардистами: «К коллективному бессознательному!..» Вот и О. Хлебников, примыкающий к авангарду, в своем интервью «Литературной газете», высказывает весьма сходную точку зрения... Мы уже познакомились с рядом реалий изменяющегося мира от стирального порошка до спального мешка, — иронизи-

рует Л. Баранова-Гончеико, припоминая «образцы» новой отечественной авангардистской поэзии. — Но вот как научиться качественно новому всеземному типу сознания, не научившись прежде народному, национальному, — это действительно вызывает наше непонимание и несогласие. Опущенное звено — народного и национального сознания — очевидно зияет дырою в сознании наших авангардистов и «городских» (по Мальгину) поэтов, прошедших школу книгочейства, городского быта и незатейливых прогулок по старому и новому Арбату... Поэты авангарда, наша новая пост-интеллектуальная поэзия, не только сами не хотят участвовать в традиционном сознательном духовном процессе, но и критикам предлагают роль хорошо осведомленного в тайнах своих структур внутреннего и внешнего рецензента... Полный унисон. Только унисон этот наступил не в перекличке с предшественниками (соотечественниками), как клятвенно заверял нас Мальгин, а именно с **теоретиками «новой критики» Запада».**

Молодая критика 60-х годов, потерпев от старого догматизма, однако как-то легче в свое время отмежевалась от тогдашнего авангарда. Может быть, потому, что этот авангард уж слишком демонстративно отрицал отечественное и стремился на Запад.

Член-корреспондент АН СССР Ю. Поляков рассказывает на страницах «Комсомольской правды» в ответ на вопрос корреспондента о «господах, выехавших из СССР с израильской визой и оказавшихся в США, изучающих здесь (в частности, в Институте русской культуры при Техасском университете. — **А. Б.**), по их словам, проблемы русского футуризма в литературе и искусстве» и через каналы «чужих голосов» пытающихся доказать, что «русская культура, как таковая, давно загублена большевиками и только сейчас возрождается на Западе усилиями эмигрантов». Это как раз те, с кем впрямую пришлось бороться нашей молодой критике 60-х годов. Ю. Поляков говорит: «Знакомые мотивы! Не раз приходилось их слышать. Бессмысленно спорить с глухими и пытаться объяснить цвета радуги слепому. Конечно же, русская, советская культура питается родными, отечественными корнями, и абсурдно было бы утверждать обратное. Об этом, кстати, свидетельствует опыт бывших советских граждан, когда-то известных на Родине писателей, поэтов, кинематографистов. Не все из них, конечно, чистят котлы в нью-йоркских забегаловках и стоят в очередях за бесплатным супом (некоторые осели и по «чужим голосам», вещающим на СССР. — **А. Б.**), но все они без исключения не создали вне Родины ярких, запоминающихся произведений» («Комсомольская правда», 5 июля 1987 г.).

Нынешняя молодая критика остановилась перед более сложными проблемами, чем критика 60-х годов. Новый наш авангардизм поддерживается рядом достаточно авторитетных деятелей современной культуры. Не только Евг. Евтушенко превозносит его, но идеи авангардизма активно защищают и поэт А. Вознесенский, и известный театральный режиссер М. Захаров.

К чести молодой критики, она сама стремится разобраться в том, какие идеи ей пытаются внушить. Молодая критика сама чувствует себя достаточно идейно-зрелой, чтобы высмеять элитарные теории, инфильтруемые с голоса западной так называемой «новой критики».

В связи с этим не может не порадовать «рецензия на рецензию» «Фантазийные проделки «черных дыр» («Москва» № 6 за 1987 г.) — диалог молодого поэта и критика В. Хатюшина с С. Чуприниным, выступившим в журнале «Новый мир» (№ 1 за 1986 г.). Оба критика «схлестнулись» в споре о книге А. Вознесенского «Прорабы духа», в которой прозвучали определенныге, сугубо авангардистские мотивы. И вот В. Хатюшин очень точно обнажает спекулятивную в своей сущности, презрительную по отношению к культуре идеологию, которую не только вынес из книги А. Вознесенского С. Чупринин, но и попытался взять на критическое вооружение. Манипулировать с ее помощью «читательской массой».

В. Хатюшин цитирует С. Чупринина: «Читает Белла. Своя Белла (выделено С. Чуприниным. Имеется в виду Ахмадулина, — А. Б.). А вокруг тоже свои. Только свои». И пишет: «Не правда ли, есть от чего загрустить? Мало того, что вас не пускают вечером в ресторан или кафе только потому, что вы чужой, вас не устраивают переночевать в полупустующие гостиницы, на дверях которых красуется неизменное «свободных мест нет», вам не продают билеты на незаполненный поезд дальнего следования, — так теперь вам хотят ограничить вход на страницы книг, скрепленных таинственной печатью узкой посвященности. И вы еще острее ссознаете свою неполноценность... Чупринину очень нравится тон посвященного».

Практически С. Чупринин выступил против основополагающего принципа ленинской концепции национальной культуры. Что скрывать? Теневая «блатная» экономика, развившаяся в период застоя, породила не только «свои» парикмахерские, «салоны красоты», она попыталась перевести на уровень специфической теневой «сферы обслуживания» также некоторые «слои» нашей культуры. Хотим мы это признавать или нет, но уже в 70-е годы у нас активно начала действовать особая «культура», рассчитанная на потребление ее «особой» публикой — претендующей на «избранность». Этот потребитель жаждал «осетрины второй свежести» в культуре — пусть попахивающей, но непременно чтобы с «заграничной» наклейкой и доступной только для «своих». Культуры непременно «острой», «громкой» — «этакой с фистончиками»! На такого потребителя культуры и оказалось удобным приспособить, лишь слегка подновив, некоторые старые авангардистские одежки. В такой «импортной» упаковке легко заглатывался любой лежалый «товар», который стал уже «котироваться» по законам не культурной ценности, а моды. Самой обыкновенной «массовой моды». В. Хатюшин пишет о кредо С. Чупринина, гордящегося своей откровенной игрой с читателем: «Чтобы плетение словесных кружев не погрузило своего читателя в сладкозвучный сон, критик может себе позволить быть резким и прямым, как выстрел: «Он — посредник. Нужны для ясности синонимы?» «Почтарь, разводящий по городам и весям дипломы на «творянское» звание (по созвучию с «дворянским званием». — А. Б.) и весточки о том, кто и что нынче в моде». Литературный критик же, потеряв собственный голос, выражающий общественное самосознание и исповедующий критерии народности, превращается только в нанятого для перевозок — торговли «товаром» почтаря-подмастерья. Ясно, что такое кредо С. Чупринина встретило отпор со стороны нашей молодой критики.

Продолжением и логическим завершением этих «игр» С. Чупринина с читателем в элитарную поэзию и в свою особую роль критика — как он сам себя назвал со значением — «почтаря-подмастерья» у авангардистов, стала его статья «Настающее настоящее, или Размышления у парадного подъезда» (в заглавии намек на известное стихотворение Н. Некрасова), опубликованная в «Огоньке» (1987, № 42). «Думаю, что не только на меня произвели неприятное впечатление телепередача «Молодые литераторы в гостях у писателя Владимира Карпова» и выступления молодых романистов Юрия Сергеева и Сергея Алексеева на последнем пленуме Союза писателей СССР». Здоровый «консерватизм», говорит Чупринин, строгая художественная дисциплина, принципы прекрасной ясности и демократической общедоступности лирического высказывания мне самому, признаюсь, ближе, чем эмоциональная безудержность или эпатирующе экстравагантная неопрятность формы. Но я вместе с поэтами-«нонкоформистами», их слушателями, читателями и почитателями готов решительно протестовать...» Протестовать против принципа консолидации в Союзе писателей? Или С. Чупринину непременно нужна хоть какая-то оппозиция среди молодых, если не инакомыслящих, то хотя бы «нонкоформистов»?

Сама принципиальность этого отпора элитарным и ложным теориям свидетельствует о том, что нашу молодую критику не зря считают лидером и совестью всей молодой литературы.

Конечно, проблем у молодой критики еще будет много. «Потребность в «человеческой», культурной жизни, в объединении, в защите своего достоинства, своих прав человека и гражданина охватывает все и вся, встряхивает людей, еще далеко-далеко не способных подняться до партийности, — писал В. И. Ленин о специфических условиях ситуации перемен, определенной перестройки общественного сознания. — Насущность ближайших, элементарно-необходимых прав и реформ отодвигает, так сказать, помыслы и соображения о чем-то дальнейшем... Все и вся как будто «беспартийно»; все и вся приобретает легкий, легонький налет «социализма»... Идея беспартийности не может не одерживать при таких условиях известных временных побед. Беспартийность не может не становиться модным лозунгом...» Молодая критика, ее здоровое ядро, стоящее на твердых партийных позициях ленинской концепции культуры, разумеется, понимает определенную специфику момента. Понимает, что в этих условиях особенно важно не поддаться на либеральную фразу, на обманчивую широту какой-нибудь очередной «новой критики» Что ее задача — отстаивать интересы отечественной культуры!

По делам молодой критики видно, что она может справиться со своей задачей.

●

Ирина ШЕВЕЛЕВА

ЗАПОВЕДАННОЕ СЧАСТЬЕ

О СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДОЙ СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

Советская многонациональная поэзия сегодня — поэзия многих поколений. Прекрасны, героичны страницы ее многодесятилетней истории, написанные и судьбами поэтов. Маяковский, Есенин, Твардовский, Павло Тычина, Галактион Табидзе, Тициан Табидзе, Егише Чаренц, Муса Джалиль, Эдуардас Межелайтис, Янка Купала, Якуб Колас, Мирзо Турсунзаде, Педер Хузангай, Хамза — славные имена, знаменитые строки основоположников и героев этого небывалого в культуре человечества явления — единой и многонациональной литературы. Нет в нашей стране народа, самой малой национальности, которые за годы Советской власти, 70-летие которой мы ныне отметили, не вырастили бы из своих недр писателей, поэтов, ставших гордостью нашей страны.

Вспомнить еще раз об этом, общеизвестном, необходимо в разговоре о современной молодой поэзии. Сегодня это явление необычайно разветвленное, многоголосое, со своими творческими задачами, яркими

именами, проблемами. Само понятие «молодая поэзия» вбирает несколько возрастных поколений авторов, пришедших в послевоенную литературу. Ранние дебюты и поздние, верность призванию с первых шагов и затянувшийся инфантилизм, преемственность традиций и поиски «боковых» путей в погоне за оригинальностью самовыражения — все это принесла с собой молодая литература. Порой она представлялась критике безликой, неуправляемой массой, не выдвинувшей ярких имен, порой, наоборот, преувеличивалось значение чисто профессиональных поисков — как писать? — а сами эти поиски выдавались поэтами за путь к вершинам творчества. В сущности, это неустойчивое положение сохраняется и поныне. Отсюда потребность в перестройке подхода к самому литературному делу, обретения верных и плодотворных направлений творческих усилий.

Однако появились в молодой поэзии имена, которые уже не сбросишь со счетов. В самом существенном молодая литература идет дорогой учителей, старших поколений.

«Диктантом» Якуба Коласа назвал свою работу в поэзии белорусский поэт Владимир Некляев:

Диктует он:
«Все лето нет дождей...
Сухмень...
Сухмень. И жита две копны
Из-за жары мы не добрали дома...»
«Мне десять. Август. Желтые снопы».
Учитель улыбается:
«Знакомо?»

(Перевод Вадима Кузнецова)

Не только знакомо — доказывает своей поэтической работой В. Некляев, — все родное, одного корня. Отсюда он родом.

Продолжить судьбу Коласа, Купалы, Аркадия Кулешова — вот творческая установка поэта послевоенного поколения, лауреата премии Ленинского комсомола. Еще вчера он ходил в молодых, а сегодня — один из заметных поэтов Белоруссии.

Известно читателям Татарии имя молодого поэта Зульфата, чьи стихи песнями расходятся в народе. Свою и своего поколения поэзию он называет дальним отзвуком, эхом Тукаев и Бабичей — другими словами, прямо заявляет о своей причастности к народным традициям татарской поэзии. Непосредственным содержанием его лирики стал образ М. Джалиля:

Беркуту петь о любви не дано.
Петь о любви соловью суждено.
Создан один для стремительных битв.
Создан другой для любовных молитв.

Кем же из них был бессмертный Муса,
С песней, взывающей под небеса?
Беркут, запевший пред битвой своей,
Или летящий на смерть соловей?

(Перевод М. Акчурина)

Стихотворение, звучащее на глубоко личной ноте, достигает высокой, масштабной лирической крепости. Высок сам образ современного молодого поэта — потому что в его груди живет душа Джалиля.

Укрепление творческого духа традицией — характерная черта наиболее заметных представителей молодой многонациональной поэзии.

На первый взгляд это очевидное и само собой разумеющееся явление в литературе. Но нет, активное, страстное приобщение поэтов к традиции — завоевание целых десятилетий советской литературы. Как непросто давался всей нашей культуре тот уровень подлинно коммунистического интернационализма, о котором говорил М. С. Горбачев: «Мы за уважительное отношение и к национальным чувствам, и к истории, и к языку всех народов», — тоже записано в строках поэтов, в их раздумьях и признаниях. И немало среди записей воспоминаний о том, как сбрасывалось с корабля современности национальное историко-культурное прошлое.

К сегодняшнему дню многое вернулось из забвения — то, без чего невозможно представить народные корни, в чем воплощен народный дух. Так воплощен он в гениальном аварце Махмуде, воспевавшем любовь как свободное проявление человеческой личности в атмосфере феодально-религиозных запретов. Легендарна сама гибель поэта: обманутый, преданный, он смело пошел на гибель ради сохранения чести свободного человека. Его голосом говорит сегодня аварский поэт Рамазан Магомедов: «Совесть, совесть моя — неприступный рубеж».

Трудно переоценить в развитии сегодняшней туркменской литературы новое возрождение имени первого и непревзойденного классика Махтумкули. А таких примеров множество во всех наших национальных литературах.

Грозные испытания, героизм народов Советского Союза в Великой Отечественной войне всколыхнули глубочайшие пласты национального самосознания, национальной гордости. Они и дали плодоносные всходы на ниве советской литературы, определили ее нынешнее звучание.

Молодое поколение нашего времени воспитывалось в этом социально-историческом духе, что открыто сказывается в творчестве многих поэтов. Преемственность — не эпигонство, не перепевы. Это поистине новое поэтическое сотворение мира. Оно отразилось в строках лауреата премии Ленинского комсомола таджикской поэтессы Гулрухсор Сафиевой:

К вершинам солнечным меня
Памир зовет опять,
Ста открывателями он
открыт и не открыт,
Так знают все Турсун-заде —
да разве мир понять!..

(Перевод Т. Кузовлевой)

Песня о поэте для молодой поэзии — песня собственного пути.

Энергия, высота духа, крепость образности, возможность ощутить упругую, живую силу собственного слова — вот что дает каждому поэту национальная традиция. Она же дает отвагу гово-

рить о народе, о национальной исторической судьбе, об истории страны.

К сожалению, немало еще поэтов, весьма обедненно представляющих себе традицию как шаблонное следование уже созданным образцам, а потому и противопоставляющих ее весьма однобоко понимаемому новаторству. Немало и критиков, активно поддерживающих это заблуждение. Причем «расслоение» здесь идет отнюдь не по возрастным линиям.

В разговоре о литературе Бурятии, отталкиваясь от строк рано ушедшего талантливого поэта Д. Улзытуева, в которых он иронизирует над штампами, вроде «золотое солнце», «горячее сердце», московский критик А. Турков предложил свой способ борьбы с серостью в литературе: «Действительно, ныне остро требуется определенное (?) «перевооружение» и в связи с этим «инвентаризация» писательского инструментария». Терминология критика настолько неопределенна, неконкретна, что сам смысл «переворужения» писателей «инструментарием» воспринимается как риторический призыв. Да ведь и предлагаются-то уже доказавшие свою бесполезность средства: «новые слова для «нового» содержания». Что это означает, давно известно даже самым молодым — из тех, кто еще только делает первые шаги в литературе, о чем с наивной непосредственностью — и большой долей апломба — говорит молодой бурятский поэт Амарсана Улзытуев: «Еще Пастернак говорил, что истинный поэт должен входить в мир поэзии со своим «макетом мироздания»... «Хлебников, Маяковский, Пастернак, Цветаева и другие поэты (?), обладающие мощнейшей образной потенцией, не до конца (!) исчерпали возможности метафоры, развернутого сравнения образов и символов в поэзии. Для нас, молодых поэтов, они оставили еще край непочатый дальнейшего развития этих выразительнейших элементов стихосложения. И наше дело искать новые возможности их использования». Яснее не скажешь, вернее, яснее трудно обнаружить всю ту мешанину и путаницу в понимании «выразительнейших» (выразительных?) средств стихосложения», подменяющих подлинное призвание поэзии. И ведь неловко даже упрекать двадцатилетних поэтов за подобное проявление безответственности перед словом, культурой, народом — молоды, неопытны и т. п.

Вопрос о том, как и что завещано молодой литературе, — один из важнейших сегодня. Каждому поэту завещан язык его народа — а с ним история, идеалы, культура, художественное жизневосприятие, — все то, что емко названо в русском языке «миростоянием». И здесь никак не ограничиться приобретением «инструментария», если этого самого инструментария нет в «творческих генах» поэта, если в нем не заложена память поколений, не впитаны и глубоко не осознаны общественные идеалы. Об этом живом и плодоносном состоянии любой национальной культуры свидетельствуют вновь и вновь рождающиеся на ее почве стихи, в которых является и вечное и современное.

Поэт Владимир Андреев почувствовал необходимость выразить свое, заветное — судьбу деда, образ матери, смысл собственного явления в жизни. Он говорит: «Несокрушимым дед был в теле, очами светел и челом», о его подвиге защитника Родины: «Но все же в огненной метели упал и он в бою на землю и был зарыт в нее потом», о памяти, которой движется жизнь. Здесь и рождение самого поэта:

Под материнскую диктовку
Еще нетвердою рукой
Я, буквы выводя неловко,
Писал в столбец «за упокой».
В глазах рябило постепенно,
Конца, казалось, списку нет,
Но первым в ряде убиенных
И первой памятью — был дед.
И я в годах круговоротных
Живу, в ночи тревожно сплю.
И дед во сне встает из мертвых,
Когда за правду я стою.

То же чудо вечного пребывания на родной земле — в стихотворении молодого литовского поэта Стасиса Йонаускаса «Отчий дом»: «Он как время возникает, а откуда — не узнать...»

Самая кровная связь звучит в молодой поэзии в строках о войне, об отцах и братьях. Обращаясь к искалеченному на войне брату, кабардинский поэт Анатолий Бицуев пишет:

А я рожден после войны,
Но не забыл о ней:
Твоею ранен глухотой
И немотой твоей.

(Перевод И. Кашежевой)

Горькая и вечная поэзия — в письме не вернувшегося с войны отца русского поэта Геннадия Морозова:

Но связь есть живая меж нами,
Когда я читаю сейчас:
«А как у вас, Тася, с дровами?
И есть ли картошка у вас?»

Дрова, картошка, «что говорить о хлебе, о дровах, о молоке — его давно забыли...». Память военных лет — так же, как и память веков, — проникает в молодую поэзию с обыденными приметами жизни, которые накрепко, навсегда привязывают поэтов ко всему родному, заставляя живо чувствовать свои корни. И — рождаются неповторимые образы:

Мы слабли к весне. Нас ветрами качало,
Как в поле полынном худую траву,
Но зрела картошка и нас выручала
И нам, словно руки, тянула ботву.

Эти строки Г. Морозова как бы «неслышно», но прочно входят в традицию русской поэзии — образом картошки-кормилицы...

Время в строках горноалтайского поэта Бронтоя Бедюрова образно воплотилось в «неповторимом, тонком и щемящем» «запахе яблок в годы детства». Яблоки с далекой Украины присылал отцу поэта его фронтовой друг.

С запахом яблок в детском воображении рисовались сказочные картины Украины, вычитанные из Гоголя и Н. Островского ее

легендарные герои: Бульба, матрос Жухрай... А отец дополнял эти картины иными: «о пепелище — что ни дом — труба разрушенной печи, где ветер плачет...». Так в мирочувствование поэта с бытом входила история. Жизнь преподавала первые уроки духовности: «Не надо ждать, пока придет излишек. И на добро добром мы отвечали...»

Поднимаясь вместе со страной из разрухи, молодые самую жизнь свою видели и понимали как примету и суть единого возрождения страны. Это чувство выражено у бурятской поэтессы Галины Раднаевой:

Я — негасимой жизни фитилек
Трепещущий, я — красный уголек,
Горящий в очаге послевоенном,
Где тлеют не дотлеют слезы вдов
И теплятся их слабые надежды.

(Перевод В. Евпатова)

Твое детство — прямое продолжение судьбы Родины. Чувство это уже само собой показывает огромность духовно-исторического потенциала, накопленного нашей землей, с рождения воспринятого молодыми творцами слова.

Поэты — наследники народной памяти. Понимание, добытое десятилетиями советской литературы. Высоко оно, не каждому под силу. Не отсюда ли осложнение, засорение его псевдопоисками «оригинального» самовыражения? Об этом не стóило бы говорить, если бы именно хлам ветхой «новизны» не вырос сегодня в «гору проблем». Причем страх оказаться устаревшими особенно открыто проявляется у самых молодых, что высказано тем же А. Улзытуевым: «Почти все молодые предпочитают лирику, нежели публицистический тон в стихах...» «Мы — молодое поколение 20-летних — ищем... новое содержание, отражающее те проблемы, которые волнуют наших сверстников (словно под диктовку А. Туркова написано!). Может быть, что-то нащупала, затронула какие-то струны в смутных, противоречивых глубинах современной молодежи поэзия иронического характера якута Софрона Осипова...» «Поэзия Осипова полна иронического пессимизма: «В чрево девы мне бы влезть. — И свернуться, и забыться». Еще один сверстник А. Улзытуева — «наш земляк Анатолий Богатых — это своды классического храма поэзии. Его мировая скорбь, проступающая в каждом стихотворении, сопровождается совершенной музыкальной аранжировкой минорных дактилей и анапестов: «В моем одиночестве, в моем тупике, в комнатке занавешенной...»

Все это, разумеется, не ново не только для литературы нашего столетия... Вопрос в том, чтó именно из хорошо забытого старого назойливо провозглашается новизной. На это обратил внимание русский поэт Владимир Бояринов, много переводивший с языков братских народов: «В некоторых стихах звучат нотки одиночества, беспомощности. Это, по-моему, вытекает из желания быть оригинальным». О том же, но со знаком плюс пишет молодой чувашский критик А. Хузангай. Он говорит о стихах безвременно ушедшего чувашского поэта А. Атилла, по слова его звучат программно: «А. Атилл по-своему разрабатывает, помимо всего

прочего (?), поэтику Пастернака, что само по себе необычно (?). Потому что пастернаковские приемы «смешения всего и вся»... трудно было представить на чувашской почве. Но оказалось, это возможно... Он смог затронуть своего рода «запретные» для того времени темы: одиночество поэта на миру, будничный трагизм реальности, необратимость времени, муки творчества и непризнанность».

Мотивы непризнанности и «смешение всего и вся», увы, вопреки мнению А. Хузангая, сегодня достаточно обычны не только на «чувашской почве» (хотя почва тут ни при чем). Вот «Осень» грузинского поэта Юрия Вачнадзе:

Пора утрат, пора дождей,
Где в каждой капле безнадежность
И в то же время неизбежность
Судьбы моей, судьбы твоей.

Вот «Эпический певец весною» литовского поэта Корнелиюса Платялиса:

Мой голос охрип от походных песен (?),
А взгляд отвращения полон.
О чем и кому говорить?
Все шепчутся лишь о своих делишках,
Из которых важнейшее — мерзкие любовные игры.
Природа охвачена обновлением.
Слова не скрывают неприличных намеков.
«Так значит — все можно?» —
Вопрошаю, держа перед глазами продырявленный шлем,
Будто Йорика череп...

(Перевод В. Пасенюка)

Впрочем, «пастернаковские приемы» ныне стали расхожими штампами. Тут уже сам Пастернак и его поэзия ни при чем, он лишь «знак оригинальности», той новизны, что вроде бы помогает молодым заявить о себе. Таким «приемом» условно можно назвать стихи в литовском альманахе молодых «Лица». Поэт П. Браженас так характеризует его: «Лица» я представляю себе как альманах, активно борющийся за свое имя и литературный престиж, за читателей». Борьба ведется с явных позиций «новизны», непохожести, необычности, то есть, увы, всего того, от чего уже и не ждешь ничего нового. П. Браженас сочувственно следит за порывами молодых, например, Р. Даугирдаса:

...Так хочется перемен
Или просто выкричаться
Но как бывает чаще всего
Как бывает почти всегда
Вся сила уходит в орнаменты...

С такими настроениями, с таким «инструментарием», казалось бы, бороться и начинать бесполезно. Однако П. Браженас активно подталкивает молодых, которые даже «выкричаться» не в силах. Радуется признаниям Т. А. Рудокаса:

В полночь прилетает друг...
и спрашивает меня в испуге
слушай, у тебя так бывает
когда сидишь на стуле и вдруг
чувствуешь что сидеть
не может твоя душа взрывается и
рвется куда-то
вздохнув облегченно говорю слава
богу человек проснулся

Мотивы одиночества и подражание «пастернаковскому приему» имеют под собой, вероятно, не только и не столько желание подлинной свободы самовыражения, сколько иные причины. И они высказаны достаточно откровенно литераторами разных национальностей и разных поколений. Еще раз обратимся к А. Улзытуеву: «Мне не хочется, чтобы меня переводили, я хотел бы доносить до русского читателя свои мысли и чувства в неискаженном виде. Да и слишком велико искушение писать для аудитории неизмеримо большей, чем национальная». Литературная общественность Бурятии не видит ничего странного в явном нежелании А. Улзытуева стать именно бурятским поэтом. Бурятский критик Э. Уланов сетует прежде всего на слабое вовлечение современной бурятской литературы «во всесоюзную орбиту», автор статьи «Оглядываясь на традиции» С. Балданов — тоже: «...любое хорошее произведение, созданное на бурятском языке, рискует (!) не попасть в поле зрения критики, поэтому бурятские писатели во что бы то ни стало стремятся перевестись на русский язык, что, конечно, следует приветствовать». Но и всесоюзная орбита порой оказывается тесной, нужна европейская, мировая...

«Вот уже в третьей книжке он, средствами поэзии, вновь соединяет древние и новые пути народов» — это отзыв о пишущем на русском языке абхазском поэте Станиславе Лакобе, о его строках:

Я обнаруживал в себе
пласты веков,
когда как археолог проникал
в культурные слои людских пороков.

Этим «археологическим» изысканиям С. Лакобы его русский собрат по перу придает такое значение: «... для Лакобы, думаю, важен завет китайских поэтов эпохи Сун: «Если хочешь заниматься поэзией, сосредоточь свои усилия вне ее...» Завет сам по себе хорош, ибо он — о необходимости жизненного опыта. А отнюдь не об отречении от реального опыта жизни.

Безликое копирование «приемов мировой культуры» с особой очевидностью сказалось в нередких обращениях нашей молодой многонациональной поэзии к таким стихотворным формам, как верлибр и сонет. Причем эти формы объявляются эталонами поэтического дела вообще. Бурятский поэт В. Петонов обсуждает верлибр с тем же А. Улзытуевым: «Вообще бурятский национальный стих... скорее похож на верлибр в чистом виде — та же (?) ритмизованность, а не силлабика и тоника... Об этом еще в 1799 году писал француз Буше: «Сейчас уже почти решено, что у древних евреев не было никакой другой поэзии, кроме ритми-

ческой. То же самое нужно сказать о египтянах, финикийцах и обо всех древних народах Востока». А Улзытуев к верлибру относит и «Сказание (?) о полку Игореве», «слог которого основан на церковнославянской лексике Библии». Оставим в стороне слишком смелые умозаключения поэтов. Верлибр действительно практикуется во многих республиках. Им писал на русском языке и ушедший совсем юным из жизни бурятский поэт Намжил Нимбуев, яркой звездой загоревшийся на небосклоне молодой многонациональной поэзии. Он успел подготовить к печати всего одну книгу стихов, но не увидел ее выхода. Каков был бы путь его в литературе, угадать невозможно. Но он оставил, как верно пишет А. Улзытуев, чудесные, оригинальные образы:

Этой ночью по тихим долинам
Кочевали куда-то на север
Тени предков моих.
Гроза их внезапно настигла,
Они
Укрылись под вышкой
Высоковольтной электролинии.

А. Улзытуев особо подчеркивает «нетрадиционность сравнений» Нимбуева, видя в этом неповторимость поэта. Но ведь очевидно обратное: поэт поистине «втолкнул» мощную национальную традицию в непривычную (и не привыкшую к этому) форму — ввел в верлибр Азию, дыхание ее, мирочувствование ее не только «скрестил» с универсальной мировой формой стиха, но в первую очередь с русской поэтической традицией. Но, главное, его стихи стали достоянием бурятской поэзии, частью современного выражения ее национальной самобытности.

Слово поэзии именно самобытностью своей выплескивается за языковые, национальные пределы, обогащая единую советскую литературу. Обогащают ее и молодые имена. Хотя процесс этот идет не всюду равномерно.

Волна молодой украинской поэзии сегодня пока что слабо доплескивается до берегов братских литератур. Не слышно что-то о новом поэте, по духу и дарованию могущем стать преемником старших поколений. Украинская земля, испытавшая столько трагедий, вписавшая в историю планеты столько героических страниц, сегодня снова стала нашей общей болью. Неужели не всколыхнет молодое слово сердца людские в порыве сберечь жизнь? Таланты есть (назвать хотя бы Леонида Горлача, Софью Майданскую, Юрия Буряка — есть и еще имена), нужен поэт, сознающий свое призвание выразителя жизнетворного духа народного.

Обезличивание национального, гримасы массовой культуры — тоже от утраты веры в слово как выражение народной жизни. Забвение своего, национального — это и уроп интернационализму, взаимообогащению культур, взаимоподдержанию в них опытом каждого народа идеалов правды, добра, коммунизма.

Неумеренное стремление выйти на мировые орбиты декларируется сегодня как само собой разумеющееся. А причина — страх того, что выразил одним словом грузинский критик С. Цаишвили, — провинциализм. Страх провинциализма — не преодоленное до конца наследие прошлого, своеобразная реакция на национальное угнетение, на прежнее мнение о многона-

циональной России как культурно отсталой стране. Казалось бы, это мнение в глазах всего мира опровергнуто великими творениями наших гениев, классиками советской литературы. Но нет, оно находит себе приверженцев — и не за рубежом! С. Цаишвили, говоря о творчестве Т. Табидзе, высказывает актуальную сегодня мысль: «Так называемый грузинский символизм — явление весьма спорное, каким бы упорным ни было стремление придать увлечению вид сложившейся философско-эстетической школы». Не от символистов вел свою образную дорогу Т. Табидзе — от национальных, эпических символов Важа Пшавелы...

Национальная грузинская культура богата философским содержанием, открытиями духа, достойными того, чтобы их перенимали другие народы. Высоты грузинской культуры в советское время активно питали и продолжают питать советскую поэзию. А вот молодые — как явление молодой литературы в целом, — можно сказать, отрекаются от высочайшей чести быть продолжателями этой национальной традиции. Или не по силам? Ведь есть в молодых поколениях поэты, несущие в своем художественном чувстве счастье и трагизм в едином ощущении радости жизни, ее неукротимости. Среди них — Важа Долбая, называющий себя дичком, привитым к грузинскому слову... Он пишет о счастье:

Коль скоро оно воссияло сегодня
начертанием мыслей моих,
и льнет ко мне,
и осеняет
лавровой ветвью радости,
я вижу воочью:
счастье
нестерпимым светом
и скорбью идет сюда...

(Перевод Э. Балашова)

Русскому читателю открывается не поиск средств самовыражения, а само это самовыражение как продолжение национального духа. Тесное, неотрывное единение поэта с родной землей питает его веру в правду:

Вера моя
закалялась века.
Правда не испепелится.
Вера моя,
Словно дым очага,
к небу, как прежде, струится.

(Перевод В. Шленского)

И тем не менее поход в другие края за признанием собственной культурной значимости в нашей многонациональной литературе не редкость. Об этом свидетельствует вышедшая на эстонском языке книга Айно Каалепа — поэта, переводчика, критика — «О родном крае и мировой культуре». В ней, в частности, говорится: «У нас были прекрасные комментаторы западной культуры, но мы должны осознавать, что, воспринимая достопримеча-

тельности (?) Запада, мы не смеем «ослепляться тамошним сиянием...» (Ганди) ...«Поэтому А. Каалеп ждет «равновесия от восточной культуры» (перевод Лео Метсара).

Равновесие, как известно, невозможно без того центра, который его и удерживает. Без национального самосознания, без чувства интернационализма. Передавать прежде всего именно эти традиции молодым — вот, казалось бы, забота литературы республики о возрастании значения родной культуры. Однако опыты некоторых молодых эстонских поэтов свидетельствуют как раз о неравновесии их творческой позиции. Неправота — в строках Рейна Рауда:

Ты должен идти и вонзать плуг души (?)
В мерзлую жесткую пашню.
Эту землю ты должен пахать, ибо другой у тебя нет.
Эту жизнь ты должен прожить, ибо другой тебе не дано.
И эту песню одну тебе петь,
Ибо другой ты не знаешь.

(Перевод А. Левина)

Все то, что составляет смысл, счастье, право человека, в строках молодого поэта предстает как-то безрадостно, «подневольно». Деваться, мол, некуда, существуй в этих условиях, очень неуютных. Конечно, может быть, в оригинале теплоту авторским строкам придает родная речь. Однако не верится. Ведь сквозь любой, даже слабый перевод, если он мало-мальски точен, неизбежно проступает все то «неучтенное», чем жива поэзия. У Р. Рауда скорее невольно подозреваешь и в оригинале все ту же пресловутую тягу к псевдоновизне стихотворных конструкций, которые рвут связи с питающим поэзию народным словом. Читателю другой национальности вряд ли что-то говорит об эстонской душе «мерзлая жесткая пашня», а также человек «с плугом души». Вот вроде бы о том же сказано у известного литовского поэта А. Малдониса: «Слой нашей судьбы глубиной в борозду, лишь песен гоны длинные-длинные...» — а в строках и народ, и поэт, и судьба, которую невозможно не полюбить кровной любовью...

В связи с этим стоит задуматься о творчестве такого эстонского поэта, как Пауль-Эрик Руммо. Сегодня он вроде бы уже не ходит в молодых, но по духу своему поэзия П.-Э. Руммо — в эпицентре современной молодой многонациональной поэзии. Невозможно не увидеть горячего сочувствия поэта всему живому, близкому, родному. В каждом его отклике присутствуют национальные черты. И тем не менее в его творческой поэзии нет той устойчивости, которая обеспечивает естественное развитие таланта на родной почве, вместе с ней, во славу родной земли и жизни. «Новые мотивы беспомощности» (иначе говоря, инфантилизма), неверия в собственные силы как полноправного выразителя духа своего народа то и дело дают себя знать. Вот он восхищается дорогим ему человеком: «Он — радиомачтой стоял над болотом, горным утесом высился среди наших низин!», явно самоупижение — не поэта, а как раз «родных низин». Вот он вовлекает в свое чувство одиночества окружающее:

Спасательный самолет без команды
Висит над полями:
В нем ветер гуляет давно.
И профиль его — как пожатье плечами (?):
А, все равно...

(Здесь и далее перевод С. Семененко)

Эстонская критика с восторгом говорит о народных корнях образной речи Руммо — именно это и позволяет ждать воплощения в его творчестве осознанной поэтом миссии — народного поэта. Она — в желании П.-Э. Руммо «Быть пейзажем, быть пейзажем грандиозным,

с елями зелеными, пейзажем
с белым снегом, воздухом морозным...
быть пейзажем с узкою рекою,
скоп (?) мальчишек на себе несущей,
с каруселями, качелями, горою,
с мельницей, зеленой пущей...

Действительно грандиозная задача — стать в своем творчестве пейзажем родной земли. Ценно в поэте уже само чувство такой необходимости. Но пока что говорить о поэзии Руммо трудно, ибо создал ли он тот пейзаж, к которому стремился, — неизвестно. И не только потому, что поэт мало переведен на русский язык — ведь услышал же о нем русский читатель. А вот о пейзаже пока что не слышно.

Дума о Родине, чувство Родины развивается и крепнет в поэзии послевоенных поколений по мере вбирания в творческое чувство народной песни, легендарно-мифологических образов народной культуры, живых образов родной природы. Поэты подхватывают напевы колыбельных, слышанных в детстве, песни доносят до них неизменные мотивы народной жизни. В душе Зульфата звучит башкирская песня: «Бегущие искорки в догорающем костре...» И вот уже рождаются собственные строки — строки о песне. И личное переживание поэта передается не иначе, как в русле родной песни. Привольно, радостно ему в этих родных пределах, незаемной красотой светится его собственное слово:

Пусть мои простые песни
По ночам поет пурга!
И в моей душе горячей
Не расплавятся снега.

(Перевод М. Акчурина)

Русский поэт Геннадий Ступин сам ощутил себя вечным героем родной песни. То, что само, бессознательно втекало в душу, стало вдруг духовно-творческим потрясением. Открыл смысл собственного существования в стихии языка, народного слова: «Так вот и живу, песню берегу».

Так, «вспыхнув в горле, отчей речи звук заклекотал небесным перелетом» в поэзии В. Некляева. Вот оно — заповеданное счастье, принятое прямо из рук народа, от отчего края, от вековой песни:

Мне петь о крае, где в Днепре вода
Еще красна при паводке весеннем,
Где на золе справляли новоселья,
Где если уж веселье — так веселье,
А коль беда — так это уж беда.

О крае том, где аисты ребят
По столько войн в дома не приносили,
Где столько на поминках голосили,
Что на крестинах
В ужасе молчат.

(Перевод Вадима Кузнецова)

Это уже исторический пейзаж. Выведенный молодой рукой, он вновь по-своему увековечивает народную волю.

Языком родной песни откликается на жизнь и поэзия Б. Бедюрова. Творческая, духовная, общественная жизнь поэта — молодого, но уже успевшего многое совершить для развития культуры своего малого народа — малого числом, но возвышенного в своей национальной самобытности, — берет свое начало от этого вечного духа Дьер-Су (Земля — Вода — символ Родины в алтайском эпосе). Сын Горного Алтая, поэт причастен к нему не только рождением, но неустанным служением, проникновением в дела и думы народа, в народное поведение, обычаи, духовно-нравственные представления. Б. Бедюров — хранитель культуры своего народа. Он стремится удержать в своих стихах все, что может забыться в нашем стремительном веке, все, что поддерживало и поддержит в грядущем народную стойкость, высоту нравственного закона, без которого ни один народ на земле не смог бы прожить. Стремление поэта творчески преобразить и вернуть народу добытые им сокровища духовности сильно окрашивает его лирическое чувство в национальные краски. Быть подлинно горноалтайским поэтом — это и значит для него быть поэтом нынешнего дня.

Б. Бедюров творит именно национальный лирический образ, в общении с которым становишься и богаче жизненным опытом — опытом целого народа! — и мудрее, и, безусловно, культурнее. Новым отблеском пылает в поэзии Бедюрова огонь — древний алтайский костер, — пылает вечным возрождением из небытия, сам живой, одушевленный:

Оближи бересту
Красным языком,
Зыркни глазом острым
И взмахни крылом.

(Перевод Л. Олзоевой)

Как бы «изнутри» мифологических образов рассказывает поэт современникам о них и о себе. Звучит в нем песня могучего кедра — хранителя Алтая, и сам он вдруг ощущает себя кедром:

Вдруг ноги мои начинают сквозь лед прорастать
И дальше, сплетаясь подобно корням,
в глубину уходить,

А волосы, жаждя могучими космами стать,
Готовы по ветру свой трепет пустить.
Я кедром стою
И как будто впервые сейчас
Увидел пугающий этот простор,
И девять молочных озер
Сегодня вошли в глубину моих глаз...

(Перевод П. Кошеля)

«Пугающий простор» — здесь выражение чувства расширения собственных сил, смысла пребывания своего на земле, поля приложения своего творческого труда. Легко ли — ощутить себя древом жизни!

Это же чувство расширения — но в даль веков — испытал киргизский поэт, лауреат премии ЛКСМ Киргизии Асан Джакшылыков, глядя на древо жизни — арчу:

Я вижу древо вечности, в котором
Так совместимы молодость и древность.
В его большой вечнозеленой кроне
Гнездится утро раннее, а рядом
Стоит на тонких ножках косуленок,
И громко несмышленыш кличет мать.

(Перевод И. Ляпина)

А вот у А. Джакшылыкова еще один мотив «древа жизни» — в стихотворении «Украинский лес»: «Когда-то здесь гвардейскому полку пройти случилось. Лишь врага разбили, лопаты взяли и по топольку в израненную землю посадили». Горячей любовью к миру завершается эта тема в стихотворении: «И смотришь ты с желаньем сокровенным: чтоб все, что в мир пришло после войны, осталось на века послевоенным!»

Неистребимость жизни традиционно воплощают в образе древа, в образе леса поэты разных национальностей. Притом тема эта проступает в стихах сегодняшнего дня как бы с вершин завоеванного, выстраданного, поистине исторического опыта. Так, у русского поэта Владимира Евсеичева возникает образ: «Вечный лес от Невы до Урала». Этот лес видится поэту сквозь все вековые пожарища, сквозь оскудение земли, сквозь беды, причиненные природе человеком... Его утверждающий пафос — сыновнее чувство, невозможное без неоглядного доверия жизни, народу.

Вечная река течет в стихах Атамурада Атабаева — лауреата премии ЛКСМ Туркмении, и это река его детства:

Струится прохладный Мургаб в тишине,
Как девичьи косы по жаркой спине,
Как ясные мысли в душе старика,
Струится бессонная эта река,
Как девичьи косы по жаркой спине...

(Перевод Ю. Кузнецова)

Пейзажная лирика в молодой поэзии неизменно несет (или хотя бы стремится нести) большую историко-культурную нагрузку. Именно потому, что выступает как освоение, продолжение национальных поэтических традиций — и одновременно традиций исторического чувства. Чувством традиции поэты наделяют саму природу.

Так, у А. Бицуева:

...храня веками память
О дождях, что здесь прошли,
Дождь поет, как сладко падать
В глубину самой земли.

(Перевод И. Кашежевой)

Так, в стихотворении Г. Ступина «Я в степь входил...» найденный лирическим героем «стотысячелетний» камень говорит ему о древнем и родном:

И что-то очень древнее, родное,
Что этот камень помнил — видел, знал,
То русское, татарское, степное
Всем детским существом я понимал.

Чувство поэта входит в его стихи, несомненно, вместе с родным и знакомым чувством русской поэтической традиции, с блоковским: «Наш путь стрелой татарской древней воли пронзил нам грудь...» Но, преображенное современным поэтом в память собственного детства, чувство его полноправно и свежо вплетается в русскую лирику.

Об этом же афористические строки кабардинского поэта Зубера Тхагазитова:

Человек не думает один —
Вместе с ним его земля родная,
Вечно в общих думах мать и сын...

(Перевод Г. Серебрякова)

Из богатейшей традиции русской пейзажной лирики чувство Г. Морозова выбирает мотив вечного чуда природы — весеннего преображения земли.

Очнулась вешняя природа —
И отступили холода.
За рыхлым обережьем брода
Взломала зыбкий лед вода.
Запахла пашня теплым хлебом,
Согрел лицо мне красный луч.
А ветерок расчистил небо
От облаков и темных туч.
И как-то робко и неловко
В начале ветреного дня
Свои зеленые головки
Приподымают зеленя.

Молодое чувство — молодая земля — молодое слово. Народный язык в стихах Г. Морозова — своеобразное достижение поэта, который смело и гармонично вводит древние крестьянские слова в привычных их сочетаниях в классическую, можно сказать, тютчевскую традицию нашей поэзии. И оттого негромкая, «на первый слух», поэзия Г. Морозова на поверку оказывается прочной, движущей русскую лирическую традицию. Сумел поэт на больших дорогах современности разжечь свой «русский огонек» (Рубцов): «Пышет печка красным жаром, не томит избу угаром...» Нет, не пришла еще пора современникам забыть про родимую избу, про печь.

Огонь над юртой, кизячный дым из очага, ночной костер в лугах — нетленной любовью вошли в поэзию Зульфата.

Казалось: чуть дохнешь — и все пропало.
Но мы не шелохнулись у костра,
И в небесах горели искры ало,
И профиль из воды торчал бобра,
И над рекой, творя полет, щуренок
Завис навек серебряной дугой...

(Перевод М. Акчурина)

Поистине: остановись, мгновенье — ты прекрасно! Любовью к жизни дышат эти строки.

Слово «жизнь» буквально не сходит с уст поэтов: «Если любишь ты людей, жизнь поющих, — это я!» — в стихотворении «Знакомство» пишет Г. Сафиева. «Бывает, друг, пора такая, когда живется, как стекает в овраги талая вода», — пишет В. Некляев. И далее, осмысляя, что же значит «жить», создает крылатые слова: «Жить, как счастливое смеется, жить, как болючее болит!» Киргизский поэт Акбар Рыскулов так передает свое состояние:

Прозрачным я стал, как струи:
И чистым, как свет и тень, —
Ах, надо мне жить, пируя, —
Ликуя, как этот день.

(Перевод Н. Дмитриева)

Как о роднике, говорит о своей жизни Зульфат:

Частицей светлой родины спеша,
Родник не слышит просьбу «погоди!»,
Не так ли жить торопится душа,
Выплескиваясь из моей груди?

(Перевод М. Акчурина)

Родники жизни выливаются из груди поэтов, кажется, так же неустанно, как земные родники. Чувство жизни переполняет до немоты, до признания, как у Г. Морозова: «Да разве расскажешь стихами, как жизнь дорога и мила?!» — «В ней берут разгон метели, льды сшибаются в апреле, прорываются грома... Усмиряется зима!» — строки — словно тропка в грядущее, прокладываемая поэтом сыну: «К свету выведу сынка. На свету — и жизнь звонка!»

На едином выдохе звучит у В. Евсеичева:

...Как прекрасно на Руси
Родиться, и дышать, и быть поэтом!

Словно вторит ему адыгейский поэт Нальби:

Как много песен предстоит мне спеть!
Как много наших сел меня услышат!

(Перевод В. Бояринова)

Любовь к жизни, наполняющая строки, не отвлеченное состояние духа. Деятельная энергия этой любви — в стремлении запечатлеть время, великие духовные ценности людей труда и подвига, воспеть все, что любимо. И торжествует любовь-вера. У скорбной Хатыни принимает ее как клятву В. Некляев:

Добру и вере —
Настежь двери.
И на войне как на войне
Прижми к груди комочек веры
И рук не разожми в огне.

(Перевод Вад. Кузнецова)

Вера, которой присягает поэт, есть «вера веры. Эта вера — Ленин». В имени Ленина для молодого поэта непреложно звучит воля победившего народа. Она же питает пафос Б. Бедюрова. «Юный, древний народ, сквозь года прорастая, мы тверды и нежны, в возраст воли вступая».

Вера в жизнь, требующая особой творческой выносливости, — тема поколения. Она немыслима без темы личного участия в современности. И тут поэты сталкиваются с самыми большими творческими трудностями — трудностями реального, гражданского, творческого преобразования жизни словом, действенного в ней участия. Поэты поколения осознают себя тружениками. О чем веско сказано в строках осетинского поэта Камала Ходова:

Куется слово.
Я — его основа.
Я — мастерская,
Где куется слово.

(Перевод Б. Авсарагова)

Трудовая основа личных биографий поэтов несомненна. Их жизненный опыт сказывается в стихах постоянно. И все же опыт этот более растекается вширь, вплоть до фактографических подробностей. Он еще не сконцентрирован до поучительного, философского, мировоззренческого опыта поколения.

Но крепко в поэтах желание выковать, обогреть, поддержать плечом жизнь. Понимание, что «быть людьми необходимо»

В краю, где сопки смотрят нелюдимо,
Где даже корни врезаны в мороз,

Чтоб звезды и глаза сошлись в соцветья,
Чтоб с океаном, шумным, как столетье,
Заговорить на равных и всерьез.

В творческой работе русского поэта Станислава Золотцева идет борьба за самоосуществление — свое и поколения — на слиянии национального и гражданского начал — в государственном начале. Ведомый родной песней, русским народным напевом о родной стороне: «Сколько раз я уходил к дальним побережьям, но души не застудил и остался прежним», — идущий путем, которым шли «смоляне, псковичи да новгородцы — кого России мужество звало познать иных племен добро и зло», он стремится стать «заединщиком... со всеми, кто московское время заставил признать на земле». Достичь лирического чувства государственности возможно лишь при высоте и верности цели, угаданной во времени. Сегодня эта цель — спасение земли. Она звучит в строках поэта: «Земля меня в себе укоренила и верою моей себя спасет!»

Великую науку «жить в своем народе» (Рубцов) поэты поколения постигают в благодарном и чутком сопереживании людям. Каждый человек для них — это история, питающая современность. И в это сопереживание поэты вкладывают подлинно сотворческий труд. Многогранный, цельный образ создал в поэме «Жажда» таджикский поэт, лауреат премии ЛКСМ Таджикистана Саидали Мамур — образ одного из первых покорителей Голодной степи механизатора совхоза «Ленинабад» Мирзо Юлдошева: «Как меч о панцирь, бился острый плуг о твердую кору... Крепки солончаки. Но ты был крепче».

Немало испытаний преодолел Мирзо и победил Голодную степь. Когда к нему приезжает жена, он с гордостью восклицает:

Я стелю пред тобой, как ковер дорогой,
Весь покров травянистый, зеленый, степной.
Я любимой дарю весь простор Мирзочуля,
Всю бескрайнюю степь, покоренную мной!

(Перевод С. Золотцева)

Открытие земли произошло и для молодого поэта. И это не только новое прочтение страницы советской истории. Это закономерно пришедшее время приобщения к ней — необходимости преемственного принятия ее вместе со всей ответственностью за свершенное. Трудовое, героически-созидательное нравственное начало как источник любой человеческой деятельности — вот что сегодня стремится ввести в современность молодая поэзия — из опыта не столь отдаленных эпох, из опыта глубокой древности. Светом национальной традиции культуры труда освещены стихи Б. Бедюрова «Песня валяльщиц войлока», «Похвала женщине-мастерице», «Песня при выделке кожи»... Тончайшей и ответственнейшей можно здесь назвать работу поэта, берущего мотивы прямо из народной песенной традиции. Надо сказать, что традиция, условно именуемая обработкой фольклора, сегодня не только получила широкое распространение в нашей многонациональной поэзии — у поэтов всех поколений, — но и приобрела новое качество: это уже не «обработка», а целостное, непосредственное слияние лири-

ческого чувства и народного слова. В результате ее рождаются образы родного, по-новому, современно проникнутые духом вечного.

Под пером поэтов возникают подлинно национальные портреты. И на первом месте здесь — образ матери.

С еловым, гнутым посошком,
Тишь полевую не наруша,
Упругим, машистым шажком
Куда-то вдаль спешит старушка...

Уходит, тает, как свеча,
Совсем сухая, что былинка...
С ее костистого плеча
Свисает старая корзинка.

Плывет, клубясь, осенний дым,
Снижаясь на ржаные межи.
Старушка обликом своим
На мать мою во всем похожа.

Должно быть, знала столько слез!
И хлад и глад с ней шли в обнимку...
Недаром мягкий снег волос
Так отбелил ее косынку.

Любовь помогла Г. Морозову выносить в сердце этот образ. Но как же он схож, при всем национальном отличии, с образом матери у Зульфата! С восточной притчевостью приступает татарский поэт к его воссозданию:

Как не вспомнить грустный тот дастан,
Где юнцу колдунья повелела:
Голову мне матери достань,
Лишь тогда мое получишь тело!

...Все исполнил, страстью одержим,
И спешит к красавице тревожно.
Вдруг споткнулся. Шепчет голова:
«Не спеши, сыночек, осторожно!»

Вновь перечитал я тот дастан,
Книгу пожелтевшую листая...
Сказано все верно о тебе,
Женщина татарская простая...

(Перевод М. Акчурина)

Реализм современной советской поэзии многогранен и емок. Но есть у реализма нерушимый закон — закон смысла, жизненной целостности. Этот реализм противостоит модернизму, распаду сознания, раздробленности чувства. Как противостоит он разрушению естественных связей жизни, жизненной цельности природы и человеческого чувства. Призвание молодой поэзии — и в этом ее гражданственная высота — пусть не столь активно и дей-

ственно, как желалось бы, но осознанно и самоотверженно выявилось в противостоянии всему, что несет на себе печать разрушения.

Оттого немаловажно, какими предстают в молодой поэзии такие болевые темы времени, как тема оскудения природы, поиска новых путей взаимоотношений с ней человека. Несомненное, завоеванное, выстраданное старшими поколениями сознание: не к лицу человеку возноситься над природой, воевать с ней, — вошло в плоть и кровь молодой поэзии. Однако это сознание вызвало своеобразную реакцию полного «невмешательства» поэтов в жизнь природы, а порой даже явного передоверивания ей роли именно человека. В результате пока «шум листвы с моей душою уже налаживает связь» (Г. Морозов), — уходят леса, «все мои рыбы уплыли, птицы мои улетели, звери мои убежали» (Г. Ступин), а поэт, словно бы в насмешку, предлагает: «Лес! Накинь-ка петлю на шеи современных врагов твоих!» (В. Некляев). У Зульфата человек лишь сторонним наблюдателем «подслушивает» разговор природы самой с собой:

Спросила в небе дальняя звезда:
— Не с жизнью ли прощается там кто-то?
— Да, — Ночь сказала, — это навсегда
От нас уходит старое болото...

(Перевод М. Акчурина)

Молодая многонациональная поэзия сегодня реально, ощутимо присутствует в нашей литературе. Казалось бы, незачем искусственно «подталкивать» тех поэтов, кто честно, талантливо, можно сказать, прочно работает в литературе, к некоему ускорению в деле гражданской ответственности. Они на верной дороге.

Но неуспокоенность не оставляет самих поэтов. Это по-женски чутко уловила и с мужественной прямотой выразила Г. Сафиева:

Мне над судьбой Земли поплакать стоит —
Всю жизнь она вокруг людей кругами вьется,
И кормит человечество, и поит,
И в страхе перед ним всю жизнь трясется!

Несмотря на несколько невнятный и вялый перевод, строки таджикской поэтессы остаются ударными. Вот о чем следует громко высказаться поэтам! Задуматься о путях цивилизации, о спасении мира — задуматься не как частное лицо, а как личность, которой дано величайшее оружие духа человеческого — слово. А кому же, как не молодым — нынешним молодым, созревшим для подлинно гражданственного поступка, выйти в этот отважный поиск? Именно для того, чтобы осуществить свою жизненную и творческую миссию.

●

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ В ЯДЕРНЫЙ ВЕК

Рейкьявик, последующие действия нынешней американской администрации показали, что в Вашингтоне явно проявлялся дефицит в новых политических подходах, в самой политической философии и мышлении. Там возобладала ставка на военно-техническое решение вопросов национальной и международной безопасности взамен и в ущерб решениям политическим. К чему это может привести, если не остановить вовремя опасное развитие событий, история уже неоднократно показывала. «В эру стремительного углубления НТР человечество живет под знаком новых объективных закономерностей международных отношений. Будущее во многом зависит от степени соответствия уровня политического мышления колоссальным изменениям, происходящим в мире социальным сдвигам, развитию науки и технологии», — пишет в своей новой книге «Мировые войны и судьбы человечества» крупный советский публицист и ученый Даниил Проэктор. Эта работа представляет собой размышления публициста и эксперта о главных тенденциях международной политики войны, мира и безопасности в XX веке.

Ее появление — факт весьма примечательный, тесно связанный с тем новым политическим подходом, который был сформулирован в ходе подготовки и проведения XXVII съезда КПСС, получил свое конкретное выражение в последующее время в виде широкомасштабного миролюбивого наступления советской внешней политики практически во всех сферах международной жизни. Именно это имелось в виду автором работы, когда он писал о том, что «мы подчеркиваем вновь и вновь острейшую необходимость иных, чем в минувшие времена, подходов ко всем важнейшим сферам политики,

Д. М. Проэктор. Мировые войны и судьбы человечества. Размышления. М., «Мысль», 1986.

особенно к тем из них, которые относятся к миру и войне, к международной безопасности и военной политике, с учетом всеобщих интересов, не ради себя, но всех вместе, всех народов, наций и государств». Вот почему формирование нового политического мышления, поиск новых решений, развязок острейших международных проблем сегодня уже из категории желательного перешло в категорию обязательного качества политических деятелей, всего политического процесса. Ныне политическое мышление на уровне требований эпохи и будущего стало главным условием, определяющим судьбу человечества. Этот рефрен, пожалуй, выступает в качестве главного тезиса всей работы, посвященной чрезвычайно широкому кругу международных проблем, так или иначе связанных с решением вопроса о войне и мире.

Привлекает внимание широкий ретроспективный подход автора к проблеме войны и мира — прежде, пожалуй, не было среди научных публикаций столь смелой попытки такого масштабного исторического обобщения. В самом деле, именно вывод, сделанный на XXVII съезде КПСС о невозможности победы в гонке вооружений и в термоядерной войне, решения проблем безопасности только военно-техническими средствами, позволил по-новому подойти к решению целого комплекса важнейших международных проблем. Именно это имеет в виду автор, подчеркивая, что «общественно-политическая мысль социализма с ее обширным опытом во всем комплексе вопросов мира и войны пришла к выводу, что противоборство между капитализмом и социализмом может протекать только и исключительно в формах мирного соревнования и мирного соперничества. Это значит, что сохранить мир нельзя, если не порвать решительно и бесповоротно с образом мыслей и действий, которые веками строились на приемлемости, допустимости войн и вооруженных конфликтов. Это значит, далее, необходимость нового подхода к широкому кругу проблем, которые давно поставлены жизнью в порядок дня и без обсуждения которых трудно найти новые решения».

Действительно, чтобы лучше — полнее и быстрее — осознать то новое, что стало объективной реальностью сегодняшних международных отношений, автор обращается к исторической ретроспективе, пытается рассматривать вопросы войны и мира «в историческом и теоретическом контексте». При этом он справедливо отказывается от абсолютизации опыта прошлого; рассматривает его скорее в качестве исходного материала для анализа, будучи глубоко убежденным в непреходящей актуальности и безусловной поучительности. Именно поэтому он вновь возвращается к таким, казалось бы, изученным вопросам, как происхождение первой и второй мировых войн, значение военной силы в качестве инструмента внешней политики, международные кризисы и мировые войны, характер современных войн, рассматривая эти и другие вопросы не только исторически, но и проблемно, под углом зрения сегодняшних условий и обстоятельств.

Автор исходит из того, что

опыт истории не только дает богатый материал для анализа и сопоставлений, но и, безусловно, учит жить без войны, цивилизованно. Вместе с тем исторический опыт дает и серьезный материал для беспокойства, учит, что, несмотря на катаклизмы прошлого, войны сами по себе не становятся анахронизмом, не исчезают и не отмирают без активных усилий государств, политиков, всех людей планеты, какое бы место в политической жизни они не занимали. На основе этого исторического опыта, в свою очередь, формируется и будущее человечества. «Облик современного мира, — справедливо подчеркивает Д. Проэктор, — несет в себе черты будущего. Полное контрастов, колоссальных возможностей и безмерных опасностей международное развитие ведет к складыванию противоречивого, но взаимозависимого и во многом целостного мира. Соревнование и противоборство двух систем сочетаются со все более острой потребностью совместного решения проблем, которые носят общечеловеческий характер... В результате ход истории, общественного процесса все настоятельнее требует налаживания конструктивного, созидательного взаимодействия государств и народов в масштабах всей планеты».

В понимании этой реальности и состоит объективная необходимость нового политического мышления, более того, нового политико-философского подхода к международным реальностям. Его значение сегодня громадно, как никогда в прошлом. В самом деле, в обеих мировых войнах в центре усилий противостоящих государств стояла цель полной политической победы, за которой было стремление переделать весь мир по своему образцу и подобию. Сейчас подобная политическая установка не только нереальна (хотя это отнюдь не означает, что некоторая часть правящей империалистической элиты и не ставит такой цели), но и самоубийственна. Добиться военного превосходства и победы, как во времена двух прошедших мировых войн, невозможно. Пытаться политической хитростью поставить другую сторону в безвыходное положение, а потом внезапно напасть и уничтожить ее — как это делали нацисты — абсурдно и самоубийственно.

Вот почему сегодня, по мнению автора, «международные кризисы становятся недопустимыми», а их разжигание и стимулирование должно уступить место процессу политического урегулирования. Это вытекает и из того, что сейчас, может быть, как никогда раньше, стало ясно, что такие категории, как военная политика, стратегия, военные доктрины, претерпевают самые радикальные перемены. Результатом этого процесса оказалось, как подчеркнул автор, «совершенно новое политическое и военное качество, стремительно, как волны тихоокеанского урагана, выросшее перед глазами человечества и вынудившее его к столь же быстрой переоценке прежних ценностей. Такого в прошлом не было никогда, и величайшая опасность состоит не только в том, что произошло именно так, но и в другом: для одних — мы говорим об определенных фракциях западной политической элиты — эта переоценка ока-

залась мучительно-трудной, для других — почти невозможной, а третьи в ней оказались не слишком заинтересованы по экономическим и политическим соображениям».

И, несмотря ни на что, мы говорим о насущной необходимости преодоления инерции политического мышления, об острой необходимости сокращения разрыва между стремительно, динамично развивающимся миром и замедленным восприятием ряда политических деятелей объективных реальностей происходящих перемен.

Особо хотелось бы остановиться на освещении автором проблемы международной безопасности, ключевые идеи которой были сформулированы на XXVII съезде КПСС. По существу, это основная проблема подготовленной работы, вокруг которой строится вся логика изложения материала — исторического, политического, теоретического. В этой связи обращает на себя внимание, например, использование Д. Проэктором исторических аналогий. Так, например, на протяжении всей работы на множестве примеров он показывает, что безопасность никогда не повышалась посредством создания и накопления нового оружия, будь то пушки, танки или ракеты. В конечном счете всегда это оборачивалось против того, кто разрабатывал новые средства уничтожения. Древняя идея о том, что, чем больше оружия, тем прочнее безопасность, — справедливо отмечает автор, — отвергнута самим ходом истории. В наше время это не только изначально порочный способ, но и политика, неизбежно подталкивающая к войне. Вот почему сегодня лучший способ обеспечения безопасности, которая, кстати сказать, не может быть только национальной, но должна быть всеобщей, — это реализация мер по ограничению гонки вооружений и разоружению, вплоть до полного уничтожения оружия массового поражения.

Автор обращает внимание читателя на чрезвычайно важную идею, разработанную нашей партией, — идею создания всеобъемлющей системы международной безопасности. Действительно, прежде преобладающим было стремление обеспечить собственную безопасность за счет или в ущерб безопасности других стран. Всевозможные «балансы сил», различные «маневрирования между центрами силы», этими пресловутыми «треугольниками» и «многоугольниками», всяческие «оси» или «полярные модели» и т. д. — все это базировалось на тысячелетней давности политических «премудростях» игры на противоречиях, на хитрости, натравливании одних на других. Такой подход не может иметь право на существование сегодня в том случае, если мы хотим, чтобы был обеспечен прочный мир на планете.

А. ПОДБЕРЕЗКИН

ЧУВСТВО СОПРИЧАСТНОСТИ

В среде поэтов братских республик страны с каждым годом возрастает интерес к устно-поэтическому творчеству. Это и понятно — корни литературы народов СССР уходят в самобытный мир народного эпоса, поэтических воззрений на действительность, на осмысление места человека в ней. Устно-поэтическое творчество, имея характерные национальные черты, в то же время интернационально по тематике, сюжетам, мотивам.

В аннотации к книге адыгейского поэта Нальбия «Продрогшая вишня» весьма точно сказано о поэтическом своеобразии автора: «Фольклорное мироощущение Нальбия, выраженное в современных поэтических формах, делает его стихи своеобычными по мысли, образной структуре, ритмическому строю».

Но разве такое «фольклорное мироощущение» не присуще и другим поэтам Северного Кавказа?.. Конечно же, ответ сам собой подразумевается, но, заметим, мало кому из них удается органично и творчески плодотворно совместить фольклорные мотивы с современной техникой стиха, сказания старины далекой с тематикой нашего дня. Нальбий, на мой взгляд, как раз обладает таким счастливым даром.

По возрасту он принадлежит к третьему поколению национальных писателей. Первое — это родоначальники, зачинатели многих литературных жанров. Для них фольклор представлял собой живое явление, он питал их творчество. За первопроходцами следовали ныне признанные мастера национальных литератур. Их книги впервые стали явлениями общесоюзного культурного развития. И вот за этим поколением идут те, кому сегодня необходимо сказать свое слово, обогатить родную литературу новыми достижениями и находками.

Здесь-то и произошла своеобразная «ломка голоса», когда потребовалось углубление взгляда на первоосновы национальных литератур, когда расширились горизонты межнационального общения. Это — двуединый процесс, который получил название процесса расцвета и сближения братских литератур страны.

Адыгеец Нальбий стал одной из наиболее приметных фигур этих поисков, давших нам интересные и самобытные открытия.

Если в начале своего творческого пути Нальбий отдал дань романтизированному восприятию мира, юношескому максимализму чувств, то позднее духовный мир его лирического героя намного усложнился, приобрел лирико-философское направление, а сама стихотворная строка стала нести в себе больше смысла, иметь бо́льший эпический размах. Но при этом поэту остались свойственны и романтические порывы, и молодые дерзания.

Нальбий знает мировую поэзию, глубоко изучает родной фольклор. И все же име-

---

Нальбий. Продрогшая вишня. Стихотворения. Перевод с адыгейского Юрия Кузнецова и Татьяны Ребровой. М., «Современник», 1986.

ет свой, легко отличимый от других голос. Он не потерялся и в переводах таких резко выраженных по своей индивидуальности русских поэтов, как Юрий Кузнецов и Татьяна Реброва. Юрий Кузнецов был одним из первых переводчиков адыгейского автора, находя в его подстрочниках нечто близкое себе. Взаимное тяготение испытывал и Нальбий. Но Татьяна Реброва, поэт иного склада, иной манеры письма, не могла не внести в переводимые стихи и нечто свое, в котором могло бы потеряться своеобразие творческого почерка адыгейского автора. К счастью, в большинстве переводов этой книги такой «подмены» не произошло. Наоборот — переводы Ребровой подчеркнули в стихах Нальбия какую-то ранимость, особую остроту восприятия мира.

Эта строчка сверкает
речною волной.
Ты не хочешь побыть
ну хотя бы одной
Серебристою струйкой,
Переливчатой
каплей-чешуйкой?

Так читаем же дальше
про свод
Отраженного неба
в созвездьях литых,
Чтоб запомнить мерцание вод
И свободу движения их.

(Перевод Татьяны Ребровой)

Сложность стихов Нальбия не заключается только в их прихотливом метафорическом строе. Во многих из них как бы растворены фольклорные крупицы, выявить которые подчас очень трудно. Именно здесь произошло то слияние современного мирочувствования автора с его ярко выраженной национальной подосновой письма. В этом смысле к стихам Нальбия могут быть полностью отнесены наблюдения известной исследовательницы проблем фольклора У. Далгат: «На современном этапе развития многонациональных литератур чаще всего имеет место эстетически усложненный, «скрытый» фольклоризм, который порою трудно распознать без особой расшифровки. Для этого недостаточно вчитываться только в текст в поисках непосредственного фольклорного проявления, а необходимо изучить творческую лабораторию писателя в целом».

Поэта отличает свобода самовыражения, которая, как мне кажется, не всегда приводит к логическому раскрытию образа. Стремление к лирическому самовыражению небезгранично, оно не должно затемнять смысла сказанного.

Стихи Нальбия при всей высокой философичности имеют зримую земную основу. Его гражданственность — это гражданственность родины, земляков, страны, своей семьи. Он не разрывает эти понятия, они слиты для него в единый и реальный мир.

И наконец, основное качество поэтики адыгейского автора заключается в возвышенном чувстве красоты земного существования, в попытке найти корни этой одухотворенной гармонии природы и человека. Поэтому в стихах воспеты и расцветающий вишневый сад, и улыбка ребенка, и крупные мерцающие звезды, и светлое чувство любви.

Перевод же иной раз огрубляет эту мелодию. Такие строки, как «и все же сам себя не объегорь», «в сердце ты оттисни», «водица, влитая

в ушат», «как пламя, скручивая тишь» и другие, звучат диссонансом, просто маловразумительны.

Хочется предостеречь Нальбия и от излишнего замыкания в своем уже обжитом им мире. В нем сегодня интересно жить, видеть его, слышать его песни. Пока открыты все окна и двери. Но дальше может произойти, как не раз уже бывало, тихое укрытие в собственном убежище, куда не проникает даже столь любимый поэтом лунный свет. Правда, Нальбию это не грозит, если судить по лучшим, светоносным стихам новой книги. Но все же...

Спрос с яркого и самобытного поэта все возрастает. Не так-то уж часто ныне посещает радость от чтения хорошей поэзии. Нужно читать стихи!.. Без этого чувства сопричастности с самым тонким и пронзительным искусством что-то меркнет для нас и в целом мире. Такие счастливые минуты долго помнятся, одухотворяя человека.

Вад. ДЕМЕНТЬЕВ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Книга доктора исторических наук В. И. Буганова «Страницы летописи Москвы» посвящена истории народных движений в Москве с конца XIV до конца XVIII века. Первые из этих движений произошли еще в то время, когда Москва была столицей Московско-Владимирского княжества, а ее князья приступили к объединению русских земель и возглавили борьбу против иноземного ига.

Развивалось русское общество: на место раздробленной Руси явилось единое Русское государство. Вместе с тем менялись формы и цели народных выступлений в Москве. Самые крупные из этих выступлений произошли в критические для страны дни, когда враг стучался в ворота столицы. Именно в такие дни обнаруживалась истинная сила народа, с оружием в руках защищавшего Родину. Так было в 1382 году, когда орда хана Тохтамыша вероломно напала на Москву. Так было в 1610—1612 годах, когда москвичи поднялись против иноземных завоевателей, обосновавшихся в Москве, и их пособников бояр. Большинство московских восстаний, ярко описанных в книге В. Буганова, носили ярко выраженный антифеодальный, антикрепостнический характер. Их движущей силой, как показывает автор, были московские ремесленники, торговцы, холопы, всякого рода бедный и нищий люд. Нередко такие выступления приводили к смене правительств, а главное, они способствовали, как подчеркивает автор, накоплению в народных массах традиций освободительной борьбы.

Классовая борьба протекала не только в городах. После закрепощения крестьянства в России произошло три грандиозных крестьянских войны.

В. И. Буганов. Страницы летописи Москвы. М., «Московский рабочий», 1986.

В. И. Буганов. Пугачев. ЖЗЛ. М., «Молодая гвардия», 1984.

Самой известной из них была Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева. Среди народных вождей Пугачев был едва ли не самой яркой фигурой. В. Буганов написал подробную биографию Пугачева, опубликованную издательством «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей». Перед нами книга, строго исследовательская по своему характеру и одновременно — художественная по форме. Собранный в книге биографический материал отличается высокой степенью достоверности. Подавляющая часть фактов о личности Емельяна Пугачева, о его жизни до начала восстания 1773—1775 годов извлечена из следственных материалов о «пугачевском бунте». Трудно найти другой столь же тенденциозный и предвзятый материал, но другого в распоряжении историка нет. Исследователю поневоле приходится пользоваться источниками, искажающими историческую правду. Дворянский суд стремился представить борцов за лучшую долю для народа как заведомых разбойников и злодеев. Дворянские судьи вымучивали показания, подвергая подсудимых самым жестоким и изощренным пыткам. Так возникли следственные документы о пугачевщине. В обращении с этими документами требуется крайняя осторожность, чтобы выявить искажения, определить необходимый коэффициент поправки и в результате установить достоверный исторический факт. В книге В. Буганова все эти задачи разрешены в полной мере.

Герой и его время — такова извечная проблема жанра исторической биографии. В книге жизнь Пугачева показана на широчайшем историческом фоне. Книга знакомит читателя с положением закрепощенных русских крестьян и притесненных феодальным государством казаков, с их нуждами и чаяниями. В поле зрения автора попадают как низы, так и верхи общества — дворянская Россия, внутренняя и внешняя политика государства. Зримо представлена наэлектризованная атмосфера времени пугачевщины.

Буквально по крупицам писатель собрал и художественно осмыслил факты, воссоздающие детство и молодые годы Пугачева, обстановку жизни в казачьих станицах на Дону. Подобно сверстникам Емельян Пугачев участвовал в дальних походах и сражениях, воевал в Пруссии и Турции, проявил «отличную проворность» и храбрость, за что получил младший офицерский чин хорунжего. С войны Пугачев вернулся со следами не одних лишь ран, но и плетей, которыми был наказан без особой провинности с его стороны.

Разболевшись в 29 лет, молодой хорунжий начал хлопоты об отставке, которые не привели к успеху, зато осложнились множеством злоключений. Побег на Терек завершился тремя арестами. Вслед за тем Емельян Пугачев свел знакомство с раскольниками, попытался укрыться в их скитах на Иргизе, перебрался на Яик, вновь был арестован, попал в казанскую тюрьму, откуда спасся дерзким побегом.

Незадолго до появления Пугачева власти подавили восстание яицких казаков, но волнения в их среде не прекратились. В народе широко распространились слухи, что император Петр III, свергну-

тый злыми боярами, не убит, а жив и готов выступить как народный заступник. Появились самозванцы, выдававшие себя за Петра III. Жестоко притесняемые царской властью и старшинами, яицкие казаки надеялись, что «добрый» царь поможет им вернуть волю и старину.

Быстро уловив настроение казаков, Пугачев, примеривавшийся к роли «ампиратора», поначалу подумывал о том, чтобы подбить яицкое войско отправиться на поиски новых «вольных» рек за пределы России. Но затем он отказался от этой мысли. Программа восстания определилась, когда вокруг Пугачева собралась группа энергичных и решительно настроенных яицких казаков, взявших на себя руководство движением. Хотя эти казаки и вспоминали, как при виде царских знаков (шрамов и отметин на теле Емельяна) у них от страха тряслись руки и ноги, мороз продирал по коже, они угадывали по языку и повадкам в Петре III своего собрата — горемычного казака в худой одежонке. Новоявленный царь бухнулся на колени, произнося слова клятвы: «Обещаюсь перед богом любить и жалеть Яицкое войско, буду вас жаловать рекою Яиком, землею и всеми угодьями безданно и беспошлинно и оставлю войско Яицкое при прежней их вольности». Ближних помощников невозможно было обмануть, и на их вопросы Пугачев под великим секретом подтвердил, что он «подлинно донской казак».

Много ходил и ездил по стране Емельян Пугачев и имел все основания говорить: «По всей России чернь бедная терпит великие обиды и разорения». Подняв знамя восстания, Пугачев и его сподвижники рассчитывали на помощь униженных и угнетенных по всей Руси. «Приехал я к вам, — заявлял Пугачев яицким казакам, — и вижу, что вы обижены, да и вся чернь обижена». Пугачев не умел ни читать, ни писать, что было немалой помехой делу. Но ему привели молодого казака-грамотея. Ему-то Пугачев и продиктовал 17 сентября 1773 года свой первый манифест, заканчивавшийся словами: «Я, великий государь император жалую вас...»

В. Буганов многократно подчеркивает прогрессивное значение Крестьянской войны под руководством Пугачева, при этом не идеализируя движение, показывает его сильные и слабые стороны — локальность, стихийный характер, низкий уровень организованности. В ходе массовых восстаний сквозь утопическую форму все четче пробивались черты революционности — требования об уничтожении крепостничества и дворянского землевладения.

Апофеозом пугачевского движения стало восстание крестьян и нерусских народностей Нижнего Поволжья и выступления работных людей на уральских заводах. Манифесты Пугачева призывали крестьян ловить, казнить и вешать всех без разбора злодеев-дворян и чиновников-судей и поступать равным образом так, «как они чинили с вами, крестьянами; по истреблении которых противников и злодеев-дворян всякой может восчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжатца будет».

Смерть и бессмертие — так озаглавлена глава книги о Пугачеве. Оценивая историческое значение деятельности

вождя крупнейшей Крестьянской войны, В. Буганов подчеркивает, что Пугачев продолжал дело Болотникова, Разина, Булавина, других борцов за народную долю.

Популярный рассказ о славном прошлом нашей Родины, несомненно, заинтересует молодого читателя.

Р. СКРЫННИКОВ,
профессор,
доктор исторических наук

ТИТАН ПРОСВЕЩЕНИЯ

Цельность личности и творчества является характерной чертой российского просветителя и ученого Андрея Болотова.

А. Болотов поистине велик как ученый и как литератор. В самом деле — как иначе сказать об основателе научной агрономии в России, естествоиспытателе, опередившем современную ему науку в осознании коренных закономерностей развития живого растительного организма, как по-другому охарактеризовать создателя всеохватывающей панорамы российской действительности второй половины XVIII столетия? К этому следует добавить то, что Болотов был деятельным переводчиком, критиком, публицистом, философом, талантливым педагогом, экономистом. Его заслуги велики и в становлении множества теоретических и прикладных научных дисциплин — от электромедицины до земледельческой механики, от лесоводства до практической гидравлики, от метеорологии до рыболовства. Поистине в титуле этого подлинного энциклопедиста можно было бы написать: «и прочая, и прочая, и прочая» — не забывая, что в числе этого перечисления окажется живопись и архитектура, театр и музыка, всевозможные ремесла — поразительное сочетание таланта, умения и труда. В свое время Лев Толстой и Короленко, Александр Блок и Луначарский дали высокую оценку личности и трудам Болотова.

Вот этому гениальному сподвижнику российской культуры и посвятил свою новую книгу писатель и историк Валерий Ганичев, обозначив ее жанр как «историческое повествование». К такому жанру писатель обращается не впервые. Читатели журнала «Молодая гвардия» наверняка запомнили публиковавшееся на его страницах историческое повествование В. Ганичева «Росс непобедимый». И теперь в книге о Болотове нетрудно вновь убедиться в богатых возможностях подобного жанра.

В. Ганичев неторопливо и обстоятельно излагает эпизоды биографии своего героя, каждодневное многообразие его занятий, «упражнений», как в духе той поры именует их сам Болотов, вводит читателя в круг его родных, друзей и знакомых. Чаще всего это люди самые обыкновенные, но тем ценнее их неизменно точные и глубокие характеристики и портреты, позволяющие

Валерий Ганичев. Тульский энциклопедист. Историческое повествование. Тула, Приокское книжное изд-во, 1986.

отчетливо увидеть будничную, повседневную жизнь русского города, поместья, деревни, какими они были два века назад. Перед читателем появляются и крупные исторические персонажи: сподвижник великого Суворова боевой генерал М. Н. Кречетников, выдающийся российский просветитель и книгоиздатель Н. И. Новиков, с которым Болотова связывали узы дружбы и многолетнего плодотворного сотрудничества, тем более удивительные, что масонских увлечений Н. И. Новикова трезво и здраво мысливший Болотов не разделял и не одобрял. Судьба сталкивала его и со многими вершителями судеб России того времени, подчас сыгравшими мрачную роль в ее истории. В. Ганичев показывает таких людей как бы глазами своего героя — вовсе не склонного к критиканству, но и не прощающему никому ни самодурства, ни жестокости, ни, самое главное, пренебрежения к славе и престижу Отечества. А легкие, едва уловимые акценты, расставленные автором, вооруженным научным классовым подходом, позволяют читателю, не теряя эффекта присутствия в той далекой для него эпохе, ориентироваться правильно и точно. В особенности все сказанное относится к недолгому — едва полугодовому — времени правления Петра III, пытавшегося в угоду своему кумиру королю Фридриху II втоптать в грязь славу блистательных побед русского оружия на полях Семилетней войны, а с ними вместе — обычаи, традиции и святыни народа.

Иногда со страниц повествования о тульском энциклопедисте звучат подлинные документы истории. Как и каждый, кто берется писать о Болотове, В. Ганичев, естественно, следует в сюжетном русле болотовских «Записок».

Широко пользуется автор и эпистолярной формой, столь органичной изображаемому им времени. Одну из существенных сторон книги занимает глава «Переписка с сыном». Письма подлинные, но они не напоминают академическую публикацию документов, а являются неотъемлемой частью цельного произведения.

То же следует сказать и об использованном автором приеме введения в повествование эпизодов, где действующие лица — наши современники. Благодаря им рассказ о жизни героя как бы вырастает из бесед круга друзей, представителей нескольких, подчас далеких друг от друга, да и от главной темы книги специальностей. Все собеседники — люди в глубокой степени интеллигентные. И что еще важнее — все они в равной степени взволнованы столь явственно ощущаемым в наши дни разрывом связи времен, наступлением бездуховности и узкого делячества на духовные ценности, накопленные минувшими поколениями. Имя Болотова всплывает в беседах вовсе не случайно: ведь в необычайном многообразии его деяний сплетаются в единый узел проблемы становления и развития различных направлений отечественной культуры. Естествен в такой среде и вопрос: почему при столь бесспорном праве на бессмертие в благодарной памяти потомков Болотов остался как бы обойденным славой?

Вопрос этот чрезвычайно сложен, и его решение выходит далеко за рамки задач,

которые вправе поставить перед собой автор художественного произведения о Болотове. Думается, что В. Ганичев вполне прав, вычленяя из него в первую очередь тему о литературном призвании Болотова. Нельзя не согласиться с его мыслью о том, что будь «Записки» изданы вскоре после их написания (а создавались они с 1789 по 1816 год), имя их творца наверняка было бы поставлено в первый ряд современных ему литераторов. Случилось, однако, так, что полное их издание увидело свет лишь в 1871—1873 годах, когда светочами русской литературы были уже Пушкин и Лермонтов, Гоголь и Аксаков, когда продолжали творить Тургенев и Гончаров, Толстой и Достоевский. Их гигантские фигуры на время как бы заслонили тех, кто им предшествовал. Ушел далеко в своем развитии и русский язык. А описываемые Болотовым события, потеряв в определенной мере для широких кругов читающей публики непосредственный «живой» интерес, не успели еще приобрести обаяния далекой старины.

Выводы В. Ганичева представляются бесспорными, тем более что явная тенденция к недооценке богатства русской культуры XVIII и начала XIX веков была свойственна тому периоду, когда четырехтомные «Записки» стали достоянием читателей. Нечто подобное происходило тогда и в других сферах национальной культуры — в музыке, где нигилистически отрицалась ценность творчества работавших до М. И. Глинки композиторов; в живописи, в которой «передвижников» возносили сверх всякой меры в ущерб замечательным художникам, запечатлевшим русскую жизнь. В столь тенденциозных оценках явно сказывался тот самый дух «полупросвещения», который в свое время заклеймил А. С. Пушкин, определив его, как «невежественное презрение ко всему прошедшему; слабоумное изумление перед своим веком; слепое пристрастие к новизне». Истинно же незаурядные умы сразу увидели подлинный масштаб личности и творчества Болотова, равно как и многих его современников. Если же иметь в виду только Болотова, то и последующие десятилетия не оказались благоприятными для правильной оценки его заслуг перед Отечеством во всей их совокупности. Здесь сыграла свою роль неординарность его облика, явно не соответствовавшего критериям вульгарной социологии, на какое-то время возобладавшей в нашей историографии.

Для того чтобы столь ясно обнажить корни неверного подхода к личности и значению Болотова, В. Ганичев просто не мог не ввести в ткань своего повествования людей сегодняшнего дня, вооруженных знаниями, опытом и широким взглядом, людей, стоящих на пороге приближающегося XXI столетия. Знакомя с жизнью и творчеством Болотова, книга дает возможность самым широким кругам читателей узнать и полюбить этого титана российского просвещения. А такое знакомство не проходит бесследно. Оно обогащает новыми гранями самое драгоценное из духовных сокровищ русского человека — его горделивое чувство любви к своему Отечеству.

Андрей ИВАНОВ

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» ЗА 1987 ГОД

● ПРОЗА

Алентьев Дмитрий. **Рассказы о пограничниках** — 5.
Аллахвердиев Назим. **«Из ряда вон выходящий...»** Рассказ — 6.
Глушко Александр. **Два рассказа** — 11.
Жданова С., Фирсова Д. **Часы и минуты Октября.** Хроника — 8, 10, 11, 12.
Иванов Егор. **Честь и долг.** Роман-хроника — 6, 7, 8.
Ильин Александр. **Скажи, зачем!** Рассказ — 7.
Лукьянченко Олег. **Краткосрочный отпуск.** Повесть — 4.
Михеенков Сергей. **Обратная сторона радуги.** Повесть — 2.
Пикуль Валентин. **Каторга.** Роман — 3, 4, 5.
Санин Евгений. **Последний десант.** Повесть — 3.
Семенов Юлиан. **Экспансия-III.** Роман — 9, 10, 11, 12.
Смирнов Виктор. **Необычная командировка.** Повесть — 1.
Федоров Юрий. **За волной — край света.** Роман — 1, 2.

● ПОЭЗИЯ

Аксенов Михаил. **Солдатский труд.** Стихи — 6.
Алиева Фазу. **Золотой запас любви.** Стихи — 9.
Андреева Елена. **Гневные стихи** — 3.
Балашов Эдуард. **Зерно.** Стихи — 3.
Бегиев Абдуллах. **Даруя свет.** Стихи — 7.
Блэкберн Томас. **Нигде на свете.** Стихи — 2.
Васильев Павел. **Неизвестные стихи** — 7.
Вациетис Ояр. **Мудрость музыки и сердца.** Стихи — 11.
Геронтиев Борислав. **Песнь о революции.** Стихи — 9.
Геттуев Максим. **Королев.** Поэма — 1.
Гордейчев Владимир. **Стихи для друзей** — 3.
Гоц Геннадий. **Из племени комсоргов.** Поэма — 4.
Гусинский Юрий. **День начнется с утра.** Поэма — 12.
Дворников Евгений. **Земного дружества немного.** Стихи — 11.
Дьяченко Тамара. **Багульник.** Стихи — 3.
Жеглов Игорь. **Благодаря за человечность.** Стихи — 1.
Золотцев Станислав. **Сыновняя память.** Стихи — 7.

Карим-заде Джамолиддин. **Живущая в душе моей.** Стихи — 10.
Карпец Владимир. **Небо над памятью.** Стихи — 2.
Касмынин Геннадий. **У общего костра.** Стихи — 5.
Кемертелидзе Иорам. **Живу в борьбе.** Стихи — 8.
Кирюшин Виктор. **Свет негасимый.** Стихи — 5.
Ковалев Анатолий. **Спелое солнце.** Стихи — 4.
Коркина Алла. **«Спит десантник...»** Стихи — 3.
Королева Нина. **Верба. Стою дежурной. Русская печь. «Чтоб душа не износилась...»** Стихи — 3.
Коротаев Виктор. **Не всем доступная вина.** Стихи — 6.
Коростелева Валентина. **«У любви тугие паруса...» Заводская юность. Среднерусская земля.** Стихи — 3.
Краснопевцев Валерий. **Дальний рокот гроз.** Стихи — 1.
Куликов Борис. **Августовская синь.** Стихи — 8.
Кынчев Николай. **Болгария.** Стихи — 9.
Левчев Любомир. **Первый. Время — это надежда.** Стихи—9.
Леплейская Людмила. **У памятника Островскому.** Стихи—3.
Литерланд С. Дж. **Беседа с другом. Ваза.** Стихи — 2.
Лукьянова Ольга. **Апрель.** Стихи — 3.
Милев Йордан. **Буденный дарит свою саблю.** Стихи — 9.
Мишин Алексей. **Даль родная.** Стихи — 1.
Морозов Геннадий. **Свет Сороти.** Стихи — 8.
Николюкин Иван. **Обновление.** Стихи — 1.
Олтон Дэвид. **Бизнес на крови. Камень.** Стихи — 2.
Ошанин Лев. **Мои фестивали.** Стихи — 1.
Парпара Анатолий. **Дальневосточные стихи** — 12.
Петкова Ваня. **«Крестьяне, — щетинясь штыками...»** Стихи—9.
Позина Лариса. **Корни. «Я Ленинград мой узнавала с детства...»** Стихи — 3.
Поликарпов Сергей. **Неразрывный круг души.** Стихи — 11.
Пономарева Тамара. **«Заря с зарей целуется...»** Стихи — 3.
Райнов Богомил. **Октябрь.** Стихи — 9.
Рустамханлы Сабир. **Извечный долг земле.** Стихи — 7.
Савельев Иван. **Смоленская поэма** — 8.
Серебряков Геннадий. **Возвращение в былину.** Поэма — 2.
Симмз Колин. **Поток насилия.** Стихи — 2.
Солоухин Валентин. **Одно добро на всех.** Стихи — 9.
Тарба Нелли. **Рица.** Стихи — 3.
Твердохлеб Александр. **Свежая листва.** Стихи — 12.
Тряпкин Николай. **Разговор по душам.** Стихи — 10.
Тюленев Игорь. **Я помню отчие пределы.** Стихи — 12.
Фирсов Владимир. **Пора звездопада.** Стихи — 4.
Хатюшин Валерий. **Озарение сердца.** Стихи — 6.
Хомутов Сергей. **Открытый правде и любви.** Стихи — 11.
Чуев Феликс. **Устремление зрения.** Стихи — 7.
Шесталов Юван. **Брусничные дали.** Стихи — 10.
Юшин Евгений. **Линия жизни.** Стихи — 3.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Аллик Хендрик. **Испытание великой мечтой** — 11.
Бычков Юрий. **Вторая смена райкома** — 8.
Воробьев Борис. **Верю в человека!** — 1.

Выжутович Валерий. **Себе и людям** — 4.
Гражданский долг повелевает... — 8.
Демин В. **По стопам фашистов** — 7.
Драгунский Д. **Генерала принимают в партию** — 7.
Лысков Александр. **Первое лето** — 1.
Майоров Геннадий. **Бессмертный расчет** — 5.
Мальцев Терентий. **Творить и созидать** — 11.
Минин Анатолий. **По-новому мыслить и действовать** — 2.
Михайлов Владимир. **Переплелись здесь новь и древность** — 7.
Модели сезона, или Чисто женские проблемы — 3.
Невский Александр. **Как брат брату...** — 12.
Семин Альберт. **Шестнадцать дней в Китае** — 4, 5.
Суворов Владимир. **Вслед за Гагариным** — 10.
Тетерин Игорь. **Пейзаж возле стройки** — 9.
Ткаченко Николай. **Кто решит проблемы Сахалина!** — 6. **Язык конкретного дела** — 10.
Уваров Валерий. **Когда ты хозяин не на словах, а на деле...** — 9.
Чтобы слово не расходилось с делом — 4.

● ИСКУССТВО

Андреев Алексей. **Воспитание красотой и агрессивность безобразного** — 6.
Доронин Ан. **О роке — без прикрас** — 12.
Дьяконов Юрий. **Животворное чувство памяти** — 6.
Лисенков Аркадий. Сергеев Юрий. **Коловерть бесчинства** — 10.
Маркова Екатерина. **Отблески голубого экрана** — 10.
Осипов Валентин. **Слово к молодым** — 11.
Писарев Ю. **Нужна ли нам «рóковая» музыка!** — 7.
Юдин В. **«Опасная болезнь рокомания»** — 10.

● ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Алексеев Сергей. **Тормоза перестройки** — 9.
Байгушев Александр. **Преодоление.** Статья первая — 4. Статья вторая — 6. Статья третья — 12.
Баранова-Гонченко Лариса. **Во благо** — 9.
Борисова Л. **Дизайн спасет мир!** — 5.
Буханцов Николай. **Герой и время** — 5.
Веселовская Надежда. **Автор и редактор** — 9.
Власенко А. **Истоки правды** — 11.
Горбачев Вячеслав. **Что впереди!** — 3. **Перестройка и подстройка** — 7. **Принять к действию** — 8.
Горелов Павел. **Уважать правду** — 9.
Доронин Анатолий. **Культура и контркультура** — 9.
Дорошенко Николай. **Во имя здравого смысла** — 9.
Елизаветина Г. **Верность идее борьбы** — 4. **Великий мастер слова** — 6.
Ершов Л. **Правда памяти** — 3.
Казинцев Александр. **Трудности жанра** — 9.
Карпец Владимир. **Поворот к нравственности** — 9.

Кокшенева Капиталина. **Называть вещи своими именами** — 9.
Ковалев Константин. **Внимание к слову** — 9.
Кречетов Виктор. **Время выбирать** — 9.
Кочетков Олег. **Эстрада и жизнь** — 9.
Куняев Станислав. **Ради жизни на Земле** — 8.
Леонов Бор. **«...Вот наш с тобой портрет»** — 2.
Литаврина Марина. **Что за словом!..** — 9.
Лобанов М. **Из памятного** — 1.
Маркова Екатерина. **Сражающаяся боль** — 9.
Овчаренко А. **Книги для народа** — 7.
Пархоменко Виталий. **Верить в истинный талант** — 9.
Перевезенцев Сергей. **Нравственность науки** — 9.
Поздняков Александр. **Путь к правде** — 9.
Прокушев Юрий. **Как совесть народа** — 7.
Севастьянов Виталий. **Юрий Гагарин — первенец космоса** — 11.
Сергеев Юрий. **Идти вперед** — 9.
Тарасов Борис. **«...Эхо русского народа»** — 2.
Устинов Михаил. **Связь времен** — 9.
Фоменко Александр. **О самом главном...** — 9.
Хатюшин Валерий. **Необходимо договаривать** — 1. **О перекосах гласности и писательской совести** — 9. **О «новых веяниях» в критике** — 10.
Шевелева Ирина. **«Какое счастье — Родину иметь...»** — 4. **Заповеданное счастье** — 12.
Шошин Вл. **Память сердца** — 1.
Щукин Михаил. **Оправдать доверие** — 9.

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

Антонов Михаил. **Поворот к человеку** — 10.
Артемов В. **Канун Великого Октября** — 6.
Борзунов Семен. **Дыхание времени** — 5.
Власенко А. **Воспитание чувств** — 2.
Георгиев Е. **Этапы большого пути** — 2.
Дагуров Владимир. **На линии передовой** — 1.
Дементьев Вад. **Чувство сопричастности** — 12.
Дьяконов Юрий. **Необходимость перестройки** — 7.
Еремина Н. **Кто я и каким стану!** — 3.
Золотцев Ст. **Высота точки наблюдения** — 11.
Иванов Андрей. **Титан просвещения** — 12.
Ильин Д. **Уроки народности** — 2.
Калачев М. **Удержать мир** — 5.
Краснов Иван. **По зову сердца** — 7.
Кудрявцева И. **Это в наших силах** — 4.
Литаврина Марина. **Станиславский продолжается** — 8.
Лубченков Ю. **Под прицелом идеологических диверсантов**—1.
Михайленко В. **Живой образ** — 4.
Михайлов Олег. **Исполненный полет** — 11.
Огрызко Вячеслав. **Дорогами поэзии** — 6.
Орлов Ал. **В защиту истины** — 8.
Перевезенцев С. **Страничка истории** — 10.
Подберезкин А. **Новое мышление в ядерный век** — 12.

Пушкин А. **Герои и корсары подводных глубин** — 11.
Романова Р. **Дыхание стиха** — 3.
Руднев Н. **На пути к синтезу** — 1.
Скрынников Р. **Страницы истории** — 12.
Стрешнев Евг. **Не только о хлебе** — 1.
Сурганова Татьяна. **Войны немолкнущее эхо** — 8.
Тазов Владимир. **«У сердца моего много дела на Земле...»** — 10.

● НАШ КАЛЕНДАРЬ

Карпец Владимир. **Книги писателя** — 8.
Фролова Л. **Потому, что душа комсомольская...** — 2.

● БЛОКНОТ МОЛОДОГО ЛИТЕРАТОРА

Кедрин Дмитрий. **Стихи, письма, рецензии** — 6.

● КРУГ ЧТЕНИЯ — 8, 10.

Журнал в журнале «Товарищ» — 1—12.
Премии журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» за 1986 год — 1.

Главный редактор **Анатолий ИВАНОВ**

Редакционная коллегия: **Сергей БОБКОВ, Валерий ГАНИЧЕВ, Вячеслав ГОРБАЧЕВ** (заместитель главного редактора), **Александр ИГОШЕВ** (ответственный секретарь), **Виктор КИРЮШИН, Борис ЛЕОНОВ, Михаил ЛОБАНОВ, Владимир МАЛЮТИН, Валентин НОВИКОВ, Борис ОЛЕЙНИК, Александр ПОПОВ, Петр ПРОСКУРИН, Владимир СЕМЕНОВ, Владимир ФЕДОСОВ, Владимир ФИРСОВ, Евгений ЮШИН, Виктор ЯКОВЕНКО** (первый заместитель главного редактора)

Художественный редактор Г. Комаров

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 02.10.87. Подп. в печ. 11.11.87. А14213.
Формат 84×108 1/32. Печать высокая. Усл. печ. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0.
Уч.-изд. л. 18,5. Тираж 640 000 экз. Цена 80 коп. Зак. 241.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21

УНИФИЦИРОВАННЫЙ
ПОЛУПРОВОДНИКОВЫЙ
ПЕРЕНОСНОЙ ТЕЛЕВИЗОР

«ЮНОСТЬ—406Д»

имеет автоматические регулировки, обеспечивающие высококачественное изображение. Предусмотрена возможность подключения к нему магнитофона для записи звукового сопровождения телепередач; для прослушивания звукового сопровождения можно использовать головные телефоны. Телевизор имеет встроенную телескопическую антенну для приема передач в метровом и дециметровом диапазонах.

Приобрести его можно в магазинах, торгующих телевизорами.

ЦКРО «РАДИОТЕХНИКА»

Цена 80 коп.

Индекс 70544

ISSN 0131—2251